

А.П.МАРИНОВИЧ, Е.С.ЛОУВЕНОВА,
И.Ш.ШИМАН, А.И.ПАВЛОВСКАЯ

РАБСТВО
В ВОСТОЧНЫХ
ПРОВИНЦИЯХ
РИМСКОЙ
ИМПЕРИИ
В I-III вв.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РАБСТВА В АНТИЧНОМ МИРЕ

Редакционная коллегия:

К. К. ЗЕЛЬИН, А. И. ПАВЛОВСКАЯ,
С. А. УТЧЕНКО (ответственный редактор),
В. М. ШТАЕРМАН

Ответственный секретарь

В. М. СМИРИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1977

Л. П. МАРИНОВИЧ, Е. С. ГОЛУБЦОВА,
И. Ш. ШИФМАН, А. И. ПАВЛОВСКАЯ

РАБСТВО
В ВОСТОЧНЫХ
ПРОВИНЦИЯХ
РИМСКОЙ
ИМПЕРИИ
В I—III вв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1977

Книга представляет собой очередной выпуск серии «Исследования по истории рабства в античном мире». Авторы рассматривают рабовладельческие отношения в Восточном Средиземноморье в период расцвета и начала упадка Римской империи, изучают сложные процессы взаимодействия античного и неантичного миров. На основе надписей, папирусов и других источников прослеживается эволюция рабовладельческих отношений в Греции, Малой Азии, Сирии и Египте, выявляются их особенности, порожденные взаимодействием местных и римских форм рабовладения.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий выпуск серии «Исследований по истории рабства в античном мире» представляет собой коллективную монографию, состоящую из четырех объединенных общей проблематикой очерков и рассматривающую рабовладельческие отношения в подвластном Риму Восточном Средиземноморье в I—III вв.

На исследованиях, подобных предлагаемому, не может не сказываться географическая неравномерность распределения материала источников, их разнохарактерность, неравноценность предоставляемых ими данных. В ряде случаев источники позволяют судить лишь о некоторых сторонах развития рабовладельческих отношений или даже доносят до нас только отрывочные сведения, подчас недостаточные для широких выводов. И хотя любая деталь истории рабства для историка интересна и, укладываясь в контекст, оказывается небезразличной для понимания рабовладельческой социально-экономической формации, перед авторским коллективом на нынешнем этапе исследования стояла задача подбора деталей наиболее существенных — таких, которые помогали бы воссоздать общую картину социального развития.

Поэтому в предлагаемом томе рассматриваются рабовладельческие отношения в тех провинциях, где отчетливо прослеживаются наиболее характерные — типичные или специфические — особенности их развития¹. Так, весьма интересна эволюция рабовладельческих отношений в Греции (провинция Ахайя), где рабство в его классических формах уже имело к интересующему нас времени многовековую историю. Дошедшие до нас манумиссии из Дельф и других городов Греции дают возможность выявить определенные тенденции в развитии отпущенничества, изменения в формах отпуска рабов на свободу, в положении отпущенников, в составе рабовладельческого класса. Эпиграфический материал из Малой Азии, при всем локальном его многообразии, отчетливо показывает различия в развитии рабовладельческих отношений в городах и в сельских мест-

¹ Здесь приходится, впрочем, оговорить: в данном томе остается в стороне обширный и существенный материал по истории рабства во Фракии и Мезии, поскольку он всесторонне освещен в обстоятельной монографии В. Велкова «Рабство в Тракия и Мезия през античността» (София, 1967), к которой мы и отсылаем читателя.

ностях. Литературные и документальные источники из Сирии и Палестины отражают сложное переплетение традиций — как древних переднеазиатских, так и эллинистических, — сказавшихся на тех формах рабовладельческих отношений, какие бытовали здесь в римскую эпоху. И конечно, наиболее богатую и разнообразную информацию содержат папирусы римского Египта: петиции, письма, документы законодательного, административного, фискального, частноправового и частногохозяйственного характера. Они позволяют рассмотреть ряд важнейших проблем, таких, как значение римского завоевания для развития рабства, источники рабства, характер рабовладения в Египте, формы эксплуатации рабов.

Отмеченные выше многообразие форм исторического развития, разнохарактерность источников и пестрота имеющихся в нашем распоряжении данных с необходимостью обуславливают и различия исследовательского подхода, выдвигая на первый план то одни, то другие аспекты как проблематики, так и конкретной исторической действительности. Каждый из авторов настоящего тома решал стоявшие перед ним задачи по-своему: одни, имея в распоряжении достаточно разносторонний материал, стремились дать общую картину развития рабства в изучаемой провинции; другие ограничивали себя детальным исследованием определенных сторон рабовладельческих отношений, прослеживаемых на базе обширного, хотя подчас однотипного материала.

В целом в книге рассмотрен широкий круг проблем истории рабства: роль рабского труда в основных отраслях экономики провинций; формы и методы эксплуатации рабов; правовые нормы, регулировавшие положение рабов и отпущенников; место частновладельческих, общественных и императорских рабов и отпущенников в социальной жизни провинций; отношения раба и господина, отпущенника и патрона; семейные отношения рабов и отпущенников; формы социальной борьбы рабов и многие другие вопросы.

Параллельно с предлагаемым выпуском в серии «Исследований по истории рабства в античном мире» выходит в свет аналогичный том, посвященный рабству в западных провинциях Римской империи.

РАБСТВО В ПРОВИНЦИИ АХАЙЕ

І. СВЕДЕНИЯ О РАБАХ В ЭЛЛАДЕ

(в литературных и эпиграфических источниках)

Вопрос о рабстве в провинции Ахайе, насколько нам известно, не был еще предметом специального исследования. Можно назвать лишь несколько работ, авторы которых в той или иной связи касались его. Больше всего о греческих рабах императорского времени написано в книге О. В. Кудрявцева, где им уделено 3,5 страницы из 352 ¹. В других работах о рабах сказано и того меньше. О них упоминают, рассматривая экономику Греции, Хертцберг в трехтомной истории Греции под римским господством ² и Ларсен в IV томе «Экономического обзора Древнего Рима» Т. Франка ³, рабам посвятил одну страницу А. Б. Ранович в работе о восточных провинциях Римской империи ⁴, несколько слов о них сказано Дзем в труде об Афинах ⁵. Особняком стоит исследование Уэстермана, который собственно рабству Греции интересующего нас времени уделит (вместе с Македонией и Фессалией) около 40 строчек текста и примечаний ⁶; кроме того, он несколько раз ссылается на греческий материал в других главах, рассматривая источники рабства в Римской империи, цены на рабов, условия их жизни и др. (гл. XV—XVII).

Подобное положение с рассматриваемой проблемой в историографии объясняется, очевидно, состоянием источников. Пожалуй,

¹ Кудрявцев О. В. Эллинические провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры. М., 1954 (далее — Кудрявцев), с. 101—105, 109.

² Hertzberg G. F. Die Geschichte Griechenlands unter der Herrschaft der Römer, Bd. I—III. Halle, 1866—1875 (французский перевод: Histoire de la Grèce sous la domination des Romains, vol. I—III. Paris, 1887—1890).

³ An Economic Survey of Ancient Rome, ed. by T. Frank, vol. 4. Baltimore, 1938, p. 259—498 (Larsen J. A. O. Roman Greece).

⁴ Ранович А. Б. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М.—Л., 1949 (далее — Ранович), с. 234 сл.

⁵ Day J. An Economic History of Athens under Roman Domination. New York, 1942.

⁶ Westermann W. L. The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955 (далее — SSGRA), p. 127 sq. (ср. Sklaverei. — In: RE, Suppl. VI, 1935, Sp. 1024 f.). Кроме того, следует назвать еще книгу М. И. Ростовцева, который, давая самую общую характеристику Ахайи при Флавиях и Антонинах, отмечает только, что рабов, наряду с арендаторами, использовали для обработки земель городской буржуазии (Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1926, p. 234 sq.). В «Cambridge Ancient History» (vol. XI, 1936 — Keil J. The Greek Provinces) в разделе об Ахайе (с. 556—565) о рабах ничего не сказано.

А. Б. Ранович выразился слишком категорично, сказав, что «о рабстве в Греции в период империи данных почти нет»⁷, но в общем источники эти действительно весьма немногочисленны. Из письменных памятников можно извлечь только отдельные скудные и разрозненные упоминания, причем наиболее интересные свидетельства сразу же вызывают сомнения, так как принадлежат таким моралистам, как Плутарх и Дион Хрисостом, и в сильной мере окрашены риторизмом. Некоторые сведения дают немногие надписи, преимущественно декреты об евергетах, имеющие по самому своему характеру локальное значение. Особое место занимают манумиссии, прежде всего дельфийские, а также ряда других городов. Как источник по истории рабства императорского времени они почти не использовались, и литература, им посвященная, — это (за несколькими исключениями) совсем иные работы, чем только что упомянутые.

Вряд ли вообще возможно на основании имеющихся в нашем распоряжении материалов нарисовать общую картину состояния рабства в провинции Ахайе в I—III вв., выяснить степень проникновения рабов в отдельные отрасли экономики, масштабы и формы использования рабского труда. Собственно говоря, все, что сказано о рабах в Греции I—III вв., можно грубо разделить на две части: сведения, которые дают источники, и соображения более общего характера, которые вытекают из изучения социально-экономического развития Эллады этого времени.

Историки, исследовавшие экономику Греции (при всех расхождениях в оценке отдельных высказываний Диона Хрисостома, Плутарха или Филострата), в общем единодушны в своей характеристике ее. Императорская эпоха характеризуется как период обезлюдения страны, сокращения производства, особенно ремесла, период упадка городов. Хотя мирная обстановка, которая сменила предыдущие века войн, и сказалась благоприятно на состоянии Эллады, причем правление Траяна и особенно Адриана рассматривают даже как своего рода возрождение, Греция клонилась к упадку. Есть целый ряд и общих указаний авторов, и более частных описаний отдельных областей Греции, свидетельствующих об этом. О запустении страны писали Цицерон в I в. до н. э. и Страбон в начале I в. н. э., Плутарх на рубеже I и II вв. и его современник Дион Хрисостом, Павсаний во II в. н. э.

Исходя из этого, историки и обращаются к рабству. Наиболее прямо такой подход выразил А. Б. Ранович: «А ргіогі можно предположить, что упадок производства привел к уменьшению роли рабов в хозяйстве»⁸. Далее он приводит три основных источника о рабах — Plut., De lib. educ., 7; Phil., VA, VIII, 7 и указ Адриана о сдаче масла, отмечая, что «несомненно, также большие количества рабов были заняты в домашнем услужении у богачей, живших по-римски, на широкую ногу», и в заключении высказывает предположение, что

⁷ Ранович, с. 234.

⁸ Там же.

«в Греции раньше, чем в других областях империи, наступило положение, когда в мелком земледелии и мелком ремесле, к которому свелось производство, не было места для большого числа рабов»⁹.

По словам Уэстермана, в Греции продолжали применять рабов, но экономический упадок привел к постепенному уменьшению числа их и изменениям в методах использования. С исчезновением ремесленного производства почти целиком исчезают и промышленные рабы (*industrial slavery*). В более изолированных частях страны, таких, как Аркадия, положение с рабами несколько напоминает гомеровскую эпоху¹⁰.

Ларсен обращается к рабам главным образом в полемике с Хертцбергом по поводу оценки свидетельства Филострата об Аркадии в «Жизни Аполлония Тианского» (VIII, 7). Если для Хертцберга этот отрывок является, говоря словами Ларсена, единственным позитивным источником в пользу его «повторяющегося утверждения об использовании рабов в сельском хозяйстве и пастушестве», то сам Ларсен, напротив, считает, что данное место из Филострата свидетельствует скорее об обратном: в скотоводстве Аркадии использовался труд свободных; подобным образом и в «Эвбейской речи» Диона упоминаются свободные, которые сами разводили скот и служили по найму у богачей (*Dion. Chrys., VII, 11sq.*). Высказав предположение, что большая часть страны оказалась в императорское время под контролем немногих богачей, в руках которых сконцентрировались основные богатства страны, Ларсен отмечает, что тем не менее в Греции не развилась система латифундий, использующих большие массы рабов (*large gangs of slaves*)¹¹.

Дальше всего в своих выводах относительно рабов пошел О. В. Кудрявцев. Приведя известное свидетельство Плутарха о занятиях рабов (*De lib. educ.*, 7), он замечает, что большинство из этих профессий требовали «известной свободы действий, так что относящиеся к ним обязанности могли отправляться, если употребить соответствующий термин римского права, лишь рабами, выведенными на пекулий (торговцы, ростовщики, скорее всего также экононы)»¹²; «... в условиях конкуренции крупного землевладения... и рабского труда, пусть даже труда рабов, выведенных на пекулий», ведение мелкого хозяйства «не может сулить ничего хорошего»¹³. Приняв свое положение о развитии вывода на пекулий за факт, О. В. Кудрявцев делает из него вывод о «развивающемся кризисе рабовладельческого способа производства». Об этом же «говорят и затруднения, с которыми приходилось сталкиваться при приобретении новых рабов», как явствует из защитительной речи Аполлония Тианского у Филострата¹⁴. «С другой стороны, и это чрезвычайно характерно

⁹ Там же, с. 235.

¹⁰ SSGRA, p. 127 sq.

¹¹ Larsen J. A. O. Op. cit., p. 474.

¹² Кудрявцев, с. 102.

¹³ Там же, с. 101.

¹⁴ Там же, с. 103.

для рассматриваемого периода, многочисленные манумиссии, дошедшие из самых различных городов Эллады, несомненно свидетельствуют о массовом отпуске рабов на волю»¹⁵. «В связи с распространением манумиссий в жизни эллинских городов начинают большую роль играть вольноотпущенники»¹⁶.

Конечный вывод О. В. Кудрявцева: с одной стороны, в I—II вв. «в Элладе имеется, особенно в городах, еще весьма значительное количество рабов», с другой — «в Ахайе в это время происходят примерно те же процессы, что и в других странах классического античного рабства, — уменьшение численности рабов и вывод на пекулий; все это признаки разложения рабовладельческого способа производства»¹⁷.

На первый взгляд весьма стройное построение О. В. Кудрявцева при более детальном знакомстве с источниками не может, однако, не вызвать некоторых возражений. Во-первых, вряд ли из того факта, что рабы использовались в качестве торговцев, ростовщиков и экономов, а следовательно, выводились на пекулий, можно делать вывод о развивающемся кризисе рабовладельческого способа производства. Подобную картину мы находим в Греции по крайней мере еще в IV в. до н. э. Во-вторых, из характера перечисленных Плутархом видов деятельности вовсе не следует, что большинство их могло осуществляться «лишь рабами, выведенными на пекулий». Торговать, заниматься ростовщицеством и тем более быть экономом можно было и не самостоятельно, а от имени господина, т. е. эти рабы могли вести дела своего хозяина¹⁸. Далее, к свидетельству Филострата мы еще вернемся, сейчас же отметим только, что оно требует гораздо более пристального внимания.

Совершенно не выдерживает критики ссылка на манумиссии, так как «многочисленные манумиссии» как раз не «чрезвычайно характерны» для рассматриваемого периода, и нельзя писать об их распространении. Напротив, основная масса манумиссий приходится на последние два века до н. э., а в императорское время число их существенно падает. Наиболее показательны в этом отношении дельфийские отпускные — если от II—I вв. до н. э. дошло не менее 800 актов, то от конца I в. до н. э. — I в. н. э. — всего около 130, причем количество их довольно резко падает к середине I в. н. э., и к третьей четверти I в. манумиссии в Дельфах совсем исчезают. Наконец, в источниках нет никаких сведений о вытеснении труда свободных рабским трудом — утверждение, неоднократно встречающееся в работе О. В. Кудрявцева, который пишет о конкуренции рабского труда и в сельском хозяйстве, и в ремесле, и в торговле¹⁹.

Итак, самый факт наличия рабов в Ахайе I—III вв. не вызывает, как видим, ни у кого сомнений и вряд ли требует доказательств.

¹⁵ Кудрявцев, с. 103 сл.

¹⁶ Там же, с. 104.

¹⁷ Там же, с. 105.

¹⁸ Ср. Казакевич Э. Л. О рабах-агентах в Афинах. — ВДИ, 1961, № 3, с. 3—21.

¹⁹ Кудрявцев, с. 98, 101, 109; ср. Day J. Op. cit., p. 159.

Отметим только, что для суждения о распространенности рабства и степени проникновения его в жизнь, особенно в быт, может быть, более показательны даже не отдельные высказывания древних, которые обычно привлекают внимание современных историков, поскольку эти отрывки вставлены с определенной целью и несут определенную смысловую нагрузку; более показательны другие сочинения, прежде всего литературные, где рабы упоминаются скорее случайно, так сказать, бессознательно, составляя обязательный элемент повседневной жизни, обычную часть населения Эллады («Эфиопика» Гелиодора, «Метаморфозы» Апулея, сочинения Лукиана). Очень интересны также некоторые надписи, в которых фигурируют три группы населения городов: свободные — граждане и чужеземцы (живущие постоянно и приезжие) — и рабы²⁰.

Самое важное свидетельство о занятиях рабов содержится в сочинении Плутарха «О воспитании мальчиков» (авторство Плутарха, правда, признается не всеми). Плутарх считает, что отцы должны проявить большую заботу об учителях своих детей, не передавая их на попечение рабам («ἀνδραπόδοις» или варварам, или непригодным людям)²¹; то, «что происходит у многих теперь, более чем смешно — ведь из дельных рабов они одних назначают земледельцами, других — капитанами кораблей²², третьих — торговцами, четвертых — управителями, пятых — ростовщиками (τῶν γὰρ δοῦλῶν²³ τῶν σπουδαίων τοὺς μὲν ἡγεωρῶντες ἀποδείκνυνόουσι, τοὺς δὲ ναυκλήρους, τοὺς δ' ἐμπόρους, τοὺς δ' οἰκονόμους, τοὺς δὲ δανειστάς), а какого ни найдут раба пьяницей и обжорой, непригодным ко всякой деятельности», тому и поручают воспитание детей (De lib. educ., 7A — B).

Плутарх очерчивает довольно широкую сферу, в которой использовались рабы: они работают на земле, управляют хозяйством своего (или чужого?) господина, заняты в торговле и финансовых операциях (причем имеется в виду, очевидно, крупная, возможно, заморская торговля, судя по термину ἐμπόρος)²⁴. Заметим, что все это — заня-

²⁰ IG, IV, 597; V, 1, 1208; VII, 190 и 2712.

²¹ Πῶς τὸν βίον — букв. «коварный», «переменчивый», «неустойчивый»; ср. *Plutarch's Moralia*, with an English Translation by F. C. Babbitt, vol. I. London — New York, 1927 («The Loeb Classical Library»): «to those who are unstable».

²² Так же О. В. Кудрявцев (с. 101) и F. C. Babbitt (*Plutarch's Moralia*); у Рано-вича (с. 234) — «моряками». Вопрос о значении слова ναυκλήρος сложен, ибо оно неоднозначно (см. *Lidde'l — Scott — Jones; Finkelstein M. I.* 'Εμπόρος, Ναυκλήρος, and Κίπηλος: A Prolegomena to the Study of Athenian Trade.— *Cl. Phil.*, XXX, 1935, № 4, p. 320—336).

²³ Как совершенно ясно из контекста, и Плутарх (De lib. educ.) и Филострат (VA, VIII), о котором речь пойдет несколько ниже, пользуются «рабскими» терминами ἀνδραπόδων и δοῦλος как синонимами, употребляя их вперемешку, видимо, из стилистических соображений.

²⁴ Шишова И. А. ЕМПОРОС и КАΠΗΛΟΣ в древнегреческой торговле.— В кн.: Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.— Л., 1963, 241—247. Правда, это наблюдение относится к V—IV вв. до н. э. В римское время слово κίπηλος, видимо, отчасти теряет свое первоначально более узкое

тия, так сказать управленческие, и это понятно, ибо речь идет не о всех рабах, а только о «дельных»²⁵.

Об использовании рабов в такой интенсивной отрасли хозяйства, как оливководство, сообщает указ Адриана о вывозе оливкового масла времени около 124 г. — весьма важный документ II в., дающий представление о формах труда, применявшихся в оливководстве Атики. В строках 15 слл. всем производящим масло предписывается подать декларацию, в которой должно быть указано, «и сколько собрал всего, и что через такого-то раба или такого-то вольноотпущенника» (*διὰ δούλου τοῦδε ἢ ἀπελευθέρου τοῦδε*)²⁶.

Собственно говоря, о рабах в ремесле в источниках нет ни одного прямого свидетельства. Более того, можно сослаться на наблюдение Уэстермана по поводу профессий рабов у Плутарха (*De lib. edic.*) — среди них не названо ни одного ремесленника²⁷.

Приводя эти соображения, мы отнюдь не хотим сказать, что рабы в ремесле совсем не использовались. Видимо, можно считать, как обычно и делается, что сокращение производства в провинции Ахайе, где сохраняются, притом в меньших размерах, преимущественно отрасли ремесла, рассчитанные на местный рынок, повлекло и уменьшение числа используемых здесь рабов²⁸. В этом отношении весьма показательно одно место у Лукиана. Оговоримся, правда, что в связи с ним возникает одно сомнение — можно ли здесь видеть отражение положения в Элладе, не высказал ли Лукиан свои представления о рабском труде вообще, которые у него сложились в результате путешествий по обширной Римской империи, или (что, может быть, более вероятно) это просто общее место о тяжелой доле раба.

Речь идет о диалоге «Беглые рабы», где следующим образом описывается труд рабов: они «какое-нибудь ремесло изучали, подходящее для таких людей, — сапожничали, плотничали, с прачечными имели дело или шерсть чесали». Работать им приходилось с детства, ремесла были жалкими, трудоемкими и «едва способными доставить самое необходимое», положение же раба было «тяжелым и невыносимым»²⁹. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что перечисленные Лукианом отрасли ремесла рассчитаны на удовлетворение потребностей местного населения.

значение торгующего на местном рынке в противовес эмпорам — крупным торговцам, оптовикам (ср. *Phil.*, VA, VIII, 7, 42, где пришлые работоговцы названы *κίπηλοι*).

²⁵ Может быть, за исключением земледельцев, хотя в данном контексте *γεωργοί*, возможно, означают не непосредственно работающих на земле. См. *Plutarch's Moralia*: «to manage their farms». Ср., однако, *Ранович*, 234; *Кудрявцев*, с. 101; *Day J. Op. cit.*, p. 220, п. 247; *SSGRA*, p. 127, п. 132.

²⁶ IG, II—III², 1, 2, 1100. Об указе см.: *Ранович*, с. 228 сл., 234 сл.; *Кудрявцев*, с. 89—93, 102; *Day J. Op. cit.*, p. 220; *Larsen J. A. O. Op. cit.*, p. 475.

²⁷ *SSGRA*, p. 127, п. 132.

²⁸ На что, видимо, указывает и крайняя редкость их имен в надписях (*Day J. Op. cit.*, p. 159, п. 241).

²⁹ *Lucian., Fugit.*, 12 sq.; использован перевод Н. П. Баранова: *Лукиан. Собрание сочинений*, т. II. М.—Л., 1935.

Наконец, привлечем еще один косвенный источник — «Эвбейскую речь» Диона Хрисостома, в которой нарисована очень яркая картина тяжелой жизни в городах и изложен план спасения горожан. Бедняки в городах бедствуют, за все они должны здесь платить, на все нужны деньги — на помещение и на одежду, на хлеб и на дрова, на инструменты, а у них нет ничего, кроме собственного дела; между тем земля пустует «из-за пренебрежения и малолюдства». Дион предлагает горожанам заняться земледелием, чтобы «желающие из граждан избавились от двух величайших зол — праздности и бедности», нищих надо выселить из городов; всю работу там должны будут исполнять рабы, и «мы, пожалуй, не потерпим внутри стен ни одного свободного работника»³⁰. Можно ли, однако, видеть в плане Диона свидетельство незначительной роли рабов в ремесле?

Мы почти ничего не знаем о числе рабов, находившихся в собственности отдельных лиц. Ясно, что цифры могли быть самые разные — от одного-двух, верхнюю же цифру вообще вряд ли возможно определить. Более состоятельные использовали рабов на всякого рода домашней работе. Например, герой пятого рассказа Мнасиппа в лукиановском диалоге «Токсарид, или Дружба», Антифил из Алопеки, находясь вместе со своим другом сунийцем Димитрием в Египте, имел троих слуг-рабов (Тох., 27 sq.). В Ахайе известны очень богатые люди, разнообразные нужды, потребности и капризы которых удовлетворялись рабами. Так, о «владеющих обширными доходными домами, кораблями и множеством рабов» (ἀνδράποδα πολλά) говорится в уже упомянутой «Эвбейской речи» (VII, 104). Более конкретный пример, хотя и являющийся плодом творческой фантазии Апулея, но не менее, как представляется, ценный, — богат родом из Коринфа, владелец многих рабов, среди которых кондитер, «выпекавший хлеб разных сортов и печенье на меду», и повар, «тушивший сочные мясные блюда с необыкновенно вкусными приправами». В многочисленных путешествиях этого богатого господина сопровождало множество рабов; упоминается и его любимый вольноотпущенник, «человек довольно богатый»³¹.

Благодаря преимущественно «Жизнеописаниям софистов» Филострата можно несколько лучше судить о рабах у такого рода богачей на примере богатейшего человека Эллады II в. Герода Аттика. Первое упоминание о рабах и вольноотпущенниках семьи Аттиков связано с завещанием его отца Герода. По словам Филострата, отпущенники его, зная об отношении сына к отпущенникам и рабам (ἀπελευθέρους τε καὶ δούλοις), повлияли на умирающего с тем, чтобы он завещал выдавать каждому афинянину ежегодно по одной мине, таким образом надеясь найти у демоса Афин какую-то защиту от наследника (VS, II, 1, 5).

³⁰ Dio Chrys., VII, 34—37, 14—107. О речи ср.: Rostovtzeff M. Op. cit., p. 234; Larsen J. A. O., Op. cit., p. 479—481; Кудрявцев, с. 94—100 (использован его перевод); SSGRA, p. 128, п. 133.

³¹ Apul., Metamorph., X, 13 sqq. Перевод М. А. Кузмина в кн.: Апулей. Аполония, Метаморфозы, Флориды. М., 1956.

Эпизод этот, видимо, вполне справедливо, ставится под сомнение ³², но для нас в общем не так уж и важно, насколько он достоверен. Последующий рассказ Филострата, а также ряд надписей позволяют судить о том большом значении, которое имели в жизни Герода его связи с вольноотпущенниками — прежде всего деловые, но также и дружественные.

Вольноотпущенники играли, очевидно, не последнюю роль во время неоднократных столкновений Герода с афинским демосом. Здесь не место останавливаться на столь сложном и запутанном вопросе, отметим только, что когда афиняне обратились к императору с жалобой на Герода, они обвиняли и его вольноотпущенников; именно против них и обратил свой гнев Марк Аврелий (VS, II, 1, 29).

А вот другой пример такого рода отношений: во время одного из столкновений Герода с демосом Афин, когда вмешалась римская администрация в лице Квинтилиев, последние упрекали Герода в частности за то, что он воздавал неумеренные почести своим «вскормленникам» (τρόφιμοι) — отпущенникам Ахиллею, Полидевку и Мемнону (VS, II, 1, 24). Сохранилось несколько надписей Герода и его матери Вибуллии Алкии ³³ в честь Полидевкиона, в одной из которых сказано, что Аттик его «вскормил и любил как сына» (IG, II—III², 3, 1, 3969).

Несколько раз в рассказе Филострата появляется вольноотпущенник Алкимедонт. От его побоев, нанесенных по приказанию Герода, умерла жена последнего Регилла, за что ее брат возбудил процесс (VS, II, 1, 18—21). Героду прислуживали две дочери Алкимедонта, девушки изумительной красоты (ibid., 27).

Одно из немногих литературных свидетельств о рабстве в провинции Ахайе, мимо которого не прошел ни один из занимающихся этим вопросом, — отрывок из VIII книги уже упомянутой «Жизни Аполлония Тианского» Филострата. Аполлоний обвинен в убийстве мальчика из Аркадии, которого он якобы принес в жертву, и произносит слово оправдания. Свою защиту он строит на доказательстве двух положений — речь может идти только о рабе, так как тот, у кого нет ни семьи, ни родины, — раб; но раба из Аркадии здесь, в Риме, быть не может, следовательно, обвинение ложно. Почему же не может быть раба-аркадца? Аргументация такова: «Итак, кто продавец раба (ὁ κάπηλος τοῦ ἀνδραπόδου)? Кто купил его среди аркадян? Ибо если их племя пригодно для жертвенной мантики, видимо, за большие деньги был куплен мальчик (τὸν παῖδα), и кто-то плывал в Пелопоннес, чтобы аркадец был привезен нам оттуда. Ведь там можно купить рабов (ἀνδράποδα) понтийских или лидийских, или фригийских, целые толпы которых встречаются и здесь, так как народы эти, подобно всем варварам, привыкнув быть в подчинении, не видят позора в порабощении»; у фригийцев в обычае продавать своих

³² См. Кудрявцев, с. 104.

³³ IG, II—III², 3, 1, 3969—3973. См. также: Кудрявцев, с. 104 и 173.

соплеменников, «эллыны же все еще любят свободу, и муж-эллин не продаст раба (δοῦλον) за границу, так что к ним нет доступа ни охотящимся за рабами, ни торговцам рабами (οὐδ' ἀνδραποδιστῆς³⁴ οὐτ' ἀνδραπόδων κατήλοις), а в Аркадию тем более, ибо помимо того, что они более всех греков любят свободу, они нуждаются в массе рабов» (ἄλλου δούλων) (VA, VIII, 7, 41 sq.). И далее идет описание Аркадии: она велика и лесиста, поэтому нужно много работников, чтобы пасти коней, быков, коз и свиней, а также дровосеков; ко всему этому жители привыкают с детства (ibid., 43).

Как видим, Филострат сообщает довольно важные сведения о рабстве — весь вопрос заключается в их исторической ценности, в том, насколько им можно доверять, тем более что источники Филострата выделить невозможно³⁵. Мнения ученых на этот счет расходятся: если А. Б. Ранович настроен весьма скептически, считая, что вряд ли «в словах Филострата можно найти что-нибудь, кроме чистой риторики»³⁶, то О. В. Кудрявцев полагает, что, «несмотря на риторичный в целом характер», защитительная речь Аполлония «дает не менее интересные бытовые штрихи, освещающие вопрос о рабском рынке»³⁷.

Присмотримся повнимательнее к отдельным положениям Аполлония — Филострата, привлекая на помощь и другие источники.

Прежде всего, Филострат не отрицает наличия рабов в Греции. Были рабы, в частности, и в Аркадии, которая особенно нуждалась в них, хотя аркадцы сами еще с детства привыкали пасти стада и ухаживать за скотом. Добавим, что из другого места «Жизни Аполлония Тианского», где рассказывается о разговоре Аполлония с юношей, которого отец прислал в Рим учиться, мы узнаем, что в Аркадии у него есть много рабов (VII, 42, 4). Таким образом, создается несколько двойственное впечатление — с одной стороны, аркадяне сами занимаются животноводством, с другой — у них есть рабы, в Аркадии живут хозяева многих рабов, аркадяне нуждаются во множестве рабов³⁸. Впрочем, одно не исключало другого.

³⁴ ἀνδραποδιστής — работорговец, преимущественно похищающий свободных людей и чужих рабов и продающий их в рабство (Liddell — Scott — Jones).

³⁵ *Грабарь-Пассек* М. Е. Философский роман. Филострат. «Жизнь Аполлония Тианского». — В кн.: Античный роман. М., 1969, с. 236 сл.

³⁶ *Ранович*, с. 234.

³⁷ *Кудрявцев*, с. 103. Ларсен и Уэстерман, не выражая своего отношения к этому источнику в целом, используют его некоторые свидетельства. Ларсен акцентирует внимание только на второй части приведенного отрывка — описании Аркадии (Larsen J. A. O. Op. cit., p. 474), а Уэстерман дважды ссылается на Филострата — говоря о способах приобретения рабов (если хотели купить раба из определенной области, где торговля ими не была развита, то туда посылали агента, как, например, в Аркадию III в. — SSGRA, p. 98) и о характере использования рабов в более изолированных частях Греции, таких, как Аркадия (ibid., p. 128).

³⁸ Ср. уже упоминавшуюся полемику Ларсена с Хертцбергом по поводу этого места из VIII книги — ученые сделали диаметрально противоположные выводы о применении труда рабов в Аркадии.

Далее, вопрос о происхождении рабов и их продаже. Судя по Филострату, своих рабов греки за пределы Эллады не продавали. Между тем хорошо известно, какой широкий поток рабов с Востока хлынул на Запад со второй половины II в. до н. э., в том числе и из Греции. Есть свидетельства о греках-рабах на Западе и в императорское время: в Италии, Северной Африке, Испании, Галлии, Дакии³⁹. Правда, все это единичные упоминания, да и относительно и абсолютное уменьшение численности рабов, вызванное общим упадком Ахайи и ее депопуляцией в эпоху империи, очевидно, не способствовало такому вывозу. Поэтому если утверждение о том, что охотникам за рабами и работорговцам в Элладу доступ был заказан, и страдает категоричностью, определенный резон в нем, видимо, все таки есть. Кстати, Филострат, несколько противореча сам себе, вовсе не отрицает возможности покупки раба-грека в Аркадии, оговаривая только, что для этого надо было самому плыть в Пелопоннес и дорого заплатить за такого раба. Интересно и самое упоминание об этих *ἀνδραποδισταί* и *ἀνδραπόδων κάπηλοι*, отражающее, очевидно, практику, бытующую в империи.

Взгляд Филострата на происхождение рабов в Элладе, как нам кажется, также не совсем ясен. Правда, он совершенно определенно говорит о рабах-варварах — понтийских, лидийских и фригийских, особенно выделяя последних. Но в рассуждениях Филострата об обычае варваров продавать своих соотечественников в рабство сказались и многовековая практика, и восходящий еще к классической эпохе взгляд на варваров как рабов по природе. Здесь же мы находим и еще одно противоречие — если в Пелопоннесе можно купить всех этих рабов, то почему туда нет доступа работорговцам?

Еще более неясно утверждение Филострата о влюбленности греков в свободу, вследствие чего ни один грек не продаст раба за границу. Какого раба? Из только что сказанного ясно, что не варвара. Следовательно, грека. Но тогда, значит, в Элладе были и рабы-греки, что явно противоречит утверждению о любви эллинов к свободе.

Мы ничего не можем сказать о рабах из Понта, Лидии или Фригии, которых, согласно Филострату, можно купить в Пелопоннесе и которые на каждом шагу встречаются в Риме. Укажем только, что, как следует из манумиссий, прежде всего дельфийских, рабы, за очень редким исключением, носили греческие имена. Правда, приходится признать, что, как уже указывалось⁴⁰, имена отнюдь не являются бесспорным доказательством происхождения раба. Поэтому более важно другое наблюдение над отпусковыми — большая доля доморожденных и «вскормленников» (*θρεπτοί*) среди получив-

³⁹ Например, в Италии — CIL, IV, 4592; VI, 17448, Испании — CIL, II, 4319, Галлии — CIL, XII, 3323, Дакии — CIL, III, 940; Избранные латинские надписи по социально-экономической истории ранней Римской империи, подбор, перевод и комментарий Е. М. Штаерман. — ВДИ, 1956, № 1, с. 196, № 501. См. также: SSGRA, p. 98 and n. 65.

⁴⁰ Gordon M. L. The Nationality of Slaves under the Early Roman Empire. — In: Slavery in Classical Antiquity. Views and Controversies, ed. by M. I. Finley. Cambridge, 1960, p. 171 sqq.

ших свободу ⁴¹. Все сказанное, впрочем, не отрицает возможности ввоза какого-то числа рабов из Малой Азии (тем более что манумиссии дают представление не обо всех рабах, а только об отпущавшихся на волю, что, возможно, было отнюдь не одним и тем же). В доказательство можно сослаться на две надписи из Суния, где назван ликиец Ксанф, раб Гая Орбия ⁴².

Итак, из сказанного, по-видимому, следует такое заключение: риторический характер речи Аполлония несомненен — об этом свидетельствуют самое ее назначение, место, которое она занимает в романе, противопоставление свободолюбивых греков склонным к подчинению варварам, рассуждения о дикости аркадян. И тем не менее, как нам кажется, можно все-таки пойти дальше А. Б. Рановича и видеть в ней нечто большее «чистой риторики». Не повторяя сказанного, откликнемся только на два вывода О. В. Кудрявцева, которые он сделал, приводя § 41—42 из 7-й главы VIII книги «Жизни Аполлония Тианского». О. В. Кудрявцев считает, что, согласно Филострату, «рабы ввозились в Элладу по-прежнему в основном из Малой Азии и что в самой Элладе купить раба было трудно» ⁴³. Сам О. В. Кудрявцев, судя по контексту, принимает эти положения Филострата. Второе утверждение не вызывает у нас сомнений, что касается первого, то мы воздержались бы от столь определенного вывода, тем более что и для эллинистического времени, вопреки утверждению О. В. Кудрявцева, вряд ли верно говорить о преимущественном ввозе в Грецию рабов из Малой Азии, по крайней мере применительно к Дельфам III—II вв. до н. э. и Западной Локриде III—I вв. до н. э., где в это время наибольшую этническую группу среди рабов составляли фракийцы ⁴⁴.

В связи с Филостратом будет уместно привести и другие данные о продаже рабов в провинции Ахайе. В манумиссиях только дважды специально отмечается, что раб был куплен. Кроме того, в ряде отпускных содержится клаузула об обязательстве вольноотпущенницы взамен себя предоставить маленького ребенка — одного или даже двух, притом не обязательно своих — она может их и купить (см. ниже). Есть также прямое свидетельство Павсания о ярмарке, которую устраивали дважды в год в Титоре. Весной и осенью здесь справляли праздник в честь Исиды, во время которого продавцы раскидывали около святилища богини палатки и в третий, последний день праздника продавали рабов, всякого рода скот, золотые и серебряные украшения ⁴⁵.

⁴¹ См. ниже, стр. 31 сл.

⁴² IG, II—III², 1, 2, 1365, 1366. О времени надписи и занятии Ксанфа ср. *Kirchner I.* Ed. cit., p. 648; *Day J.* Op. cit., p. 220, n. 249.

⁴³ Кудрявцев, с. 103.

⁴⁴ См. Блаватская Т. В. Из истории рабовладения в северо-западных землях Греции. — В кн.: Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И. Рабство в эллинистических государствах в III—I вв. до н. э. М., 1969 (далее — Блаватская), с. 41 и приведенную в прим. 76 литературу.

⁴⁵ *Paus.*, X, 32, 14 sq. См. также: *Nilsson M. P.* Geschichte der griechischen Religion. München, Bd. I, 1955, S. 130; Bd. II, 1950, S. 323.

Остается сказать о положении рабов. Здесь основным источником нам послужат надписи. В литературе уже указывалось, что для императорского времени можно отметить некоторое улучшение в положении рабов, о чем свидетельствует признание за ними (по крайней мере, в некоторых городах) права на праздничные дни, разрешенные посещать гимнасии и бани ⁴⁶.

Обратимся к самим надписям. Одна из самых длинных — декрет в честь акрефийца (Беотия) Эпаминонда, сына Эпаминонда, датированный примерно 37—67 гг. ⁴⁷. Надпись представляет образец пышных декретов императорского времени и содержит перечень благодеяний, оказанных городу, очевидно, одним из богатейших его граждан. Эпаминонд занимал ряд магистратур (архонт, гимнасиарх) и, исполняя их, оказался истинным благодетелем Акрефии — он починил дамбу, возобновил агон в честь Аполлона Птоя и др. В числе благодеяний упоминаются угощения, которые он устраивал для всех, кто оказался в городе; среди них названы и рабы. Так, Эпаминонд угостил весь город, очевидно, во время какого-то праздника, когда принес жертвы богам и устроил состязания гоппитов. В тот же день он дал в гимнасии завтрак, не «пропустив никого», не только жителей, но и пришлых, а также «рабов граждан» (τοῖς τῶν πολειτῶν δούλοις — стк. 25—29). Вторично рабы упоминаются среди тех, кого Эпаминонд угостил, вернувшись из святилища Аполлона Птоя ⁴⁸ (агон тогда справлялся вторично, и Эпаминонд дал каждому мужчине на предстоящий праздник по корзине хлеба и котиле вина). Встречавшие Эпаминонда выказали ему «всячески рвение и благодарность»,

⁴⁶ Так, Уэстерман отмечает, что допуск рабов к участию в праздниках стал обычным в Эгеиде в эллинистическое время и это продолжалось в греческом мире и при Империи. Но в общем улучшение в положении рабов в императорское время более заметно на Западе, чем в восточных провинциях (SSGRA, p. 102—104). О. В. Кудрявцев связывает некоторое улучшение в положении рабов с ростом вывода их на пекулий и развитием вольноотпущенничества, «тем более что в Элладе оно всегда было в среднем несколько лучше, чем в Италии и вообще в западной половине империи». «В период империи со II в. н. э. условия начинают выравниваться: происходит некоторое смягчение рабовладельческого права, находящееся в связи с углубляющимся кризисом рабовладельческого строя» (Кудрявцев, с. 102). Однако сказанное О. В. Кудрявцевым вызывает некоторые возражения. Прежде всего, неверно, что в отличие от Греции в Риме «ничто не могло защитить» раба (см. Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964, с. 169 сл.). Во-вторых, говоря о выравнивании условий со II в. н. э., О. В. Кудрявцев ссылается на надпись I в. н. э. (IG, VII, 2712). Далее, не совсем понятна его логика: указав на то, что в Элладе рабу всегда жилось несколько лучше, чем в Италии, и отметив, что в период Империи условия начинают выравниваться, О. В. Кудрявцев приводит некоторые данные об улучшении положения рабов в Элладе. Наконец, вопрос о распространении вольноотпущенничества: чтобы не повторяться, отошлем читателя к с. 10 данной работы.

⁴⁷ IG, VII, 2712. Начало надписи не сохранилось, оставшаяся часть заключает 107 строк, из которых первые 19 фрагментарны. О декрете см. также: Жебелев С. А. АХΑΙΚΑ. В области древностей провинции Ахайи. СПб., 1903, стр. 142—145; Кудрявцев, с. 103 и 114; Kahrstedt U. Das wirtschaftliche Gesicht Griechenlands in der Kaiserzeit. Bern, 1954, S. 83.

⁴⁸ Расположенного неподалеку от Акрефии (Paus., IX, 23, 6).

за что он, принеся жертвы, угостил всех собравшихся, в том числе взрослых рабов (δοῦλους ἐνηλίκους), жена же его угощала жен граждан (стк. 65 сл.).

Сходная картина наблюдается в другом почетном декрете — в честь гражданина Паг (Мегарида) Сотела, сына Каллиника ⁴⁹. Он внес на счет города более 1000 драхм, на проценты с которых ежегодно справлялись пиррихи. Когда полис решил поставить ему статую ⁵⁰, связанные с этим расходы Сотел взял на себя. По случаю установки статуи он принес жертвы всем богам и угостил граждан, чужеземцев, живших в Пагах римлян, «рабов всех их» (καὶ τοὺς πάντων τούτων δούλους) и детей свободных и рабов (καὶ τὰ δοῦλα παιδάρια) (стк. 27 сл.). Несколько раньше говорится о каком-то угощении граждан, чужеземцев, римлян, а также «всех рабов» (δοῦλοις πᾶσιν — стк. 15—18) ⁵¹.

Нельзя, разумеется, сказать с уверенностью, что допущение рабов наряду со свободными в гимнасии и бани стало в императорское время общим правилом в Ахайе. Но, во всяком случае, для двух городов это известно, причем в том числе для такого крупного полиса, как Аргос. Об этом мы узнаем из декрета в честь некоего Онесифора, сына Онесифора ⁵². Будучи агонифетом игр в честь Геры и Немеиских, он «торжественно, справедливо и великодушно» угощал всех свободных в течение двух дней во время каждого агона, дав гражданину по четыре денария, а всем остальным свободным каждому по 2 денария, а также за свой счет снабдил маслом все гимнасии и бани, чтобы каждый свободный и раб (παντὶ ἐλευθέρῳ καὶ δούλῳ) пользовался ими «безбоязненно» «с утра до захода солнца».

Могли посещать гимнасий и рабы Гифия — порта в Лаконике, как явствует из распоряжения некоей Файнии Боматион ⁵³. Она пожертвовала городу 8 тыс. денариев, чтобы на проценты с них покупалось масло для бесплатной раздачи в гимнасии гражданам и иностранцам, а далее (стк. 38—41) Файния выражает желание, чтобы и рабы (τοὺς δούλους) получали масло ежегодно дважды в год по три дня, причем специально оговаривается, что ни архонт, ни члены совета, ни гимнасиарх не должны чинить этому препятствий.

Интересна и следующая часть надписи (стк. 48—58), из которой явствует, что Файния ввернет городу и членам совета καὶ τοὺς θρεπτοῦς μου καὶ ἀπ[ἐλευθέρους] πάντας τε καὶ πάσας и молит богами и бо-

⁴⁹ IG, VII, 190. Правда, надпись, скорее всего, I в. до н. э. О ней см. Жебелев С. А. Указ. соч., с. 155 сл.; Кудрявцев, с. 114; Kahrstedt U. Op. cit., S. 127; SSGRA, p. 104.

⁵⁰ Надпись на ее пьедестале — IG, VII, 193.

⁵¹ Первая часть надписи дошла не целиком (сохранились середины строк). В стк. 11—12 упоминается угощение взрослых, их сыновей и всех рабов (καὶ δοῦλοις πᾶσι), конца 12-й и начала 13-й строк нет, видимо, речь шла тоже о каком-то угощении, данном в том числе καὶ δοῦλοις καὶ κορχαίοις.

⁵² IG, IV, 597 (= Le Bas-Foucart, 120), датируется широко — императорским временем. О надписи см. Жебелев С. А. Указ. соч., с. 175; SSGRA, p. 104.

⁵³ IG, V, 1, 1208 (= Le Bas-Foucart, II, 243 а), время Марка Аврелия. О ней см. Жебелев С. А. Указ. соч., с. 285 сл.; Кудрявцев, с. 104; Kahrstedt U. Op. cit., S. 205; SSGRA, p. 103.

гинями, чтобы и при жизни, и в случае ее смерти каждый в отдельности и все вместе заботились о той из ее «вскормленников и вольноотпущенников», которая лучше всех и милее всего Файнии, охраняя ее⁵⁴.

Надпись завершается подписью Поппия Файния Прейма, «вскормленника и вольноотпущенника (ὁ θρεπτός καὶ ἀπελευθέρως) Файнии, который по ее приказанию написал данное распоряжение, и далее выражают согласие со всем вышесказанным сама Файния и Поплий Орфеллий Крисп, ее φροντιστής καὶ κύριος.

В заключение вернемся к вопросу об улучшении положения рабов в императорское время. Отнюдь не отвергая этого принятого в литературе мнения, мы хотели бы сделать два уточнения, подойдя к вопросу с несколько иной, чем обычно, стороны. Во-первых, строго говоря, у нас ведь нет надписей, в которых шла бы речь именно о самом разрешении допускать рабов к участию в некоторых празднествах, посещать гимнасии или бани. Мы узнаем обо всем этом, так сказать, косвенно, поскольку (например в связи с маслом) среди жителей того или иного города называются и рабы. Мы совсем не знаем, когда эта практика возникла и долго ли уже существовала до обнаружения рассмотренных надписей. Во-вторых, до сих пор как-то никто не обратил должного внимания на то обстоятельство, что рабы в надписях упоминаются не изолированно, не самостоятельно, но выступают как часть населения города наряду с другими категориями — гражданами, римлянами, метеками и пришельцами, оказавшимися объектами евергесий. Политика евергесий, которую

⁵⁴ Эта часть надписи не совсем ясна, тем более что не все лакуны поддаются восстановлению. С. А. Жебелев, исследуя политический строй полисов Ахайи, скользко замечает, что «жертвовальница освобождает всех своих рабов и рабынь и вверяет их» городу и синедрам (указ. соч., с. 286). Также понимает это место и О. В. Кудрявцев, который даже делает вывод, что «речь шла не об отъезде от их эксплуатации вообще, но об изменении формы эксплуатации: недаром указание на отпуск рабов на свободу присоединено здесь к документу о пожертвовании; по-видимому, указанные вольноотпущенники должны были нести какие-то повинности в пользу города» (указ. соч., с. 104). Однако, как представляется, в надписи говорится вовсе не об освобождении рабов (о них вообще не упоминается), а о том, что Файния вверяет городу всех своих вскормленников и вольноотпущенников, мужчин и женщин. Единственная часть, несколько напоминающая манумиссию, — это фраза о подписи и согласии, что и понятно, так как и здесь и там выражается воля распорядителя, но этим сходство и ограничивается. Видимо, речь идет лишь об одной категории лиц — вскормленниках, которых Файния уже ранее отпустила, а теперь вверяет заботам города. Реально могла подразумеваться защита их от посягательств на свободу, как сказано о «самой лучшей» из вольноотпущенников — ἡ...φύλαχθῶσι. Присоединение фразы о том, что Файния вверяет вольноотпущенников городу, имеет, как нам кажется, совсем иной, чем считает О. В. Кудрявцев, смысл — это не еще одно благодеяние, оказанное ею городу; напротив, это ее просьба к нему (как бы в ответ на ее жертвования): «я взываю к вам богами и богинями», — пишет Файния, рассматривая выполнение своей просьбы как проявление расположения к ней (διὰ τὴν ἀπάντων ὑμῶν εἰς ἐμὲ εὐδυνον) и милость (ἡ χάριν ταύτην κομι)σμένην... εἰσι παρ' ὑμῶν) и выражая надежду, что, доверившись городу, она не обманется в богах.

проводили господствующие слои провинции Ахайи, совершенно справедливо рассматривается прежде всего как средство, которое способствовало бы внешнему смягчению классовых противоречий, как политика подкупка широких народных масс ⁵⁵.

В круг благодетельствованных, как мы видим, входили и рабы, так что, очевидно, можно ставить вопрос несколько шире, говоря не вообще об улучшении положения рабов, а о том, что рабы составляли часть той беспокойной толпы, которую должны были подкармливать отцы города — богачи типа Эпаминонда. Правда, о рабах говорится только в немногих из целого ряда надписей в честь евергетов, да и в них рабам достается лишь небольшая доля того, что выпадало на долю граждан (как это особенно ясно из декрета в честь Эпаминонда). Но на то они и были рабами.

Известно, что рабы могли искать убежище в некоторых храмах, обладавших правом защиты их. Но это право не является характерной чертой именно императорского времени — обычай восходит к гораздо более ранним временам. Так, согласно Павсанию (II, 13, 4) из всех почестей, оказываемых флиунтянами Гебе, «величайшая касается рабов (τοὺς οἰκέτας) ⁵⁶ — молящим здесь дается неприкосновенность», узники же (οἱ δεσμῶται) ⁵⁷, освободившиеся от оков, посвящают их богине, вешая на деревья в священной роще ⁵⁸. Право убежища имело также святилище Деметры и Коры в Андании, как явствует из стк. 80 слл. закона мессенцев о совершающих здесь мистерии в честь Великих богинь (φύγιμον εἶμεν τοῖς δοῦλοις) ⁵⁹.

Согласно древнему обычаю, рабы, потерявшие надежду на свободу, могли потребовать, чтобы их продали другому, более справедливому господину (ἔστι καὶ δοῦλοις νόμος ἐλευθερίαν ἀπογνοῖσι, πρᾶσιν αἰτεῖσθαι, καὶ δεσπότην μεταβάλλειν ἐπισκέστρον). Об этом сообщает Плутарх в трактате «О суеверии» ⁶⁰, а любопытное подтверждение мы нашли у Лукиана: в одном из диалогов «Разговоров богов» Гермес, жалуюсь Майе на свою тяжкую судьбу (его совсем замучили,

⁵⁵ Ранович, с. 235; Кудрявцев, с. 114 сл.

⁵⁶ В ряде рукописей вместо οἰκέτας — ἰκέτας. Ср. тексты и переводы в изд.: Pausanias. Description of Greece, with an English Translation by W. H. S. Jones, vol. I. London — New York, 1931 («suppliant»); Павсаний. Описание Эллады, перевод и вводная статья С. П. Кондратьева, т. I. М., 1938 («рабам»; молящим); Pausanias en Corinthie (Livre II, 1 à 15). Texte, traduction, commentaire archéologique et topographique par G. Roux. Paris, 1958 («les esclaves»); Pausanias's Description of Greece, translated with a Commentary by J. G. Frazer, vol. I. New York, 1965 («slaves»). См. также: Roux G. Op. cit., p. 167.

⁵⁷ W. H. S. Jones и J. G. Frazer — «prisoners»; С. П. Кондратьев — «рабы, замкнутые в цепи»; G. Roux — «prisonniers».

⁵⁸ См. также: Meyer E. Phleius. — In: RE, 39. Hbd., 1941, Sp. 288.

⁵⁹ Syll.³, II, 736 (= Le Bas-Foucart, II, 326 a; Michel, 694; IG, V, 1, 1390). Правда, надпись датируется 92 г. до н. э., что же касается самой Андании, то во времена Павсания она уже лежала в развалинах (Paus., IV, 33, 6). См. также: Kern. Andania. — In: RE, I. Bd., 1894, Sp. 2118—2120; Larsen J. A. O. Op. cit., p. 417; Nilsson M. P. Op. cit., I, S. 90, 478; II, S. 92—94; Rädle H. Untersuchungen zum griechischen Freilassungswesen. München, 1969, S. 42, Anm. 3.

⁶⁰ Plut., De superst., 4, 166. Нечто подобное этому обычаю практиковалось в Риме (см. Штаерман Е. М. Расцвет..., с. 168).

завалив работой, «я разрываюсь на части от множества дел»), восклицает: «Я не могу больше! Если бы было возможно, я с удовольствием заставил его (т. е. Зевса.— Л. М.) продать меня кому-нибудь другому, как это делают на земле рабы, когда им служить невозможно»⁶¹.

В уже упомянутой надписи Syll.³, 736, стк. 75 слл. говорится также о наказании рабов — за провинности их секут, в отличие от свободных, которые ограничиваются штрафом — обычное для античности различие. Это же различие предусмотрено надписью с о-ва Сироса (Киклады) — раб всенародно на агоре получает 100 ударов, тогда как хозяин его платит штраф⁶².

II. МАНУМИССИИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РАБСТВА

1. ОТПУСКНЫЕ АКТЫ ИЗ ДЕЛЬФ

Среди источников по истории рабства особое место занимают манумиссии, чем и объясняется отдельное их рассмотрение. Это весьма своеобразный источник. Прежде всего, манумиссия — это документ, причем документ, самым непосредственным образом связанный именно с рабом в тот столь желанный для него момент жизни, когда он перестает быть таковым и получает долгожданную свободу. В отличие от разного рода других источников он несет печать несомненной объективности. Как и всякому юридическому акту, манумиссии присуща определенная заданность и стандартность. Этот тип документа составлялся по определенной схеме, причем знакомство с отпускными показывает, как в общем строго сохранялся костяк, особенно отдельные формулы, в течение нескольких сотен лет. Однако скелет этот в каждом конкретном акте обрастает живыми подробностями, придавая манумиссии индивидуальный характер. За каждой отпускной стоят конкретные лица — хозяин, его жена, дети, рабы. Так что, как справедливо заметил еще Ж. Колен⁶³, при всей «утомляющей монотонности» манумиссии — памятник интересный. Есть, кроме того, еще одно обстоятельство, усугубляющее, так сказать, интерес и ценность этого источника, — количественный момент, что, правда, в большей мере относится к эллинистической эпохе. Сохранилось примерно 1000 манумиссий из Дельф (и несколько сотен актов из других городов), изучение и сопоставление которых дает возможность делать более общие выводы (несмотря на целый ряд трудностей технического характера — лакуны, неверные чтения, невозможность точно установить дату, а также многочисленные ошибки в самих надписях).

Изучая манумиссии, постоянно испытываешь одно затрудне-

⁶¹ *Lucian.*, *Dialogi deorum*, 24, 1 sq. Перевод С. С. Сребрного, в кн.: *Лукиан. Собрание сочинений*, т. I. М.— Л., 1935.

⁶² IG, XII, 5, 1, 654. О ней см. *Larsen J. A. O.* Op. cit., p. 417.

⁶³ *Collin G.* Notes de chronologie delphique.— BCH, 22, 1898, p. 1.

ние — как совместить общее и частное. Исследуя отдельные стороны рабства, как они вырисовываются по манумиссиям, например вопрос о выкупных ценах или других условиях освобождения, приходится извлекать данные из многих отдельных актов. Но, с другой стороны, при таком подходе — единственно правильном и возможном — каждый раз испытываешь некоторое сожаление: ведь пропадает отдельный документ, за которым стоит определенный, когда-то живший человек. Очевидно, задача и мастерство историка здесь, как впрочем, всегда, и должны заключаться в том, чтобы найти правильное соотношение между общим и индивидуальным.

Дельфийские манумиссии римского времени составляют только небольшую часть всех отпускных актов из Дельф и представляют поэтому гораздо менее благоприятный материал для изучения. Они лишь спорадически привлекались в работах, посвященных манумиссиям, теряясь среди моря актов эллинистического периода. Это справедливо и по отношению к общим трудам по рабству или работам, в которых рассматривались отдельные аспекты его. Наконец, в немногих книгах по истории провинции Ахайи в лучшем случае о них лишь упоминают. В общем, о греческих манумиссиях римского времени нет ни одного специального исследования.

Сказанное, однако, не означает ни в коей мере, что нам не на что было опереться. Данный К. К. Зельным историографический обзор ⁶⁴ позволяет ограничиться перечнем наиболее важных для данной работы трудов, разделив их на три группы (хотя, оговоримся, деление это в известной мере условно). Это прежде всего книги и статьи, имеющие своей целью изучение самих манумиссий, их характера, смысла и значения отдельных клаузул, особенно клаузулы о парамонэ. Начинать следует с Фукара ⁶⁵, книга которого, хотя и была написана более 100 лет назад, не потеряла интереса. Назовем исследования Колена ⁶⁶, Кальдерини ⁶⁷, Блоха ⁶⁸, До ⁶⁹, Редле ⁷⁰ и статьи Кошакера ⁷¹ и Сэмюэля ⁷² о парамонэ. Далее идут

⁶⁴ Зельин К. К. Дельфийские манумиссии как источник по истории рабства в древней Греции. — В кн.: Зельин К. К., Трофимова М. К. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период. М., 1969 (далее — Зельин), с. 120—136 и 145—160.

⁶⁵ Foucart P. Mémoire sur l'affranchissement des esclaves par forme de vente à une divinité d'après les inscriptions de Delphes. Paris, 1867 (далее — Foucart).

⁶⁶ Colin G. Op. cit.

⁶⁷ Calderini A. La manomissione e la condizione dei liberti in Grecia. Milano, 1908 (далее — Calderini).

⁶⁸ Bloch M. Die Freilassungsbedingungen der delphischen Freilassungsinschriften. Strassburg, 1914 (далее — Bloch).

⁶⁹ Daux G. Delphes au IIe et au Ier siècle depuis l'abaissement de l'Étolie jusqu'à la paix romaine, 191—31 av. J. C. Paris, 1936; *idem*. Chronologie delphique. Paris, 1943.

⁷⁰ Rädle H. Untersuchungen...

⁷¹ Koschaker P. Über einige griechische Rechtsurkunden aus den östlichen Randgebieten des Hellenismus. — «Abhandl. der Sächsisch. Akad. der Wissenschaft., philolog.-hist. Kl.», Bd. XLII, 1931, № 1.

⁷² Samuel A. E. The Role of Paramone Clauses in Ancient Documents. — JJP, XV, 1965, p. 221—311 (далее — Samuel).

работы более исторического характера: отчасти упомянутые уже книги До о Дельфах и Кальдерини, многочисленные труды А. В. Никитского⁷³, книги У. Л. Уэстермана⁷⁴, Ф. Бёмера⁷⁵ и работа К. К. Зельина — единственное исследование дельфийских манумиссий как источника по истории рабства в эллинистической Греции. В последнюю (но отнюдь не по значению) группу входят ученые, благодаря усилиям которых теперь можно использовать манумиссии как исторический источник, эпиграфисты и филологи, изучавшие и издававшие их. Об изданиях речь пойдет ниже, пока же упомянем о грамматике Рюша⁷⁶.

В результате труда целого ряда ученых, среди которых особое место занимают А. В. Никитский и Ж. До, хронология дельфийских надписей изучена достаточно хорошо, за исключением императорского времени. Акты этого периода датируются довольно широко — большинство в пределах жречеств, абсолютных дат очень мало. В данной работе использованы манумиссии, охватывающие примерно 100 лет, начиная с XXIV жречества. Их хронология: XXIV и XXV жречества включают последние 20 лет I в. до н. э.; XXVI — первые два десятилетия I в. н. э.; XXVII жречество продолжалось с 20 по 46 г.; XXVIII—XXXII — примерно с 47 по 66 г., но более точного деления они не имеют, так как число надписей падает до нескольких в пределах каждого; XXXIII жречество — примерно 67—78 гг.; к XXXIV относится едва ли не больше четырех манумиссий, помещаемых между 79 и 85 гг. Это последние по времени отпускные акты из Дельф⁷⁷.

Хотя манумиссии разного времени происходят из различных мест святилища Аполлона, одна закономерность все же бросается в глаза: чем позже, тем выше по склону они выбивались, так что большая и самая компактная часть актов римского времени найдена при раскопках театра. В силу своего положения значительная часть поздних отпускных стала и известна позднее многих других. Впервые манумиссии из Дельф собрал Ж. Колен⁷⁸, издав в 1898 г. 121 акт, причем около половины из них — римского времени. В вышедшем в следующем году II томе греческих диалектологических надписей⁷⁹ содержится лишь немногим более десятка отпускных конца I в. до н. э. — I в. н. э. Раскопки, ведущиеся с конца XIX в.

⁷³ Особенно: *Никитский А. В.* Дельфийские эпиграфические этюды, I—VI. Одесса, 1894/95; *его же.* Исследования в области греческих надписей. Юрьев, 1901.

⁷⁴ SSGRA.

⁷⁵ *Bömer F.* Untersuchungen über die Religion der Sklaven in Griechenland und Rom. T. II. Die sogenannte sakrale Freilassung in Griechenland und die (δοῦλοι) ἱεροί. Wiesbaden, 1960 (далее — *Bömer*).

⁷⁶ *Rüsch E.* Grammatik der delphischen Inschriften, Bd. I. Berlin, 1914.

⁷⁷ Подробнее см. *Daux G.* Chronologie delphique. О принятой Ж. До системе и ее оценке см. *Маринович Л. П.* ПАРАΜΟΝΗ в дельфийских манумиссиях римского времени. — ВДИ, 1971, № 4, с. 28 и прим. 17.

⁷⁸ *Colin G.* Op. cit., p. 9—140 (далее при ссылках на надписи — *Colin*).

⁷⁹ *Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften*, hrsg von H. Collitz, Bd. II Göttingen, 1899 (Die delp'hischen Inschriften — von J. Baunack, далее — SGD I).

Французской археологической школой в Афинах в Дельфах, значительно пополнили число надписей, что в свою очередь весьма способствовало уточнению их чтения и хронологии. Результаты этих раскопок публикуются в серии «Fouilles de Delphes», III том которых посвящен всем надписям, когда-либо найденным в Дельфах (издание еще не завершено). Он в свою очередь делится на выпуски, согласно месту нахождения надписей. Больше половины наших манускриптов вошло в 6-й выпуск⁸⁰, кроме того, около 30 — во 2-ю часть 3-го выпуска⁸¹ и отдельные акты — в другие выпуски⁸². Но, учитывая незавершенность этого издания, а также качество FD, 6⁸³, приходится все еще обращаться к SGDI и особенно к собранию Ж. Колена в BCH, которые, таким образом, сохраняют свое значение. Привлечены также те немногие акты, которые были изданы позднее⁸⁴. Всего в нашем распоряжении оказалось 132 надписи⁸⁵.

⁸⁰ Fouilles de Delphes, t. III. Épigraphie, fasc. 6. Les inscriptions du Théâtre, par N. Valmin. Paris, 1939.

⁸¹ Ibid., fasc. 3. Inscriptions depuis le Trésor des Athéniens jusqu'aux bases Gélon, livr. 2, par G. Daux. Paris, 1943.

⁸² Ibid., fasc. 1. Inscriptions de l'entrée du Sanctuaire au Trésor des Athéniens, par E. Bourguet. Paris, 1910—1929; fasc. 2. Inscriptions du Trésor des Athéniens, par G. Colin. Paris, 1909—1913 (далее все ссылки на это издание — FD без указания тома).

⁸³ Публикация Н. Вальмена вызвала резкую критику Ж. До как из-за качества издания текстов, так и из-за слабости комментариев (BCH, 63, 1939, II, p. 172 sqq.). Судя по ссылкам в Untersuchungen..., Ф. Бёмер, видимо, тоже предпочитает пользоваться изданием Ж. Колена.

⁸⁴ Daux G.— BCH, 73, 1949, II, p. 288—290, § 37 (= SEG, XII, 259, ll. 1—5); Dunant C.— BCH, 75, 1951, II, p. 311 sq., № 3 (= SEG, XII, 255); p. 314 sq., № 5 (= SEG, XII, 258); eadem.— BCH, 76, 1952, II, p. 644—646, № 16 (= SEG, XII, 251); p. 646, № 17 (= SEG, XII, 252); p. 646—648, № 18 (= SEG, XII, 253); p. 648—650, № 19 (+SEG, XII, 259); Daux G.— BCH, 83, 1959, II, p. 489 sq., № 20 (= SEG, XVIII, 229); Lerat L. Les Locriens de l'Ouest, vol. I. Paris, 1952, p. 42 sq. (= SEG, XII, 248).

⁸⁵ Colin, 80, 81, 107, 109; SGDI, 2115, 2156, 2157, 2185, 2249, 2319, 2323, 2338, 2339; FD, 1, 233, 287, 302, 303 (Colin, 120), 311 (SGDI, 2297), 572; FD, 2, 285; FD, 3, 258, 262 (+SEG, XII, 249), 275 (Colin, 65), 276 (Colin, 58), 278, 283, 284, 296, 297, 300 (Colin, 72), 301 (Colin, 76), 302 (Colin, 73), 303 (Colin, 74), 304 (Colin, 75), 305 (Colin, 78), 306, 307, 310 (Colin, 79; Michel, 1416), 312, 313 (Colin, 70), 318 (Colin, 62), 319 (Colin, 63), 325, 326 (Colin, 59), 327 (Colin, 60), 329, 333 (Colin, 77), 377 (+SEG, XII, 250), 386 (SGDI, 2114); FD, 6, 5 (Colin, 90), 6 (Colin, 94 bis), 7 (Colin, 94 ter), 8 (Colin, 95), 9, 11 (Colin, 111), 12, 13 (Colin, 95 bis), 14, 15, 16, 17, 18 (Colin, 86), 19 (Colin, 85), 20, 21, 22, 23 (Colin, 82), 24, 25 (Colin, 84; Michel, 1417 B), 26, 27 (Colin, 83; Michel, 1417 A), 29 (Colin, 91), 30 (Colin, 92), 31 (Colin, 87), 33, 34 (Colin, 98), 35 (Colin, 116), 36 (Colin, 96), 37 (+SEG, XII, 254), 38 (Colin, 93), 39 (Colin, 88), 40 (Colin, 89), 41, 42 (Colin, 94), 43 (Colin, 97), 44, 47 (Colin, 118), 48 (Colin, p. 136, ll. 1—5), 50, 52, 53 (Colin, 99), 54, 57, 58, 62 (FD, 1, 140), 63 (Colin, 121; FD, 1, 138), 64 (FD, 1, 139), 107 (Colin, 112), 108 (Colin, 113), 109 (Colin, 110), 115, 116 (Colin, 101), 119 (Colin, 117), 120, 121 (Colin, 100), 122, 123 (Colin, 102), 124 (Colin, 104), 125 (Colin, 114), 126 (Colin, 115), 127, 128 (SGDI, 2342), 129 (+BCH, 1949, p. 291 sq., § 39), 130 (Colin, 103+SEG, XII, 256), 131, 132 (Colin, 105), 133 (+SEG, XII, 257), 134 (Colin, 106), 135 (Colin, p. 121, № 1, ll. 1—5), 137 (Colin, 108, ll. 1—12; SGDI, 2322), 138 (BCH, 1919, p. 290 sq., § 38, ll. 7—15), 139, 140, 141; SEG, XII, 248 (Lerat, I, p. 42 sq.), 251, 252, 253, 255, 258, 259; SEG, XVIII, 229.

Ограниченность места не позволяет рассмотреть структуру манумиссий во всей ее полноте. Задача эта, впрочем, облегчается тем обстоятельством, что структура актов была неоднократно предметом исследования⁸⁶. Изучались и манумиссии в целом, и их отдельные статьи, правда, преимущественно на материале эллинистической эпохи, хотя некоторые новые черты отпускных римского времени иногда отмечались⁸⁷.

Следует сделать еще одну оговорку — при всей стандартности едва ли найдутся две одинаковые по форме надписи, причем мы имеем в виду, разумеется, не грамматические различия и даже не порядок расположения отдельных частей, а разные способы выражения обязательных элементов. Поэтому в дальнейшем речь пойдет о самом общем и характерном.

Как известно, отпуск раба на волю производился в форме продажи его Аполлону, о чем сообщает первая после датировки фраза. Далее следует указание на получение продавцом всей цены, говорится о том, что самый акт продажи вверяется богу⁸⁸, и характеризуется новое положение отпускаемого. Довольно часто после имени манумиссора сообщается, с согласия кого совершена сделка⁸⁹.

Свобода, которую получает раб, обычно выражается с помощью трех слов в разных сочетаниях: ἐλεύθερος, ἀνεπαίτος ἀπὸ πάντων τὸν πάντα χρόνον, μηδὲν μὴδὲν προσήκων κατὰ μηδένα τρόπον. При полном отпуске иногда добавляется о его праве «делать, что хочет, и идти, куда хочет».

Обычно далее говорится о поручителе — гаранте (βεβαιωτήρ). Как следует из ссылки на законы во многих надписях, это была совершенно обязательная при совершении акта отпуска фигура, поэтому поручитель назван во всех без исключения манумиссиях. Значение его выявляется в статье о гарантиях свободы вольноотпущенника⁹⁰ — при попытке его порабощения поручитель и продавец обязаны представить βεβαίον продажи раба богу; любой другой человек также может вступить за него, вернув свободу, за это он не несет никакого наказания.

Запись об отпуске вырезается в святилище и через секретаря помещается в государственный архив, иногда при этом сообщается, чьей рукой сделана копия — самим продавцом или, в случае его

⁸⁶ Основная литература: Foucart, p. 6 sqq.; Colin G. Op. cit., p. 187 sqq.; *Нукумский А. В.* Исследования..., с. 2 слл.; RIJGr, II—III, p. 252 sqq.; *Calderini*, p. 435 sqq.; *Koschaker P.* Op. cit., S. 38 ff.; *Daux G.* Delphes..., p. 49 sqq.; *Klaffenbach G.* Griechische Epigraphik. Göttingen, 1957, S. 83 ff.; *Bömer*, II, S. 30 ff.

⁸⁷ В этом отношении выделяется статья Ж. Колена, который, публикуя значительную часть поздних манумиссий, первым обратился к этому вопросу.
⁸⁸ См. также: *Samuel*, p. 268.

⁸⁹ Из актов римского времени не менее чем в 60. По подсчетам Уэстермана, примерно из 1000 манумиссий клаузулы о согласии не имеют 610 (*Westermann W. L.* Extinction of Claims in Slave Sales at Delphi.— JJP, IV, 1950, p. 57 sq.).

⁹⁰ См. также: *Samuel*, p. 269—279.

неграмотности, кем-нибудь другим⁹¹. Именно с этой частью связано одно из основных отличий поздних манумиссий. В римское время происходят некоторые изменения в оформлении акта отпуска, которое упорядочивается и ставится под больший контроль государства. С этим и связаны упоминания об архиве и секретаре, которых совершенно нет в эллинистических манумиссиях. Нет совсем в эллинистических отпускных и другого элемента, характерного для поздних актов, — указаний на подпись. Чаще всего — это подпись поручителя, в ряде надписей — продавца и лица, с согласия которого освобождается раб. Завершаются манумиссии именами свидетелей, в качестве каковых выступают всегда жрецы храма Аполлона и частные лица — от двух до пяти.

Итак, манумиссии римского времени сохранили основные, ставшие обязательными части и отдельные формулировки, сложившиеся в эллинистическую эпоху. Вместе с тем в них появляется ряд новых черт. Наиболее важные вызваны изменениями, происшедшими в процедуре освобождения, которая ставится под контроль государства. Кроме того, поздние манумиссии стали гораздо пространнее и многословнее. Здесь заметны следы и мелочного формализма императорской эпохи, и проявление недоверия, стремление еще и еще раз подкрепить то, о чем уже было сказано.

Такова — кратко — структура манумиссий. Разумеется, между содержанием и формой существует самая непосредственная связь. Но, с другой стороны, мы находим ряд вариантов в записи одинаковых положений и условий, причем совершенно очевидно, что никакого практического значения они не имели. Вряд ли вообще возможно сказать, чем они вызывались, что, например, послужило причиной очень тщательного соблюдения формальностей в некоторых манумиссиях — во всяком случае, не их содержание, т. е. не введение каких-либо суровых или необычных условий. Равным образом отпускные и с парамонэ, и без нее могут быть предельно краткими и очень пространными. Почему предпочитали ту или иную форму — трудно сказать, причины возможны самые различные: финансовые соображения, наличие места на камне, вкус и характер.

Подавляющее большинство найденных в Дельфах манумиссий принадлежит дельфийцам; очевидно, поэтому указания на их этникон и упоминания о Дельфах в прескрипте редки. Но, кроме самих дельфийцев, отпускали в святилище Аполлона своих рабов и граждане других городов. Их немногим больше десяти, преобладают жители Западной Локриды, но встречаются граждане и других полисов⁹². «Иностранцы» оформляли манумиссии, следуя законам и нормам Дельф, но делали некоторые дополнения, которые и позволяют выделить их из общей массы.

⁹¹ См. также: Κεραιόπουλλος Ἀ. Δ. Ἐπιγραφὴ ἀπελευθερωτικαὶ ἐξ Ἀμφίσσης. — Eph. Arch., 1904 (1905), p. 130 sq.; Klaffenbach G. Bemerkungen zum griechischen Urkundenwesen. Berlin, 1960, S. 26 ff.

⁹² Дорида (Бойон) — FD, 1, 311; FD, 2, 285; Этолия — FD, 6, 13; Эпир (?) (Никополь) — FD, 6, 132. Из фокидских полисов только Харадра (FD, 6, 37). О Локриде см. ниже.

В манумиссиях названо много имен — архонта, булевта, секретаря, жрецов, рабовладельца, поручителя, лица, согласившегося на данную сделку, и лица, поставившего подпись. Но все-таки весь этот материал недостаточен, чтобы судить о социальном составе манумиссоров. Можно только изложить некоторые наблюдения на этот счет. В хронологически близких надписях встречаются одни и те же имена, преимущественно, разумеется, магистратов, что дало основание для составления *stemmata* отдельных семей, члены которых прошли весь путь от секретаря до жреца, своего рода *cursus honorum*. Улавливаются иногда и связи манумиссоров с ними. Так, гарант в FD, 6, 6 — Лисимах, сын Никанора — архонт и булевт в других актах, а свидетель — Никанор, сын Лисимаха — булевт. Те же лица — в FD, 6, 31, где Никанор, сын Лисимаха, ставит подпись за продавца, и он же является одним из свидетелей, а Лисимах — снова поручитель и секретарь. Одна фигура среди манумиссоров вырисовывается особенно отчетливо. Это Сотерис, дочь Дионисия, принадлежавшая, судя по числу отпущенных рабов и названным в ее надписях лицам, к самым богатым и влиятельным дельфийцам. Она освободила по трем актам десятерых рабов — семь женщин, двух *παῖδάρια* и *χοράσιον*, всех — доморожденных (*παῖδάρια* сразу, остальных с парамонэ, но есть аполисисы)⁹³. В ее надписях повторяется ряд имен; особенно показательны поручители, так как они обычно назначались из лиц, наиболее близких манумиссору⁹⁴. Это уже упомянутый Лисимах, сын Никанора, Феоксен, сын Филетола, Пасон, сын Полемарха, и Мелиссион, сын Дионисия, — секретари, булевты, архонты и жрецы в этих и других манумиссиях.

Примерно в трех четвертях надписей названо по одному манумиссору, причем женщин больше, чем мужчин, хотя преобладание их невелико (39 против 31)⁹⁵. В остальных актах встречаются различные сочетания, чаще всего манумиссоров двое, обычно это муж и жена (17 надписей, иногда указано, что они супруги), но есть и другие варианты — брат и сестра, отец с дочерью, сын и мать, две сестры, родители с двумя сыновьями.

Среди манумиссоров встречаются бывшие рабы, сами некогда получившие свободу. Проще всего, разумеется, обстоит дело тогда, когда об этом прямо сказано. Но такой случай встречается только один раз — в FD, 6, 52 доморожденную Афродисию отпустил *ἀπελευθέρως* (имя его не сохранилось). Поэтому встает вопрос о *τεκμήρια*. Занимавшийся этим вопросом А. В. Никитский (он, к сожалению, не завершил своих замыслов) отмечает четыре «на-

⁹³ FD, 3, 296 (дубликат — 305), 301, 303, 304.

⁹⁴ Colin G. Op. cit., p. 192; Никитский А. В. Дельфийские эпиграфические этюды, с. 195; Daux G. Delphes..., p. 55, 58—60; Зельин, с. 184 сл.

⁹⁵ На более частый отпуск женщинами обратил внимание еще Фукар (p. 46 sq.). Иногда она действовала через *φροντιστής* (например, FD, 6, 19, 64, 126), но чаще одна.

водящих признака» — отсутствие имени отца, «рабский» характер имени отпускающего, совпадение имени отпускающего с именем ранее отпущенного раба (причем в этом случае подле данного лица иногда появляются бывшие хозяева и их родственники); не лишено также значения отсутствие демотикона *Δεῦρος*. Но несомненным признаком данного лица вольноотпущенником, как подчеркивает А. В. Никитский, становится при совпадении нескольких признаков⁹⁶. В манумиссиях императорского времени встречается несколько случаев совпадения имени раба и «продавца». Так, Зоил — раб в FD, 6, 20 (XXIV жречество) и FD, 6, 34 (XXVIII жречество) и Зоил, сын Зоила, — господин в FD, 6, 124 (XXXII жречество), причем хозяин Зоила в FD, 6, 20 — тоже Зоил; Парамон — раб в FD, 6, 5 и 11 и господин в FD, 6, 22 (сын Геракона) и 43 (сын Аристея) (все акты XXVII жречества). Но уловить какую-либо связь между надписями с одноименным рабом и манумиссором на основании их имен и имен других лиц (поручителя и свидетелей) не удастся, пожалуй, за одним небольшим исключением: среди свидетелей в FD, 6, 20 — Никострат, сын Эпиника, а в FD, 6, 124 — Эпиник, сын Никострата, но весьма возможно, что это случайное совпадение. Демотикона в поздних надписях, за редким исключением (FD, 6, 122 и 128), вообще нет. Далее, поскольку, как отметил сам А. В. Никитский, отсутствие патронимикона не является решающим признаком, мы не стали выбирать хозяев без отчества (а такие есть). Отметим только, что в FD, 6, 121 оба супруга — Полемарх и Клеарета — названы без отчества.

Что касается лиц с «рабскими» именами, то можно назвать несколько — Сотерих, Сотериха (в том числе в FD, 6, 109 вместе Сотерих и Сотериха), *Φηλικίῳ* — римский Фелиций — имя, распространенное среди рабов и отпущенников; отпущенника видят в Евтихе (оба в FD, 6, 133). Упомянем о Тиберии Юлии Гелене⁹⁷ — несомненно, сыне известного отпущенника Августа Гая Юлия Гелена. Свидетелем в FD, 6, 11 выступил Барранес, освободившийся по FD, 6, 12.

Обратимся к рабам. Всего в использованных надписях названо не менее 180 человек⁹⁸, скупые характеристики которых дают в общем немного. Всегда приводится имя отпускаемого. Как и в эллинистическое время, обычно для обозначения рабов употребляются термины *σῶμα* или, гораздо чаще, с пояснением — *σῶμα ὑποαίχτειον*, *σῶμα ἀνδρῆτον*, для детей — *χοράσιον*, *παιδάριον*; иногда помечено *οἰχογενές*⁹⁹, *θρεπτός*. Только несколько раз приведен возраст раба¹⁰⁰,

⁹⁶ Никитский А. В. Исследования..., с. XXXI.

⁹⁷ FD, 6, 133. См. также комментарий Н. Вальмена в FD, 6, р. 120.

⁹⁸ Считая также 15 фрагментарных, в которых не всегда ясно число отпущенных.

⁹⁹ По предположению Уэстермана, в Дельфах доморожденные рабы подлежали специальной регистрации (SSGRA, р. 32).

¹⁰⁰ Это 6-месячная Авга (*Colin*, 81), 3-летний Технон (FD, 6, 12; ср. *Daux G.* — BCH, 1939, р. 174), Оносо семи лет, Преймос 40 лет (оба — *Colin*, 107), Сосила 20 лет с дочерью, возраст которой на камне не сохранился (FD, 6, 137).

указания на родственные связи единичны. Ничего неизвестно о профессиях рабов, характере их занятий.

Число рабов, освобождаемых одновременно, по одной манумиссии, весьма различно — от одного до восьми. При освобождении двоих возможны любые сочетания: двое мужчин, две женщины, женщина и мужчина, мужчина с мальчиком и т. п. В четырех надписях говорится об отпуске одновременно троих рабов: FD, 6, 130 — доморожденная рабыня с двумя сыновьями; FD, 3, 326 и 377 — две женщины и мужчина; SGDI, 2323 — три *хорάσια*. Четверо названы в таких сочетаниях: мать и три ее сына (FD, 6, 6), три рабыни и мальчик (FD, 6, 123), три мужчины и женщина (SGDI, 2156). Семь доморожденных рабынь отпустила упомянутая уже Сотерис (FD, 3, 303), трое мужчин и четыре женщины названы в FD, 1, 572. В SGDI, 2338 сохранилось не менее восьми имен. Таким образом, лишь немногим более половины рабов были освобождены по одному.

Брачные узы рабовладельцами не признавались: при совместном отпуске мужчины и женщины они ни разу не названы супругами¹⁰¹; можно только предполагать, что, например, наследующие своему господину Зобий и Онасифорон являлись мужем и женой (SEG, XII, 248). При отпуске матери с ребенком иногда это отмечалось (FD, 6, 6, 47, 130, 137), мужчина же ни разу не назван отцом одновременно с ним освобождаемого ребенка.

Среди вольноотпущенников преобладают лица женского пола: женщин примерно в три раза больше, чем мужчин (87 и 28)¹⁰², среди детей это соотношение меняется — 26 девочек против 15 мальчиков, а в итоге 113 против 43. В общем, дети составляют около 26,3%, но в действительности их было, видимо, несколько больше, ибо какое-то число детей скрывается среди *σφύρατα*, как совершенно ясно из Colin, 107.

Говоря о девочках и мальчиках, мы имеем в виду *хорάσια* и *παῖδρια* манумиссий, но точные возрастные группы установить здесь невозможно. Термин *βρέφος*, которым иногда обозначались малолетние дети в дополнительных клаузулах парамонэ, по отношению к отпускаемым рабам совершенно не применяется, но это вовсе не означает, что среди них не было малолетних.

Откуда попадали рабы к господам? Каковы были источники рабства? К сожалению, материал манумиссий не позволяет сделать определенных выводов, хотя некоторые соображения на этот счет высказать можно. Совершенно очевидно, что какую-то часть рабов составляли рожденные в доме хозяина — *οἰχογενεῖς*. Всего таких рабов 43: женщин — 23, мужчин — 3, *хорάσια* — 9, *παῖδρια* — 5, неизвестных — 3.

¹⁰¹ Ср. Foucart, p. 25; Никитский А. В. Исследования..., с. XXX.

¹⁰² Увеличение числа женщин среди отпущенных рабов как одну из черт манумиссий римского времени из Дельф отметил еще Блох (Bloch, S. 15, 38).

Еще одну категорию можно обнаружить в отпускных — это «вскормленники», ἰδιοὶ θρεπτοὶ¹⁰³. Вероятнее всего видеть в этих «вскормленниках», которых надписи отделяют от замороженных¹⁰⁴, преимущественно подкинутых детей, как обычно и понимают θρεπτοὶ¹⁰⁵. В дельфийских манумиссиях времени провинции θρεπτοὶ всего 10: женщин и мужчин по 4 и 2 девочки (отпускают их всех по одному).

Но можно ли быть уверенным, что обозначенными как οἰκογενεῖς и θρεπτοὶ действительно исчерпываются все родившиеся и выросшие в доме своих господ? Если бы это было так, то следовал бы весьма важный и ответственный вывод о том, что примерно 2/3 рабов из Дельф (или, говоря точнее, 2/3 из отпущенных в Дельфах¹⁰⁶) куплены их хозяевами. Однако такой уверенности у нас нет. Приведем три надписи: Эпакта должна выплачивать ежемесячно определенную сумму τοῖς θρεψάντοισι (FD, 6, 124); Онасифорон остается на условии парамонэ у τῆς τρεφάσας (SEG, XII, 255); Сотерихе разрешено получить аполисис, заплатив половину τῶν τροφῆων (FD, 3, 310)¹⁰⁷. Ясно, что по всем этим актам отпускаются рабы, выросшие в доме хозяев, «вскормленные» ими, а между тем они не названы ни οἰκογενεῖς, ни θρεπτοὶ. Следовательно, не всегда освобождаемые обозначались в документах так точно, как нам хотелось бы, но все-таки, поскольку приведенные случаи составляют ничтожную часть, они, очевидно, не могут послужить веской причиной для отказа вообще от каких-либо подсчетов и сравнений. А поэтому обратимся к эллинистическому периоду.

Согласно Уэстерману, с 201 по 154/53 г. на каждого замороженного приходилось 3 купленных, между 154/53 и 100 гг. — уже на 2 1/3 замороженного — 1 купленный, а между 100 и 53 гг. соотношение равняется 8 : 1. Относительное увеличение доли замороженных (при общем прогрессирующем падении числа освобождаемых — по этим же периодам в год примерно 9 человек; 6,5; 2) Уэстерман объясняет ухудшением экономического положения городов Греции, вызванным в первую очередь разрушениями, нанесенными стране римлянами; этот хозяйственный упадок продолжался и в условиях полного господства Рима после 146 г. до н. э.¹⁰⁸

Для нашего времени можно говорить о таком соотношении: 1 замороженный и θρεπτός на 2,5—3 рабов, которых в манумиссиях

¹⁰³ См. выше, стр. 19 сл.

¹⁰⁴ FD, 6, 27: παιδῖον τὸ ἰδιον θρεπτὸν οἰκογενεῖς

¹⁰⁵ Plin., Epist., X, 65 sq. См. также: Ramsay W. M. The Cities and Bishoprics of Phrygia, vol. I, p. II. Oxford, 1897, p. 546 sq.; Cameron A. ΘΡΕΠΤΟΣ and Related Terms in the Inscriptions of Asia Minor.— In: Anatolian Studies Presented to W. H. Buckler. Manchester, 1939, p. 27—62; Максимова М. И. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.— Л., 1956, с. 387.

¹⁰⁶ Так как возникает вопрос, насколько эти, да и другие подсчеты и наблюдения, сделанные на основании манумиссий, правомерно распространять на дельфийских рабов (не говоря уже о других областях Ахайи).

¹⁰⁷ Ο τοῖς θρεψάντοισι упоминается еще в FD, 6, 15, но начало надписи не сохранилось.

¹⁰⁸ SSGRA, p. 32—34.

обозначают просто как σῶμα (купленный?). Но насколько вообще правомерны подобные сравнения? Ведь Уэстерман мог выделить три группы: доморожденных, рабов из греческих городов и иностранного происхождения и тех, происхождение которых неизвестно (и последнюю группу он не учитывал), тогда как в надписях нашего времени о происхождении рабов (кроме пояснений οἰκογενεῖς и φρεπτοί) ничего больше не сказано, так что получаются разные группы. Поэтому вряд ли возможно, располагая все-таки несколько различными по своему характеру данными, делать какие-то выводы о динамике численности доморожденных в течение трех столетий.

Обратимся теперь к другим сведениям манумиссий. Только в двух манумиссиях сказано, что раб был куплен: κοράσιον... ἡγοράκει δημίπρατον (FD, 6, 42); σῶμα γυναίκεϊον ἀγοραστὸν ἐκ Δρομίων (FD, 6, 31). Но из этого, конечно, не следует, что больше покупных рабов среди вольноотпущенников не было. Здесь скорее подчеркиваются особые случаи приобретения рабыни: в одном случае она составляла часть конфискованного имущества¹⁰⁹, в другом — покупка совершилась в определенном месте и, возможно, имела какой-то скрытый от нас смысл, на что указывает и высокая выкупная цена — 10 мин.

Не помогают выяснению происхождения рабов и данные об их этническом составе, вернее — почти полное отсутствие их. Только в двух надписях говорится о γένος, но объясняется это добавлением тем обстоятельством, что манумиссор (как и раб) — не дельфиец, причем и тот, и другой родом из одного города: FD, 2,285 — оба из Бойона, FD, 1,303 — оба из Фиска. Этим манумиссии из Дельфы римского времени отличаются от эллинистических, в которых указано происхождение не менее половины вольноотпущенников¹¹⁰. Можно предположить, что это вызвано сокращением привоза в в Дельфы рабов извне — не только из других полисов и областей Греции, но главным образом из других земель, особенно из Фракии и Малой Азии, вызванным захирением Дельф в римское время.

О том же, возможно, свидетельствует и характер имен, среди которых наблюдается большое единообразие. Преобладают чисто греческие: Александр, Афродисия, Архон, Агела, Елена, Дионисий, Докса, Пелагея, Эпиктесис, Зоил, Тираннос, Никобула, Гликера, Парамон и Парамона, Сотерих и Сотериха, Сосикрат, Сострата, Сосиха, Евфросин и Евфросина, Гераклит, Онасифорон, Синферуса, Технон и др. Негреческие имена единичны: Δαυνιτιλδα¹¹¹, Βαρράνης (FD, 6, 12), фракийское имя Ῥοδόπη (FD 6, 14). Этим наши манумиссии тоже отличаются от более ранних — в дельфийских отпускных II—I вв. до н. э. рабов — фракийцев, например,

¹⁰⁹ Ср. титорские манумиссии, в которых тоже специально отмечено, что отпускаемая рабыня γενόμενον δημίπρατον (IG, IX, 1, 190).

¹¹⁰ В отдельные периоды соотношение несколько меняется (SSGRA, p. 32).

¹¹¹ FD, 6, 135. Предполагают германское происхождение имени (FD, 6, p. 124).

засвидетельствовано не менее 40 (правда, только 10 носят явно фракийские имена, но этническая принадлежность остальных несомненна, так как указан их γένος) ¹¹².

Наконец, мы ничего не знаем о занятиях рабов, в отпускных ни разу не указан род их деятельности. Можно ли, однако, на основании этого делать вывод, что отпускали преимущественно некалфицированных рабов, занятых в сельском хозяйстве и исполнявших различные работы по дому? Сравнение с другими греческими манумиссиями не помогает ответить на этот вопрос, так как в отпускных актах из немногих полисов Ахайи подобных сведений тоже нет ¹¹³.

* * *

Вопрос о выкупных ценах рабов рассматривался в литературе неоднократно, но или в общей форме, притом преимущественно на эллинистическом материале, или, хотя и детально, тоже на основании манумиссий более раннего времени ¹¹⁴. И здесь, как, впрочем, и в отношении ряда других вопросов, мы находимся в менее благоприятных условиях, чем те, кто изучает эллинистическое рабство. Как отметил К. К. Зельин, уже в конце II в. до н.э. «документальный материал становится более разрозненным и охватить его гораздо труднее» ¹¹⁵, что и побудило его ограничиться при изучении выкупных цен отрезком времени от 180 г. до конца 20-х годов II в. до н. э. Еще в большей мере сказанное справедливо по отношению к римскому времени. Этот материал не позволяет, например, говорить о каких-либо движениях цен по десятилетиям. Поэтому «сделать некоторые заключения общего характера» ¹¹⁶ вряд ли вообще возможно, и мы ставим перед собой более скромную, но вместе с тем более реальную задачу — собрав те цифры, которые содержатся в имеющихся в нашем распоряжении отпускных, сопоставить их.

Как уже справедливо отмечалось в литературе, вопрос о выкупных ценах весьма сложен. Действительно, совершенно невозможно учесть все факторы, которые влияли на них: возраст, профессиональные навыки и личные качества раба, его положение в доме господина и т. п. — обо всем этом мы фактически ничего не знаем. Можно только попытаться учесть, с одной стороны, все, что известно о самом рабе, с другой — условия его освобождения (помимо цен).

¹¹² Велков В. Рабы-фракийцы в античных полисах Греции VII—II вв. до н. э. — ВДИ, 1967, № 4, с. 78.

¹¹³ Отсутствуют они и в эллинистических манумиссиях, за редкими, буквально единичными исключениями (см., например: Блаватская, с. 26).

¹¹⁴ Foucart, p. 48—50; Calderini, p. 210 sqq.; SSGRA, p. 36, 100; Зельин, с. 136—145; Блаватская, с. 27—34; Rädle H. Untersuchungen..., S. 158—167; idem. Finanzielle Aspect der Freilassung von Sklaven in Delphi. — «Historia», Bd. XIX, 1970, H. 5, S. 613—617.

¹¹⁵ Зельин, с. 136.

¹¹⁶ Там же.

Всего известны цены 130 рабов, но «известны» — сказано не совсем точно. Дело в том, что при отпуске одним хозяином нескольких рабов одновременно составлялся один акт. Таких манумиссий 27, а рабов — 74. Из них только в 8 надписях, охватывающих 28 человек, указано, что выкупная цена названа для каждого ¹¹⁷. Рассмотрение этих цен позволяет сделать следующее наблюдение: в одном акте, независимо от пола указанных в нем рабов и условий их освобождения, всегда стоит одна и та же цена. Так, по FD, 6,6 освобождаются рабыня без парамонэ и три раба с парамонэ, каждый за 4 мины; по FD, 6, 13 — две *хорάσια*, одна полностью, другая — с парамонэ, каждая за 3 мины. Получили полную свободу за 3 мины каждый трое мужчин и женщина (SGDI, 2156) и за 5 мин каждый три женщины и мальчик (FD, 6, 123).

Далее выделяются те манумиссии, по которым дается свобода рабам, обозначенным одинаково и отпускаемым на равных условиях, но за общую цену, например, семи замороженными рабынями за 20 мин (FD, 3,303), двум рабам за 6 мин (FD, 6, 11) — всем с парамонэ, или трем *хорάσια* без парамонэ за 10 мин (SGDI, 2323) и двум *хорάσια* за 6 мин, тоже без парамонэ (FD, 6, 14). Видимо, в подобных случаях можно делить цену на число освобождаемых. Тем самым мы увеличим свой материал еще на 26 цифр. Остается 20 рабов, которые делятся на две группы: отпускаемые за общую цену, но на разных условиях или разного пола, и взрослые и дети. Что касается первой группы, то, имея в виду вышеизложенное наблюдение над ценами, указанными отдельно за каждого раба, видимо, возможно и эти общие цены делить на число отпускаемых (речь идет о семи рабах ¹¹⁸). Более неясно обстоит дело с остальными 13, так как в их число входят взрослые и дети, а цены указаны суммарно. За неимением места мы не будем их рассматривать, тем более что некоторые манумиссии требуют специального комментария.

Известны цены 21 *хорάσια*, получивших примерно поровну полную свободу (десять человек) и освобожденных на условии парамонэ (одиннадцать). Их цены наиболее ровные: 18 заплатили по 3 мины, причем три — несколько больше, вместе 10 мин (SGDI, 2323), одна, с парамонэ, — 4 мины (FD, 3,300), одна 100 денариев (FD, 6,37) и одна 60 денариев (Colin, 81), обе на условии парамонэ. В последнем случае речь идет о совершеннейшей крошке — шестимесячной Авге. За 100 денариев ¹¹⁹ отпустили, видимо, тоже маленькую девочку, вскормленную в доме господина Аркису ¹²⁰.

Приведенные цены, однако, не отражают полностью тех условий, на которых отпускали на волю *хорάσια*. Уже по отношению к ним

¹¹⁷ FD, 1, 572; FD, 3, 306, 377; FD, 6, 6, 13, 123; SGDI, 2156; SEG, XII, 248.

¹¹⁸ FD, 3, 312, 326; FD, 6, 107.

¹¹⁹ В своих подсчетах мы будем исходить из следующего принятого для Ранней империи соотношения: мина равна ста денариям (*Larsen J. A. O. Op. cit.*, p. 477, п. 8 and p. 489 sq.).

¹²⁰ Ср. FD, 6, 53 — столько же хозяева согласны получить вместо трехлетнего ребенка.

мы встречаемся с тем требованием, которое столь характерно для манумиссий римского времени, — с обязательством предоставить детей. К этой клаузуле мы вернемся в связи с парамонэ, сейчас же укажем только, то речь идет о трех отпущенниках — Сотерихе (FD, 6, 22), Сострате (FD, 6, 39) и Онасифорон (FD, 6, 53).

С *παιδάρια* картина простая: из 9 цен 5 — по 5 мин (3 — с парамонэ) и 4 — по 3 мины (два — доморожденные, с парамонэ и с аполисисом ¹²¹; два — за 6 мин по одному акту, один из них с парамонэ — FD, 3, 312). Выделяется только одна манумиссия, по которой *παιδάριον* Антинктос, уплатив 5 мин, должен был оставаться при сыне хозяина, а после его смерти для получения полной свободы уплатить, очевидно, сыну последнего (т. е. внуку) еще 50 денариев (FD, 6, 123). Но этот акт, по которому освобождались еще три рабыни, вообще отличается жестокими условиями отпуска (см. ниже).

Как видим, выкупные цены *παιδάρια* выше, чем *χορσία*, у которых, если говорить о собственно цене, уплаченной деньгами, нет цифры 5, тогда как у *παιδάρια* их больше половины.

Среди цен мужчин наблюдается больший разрыв. Самые низкие цены: 50 драхм (? — SEG, XII, 248) и 2 мины, уплаченные за полную свободу Тиранносом ¹²². Самая высокая цена — 6 мин, которые заплатил тоже за отпускную без парамонэ доморожденный Сотер (FD, 1, 311). Из остальных 20 цифр ¹⁵¹²³ извлечены из актов с парамонэ: 8 по 3, 3 по 4 и 4 по 5 мин; без парамонэ — 1 за 3 и 1 за 4 мины, т. е. всего 9 по 3 мины, 7 по 4 и 4 по 5 мин. За 3 мины каждый выкупились, например, трое рабов (и рабыня) по одному акту, все с парамонэ (SGDI, 2156), Сотерих и Парамон, заплатившие за свободу с парамонэ вместе 6 мин (FD, 6, 11). По 4 мины отдали три сына Зописы, которая по этому же акту, тоже за 4 мины, стала полностью свободной; видимо, супруги освободили старую рабыню и трех ее взрослых сыновей, однако с условием оставаться при их сыне Дионисии и заплатить его детям, если таковые появятся в будущем, каждый по 60 денариев ¹²⁴. Известно, что один из сыновей — Парамон — впоследствии полностью выкупился у Дионисия (FD, 6, 7). По 4 мины заплатили также 3 раба, освобожденных вместе с четырьмя рабынями (FD, 1, 572), и Парамон, который за 4 мины получил полную свободу (FD, 6, 5). Что касается четырех рабов, уплативших по 5 мин, то трое из них — Зоил (FD, 6, 34), Александр (FD, 6, 108) и Трифон (FD, 6, 119) — были *ἴδιοι φρεπτοί*, что, впрочем, может быть и случайным совпадением. Любопытно, что самую низкую (как и самую высокую) цену уплатили рабы за полное освобождение.

¹²¹ FD, 3, 276, 278; FD, 6, 25, 27.

¹²² Точнее — 4 мины за два «тела» — Тиранноса и Синферусу (FD, 6, 107).

¹²³ Из-за фрагментарности надписи неизвестно, получили ли полную свободу или были освобождены на условии парамонэ три раба и четыре рабыни, заплатившие по 4 мины (FD, 1, 572).

¹²⁴ FD, 6, 6. См. также ниже, стр. 50.

Цены женщин гораздо разнообразнее, что отчасти, видимо, может объясняться тем обстоятельством, что самих цен больше (примерно половина известных). Самые низкие цены — 50 драхм (? — SEG, XII, 248) и 2,5 мины — столько заплатили вместе за полную свободу Береника и Аполлония (SGDI, 2185), т. е. по мине с четвертью каждая. По две мины стоила свобода упомянутой Синферусе (FD, 6, 107), Калло (200 денариев — FD, 6, 48) — обе отпущены без парамонэ — и Исиаде, но в последнем случае можно предполагать особое отношение господина к рабыне, побудившее его, взяв с нее небольшую сумму, оставить при себе ¹²⁵. Заметим, что и в отношении женщин наблюдается та же любопытная черта, которую мы отметили, говоря о мужчинах (если только это не случайное совпадение) — наименьшие цены заплачены за полную свободу.

Самые большие цены — 13 мин (FD, 3, 318), 10 мин (FD, 6, 31) и 800 денариев (FD, 6, 35), причем все три, наоборот, с парамонэ. Отпускная FD, 6, 31 принадлежит рабыне, обладавшей, видимо, какими-то выделяющими ее из общей массы рабов качествами, — это одно из двух «тел», которые были, несомненно, куплены. За 7 мин полностью освободилась Сострата (FD, 6, 44). Упомянем, кроме того, еще об одном акте с высокой выкупной ценой, хотя в нем говорится о женщине и ребенке: полностью выкупились за 20 мин Феспия и, очевидно, ее дочь, пайдиска Аристобула (FD, 6, 133). Все другие цифры находятся в пределах от 3 до 5 мин (только Италия — за 5,5 мины без парамонэ, FD, 3, 283). Больше всего рабынь получили свободу за 3 мины — 34, из них 21, т. е. 2/3, с парамонэ. Семи доморожденным рабыням освобождение на условии парамонэ стоило несколько меньше, вместе 20 мин (FD, 3, 303); несколько больше 3 мин заплатили за освобождение, тоже с парамонэ, Трифера и Сострата (втроем с Аристионом 10 мин, FD, 3, 326). За 4 мины освободилось 8 (3 с парамонэ, 4 — условия неизвестны, см. прим. 123) и за 5 мин — 11 рабынь (из них 8, т. е. тоже 2/3, с парамонэ).

Приведенные цифры создают, однако, не совсем верное представление об условиях освобождения рабынь — мы имеем в виду особую статью манумиссий, о которой уже упоминалось в связи с ценами *хорасиа*, — клаузулу о детях. Как и соответствующие статьи в надписях *хорасиа*, мы рассмотрим их в связи с парамонэ, сейчас же укажем только, что, очевидно, нельзя установить никакой зависимости между размером выкупной цены и числом и возрастом детей, предоставить которых вменяется в обязанность парамонариям (выкупные цены в них — 3, 4, 5 мин). Статьи о детях, несомненно, значительно увеличивали выкупные цены. Подразумевались прежде всего собственные дети рабынь, но в действительности так было далеко не всегда, и сами хозяева иногда предусматривали замену детей определенной суммой. К сожалению, рыночные цены детей

¹²⁶ FD, 3, 329. Подробнее см. ниже, стр. 52 сл.

неизвестны, но так как трехлетнего можно было заменить 100 денариями (FD, 6, 53), а трех двухлетних — 200 (FD, 6, 38) ¹²⁶, правомерно предположить, что указанные цифры в общем соответствовали стоимости детей ¹²⁷. Если прибавить к выкупной цене в 3—5 мин названные суммы, учтя, что некоторые женщины должны были дать господам не одного, а двух и даже трех детей, станет ясно, что в общем рабыни ценились выше всего или, что, очевидно, не совсем то же самое, с них можно было получить больше всего, рассчитывая и на их детей.

Подытожив сказанное, составим таблицу:

Цены в минах	С парамонэ	Без парамонэ	Всего
До 2 включительно	5	5	10
3	40	25	65
4	7	2	16*
5	15	5	20
От 5 до 8	1	3	4
От 10 и выше	2	1	3
Всего	70	41	118**

* В семи случаях условия неизвестны (см. прим. 123).

** Разница в один (118 вместо 117, ср. выше, стр. 34) объясняется тем, что учтена FD, 6, 133 (только цена рабыни, ибо она несомненно выше 10 мин).

Подведем некоторые итоги. Самым, пожалуй, поразительным оказалось отсутствие разницы в ценах при отпуске с парамонэ или без нее. Более того, за полное освобождение платили подчас меньше, чем за свободу, ограниченную обязательством оставаться при манумиссоре. Мы не выводили среднеарифметических цифр, поскольку они по существу не говорят ни о чем; гораздо показательнее другие подсчеты, отражающие реальное положение. Прежде всего, есть три цифры, охватывающие большую часть выкупных цен: 3—4—5 мин. Крайних цен мало, их совсем нет для *παῖδάρια*, очень мало для *χοράια* и относительно больше для женщин. Самая значительная часть рабов (65, то есть половина) заплатила по 3 мины, за 4 и 5 мины выкупилось одинаковое число — примерно по 15% (мы отвлекаемся здесь от дополнительных обязательств, хотя по существу это несколько искажает действительные условия освобождения). В общем суммы, выплачиваемые рабами в зависимости от их

¹²⁶ Ср. цифры в актах из других городов: в Титоре вместо двухлетнего ребенка хозяин согласен получить 200 денариев (см. ниже, стр. 41 и 51), в Гиамполе рабыня в случае, если не предоставит ребенка, обязана выплатить тоже 200 денариев (см. ниже, стр. 41 и 51).

¹²⁷ Ср. Fontes, III, 87; Bruns⁵, p. 259, № 2; Избранные надписи..., № 500 — девочку примерно 6 лет в Дакии в 193 г. купили за 205 денариев.

пола и возраста, особенно не отличаются, хотя самые низкие — у девочек. Конечно, категория *παῖδάρια*, как и *χοράσια*, включала очень различных по возрасту рабов, среди *σώματα ἀνδρέα* и *γυναικεία* были и совсем старые, что в какой-то мере объясняет наличие общих цифр во всех группах. Но все-таки цены мальчиков несколько удивляют своими размерами, по 3 мины заплатили четверо, тогда как по 5 — пятеро, а среди мужчин только четверо, хотя их гораздо больше (это относительно больше, чем и у женщин); оговоримся, правда, что цифр здесь очень немного.

На основании выкупных цен в какой-то мере, видимо, можно судить о характере освобождаемых рабов. В таком случае преобладание средних цифр должно свидетельствовать о том, что выкупались преимущественно неквалифицированные рабы.

Помимо выкупных цен, о деньгах в манумиссиях упоминается, кроме того, в связи с долговыми обязательствами. К сожалению, все три акта, которые можно привлечь, дошли не полностью. Согласно FD, 6, 15, Сотерих остается на условиях обычного парамонэ при «вскормивших» его Евфросине и Сотерис и должен дать первому τῶν δαυῶν 100 денариев начиная с архонтата Дионисия в течение трех лет. Из текста, однако, неясно, о каком именно долге идет речь — или Сотерих должен был платить Евфросину из денег, которые он одолжил в виде займа — эранос, известного по более ранним манумиссиям¹²⁸; или, что более вероятно, он получил эти деньги от Евфросина, который одолжил их своему рабу, — явление редкое, но не невозможное — а может быть, освободил его при условии, что последний выплатит выкупную сумму в течение трех лет (что по существу одно и то же)¹²⁹. Вторая надпись (FD, 6, 129) дошла в еще худшем состоянии, но ясно, что хозяйка полностью освобождает рабыню с согласия мужа и сына. Видимо, стк. 11—14 содержали какое-то распоряжение о выплате 100 денариев (т. е. суммы, равной указанной в FD, 6, 15); возможно, это был долг рабыни некоему Афинодору¹³⁰. От третьей манумиссии (FD, 3, 297) сохранилось еще меньше, но несомненно, что речь идет о долговых обязательствах (выкупная цена 9,5 мин, говорится о ежегодной выплате 55 статеров, каких-то сроках и деньгах).

Было бы интересно выяснить, не способствовали ли долговые обязательства повышению цены, выплачиваемой рабом¹³¹. Но выкупная цена сохранилась только в последнем из перечисленных актов. Правда, 9,5 мин — одна из самых крупных известных сумм, но этого слишком мало, чтобы думать о каких-либо выводах.

Сравнение с эпохой эллинизма показывает, что выкупные цены в рассматриваемое время несколько возросли (хотя следует учесть и общее повышение цен). Если для II в. до н. э. средними являются

¹²⁸ Зельин, с. 144.

¹²⁹ См. Valmin N.— FD, 6, p. 19.

¹³⁰ См. комментарий Н. Вальмена: FD, 6, p. 115.

¹³¹ Ср. Зельин, с. 144.

цены от 2 до 4 мин¹³², то для конца I в. до н. э. — I в. н. э. от 3 до 5 мин, 2 мины — это низкая и крайне редкая цена. Три мины за *παίδάριον* никак нельзя считать повышенной ценой, что справедливо для II в. до н. э.¹³³; наоборот, теперь это самая низкая из указанных цен. Данное явление отвечает общему ухудшению условий выкупа рабов, о чем свидетельствуют и другие статьи манумиссий, о которых речь пойдет несколько ниже.

Что касается соотношения между рыночной стоимостью раба и его выкупной ценой — вопроса, который в литературе решается по-разному¹³⁴, то полное отсутствие данных о стоимости рабов в провинции Ахайе не позволяет нам сказать что-либо конкретное¹³⁵, и все соображения на этот счет поневоле носили бы чисто умозрительный характер. Можно только привести одно свидетельство из Плутарха: некто, узнав, что учитель хочет за обучение его сына получить 1000 драхм, воскликнул: «Ведь я могу купить за тысячу раба! (*ἀνδράποδον*)», на что учитель ему ответил: «Тогда у тебя будет два раба, и сын, и тот, кого ты купишь» (Plut., *De lib. educ.*, 4 F — 5 A). Ясно, что помочь ответить на поставленный вопрос этот отрывок вряд ли может.

2. МАНУМИССИИ ИЗ ДРУГИХ ГОРОДОВ ФОКИДЫ

Кроме дельфийских, сохранились манумиссии и из других городов провинции Ахайи. Их немного, и с точки зрения изучения рабства они не представляют большого интереса, не сообщая по существу ничего нового по сравнению с актами из Дельф. Но некоторые из этих манумиссий весьма своеобразны. Заслуживают внимания и содержащиеся в них сведения, дающие дополнительный материал для суждения о рабах, рабовладельцах и отпускных ценах. Поэтому представляется целесообразным обратиться к этим документам, вернувшись затем, когда речь пойдет о парамонэ, вновь к дельфийским надписям.

Начнем с фокидского города Титоры, откуда от римского времени дошло 12 актов, но сохранность части их настолько плохая, что приходится ограничиться шестью манумиссиями. Все они — начала II в. н. э.¹³⁶

¹³² Там же, с. 141.

¹³³ Там же, с. 142.

¹³⁴ *Calderini*, p. 212; *SSGRA*, p. 36; *Зельин*, с. 137, 140; *Блаватская*, с. 27—29; *Rädle H. Finanzielle Aspect...*, S. 615—617.

¹³⁵ Ср. 1-ю главу (автор — Е. М. Штаерман) в кн.: *Штаерман Е. М., Трофимова М. К.* Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М., 1971, с. 25 сл. (сильные, годные для простой работы рабы в среднем стоили около 500 денариев, менее пригодные рабы, дети — около 250 денариев).

¹³⁶ IG, IX, 1, 188 (=SGDI, 1555a; *Le Bas-Foucart*, II, 823 I; *RIJurGr*, II—III, 21); 189 (=SGDI, 1555b; *Le Bas-Foucart*, II, 823 II); 190 (=SGDI, 1555c; *Le Bas-Foucart*, II, 823 III); 192 (=SGDI, 1555f; *Le Bas-Foucart*, II, 826 II); 193 (=SGDI, 1555d; *Le Bas-Foucart*, II, 824); 194 (=SGDI, 1555e; *Le Bas-Foucart*,

Отпуск имеет форму продажи раба богу Серапису¹⁸⁷. По своей форме отпускные близки к дельфийским. Манумиссорами выступают в трех случаях супруги (190, 192, 193), в двух — по двое мужчин (188, 189 — отец и сын), в двух — по одному мужчине (женщин, в отличие от Дельф, нет). О согласии говорится в пяти актах, в четырех — сыновей и в одном отца. Фраза о получении денег есть во всех надписях, но формула *καθὼς ἐπίστευσε*, совершенно обязательная для дельфийских манумиссий, здесь отсутствует. Статья о поручителях отличается большой краткостью, как в эллинистических актах из Дельф, причем в трех случаях им назначается лицо, выразившее согласие на отпуск (189, 192, 193; в двух последних — сыновья манумиссора). Несколько своеобразна формула свободы, везде сказано: *μὴ καταδουλιξάτω... μηδεὶς κατὰ μηδὲνα τρόπον*, в двух, кроме того, добавлено о запрещении закладывать отпущенного (*μηδὲ ἐνεχυραξάτω* — 192, 194). В двух актах уточняется, что речь идет не только о самом рабе, но и об его имуществе (*τὰ ὑπάρχοντα* — 188; *ἃ κα ἔχει* — 189). Клаузула о гарантии свободы предусматривает штраф, половина которого принадлежит богу, а другая — тому, кто вступился за вольноотпущенника. Любопытно, что штраф неодинаковый, причем нельзя уловить никакой зависимости его от размера выкупной цены: 10 мин (190), 2 тыс. денариев (192), 30 мин (193), 4 тыс. денариев (194), 60 мин (189, 188—1 талант). Текст акта вырезается в храме Сераписа, копия отдается на хранение архонту. Оригинал, как и в Дельфах, писал (или, вернее, подписывал), очевидно, сам манумиссор (189) или, в случае его неграмотности, лицо, которому он это поручал (194). Завершалась манумиссия перечнем свидетелей и обычно подписью поручителя, подтверждающего свое участие в данной сделке.

Таким образом, основное отличие манумиссий из Титоры, пожалуй, заключается в установлении штрафа за попытку вернуть вольноотпущенника в его прежнее рабское состояние.

Рабы определяются и уже знакомыми терминами — *σῶμα ἀνδρεῖον*, *σῶμα γυναικεῖον*, *χοράσιον* и новыми — *ἐξελεύθερον*, *χοράσιον δουλικόν*. Их семеро (по одному акту отпускаются двое — 194): 2 мужчин, 2 женщины и 3 *χοράτια*. У одного раба указано имя отца: Сотим, сын Архуса (189), чего в Дельфах ни разу не встречалось. «Собственный вольноотпущенник» Никон получил полную свободу за 20 мин (188), все остальные — на условии парамонэ, заплатив меньшие суммы. За 30 мин стали (вместе) свободными Никасия и Сторге (194), выкупные цены двух *χοράσια* одинаковые: Сотерихи — 10 мин (190),

II, 825); 191 — только начало, 195—199 — почти не сохранились. О них см. *Calderini*, p. 75 и др.: *Koschaker P.* Op. cit., S. 29; *Larsen J. A.* Op. cit., p. 477, n. 8; *RijurGr*, II—III, p. 283; *Bömer*, II, S. 53 f., *Samuel*, ch. V, passim; *Rädle H.* Untersuchungen..., S. 64, Anm. 2. Кроме того, о Титоре римского времени и ее манумиссиях — *Kahrstedt U.* Op. cit., S. 11—15.

¹⁸⁷ Титора была известна своим святилищем Асклепия (*Paus.*, X, 32, 12), но ко II в. н. э. Асклепий уступил место Серапису (см. *Bömer*, II, S. 23 f., 53, 61 ff.).

Онасифорон — 1 тыс. денариев (192), тогда как третья, Евфросина, должна, помимо денег (тоже 10 мин), дать двухлетнего ребенка или 200 денариев (193)¹³⁸. Все это по сравнению с Дельфами весьма значительные суммы. И только один мужчина, Сотим, выкупился за 5 мин (189). О происхождении рабов ничего не известно, кроме того, что Сотериха была куплена как часть конфискованного имущества.

Манумиссии из Титоры позволяют остановиться на одной очень важной проблеме, которой мы уже коснулись при рассмотрении дельфийского материала, — вопросе о социальной принадлежности манумиссоров. Кто отпускал рабов и кто помогал им в этом? Мы располагаем лишь шестью надписями, правда, хронологически очень близкими; тем более показательны их свидетельства. Если всех названных в отпускных актах лиц расположить согласно тому месту, которое они в них занимают — жрец, архонт, поручитель и т. п., а затем соединить одно и то же лицо в разных графах, учтя также его родственников, то весь листок окажется перекрещенным: Нейкенет, сын Нейкенета, — жрец в 192 и 194, манумиссор в 192, его сын Теймон, согласившийся на эту сделку и поручитель в ней, — свидетель в 193. Аристион, сын Соклара, — архонт в 190 и свидетель в 192, а Соклар, сын Аристиона, — свидетель в 193. Возможно, их родственники — Аристион, сын Аристиона (архонт в 193) и Кафид, сын Аристиона (архонт в 192 и 194). Соклар, сын Агия, — свидетель в 188 и Агий, сын Соклара, — свидетель в 192; Никодам, сын Биона, — жрец в 188, а Бион, сын Никодама, — свидетель в 189. Перед нами несомненно круг лиц, в который входят крупные магистраты. Многие из них связаны узами родства, и все они выступают в манумиссиях в разных качествах, меняясь ролями. Видимо, можно все-таки говорить, что по крайней мере рассмотренные манумиссии связаны с тонким слоем верхов такого маленького городка, каким в Ахайе II в. являлась Титора.

Есть две манумиссии еще из одного города Фокиды — Гиамполя. Обе имеют необычные детали, резко отличающие их от других известных греческих отпускных. Евкратея¹³⁹ отпускается на условии парамонэ и должна дать по крайней мере двоих детей (см. ниже). За покушение на ее права свободной налагается штраф в пользу Артемиды и Аполлона. Освобождение Евкратеи выражается следующим любопытным образом: καὶ ἔστω ... ἐλευθέρᾳ χρηματίζουσα ἱερά τῆς Ἀρτέμιδος καὶ τοῦ Ἀπόλλωνος καὶ μὴ ποδῆκουσα. Однако, без сомнения, это действительное освобождение: Евкратея не становится храмовой рабыней, она только χρηματίζουσα ἱερά, что никоим образом не ущемляет ее свободы, но является еще более прочной защитой.

¹³⁸ О толковании см. Bömer, II, S. 54.

¹³⁹ Надпись Delt. Arch., 2, 1916 (1917), p. 263 sqq. осталась для нас недоступной, и мы судим о ней только по изложению Ф. Бёмера, довольно подробно остановившегося на ней. Сохранилась не целиком, точно не датируется — возможно, I или II в. (Bömer, II, S. 54—56).

Не совсем обычна и вторая надпись из Гиамполя, времени Траяна, т. е. самого начала II в. н. э.¹⁴⁰ Зосима, дочь Зоса, отпускает τὸν ἰδίαν δοῦλον Исохрису¹⁴¹. В качестве свидетелей, помимо жреца, названы боги Серапис и Исида и «божественный» Траян. Все формулы отличаются краткостью: рабыня свободна «с сегодняшнего дня», она должна оставаться при Зосиме в течение жизни последней ἀνεκλήτως, заступиться за нее может любой желающий, а покушавшийся на свободу Исохрисы платит штраф в 30 мин, половина которого, как и в Титоре, идет богам, а половина ее заступнику. Ни выкупной цены, ни фразы о ее получении нет.

3. НАДПИСИ ОБ ОТПУСКЕ ИЗ ЗАПАДНОЙ ЛОКРИДЫ

По сравнению с эллинистической эпохой число поздних манумиссий жителей полисов Локриды Озольской гораздо меньше¹⁴². Кроме Амфиссы, это были маленькие городки, расположенные в восточной части области, неподалеку от Дельф, и жители их в римский период сохраняли верность знаменитому святилищу Аполлона, хотя слава его заметно померкла. Действительно, все их отпускные происходят из Дельф¹⁴³, по своему характеру ничем от дельфийских не отличаясь.

Что касается Амфиссы — самого крупного наряду с Навпактом города Западной Локриды, то граждане его предпочитали обращаться в свое святилище Асклепия¹⁴⁴. Из Амфиссы дошли четыре манумиссии¹⁴⁵. В литературе уже отмечалось¹⁴⁶ сходство по форме отпускных из Западной Локриды с дельфийскими; в римское время оно, видимо, еще более усиливается, хотя некоторые отличия, конечно, есть (в датировке, хранении документов; гарантия свободы предус-

¹⁴⁰ IG, IX, 1, 86 (= RIJGr, II—III, 30). О ней см. *Calderini*, p. 75 и др.; *Жебелев* С. А. Указ. соч., с. 140; *Bömer*, II, S. 56.

¹⁴¹ Само освобождение выражается простой светской формой — ἀφίημι в отличие от предыдущей манумиссии, где акт назван ἀναθesis, но оформляется как постановление пробоῦλοι (см. *Bömer*, II, S. 55 f.).

¹⁴² О них см. *Lerat L.* Op. cit., I, p. X, XII; ср. II, p. 109 sq.

¹⁴³ Акты эти следующие: Фиск — FD, 1, 303; FD, 6, 116, Толфон — FD, 6, 41, Халией — FD, 3, 377; FD, 6, 130, Тритей — FD, 6, 123 (об этниконе см. *Colin G.* Op. cit., p. 115; *Valmin N.* — FD, 6, p. 105), Ояфия — *Lerat L.* Op. cit., I, p. 42 sq. (= SEG, XII, 248). См. также: *Lerat L.* Op. cit., I, p. XII; II, p. 110.

¹⁴⁴ Только одна амфиссиянка оформила отпуск рабыни в Дельфах — SGDI, 2249; ср. *Lerat L.* Op. cit., II, p. 110.

¹⁴⁵ IG, IX, 1², 3, 755^a (= IG, IX, 1, 318; SGDI, II, 1474); IG, IX, 1², 3, 755^b (= IG, IX, 1, 1066; RIJGr, II—III, 22); IG, IX, 1², 3, 756 (= IG, IX, 1, 1067—1069; *Kerampoullos A. D.* — Eph. Arch., 1904 (1905), p. 120—128); *ibid.*, p. 113—119. Первые три надписи Л. Лера (Op. cit., II, p. 109, 121, 135) и Г. Клаффенбах (IG, IX, 1², 3, p. 115, 116) датируют первой половиной I в. н. э.; так же А. Д. Керампулос (Eph. Arch., 1904 (1905), p. 162) датирует IG, IX, 1, 1066. Ср., однако, *Calderini*, p. 75; *Bömer*, II, S. 68 — I в. до н. э. Четвертую надпись издатель относит к I в. до н. э. (*Kerampoullos A. D.*, p. 114); ср. *Lerat L.* Op. cit., II, p. 109—I в. н. э. Об этих актах см. указанные работы Керампулоса (p. 113 sqq.), Кальдерни (p. 75 и др.), Лера (I, p. X; II, p. 109, 121, 135), Бёмера (II, S. 68 f.), Редле (Untersuchungen..., S. 64).

¹⁴⁶ *Блаватская*, с. 23.

матривается и при жизни манумиссора, и после его смерти; отдельные формулы гораздо короче).

В качестве лиц, освобождающих рабов, выступают, очевидно, супруги (Eph. Arch., 1904, p. 113—119) и дважды по одной женщине (IG, IX, 1², 3, 755^a, 755^b)¹⁴⁷, которые отпустили по одному человеку — доморожденного Никострату и Никострата, Эпиктесис и беотянку Сотерис, всех на условии парамонэ. При этом Сотерис заплатила 1 мину, Никострат — 3 мины, Никострата же должна дать Онеси-фору, сыну Никона¹⁴⁸, двух детей — [εἴτε] ἐξ ἀδῆς εἴτε ἀγοράσασα — «не младше двух лет» (IG, IX, 1², 3, 755^b), что составляло, видимо, около 2—3 мин, если исходить из данных фокидских надписей¹⁴⁹. Манумиссия интересна с двух точек зрения. Это — единственный известный нам пример замены денежной формы выкупной цены детьми, притом именно самими детьми, а не их стоимостью. Во-вторых, это тоже единственный в греческих отпускных актах случай, когда открыто разрешается купить ребенка, что, впрочем, вытекает из самого характера оплаты освобождения.

4. МАНТИНЕЙСКИЕ МАНУМИССИИ

Южная Греция представлена только одним городом — Мантиней, где найден ряд манумиссий, но они, к сожалению, не все поддаются датировке, тем более что и сохранность нескольких очень плоха. К императорскому времени относятся несомненно только два акта¹⁵⁰. Они совершенно непохожи на ранее рассмотренные — это короткие, в 25—30 слов, надписи, датированные жрецом храма Посейдона.

Согласно IG, V, 2, 275 II, Артемон, сын Артемона, и Гермия, дочь Юния, «освободили Дидиму, свою рабыню (τὴν ἰδίαν δοῦλην), давшую плату за себя и не зависящую ни от кого ни в чем». Вторая манумиссия сообщает об освобождении Еводией, дочерью Симмаха, мантинейки, Ельпиды — τὴν ἰδίαν θυγατέρα καὶ δοῦλην, которой она разрешает быть полностью свободной, «не завися ни от кого ни

¹⁴⁷ Кто продавец в IG, IX, 1², 3, 756, не совсем ясно, так как начало надписи не сохранилось (ср. *Keramopoulos A. D. Op. cit.*, p. 125 sq.; *Calderini*, p. 179, п. 3; *Klaffenbach G.* — IG, IX, 1², 3, p. 116). Поэтому неизвестна и выкупная цена Эпиктесис.

¹⁴⁸ Вероятно, сын хозяйки рабыни. О нем, помимо комментария Клаффенбаха в IG, IX, 1², 3, p. 115, см. *Pomtow H. Delphische Neufunde, V.* — «Klio», Bd. XVII, 1921, Н. 3—4, S. 186, № 175.

¹⁴⁹ Учитывая близость полисов и тесные связи между ними. См. *Никитский А. В.* О западно-локридских надписях. — ЖМНП, 1911, март, стр. 122; ср. *Lerat L. Op. cit.*, II, p. 109 sq.

¹⁵⁰ IG, V, 2, 277 (= *Le Bas-Foucart*, II, 352^k; *RIJurGr*, II—III, 41); IG, V, 2, 275 II (= *Le Bas-Foucart*, 352^m; *RIJurGr*, II—III, 42). О манумиссиях из Мантиней см. *Fougères G. Mantinée et l'Arcadie Orientale*, Paris, 1898, p. 343; *Жебелев С. А.* Указ. соч., с. 171—173; *RIJurGr*, II—III, p. 307 sq.; *Calderini*, p. 71 и др. IG, V, 2, 277 датируется II в. н. э. (*Paus.*, VIII, 8, 12 — только при Адриане город снова стал называться Мантиней вместо Антигонии), 257 II — императорской эпохой (ср., однако, *Kahrstedt U. Op. cit.*, S. 134; *Bömer*, II, S. 114).

в чем никоим образом». Помимо обычных для формулы свободы слов, здесь появляется совершенно новое — *αὐτεξούσιος*, «получивший полную свободу». Данная надпись вызывает одно затруднение — что значит «собственная дочь и рабыня»? Было предложено несколько объяснений — Ельпида могла быть похищена, порабощена, а затем найдена и выкуплена матерью — свободной женщиной, которая теперь оформляет ее освобождение; возможно также, это дочь Евдии от раба, принадлежавшая, судя по законам некоторых полисов (ср. Plato. Leg., XI, 10, 930 D), хозяину раба; наконец, не исключено, что это подкинутый ребенок, которого хозяйка затем удочерила¹⁵¹. Вряд ли, однако, мы в состоянии определить, почему Евдия признавала Елпиду своей дочерью и рабыней, несомненно только одно — это была ее дочь, родная или приемная, чем, очевидно, и объясняется ее даровое (в отличие от первого случая) освобождение.

В заключение упомянем еще об одной надписи, которая, хотя и не является манумиссией, самым непосредственным образом связана с отпуском рабов на волю. Это надгробие с именем императорского раба Филета, сборщика 5% налога на отпуск рабов (*εἰκοστῆς ἐλευθερίας οἰκονόμος*)¹⁵². Мы не знаем, во всех ли областях Ахайи при освобождении рабов платили налог в римскую казну. В литературе, правда, высказывалось мнение, что свободные города сохранили старую систему отпуска, но основывается оно на общем впечатлении от дельфийских манумиссий и никаких других оснований не имеет¹⁵³.

5. ПАРАМОНЭ

Изучение манумиссий ставит перед исследователем ряд вопросов, вызванных еще одной статьей, достаточно часто встречающейся, — клаузулой о парамонэ, т. е. обязанности названного в акте вольноотпущенника оставаться при определенном лице, работая на него. Применительно к римскому времени проблема парамонэ — одна из основных проблем, связанных с манумиссиями, — уже рассматривалась нами¹⁵⁴.

Из 162 рабов, условия освобождения которых известны, выкупился на условии парамонэ 101 человек, что составляет около 62,3%. Еще в большей мере, хотя цифры, конечно, несопоставимы, преобладает освобождение с парамонэ в надписях из Титоре — в пяти из шести актов (см. выше). Сравнение с эллинистической эпохой говорит об ухудшении условий освобождения: во II в. до н. э. из всех манумиссий дельфийцев акты с парамонэ составляли только 26,23%¹⁵⁵, т. е. их меньше почти в 2,5 раза, чем в рассматриваемое

¹⁵¹ См. RИJurGr, II—III, p. 308; F. Hiller de Gaertringen — IG, V, 2, p. 56 (ad 277).

¹⁵² IG, III, 2, 1446; Dessau, 1867.

¹⁵³ Larsen J. A. O. Op. cit., p. 456 sq. О надписи см. также: Day J. Op. cit., p. 219 sq.

¹⁵⁴ Маринович Л. П. Указ. соч., с. 27—46.

¹⁵⁵ Согласно подсчетам К. К. Зельина (с. 141); ср. SSGRA, p. 35.

время. Доморожденных и «вскормленников» среди парамонариев около 1/3, т. е. они составляют примерно такую же часть, что и среди всех рабов, из чего, очевидно, следует, что на условия освобождения в целом не влияло, рос раб в доме господина или нет, — у них были примерно равные с остальными рабами возможности и шансы получить свободу в той или другой форме.

Всего больше на условиях парамонэ отпускали мужчин — около 80% от всего числа вольноотпущенников-мужчин. Если вспомнить, что их выкупные цены несколько ниже, чем женщин, уместно задать вопрос, насколько эти явления взаимосвязаны. Иначе говоря, не выражалась ли бóльшая ценность раба в более частом его отпуске на условия парамонэ. Вероятно и другое предположение (которое, впрочем, не отвергает первого): мужчины имели меньше возможностей, чтобы собрать нужную сумму, и поэтому были вынуждены чаще становиться парамонариями. Не исключено, наконец, что хозяевам в силу характера выполняемой мужчинами работы было выгоднее именно такого рода их освобождение.

Как правило, срок парамонэ определяется временем жизни лица, в пользу которого она устанавливается. Только в пяти актах предусматривается возможность для отпущенника заменить парамонэ определенной суммой денег, причем лишь в двух случаях это право фиксируется как безусловное. Авга может быть совершенно свободна, заплатив 300 денариев ¹⁵⁶. В другой надписи ¹⁵⁷ сумма не указана, но записано, что тот из рабов (их двое — доморожденные Онасифорон и Сотеро), кто захочет «освободиться от парамонэ скорее, пусть даст за освобождение сразу столько, сколько убедит (ὅ χα διαπείσῃ)», и будет свободен. В двух актах парамонэ устанавливается в пользу двух лиц, и только после смерти одного из них парамонарий, если не захочет оставаться, может быть свободен, дав 3 мины ¹⁵⁸. В пятой надписи дело обстоит сложнее — здесь предусматривается возможность развода супругов (в этом случае отпущенная Сотериха остается при мужчине) и их примирения в дальнейшем. Если затем муж умрет и «кто-нибудь наложит руку на Сотериху, пусть Сотериха будет иметь право, дав половину τῶν τροφῶν (очевидно, издержек на то, чтобы ее вырастить. — Л. М.), или три полумины, быть свободной» ¹⁵⁹. Кроме того, определен размер аполисиса в одной из титорских манумиссий — 70 серебряных драхм ¹⁶⁰.

Но даже после смерти хозяин стремился извлечь какую-нибудь выгоду из своего бывшего раба — в форме, единственно для него

¹⁵⁶ *Colin*, 81; см. также комментарий Ж. Колена (Op. cit., p. 198).

¹⁵⁷ FD, 3, 313; см. также комментарий Ж. До в FD, 3, p. 278; *Samuel*, p. 262.

¹⁵⁸ FD, 6, 108 — Александр за 300 денариев после смерти любого из супругов; FD, 3, 306 — Горанда после смерти матери Гермия (парамонэ в пользу матери и сына). См. также: *Samuel*, p. 260, 262, п. 5.

¹⁵⁹ FD, 3, 310; см. также: *Colin G.* Op. cit., p. 197 et n. 1; *Samuel*, p. 260.

¹⁶⁰ IG, IX, 1, 189. В дельфийской мине 100 драхм; ср., однако: *Rädle H. Finanzielle Aspect...*, S. 616 f.

теперь возможной: отпущенник обязан позаботиться об его погребении, καθὼς ἔθος ἐστὶ, καθὼς καὶ ὁ νόμος ἐστὶ, καθὼς οἱ λοιποὶ ἀνθρώποι. Эта клаузула нередка в манумиссиях ¹⁶¹.

Если обратиться к эллинистическим манумиссиям из Дельф, то заметны две черты, которые отличают отпускные римского времени с рассматриваемой точки зрения: насколько можно судить, в последних нет ни одного случая, когда обязанности оставаться при манумиссоре ограничивались бы каким-нибудь определенным сроком в несколько лет, как раньше. И соответственно, в более поздних отпускных нет того разнообразия условий полного освобождения парамонария еще до смерти манумиссора, которое наблюдалось раньше.

Обязанности, которые должен был выполнять вольноотпущенник в годы парамонэ, определяются кратко и категорично. Пример предельной краткости дает FD, 6,132: «Делая, что прикажут», но наиболее обычна, пожалуй, следующая формула: ποιῶν πᾶν τὸ ἐπιτασσόμενον ἀνεγκλήτως.

По большей части вольноотпущенник оставался при своем бывшем господине, госпоже, обоих хозяевах—обычно супругах, но есть и другие, очевидно, худшие для него варианты: любой из родителей с сыном или дочерью (или оба родителя с любым из детей), дети. Но всегда это родственники манумиссора.

За нарушение условий парамонэ вольноотпущенник нес ответственность — в подавляющей части актов есть статья о санкции ¹⁶². Право манумиссора (или другого лица, которому он поручит) наказывать любым способом никак не уточняется ¹⁶³. Наказывая нарушившего обязательства парамонария, имел ли манумиссор право продать его? К сожалению, материал манумиссий не дает оснований для прямого ответа на этот вопрос. Оговорка в FD, 3,329 («бить, и вязать, и продавать») признает это право, тогда как в трех других актах такая продажа запрещена (FD, 3,306; FD, 6,6; SGDI, 2156).

По-видимому, решать этот вопрос надо в связи с более общей проблемой, частью которой он является,— становился ли вольноотпущенник в случае нарушения парамонэ вновь рабом. В эллинистический период в основном встречаются две санкции: наказание, которое формулируется примерно сходным образом с нашими надписями, и «недействительность купли (ὥνᾱ) со всеми вытекающими отсюда последствиями» ¹⁶⁴. В последнем случае, очевидно, имеется в виду возвращение раба в прежнее рабское состояние. Подобной санкции в отпускных императорского времени нет, но следует ли из этого, что по сравнению с эллинизмом произошли какие-либо из-

¹⁶¹ FD, 1, 303; FD, 3, 329, 333; FD, 6,40 и др.; ср. *Lucian.*, *Nigr.*, 30.

¹⁶² Из надписей, собранных в FD, 6, ее нет только в пяти актах. Санкция не предусмотрена также в актах из Титеры.

¹⁶³ За исключением манумиссий SGDI, 2156 и FD, 3, 329, относящихся к числу наиболее ранних, и FD, 3, 306; FD, 6, 6 (только запрет продажи).

¹⁶⁴ *Зельин*, с. 162; ср. с. 171.

менения в статусе парамонария и что нарушение условий парамонэ теперь не угрожало ему рабством? Во всяком случае, оговорка о праве манумиссора продавать вольноотпущенника не дает оснований для такого вывода¹⁶⁵.

Когда освобождается рабыня, естественно встает вопрос о судьбе детей, которые рождаются в годы парамонэ. Вопрос этот весьма сложен и решался неоднозначно. Так, уделившие ему довольно большое внимание Бёмер и Сэмюэль пришли к диаметрально противоположным выводам. Бёмер считает, что дети принадлежали господину, как и любое другое имущество, приобретенное за годы парамонэ. Отдельные надписи, оговаривающие свободу детей, он рассматривает как исключение¹⁶⁶. Сэмюэль, напротив, трактуя парамонария как свободного человека, одно из доказательств этого видит в его праве распоряжаться своей собственностью, в том числе детьми. Противоречащие этому акты он объясняет как серьезное нарушение прав вольноотпущенника (приводя, однако, далеко не все из них)¹⁶⁷. К. К. Зельин скорее склонен считать, что «дети женщины, родившиеся в период ее парамонэ, оставались несвободными»¹⁶⁸.

Что говорят об этом манумиссии римского времени? Ряд актов, в которых специально оговаривается свобода таких детей, казалось бы, могут свидетельствовать, что обычно они таковую не имели¹⁶⁹. Это соображение еще более подкрепляется ссылкой в FD, 6,13 на волю манумиссора (καθὼς ἐβούλετόν). От воли господ зависит и Со-страта — ее будущие дети признаются свободными, но остаются на условии парамонэ у хозяев, если только в случае нужды те не захотят их продать (πωλῆσαι πρὸς ἐνδεῖαν) (FD, 6,39). Но если здесь предусмотрено условие, хотя и очень неопределенное («нужда»), то сын госпожи, отпустившей Гораиду, может продать родившихся у нее детей при желании; согласно воле хозяйки, эти дети принадлежат ему¹⁷⁰.

Как видим, картина вырисовывается столь противоречивая, что не дает оснований прийти к определенному выводу, вернее — вывод возможен только следующий: на основании имеющихся источников вряд ли можно решить, существовали какие-то общие нормы, регулировавшие судьбу рожденных вольноотпущенницей за годы парамонэ детей, или все определялось конкретными условиями, волей, желанием, принуждением рабовладельца.

Сказанным не исчерпываются те сведения о детях, которые включают в себе отпускные с парамонэ. В ряде из них, помимо основного требования, содержится дополнительная статья о предоставлении детей. Появление статей, касающихся детей, характерно для

¹⁶⁵ Koschaker P. Op. cit., S. 29; Samuel, p. 275 sq.

¹⁶⁶ Bömer, II, S. 42, Anm. 3.

¹⁶⁷ Samuel, p. 279—282.

¹⁶⁸ Зельин, с. 169.

¹⁶⁹ Это FD, 3, 296, 303, 307; FD, 6, 13, 33, 43.

¹⁷⁰ FD, 3, 306. О понимании FD, 3, 306 и FD, 6, 39 ср. Colin G. Op. cit., p. 200; Daux G.— FD, 3, p. 270.

поздних актов, что в литературе уже неоднократно отмечалось ¹⁷¹. Из использованных надписей подобная клаузула встречается в 12 отпускных.

Наиболее простые требования содержатся в трех манумиссиях. Евфросина с согласия двух своих сыновей отпускает за 4 мины Агелу на условии парамонэ в свою пользу и предоставления ее сыновьям ребенка, возраст которого не уточнен ¹⁷². С ней сходен другой акт — FD, 6,36 : парамонэ при госпоже, хозяйка действует с согласия сына, которому доморожденная Онасифорон, получившая свободу за 3 мины, «пусть даст» ребенка, возраст которого тоже не указан.

В известной мере с этими надписями сопоставима FD, 6,39 ¹⁷³: супруги с согласия сына предоставляют свободу σῶμα ἡράσιον Со-страте, которой вменяется в обязанность оставаться при хозяевах и дать их сыну двухлетнего ребенка. Но здесь содержится еще одна, уже упомянутая статья о детях, которые рождаются у вольноотпущенницы, — скорее потенциальное обязательство, которое придает манумиссии, однако, несколько иной характер.

Но не все хозяева удовлетворялись одним ребенком. Никея, видимо, с согласия своей дочери освобождает за 3 мины «собственную вскормленницу» Эпиктесис, которая обязана оставаться при госпоже, вскормив для ее дочери двух двухлетних детей (FD, 6, 57). По SEG XII, 255 Клео за 5 мин отпускает Онасифорон, которая, оставаясь при «вскормившей» ее госпоже, должна в свою очередь «вскормить» каждому из сыновей Клео (число их неизвестно из-за лакуны) по двухлетнему ребенку ¹⁷⁴.

В FD, 6,53 ¹⁷⁵ мы видим сначала знакомую картину — супруги с согласия сына отпускают за 3 мины ἡράσιον Онасифорон, но парамонэ в пользу их соединяется в требованием дать сыну ребенка трех лет или 100 денариев и еще одного ребенка. Кроме того, Онасифорон запрещается растить собственных детей. Последняя клаузула особенно интересна, ибо связана с вопросом, для ответа на который мы не располагаем по существу никаким материалом ¹⁷⁶, — кому принадлежало имущество парамонария. В эллинистическое время каких-либо общепринятых норм не было, и парамонарий находился в полной зависимости от воли господина ¹⁷⁷. Исходя из общего характера отпускных римского времени, вряд ли можно ду-

¹⁷¹ См. *Colin G. Op. cit.*, p. 198 sq.; *Bloch*, S. 37 f.; *Daux G.*—BCH, 1939, p. 174 sq.; *Samuel*, p. 262 sq.; *Bömer*, II, S. 43 f. (Бёмер справедливо отмечает, что практика эта, процветавшая в I в., развилась лишь постепенно). Ср. *Зельин*, с. 168 сл.

¹⁷² FD, 6, 8; ср. *Bloch*, S. 37, Anm. 4.

¹⁷³ О ней см. *Bloch*, S. 37, Anm. 4; S. 38, Anm. 4; *Bömer*, II, S. 42 f., Anm. 3; *Samuel*, p. 281.

¹⁷⁴ О ней см. *Dunant C.*—BCH, 1951, p. 311 sq.; *Bömer*, II, S. 43 f., Anm. 2.

¹⁷⁵ См. *Colin G. Op. cit.*, p. 190, 199; *Bloch*, S. 37, Anm. 4; S. 38, Anm. 2; *Samuel*, p. 281.

¹⁷⁶ Только в двух манумиссиях из Титоры, как уже указывалось, в статью о свободе включены не только раб, но и его имущество (IG, IX, 1, 188, 189). См. также: *Samuel*, p. 290, п. 12.

¹⁷⁷ *Зельин*, с. 164 сл. Ср. *Bömer*, II, S. 42, Anm. 3.

мать, что здесь произошли изменения в лучшую для раба сторону. Это соображение подкрепляется приведенной надписью: запрещение воспитывать собственных детей, возможно, связано со стремлением манумиссора быть единственным наследником вольноотпущенницы.

По крайней мере двух годовалых детей должна дать своей бывшей госпоже Лисиада, отпущенная за 5 мин супругами Ксенократом и Сосо с согласия их сына (парамонэ в пользу супругов) ¹⁷⁸.

Более сложны два других акта, где речь идет о нескольких рабах. Евпория (FD, 6, 38) отпускает за 6 мин Эпифанию и Эпафро при условии, что обе останутся при ней. После ее смерти Эпафро получит свободу, если даст ее внучке Главкии трех двухлетних детей, если же у нее их не будет, то 200 денариев. А Эпифания должна дать двух трехлетних детей — одного той же Главкии через три года, а другого через 5 лет ее сыну Сострату ¹⁷⁹. По другой манумиссии ¹⁸⁰ Марк и Плутархис отпускают сразу четырех рабов, каждого за 5 мин. Фисба и Нико, оставаясь при супругах, обязаны вскормить их сыну, тоже Марку, двух годовалых детей, а Алкиппа и παιδάριον Атинктос выполняют парамонэ при Марке младшем, причем Алкиппа «пусть вскормит» Лукию (внуку хозяина?) двух детей (тоже годовалых?), а Атинктос даст ему после смерти Марка 50 денариев.

Обособленное рассмотрение последнего в этой серии акта диктуется неясным характером дополнительной клаузулы, в зависимости от понимания которой данную надпись следует поместить в ту или другую из выделенных групп. Парамон с согласия своего сына Аристия отпускает за 3 мины доморожденную Сотериху, которая должна дать Аристееυ βρέφος ἐνιαυστιαῖον ἐν ἐτέοις τρείοις (FD, 6, 43). Грамматически эта фраза допускает двоякое толкование: «пусть даст годовалого ребенка в течение трех лет» или «пусть даст в течение трех лет ежегодно по ребенку», однако сравнение с другими манумиссиями ¹⁸¹ позволяет, как кажется, предпочесть первое ¹⁸².

О детях речь идет еще в двух надписях, отличающихся, однако, от предыдущих тем, что в них нет статьи о парамонэ. Парамон дает вольную доморожденной χοράσιον Сотерихе в обмен на 3 мины и двух детей — одного и двух лет — или их стоимость, по желанию господина (FD, 6, 22). Совершенно необычные условия поставили своей рабыне Зоил и Сосикратия (FD, 6, 124), отпускающие вместе с двумя сыновьями за 3 мины Эпакту, которая должна ежемесячно платить τοῖς ὄρεφάντοισι по 2 денария и дать одному из господских сыновей годовалого ребенка. Далее в тексте небольшая лакуна, после

¹⁷⁸ Точное число детей неизвестно из-за лакуны (FD, 6, 9).

¹⁷⁹ О понимании ср. *Colin G. Op. cit.*, p. 190, 199; *Bloch*, S. 37, Anm. 4; *Valmin N.* — FD, 6, p. 39; *Bömer*, II, S. 43 f., Anm. 2; *Маринович Л. П.* Указ. соч., с. 37, прим. 70.

¹⁸⁰ FD, 6, 123. О ней см. *Colin G. Op. cit.*, p. 199; *Bloch*, S. 37, Anm. 4; *Bömer*, II, S. 43 f., Anm. 2; *Samuel*, p. 263.

¹⁸¹ Ср. FD, 6, 124, где годовалый ребенок — παιδίον ἐνιαύστιον; FD, 6, 9 и 123: годовалые дети — παιδία ἐνιαύστια.

¹⁸² Ср. *Bloch*, S. 37, Anm. 4; *Valmin N.* — FD, 6, p. 43; *Bömer*, II, S. 43 f., Anm. 2.

которой читается: *προβαλοῖσα τὰ τρεφεῖα* ¹⁸³. Любопытен некоторый оттенок, так сказать, «справедливости», который усматривается в этой (да и не только в этой) манумиссии — Эпакта платит «вскормившим» ее за то, что они ее «вскормили» ¹⁸⁴.

Наконец, упомянем еще об одной надписи, в которой дополнительное требование заключается в уплате денег. По FD, 6, 6 три раба остаются при хозяйском сыне Дионисии, причем, если он умрет, оставив законных детей, вольноотпущенники должны дать им каждый по 60 денариев. Впрочем, обязательство это, как и статьи о рожденных в парамонэ детях, носит скорее потенциальный характер. С другой стороны, эта отпускная примыкает к тем актам, где получение свободы после естественного окончания срока парамонэ, т. е. смерти манумиссора или другого указанного им лица, обуславливается дополнительными требованиями. Данный случай выделяется тем, что господский сын еще, видимо, молод и у него нет детей, но предусмотрительные родители включают в отпускную статью в пользу еще не появившихся внуков.

Итак, при известном разнообразии манумиссиям, обуславливающим получение свободы дополнительными обязательствами, присущи некоторые общие черты. Самая основная — характер требований, а именно: требование предоставить маленького ребенка — одного, двух, трех лет. Во всех этих случаях отпускают женщин (точнее, в трех — *χοράσιον*) ¹⁸⁵, только в двух актах речь идет о мужчинах — и тогда появляются деньги вместо детей (FD, 6, 6 и 123). Вольноотпущенница должна дать от одного до трех детей, иногда при этом указано, когда — через 3 года, через 5 лет или менее определенно — за годы парамонэ, после смерти манумиссора (т. е. когда она совершенно освобождается); иногда о сроке ничего не сказано.

Наконец, еще одна общая черта: почти все парамонарии обязаны дать детей детям (или даже внукам) манумиссора. Отпускная рабыня на условии парамонэ и гарантируя себе таким образом их труд пожизненно, родители вменяли этим рабыням в обязанность дать детей своим детям, тем самым обеспечивая и их рабами. Получается определенная преемственность: рабы всегда есть в семье, уходя, они заменяют себя другими; состав рабов постоянно обновляется — отпустив еще не старую рабыню, но не полностью, а привязав ее к себе путем парамонэ, и в то же время, очевидно, с пользой для себя немного ослабив путы, хозяин одновременно готовит для семьи замену в лице тех детей, которых она должна дать его детям.

Рабыня могла дать своего ребенка, могла (реже) заменить его определенной суммой денег. Но прежде всего имелись в виду собственные дети рабынь: не случайно, что эта клаузула встречается только в отпускных женщин. Видимо, на это указывает и употреб-

¹⁸³ См. Bloch, S. 37, Anm. 4; S. 38, Anm. 4; Bömer, II, S. 43; Маринович Л. П. Указ. соч., с. 38.

¹⁸⁴ Ср. FD, 6, 15; SEG, XII, 255; *παρτρέψατω*. См. также: Colin G. Op. cit., p. 196, n. 1.

¹⁸⁵ Ср. Daux G.— BCH, 1939, p. 174 sq.

ление иногда вместо *δύω* — *τρεῖς*. Заметим также, что замена детей деньгами предусмотрена только в трех актах.

На первый взгляд кажется, что статья о детях касалась лишь немногих рабынь. Действительно, таких актов всего 10, и говорится в них о 13 рабынях¹⁸⁶. Однако если эту цифру сопоставить с общим числом рабынь, освобожденных на условии парамонэ, а их 55, то окажется, что примерно каждая из 4—5 парамонариев была связана подобным обязательством.

Помимо дельфийских, требование предоставить ребенка содержится в двух уже упоминавшихся манумиссиях — из Титоры и Гиамполя. По титорскому акту рабыня обязана «вскормить и передать» хозяйскому сыну Парамону двухлетнего ребенка или 200 денариев (IG, IX, 1, 193). Согласно надписи из Гиамполя, освобожденная на условии парамонэ Евкратея должна дать не менее двух детей, так как о детях говорится во множественном числе. Если она не предоставит детей, то «пусть выплатит каждому из названных выше лиц по 200 денариев» (число их неизвестно)¹⁸⁷. Эта отпускная, помимо указания на размер штрафа, который обязана выплатить вольноотпущенница за невыполнение требования, заслуживает особого внимания еще и потому, что, относясь, очевидно, к более позднему времени, чем дельфийские манумиссии, она свидетельствует, следовательно, не только о распространении, но и о сохранении данной практики.

И статьи о детях, рожденных за годы парамонэ, и столь нередкое требование предоставить маленьких детей, и упоминание о *σφράτα οἰκογενῆ* и *ἑρεπτοί*, и выкупные цены на детей (в общем мало отличающиеся от цен взрослых) — все это с несомненностью свидетельствует, что господа были заинтересованы в малолетних рабах, что воспитывать детей-рабов было выгодно¹⁸⁸.

Среди отпускных актов из Дельф, наряду с обычными, встречаются более краткие надписи — аполисисы. Манумиссор, отпускная раба на условии парамонэ, лишь приоткрывал дверь на волю. Аполисис и был тем пределом желаний, к которому, хотя бы в мечтах, стремился раб. Сохранилось 15 аполисисов (для 22 рабов), причем все они имеют и парную надпись о первоначальном освобождении на условии парамонэ. Следовательно, по дошедшим до нас сведениям, досрочно удавалось освободиться полностью примерно одному из 4—5 парамонариев¹⁸⁹. Реже всего это оказывались мужчины (около 15% от мужчин-парамонариев). Таким образом, оказывается, что они находились в наиболее тяжелых условиях: их чаще отпускали на условии парамонэ, а из парамонариев им реже всего удавалось получить аполисис. Обращает на себя внимание также большая доля среди досрочно освободившихся доморожденных и «вскормленников» — их более 70%.

¹⁸⁶ Не считая рабынь в двух отпускных без парамонэ — FD, 6, 22, 124.

¹⁸⁷ Delt. Arch., 2, 1916 (1917), p. 263 sqq. См. также выше, стр. 41.

¹⁸⁸ Ср. Штаерман Е. М. Рассвет..., с. 55.

¹⁸⁹ Ср. Bloch, S. 26; Daux G. Delphes..., p. 615.

Лишь в четырех аполисисах содержится фраза о том, что такой-го освобождает парамонария, получив записанные в акте о продаже деньги, причем любопытно, что в соответствующих *φύλ* об этих деньгах нет ни слова. При всей точности, с которой в манумиссиях соблюдались формальности и повторялись, иногда, казалось бы, с ненужной скрупулезностью, застывшие формулы, видимо, отнюдь не все фактические обстоятельства, касающиеся сделки и для нас представляющие интерес, попадали в надпись¹⁹⁰. Отметим, что трудно уловить какую-либо связь между величиной выкупной цены и стоимостью аполисиса¹⁹¹. Во всяком случае, те пять актов, в которых указана стоимость полного освобождения, скорее позволяют думать, что все диктовалось обстоятельствами. Шестимесячная Авга отпускается за 60 денариев и может получить полную свободу за 300. Александр заплатил сначала 5 мин, а аполисис обойдется ему в 3 мины. Вдвое меньше, чем за парамонэ, должна дать за аполисис Сотериха — 3 и 1,5 мины, тогда как доморожденной Гораиде в обоих случаях одинаковая цена — 3 мины¹⁹². По одной из титорских манумиссий Сотим получил свободу на условии парамонэ за 5 мин, а аполисис ему определен в 70 серебряных драхм (IG, IX, 1, 189).

Только два аполисиса выделяются своим необычным содержанием, представляя своего рода завещания. Согласно FD, 6, 40, полную свободу получила Сострата, которая, как уже упоминалось, в это же жречество была освобождена на условии парамонэ в пользу супругов Аристиона и Исиады и предоставления их сыну Клеомантию двухлетнего ребенка (FD, 6, 39). В аполисисе указывается, что в случае смерти Аристиона Сострата вместе с Клеомантием наследует ему, поделив все, им оставленное, поровну¹⁹³. Надпись порождает ряд вопросов — почему Аристион сделал наследницей наряду с сыном свою вольноотпущенницу? Вряд ли она была его дочерью, так как отпустил он ее на довольно суровых условиях. Или уже в годы парамонэ у Состраты родился от него ребенок — предположение не столь уже невероятное, если обратиться к манумиссиям. Непонятно также полное умолчание о жене Аристиона, которая наравне с ним выступает в обеих сделках.

Другая пара надписей выгодно отличается от рассмотренных, несколько приоткрывая завесу над сухими юридическими формулами. Мотивы действия господина здесь более понятны: некто Клеомантий, сын Динона, отпустил за 2 мины (низкая выкупная цена) выросшую в его доме Исиаду, оставив при себе на условии парамонэ на всю свою жизнь. За эти годы у Исиады родился сын Никострат, которого Клеомантий усыновил, назвав тоже Клеомантием, и, получив записанные в манумиссии деньги, освобождает теперь обоих. Далее в аполисисе говорится, что после смерти Клеомантия все

¹⁹⁰ Colin G. Op. cit., p. 193, n. 1; p. 196; Маринович Л. П. Указ. соч., с. 41 и прим. 87.

¹⁹¹ Ср. Colin G. Op. cit., p. 198; Samuel, p. 262.

¹⁹² Colin, 81; FD, 6, 108; FD, 3, 310 и 306.

¹⁹³ О ней см. Colin G. Op. cit., p. 200, а также выше, стр. 47 и 48.

имущество переходит к Сосиле, а после смерти последней — к Исиаде и ее сыну (FD, 3, 329 и 333). Вероятнее всего, Никострат был сыном хозяина Исиады, имевшего бездетную жену, что не мешало ему, однако, сделав сына вместе с матерью своими наследниками, взять за их полное освобождение деньги ¹⁸⁴.

Подведем некоторые итоги. Одна из основных проблем, которая встает при изучении манумиссий с парамонэ и которая, пожалуй, больше всего занимала ученых в последнее время, — как понимать статус вольноотпущенника-парамонария. Можно ли рассматривать положение парамонария как состояние полусвободы — взгляд, наиболее полно развитый Кошакером, который таким образом характеризовал его положение, подходя к проблеме с точки зрения юридической. Или парамонарий был все-таки свободным? Последнее мнение получило широкое обоснование в большой статье Сэмюэля, считающего, что нельзя говорить о каких-либо ограничениях в положении парамонария; он свободен и юридически (*in law* — p. 278) и фактически (*in fact* — p. 279). Парамонэ — это договор свободного человека; именно потому, что бывший хозяин не имел на вольноотпущенника никаких прав, он стремился наложить обязательства на своего прежнего раба, закрепив их в договоре о парамонэ. Отсюда заметное стремление Сэмюэля смягчить те фактические ограничения свободы, которые встречаются в манумиссиях с парамонэ, и рассматривать акты, противоречащие его взглядам, как нарушение манумиссоров существующих норм. Но основное внимание Сэмюэль обращает тоже на выяснение юридического значения клаузулы о парамонэ, и статья его, как уже отметил К. К. Зельин ¹⁹⁵, «мало содействует пониманию этого института как жизненного явления».

Иной подход мы видим у К. К. Зельина, который, опираясь на материал дельфийских манумиссий эллинистического времени, показал несовпадение юридического и фактического положения. «Юридически свободный оказывался по своему фактическому положению в условиях, сходных с условиями, в которых жил раб, и происходило это потому, что договор заключался между неравноправными сторонами» ¹⁹⁶. По мнению К. К. Зельина, употребленный Кошакером для характеристики юридического состояния парамонария термин «полусвобода» оказывается вполне подходящим для определения фактического положения, юридически же по своему статусу парамонарий свободен (и в этом прав Сэмюэль).

Если раньше и указывалось на отдельные моменты принуждения в положении парамонария, особенно на ограничение свободы передвижения, то К. К. Зельин всесторонне проанализировал этот вопрос, выявив черты принуждения и в ряде других статей —

¹⁸⁴ Так же *Colin G. Op. cit.*, p. 200; *Daux G.* — FD, 3, p. 294; ср. *Koschaker P. Op. cit.*, S. 36, Anm. 5.

¹⁹⁵ Зельин, с. 159.

¹⁹⁶ Там же, с. 160.

о санкции в случае нарушения парамонэ, о требованиях, предъявляемых к работе парамонария, в статьях об имуществе отпущенного на свободу, о судьбе самого парамонария в случае смерти манумиссора, в клаузуле о детях вольноотпущенников. При этом К. К. Зельин отмечает влияние трех факторов — внеэкономического принуждения, развития товарного производства и традиции в их сочетании и взаимодействии¹⁹⁷.

Материал манумиссий римского времени полностью подтверждает выводы К. К. Зельина: как в юридическом, так и в фактическом положении парамонариев никаких изменений по существу не произошло. Говоря это, мы подходим к проблеме в самой общей форме, не касаясь известных изменений в положении самих рабов. Действительно, с юридической точки зрения, как и раньше, парамонарий был свободным человеком. Об этом свидетельствует хотя бы уже тот факт, что в самой форме манумиссии по сравнению с эллинистической эпохой ничего нового не наблюдается. Как и раньше, оформление отпуска происходило в виде договора, означавшего, какими бы неравными ни были заключавшие его, двухстороннее соглашение, по которому обе стороны брали на себя определенные обязательства, а сама манумиссия фиксировала момент перехода раба в качественно новое состояние. Далее, определение свободы, которую получал парамонарий, дается в тех же самых выражениях, что и в отпускных без парамонэ. Для понимания характера статуса парамонария очень важно включение в формулу свободы не только самого «тела» раба, но и его имущества (в двух манумиссиях из Титоров — IG, IX, 1, 188, 189). Совершенно обязательными для актов с парамонэ, как и без оных, являются гарантии свободы — в случае попытки порабощения продавец и поручитель должны подтвердить факт освобождения; кроме того, любой человек имел право освободить парамонария, не неся при этом никакой ответственности и не подлежа суду, поскольку парамонарий — свободный. Вообще, кроме статьи о собственно парамонэ (и иногда других обязательств) манумиссии с парамонэ абсолютно ничем не отличаются от актов, дающих полную свободу. Те черты, которые отличают римские манумиссии, совершенно не касаются статуса парамонария, идут только по линии большей тщательности оформления самого акта и отчасти связаны с изменениями в процедуре отпуска раба и хранении документа.

Что касается фактического положения парамонария, то здесь мы тоже находим много общего с эпохой эллинизма — прежде всего, самое обязательство оставаться при прежнем господине или лице, им указанном, не отлучаясь от него «ни днем, ни ночью». Заметим, кстати, что полное освобождение отождествлялось со свободой передвижения, что недвусмысленно явствует из некоторых надписей. Так, в FD, 3, 306 говорится, что после смерти манумиссоров вольноотпущенники *ὑπαγέτωσαν πᾶ κα θελώντι*. В Colin, 81

¹⁹⁷ Зельин, с. 160 слл.

право выкупиться полностью выражается в следующих словах: *εἰ δὲ βούλοιοτο ἀπὸ Σωστράτας ἀποχωρεῖσαι*.

Зависимость парамонария проявляется далее в фактически ничем не ограниченном праве бывшего господина на труд освобожденного, который обязан «беспрекословно» делать «все, что ему прикажут». Наконец, клаузулы о детях, оговорки о том, что рожденные в парамонэ принадлежат хозяину, запрещение растить собственных детей, требование дать малолетнего ребенка и даже не одного — во всех этих условиях отчетливо выступает прямое внеэкономическое принуждение, характеризующее состояние рабства.

Вместе с тем, несомненно, можно выделить некоторые новые черты (помимо статей о поручителях, подписей и порядка хранения документов), характерные для манумиссий римского времени. Мы не находим в них целого ряда выражений, которые встречались ранее, указаний на то, что вольноотпущенник должен оставаться, «работая как раб». Вряд ли, однако, в этом можно видеть отражение какого-либо изменения в положении парамонария. Дело было, очевидно, в некотором упрощении манумиссий.

Эта же черта еще отчетливее обнаруживается в условиях освобождения — причем (подчеркнем это еще раз) существа положения парамонариев как социального типа эти изменения не затрагивают и все ранее сказанное об их юридическом статусе и реальных условиях существования остается в силе. Манумиссии с парамонэ императорского времени поддаются довольно четкому разделению на две большие группы — акты с обычной парамонэ (иногда к ним добавляется требование похоронить манумиссора, но тогда парамонарий уже полностью свободен) и надписи, где парамонэ комбинируется с обязательствами, касающимися преимущественно детей. Как правило, срок парамонэ неопределенен и зависит от продолжительности жизни манумиссора, его жены, а то и детей; совсем нет парамонэ, заранее ограниченного несколькими годами, как бывало в эллинистический период. Среди дельфийских манумиссий нет ни одного акта, в котором как-то регулировался бы вопрос об имуществе парамонария. В общем теперь мы не находим того поистине не поддающегося обобщению разнообразия в условиях парамонэ, которое отличает предыдущую эпоху.

Наконец, еще одна черта характерна для манумиссий римского времени — в них мало говорится о деньгах (что в свою очередь также делает их более однообразными). Почти нет надписей, которые свидетельствовали бы о каких-то денежных расчетах между хозяином и рабом (помимо выкупных цен), о долгах и займах, только три раза разрешается заменить детей деньгами.

Есть ли какая-нибудь связь между уменьшением места денег в отпускных актах и появлением клаузулы о детях? Видимо, будет неправомерным усматривать здесь прямую и непосредственную зависимость, ставя вопрос о том, что первично, а что — вторично. Связь, как нам кажется, существовала, но в более широком плане, в том смысле, что оба эти явления имели общие причины, корни

которых лежат в характере развития провинции Ахайи в ранне-императорское время.

Некоторое упрощение и большее единообразие условий освобождения не означало, однако, что в римское время получить свободу стало легче. Напротив, и увеличение доли актов с парамонэ, и новые для манумиссий требования о детях, где, может быть, наиболее отчетливо проявился произвол рабовладельцев, свидетельствуют об обратном.

Когда читаешь манумиссии одна за другой, возникает картина жестокой эксплуатации рабов, картина полного произвола, когда господин, пользуясь своим положением, настойчиво и грубо стремился получить максимум возможного — все определялось его интересами. Закономерен вопрос: в чем же изменились эти интересы или, вернее, какие изменения побудили рабовладельцев Дельф чаще, чем раньше, отпускать рабов на условия парамонэ и ввести новое по сравнению с эпохой эллинизма требование ¹⁹⁸?

Ответ надо искать, очевидно, в общем характере развития Греции. Как представляется, это были те же причины, что и те, которые вызвали уменьшение практики отпуска на волю, столь заметное в течение I в. Общий упадок страны, спад хозяйственной деятельности, падение численности населения, в том числе рабского, снижение притока рабов извне — все это привело к тому, что хозяева стали больше заинтересованы в том методе эксплуатации рабов, который предоставляла парамонэ. Отсюда и увеличение доли парамонариев среди вольноотпущенников более чем вдвое по сравнению, например, со II в. до н. э. Хозяева должны были теперь, по-видимому, больше заботиться о пополнении рабов. Отсюда и появление статей о детях. Эту клаузулу следует рассматривать в двойном аспекте: как свидетельство усиления эксплуатации рабов — это было новое дополнительное требование, указывающее также на определенные затруднения с пополнением контингента рабов и на заинтересованность рабовладельцев в получении малолетних невольников. Таким образом, видимо, был найден более эффективный способ их эксплуатации: отпуская раба на условия парамонэ, господин, сохраняя за собой право на его труд, больше заинтересовывал раба в результате этого труда, давая реальную надежду на полное освобождение, и в то же время, заменяя отпущенника новым молодым работником, он (вернее — чаще его дети) не терпел никакого урона и мог повторить весь круг снова.

¹⁹⁸ Ф. Бёмер причину того, что условия отпуска на волю со временем стали более жесткими, видит в изменении соотношения спроса и предложения: рабов становилось все меньше, и в надежде на свободу они были готовы на то, чтобы из них выжимали больше. По мнению Ф. Бёмера, обязанности вольноотпущенников были настолько тяжелыми, что встает вопрос, можно ли вообще соединять *парамонэ* со свободой. Развитие идей гуманности в Греции не оказало никакого влияния на практику отпуска рабов в Дельфах, жрецы освящали формулами *θεός* и *ἀρχαὶ* *τοῦ* *αἵματος* самые бесчеловечные формы эксплуатации, Аполлон не был защитником рабов, прикрывая своим именем неприглядную деятельность жрецов (Bömer, II, S. 39—46. См. также: Зельин, с. 168).

Довольно большой процент получивших аполисис вовсе не свидетельствует о том, что стать свободным стало в римское время легче, — ведь досрочное освобождение требовало дополнительных затрат. В связи с этим возникает предположение — нельзя ли рассматривать парамонэ в том числе и как способ, с помощью которого рабовладельцы могли получить от своего раба больше, чем тот был в состоянии выплатить первоначально. Освобождая раба с парамонэ, хозяин несколько ослаблял путы, которые связывали раба, давая ему тем самым больше шансов и возможностей получить полную свободу, за которую, однако, надо было заплатить еще раз. Не случайно, по-видимому, что из известных нам вольноотпущенников, которые прошли все три ступени: раб — парамонарий — свободный, лишь двое помимо обычной парамонэ были связаны другими обязательствами. Это только один из трех братьев (FD, 6, 6 и 7) и только одна из тех 15 рабынь, которые обязаны были предоставить ребенка; к тому же, как уже отмечалось, ее аполисис заставляет предполагать в этом случае возникновение каких-то иных, нежели деловые, отношений между господином и его вольноотпущенницей (FD, 6, 39 и 40). Судя по манумиссиям, в римское время сети, которыми были опутаны и рабы, и парамонарии, стали более грубыми, но от этого они не стали менее прочными.

ФОРМЫ РАБСТВА И ЗАВИСИМОСТИ В МАЛОЙ АЗИИ

Во второй половине I в. до н. э. в Малой Азии произошли существенные перемены, наложившие свой отпечаток на все стороны ее жизни. Митридатовы войны, войны в значительной мере междоусобные, сопровождались разгромом и разграблением городов, поддерживавших ту или другую сторону, опустошением их хоры, близлежащих деревень и окружавших их сельских местностей. Города и села Малой Азии должны были кормить и содержать многотысячные армии римлян, платить непомерно высокие налоги, выполнять различные поставки. Гражданские войны также жестоко отразились на различных малоазийских областях, затронув в первую очередь провинцию Азию. Разорение это было столь значительным, что Август простил ей все долги и только начиная с последних трех десятилетий до н. э. практически с момента провозглашения империи, города этой провинции постепенно стали восстанавливать свою экономику, их хора начала оправляться от опустошения.

События второй половины I в. до н. э., хотя и в меньшей мере, затронули также другие области Малой Азии — Галатию, Каппадокию, Ликию, Понт, Вифинию.

Потрясения политические были сопряжены с глубокой ломкой экономических и социальных отношений. Землевладение и землепользование, сложившиеся за много столетий до того, царское землевладение и система земельных отношений — все подверглось коренным изменениям. Совершенно права И. С. Свенцицкая, когда пишет, что «в период республики в провинции Азии неизбежно должно было произойти раздробление бывших владений Атталидов: часть этих владений была включена в городские налоговые округа, часть, вероятно, перешла в руки римских землевладельцев. Императорам пришлось заново создавать свои домены»¹.

Не на всех областях Малой Азии происшедшие перемены отразились в одинаковой мере. Видимо, некоторые внутренние области — Фригия, Каппадокия, Писидия, Памфилия, Исаурия и др. — меньше реагировали на эти события; однако и для них переход от царского управления с его разветвленной системой податей к рим-

---

¹ Свенцицкая И. С. Положение земледельцев в императорских доменах Малой Азии. — ВДИ, 1973, № 3, с. 39.

скому налоговому обложению, переход земельных владений царя в руки тех или иных владельцев означал ломку сложившихся и устойчивых отношений, просуществовавших около трех столетий.

Перемены в жизни Малой Азии в значительной мере сопровождались и переменами в землевладении: царские земли эллинистических монархов перестали принадлежать Атталидам и Селевкидам, но судьба их в дальнейшем была различна. Некоторые перешли к близлежащим городам, и римские правители это признали. Другие земли римляне передали во владение тем полисам, которые сражались на их стороне в ходе различных войн, и в первую очередь Митридатых. Третьи стали личным владением императоров. Четвертые оказались захвачены или куплены крупными чиновниками римской администрации, приехавшими в Малую Азию и поселившимися там.

Одной из новых — по сравнению с эпохой эллинизма — мер, которые осуществили римляне в Малой Азии, было сокращение размеров храмовых земельных владений. Этому уделялось столь большое внимание, что решение вопроса в ряде случаев отдавалось на рассмотрение самого императора. Известна, например, серия документов под № 571 (IGRR IV), содержащая переписку проконсула Азии 125/6 г. Авидия Квиета с императором Адрианом, который дает мудрый совет делить земли, принадлежавшие храму Юпитера Эзанского, на участки, «которые считаются ни слишком большими, ни слишком малыми».

Перемены, происшедшие в жизни городов и деревень Малой Азии, нашли свое отражение и в специфике источников. Для эпохи эллинизма были характерны большие по размеру, многословные надписи на греческом языке, касающиеся в первую очередь политических отношений между городами, отношений их с царской властью, восхваляющие тех или иных благодетелей за различные заслуги, и очень мало надписей было из деревень. Для I—III вв. характер источников изменяется. К сельской местности теперь относятся многочисленные, хотя в большинстве своем краткие, надписи, четко передающие суть дела, без излишних славословий и длиннот, столь характерных для немногих сельских надписей эпохи эллинизма. К малоазийским же городам I—III вв. относятся многословные почетные декреты с восхвалением того или иного гражданина за его благодеяния, оказанные городу (раздача жителям хлеба или денег в связи с каким-нибудь праздником, в частности — днем рождения императора). Известен, например, декрет (в 1900 строк) жителя Ликии Опрамая, сына Аполлония (IGRR, III, 738), где перечислялись все его заслуги, а он сам именовался «знаменитейшим и великодушнейшим». Известны также почетные декреты в честь лиц, исполнявших различные должности в системе полисной администрации, связанные с определенными расходами.

О положении различных слоев населения, о рабах и зависимом населении в источниках I—III вв. говорится сравнительно немного, однако и это дает возможность представить себе картину социаль-

ных отношений того времени. Первое, что бросается в глаза в памятниках первых веков н. э., — это отсутствие категории сельского населения, обозначавшегося термином *λαοί* и сравнительно часто встречававшегося в надписях эллинистического периода. Видимо, данный тип зависимости был характерен для царского землевладения с его специфическими условиями ведения хозяйства, и в условиях римского владычества он не сохранился². Следует, однако, сказать, что изучение социального положения зависимого населения Малой Азии — как городского, так и сельского — наталкивается на целый ряд трудностей, из которых немаловажным является то обстоятельство, что в источниках очень редко встречаются социальные дефиниции. Больше того, даже вполне определенные социальные термины обозначают иногда различные категории и формы зависимости. Несомненно прав французский ученый П. Дебор, утверждающий, что в Восточном Средиземноморье обозначения социальных категорий были неточными и одно и то же определение могло прилагаться к лицам, обладавшим различным юридическим статусом³.

Одним из примеров может служить многократно дискутируемый вопрос о социальном статусе лаой в эпоху эллинизма, их юридическом и фактическом положении. В статье П. Бриана приводятся три основные точки зрения: одни исследователи считают лаой рабами, другие — свободными, третьи — ни рабами и ни свободными⁴.

В надписях I—III вв. бросается в глаза резкое увеличение числа лиц с именами без патронимикона. Есть они в городах, много их и в сельской местности. Так как их социальный статус в надписях обычно не указывается, это рождает несомненные трудности в определении юридического и фактического положения данных лиц. Приведем пример. В одной из надписей III в. н. э. из Лаодикеи Комбусты (МАМА, I, 156) сообщаются имена членов одной семьи: отца Хейя, его дочери Наны и троих сыновей — Гая Юлия Креска, Юлия Стоика, Юлия Карпа. Что можно сказать о социальном положении каждого из членов этой семьи? Очевидно, в момент постановки надписи глава семьи был рабом. Из его детей, вероятнее предположить, рабыней была и дочь Нана. Сыновья, видимо, были вольноотпущенниками. Семья жила в Лаодикее, все ее члены являлись местными уроженцами, о чем можно определенно сказать по отсутствию в их именах этника. Однако нельзя сказать, яв-

² Для I—III вв. этот термин употребляется лишь применительно к иудеям, живущим в различных городах Малой Азии. Известны, например, надписи из Смирны, в которой упоминается *γραμματοῦς τοῦ ἐν Σμύρνῃ λαοῦ*, или из Мантиней (IG, V, 2, 295), где говорится о *πατὴρ λαοῦ διὰ βίου*. В Гиераполе есть посвящение *τῷ λαῷ τῶν Ἰουδαίων* (*Iudeich. Alt. Hierap.*, 69), несколько раз упоминается *λαός* в надписях Ларисы I в. н. э. (Syll³, 1247).

³ *Debord P.* L'esclavage sacré: état de la question. — In: *Actes du colloque 1971 sur l'esclavage. Annales littéraires de l'université de Besançon*. Paris, 1973, p. 135.

⁴ *Briant P.* Remarques sur «*laoi*» et esclaves ruraux en Asie Mineure hellénistique. — In: *Actes du colloque 1971 sur l'esclavage...*, p. 93—133.

лялся ли отец рабом одного из тех господ, вольноотпущенниками которых были его сыновья; чьей рабыней была Нана; каким образом сыновья попали в рабство к различным хозяевам. На все эти вопросы источник ответа не дает. Подобные трудности встают при изучении надписей почти на каждом шагу.

Знакомство с эпиграфическим материалом заставляет обратить внимание еще на одно явление в социальной жизни Малой Азии I—III вв., а именно на рост вольноотпущенничества. Если для эпохи эллинизма вольноотпущенники встречаются очень редко, то для первых веков нашей эры это становится явлением широкого масштаба. Вольноотпущенники императоров и частных лиц начинают играть большую роль во всех областях жизни Малой Азии — и в городах, и в сельских местностях.

Все эти процессы, бросающиеся в глаза при знакомстве с различными типами источников, требуют изучения на конкретном материале.

* * *

В историографии вопрос о рабстве и зависимости в Малой Азии в I—III вв. разработан мало⁵. По рабству в городах в эту эпоху нет ни одной ни книги, ни статьи, по рабству в сельской местности — лишь небольшая статья И. С. Свенцицкой «Рабы и вольноотпущенники в сельских местностях провинции Азии»⁶. Материал этой статьи территориально ограничен, и все остальные провинции Малой Азии — Фригию, Вифинию-Понт, Ликаонию, Писидию, Каппадокию, Карию, Исабрию, Пафлагонию, Киликию — автор оставляет в стороне. В ряде общих работ вопросы о рабстве и зависимости в Малой Азии ставятся попутно. К ним можно отнести в первую очередь четырехтомный труд Ф. Бёмера по истории религии и культов рабов в западной и восточной частях Римской империи. Греческому материалу посвящены 3-й и 4-й тома⁷, где об идеологии рабов Малой Азии автор говорит лишь на отдельных страницах. Он перечисляет «по порядку» и описывает культы греческих божеств, располагая их по алфавиту: Аполлон, Артемида, Асклепий, Афина, Деметра, Дионис и т. д. Для нашей темы работа Ф. Бёмера почти ничего не дает.

В 60-х — начале 70-х годов вышли книги двух авторов, которые подвели итог своим многолетним исследованиям судеб рабов и вольноотпущенников императоров: Ж. Бульвер опубликовал ряд статей

⁵ Незнученность этого вопроса подтверждается указателем по истории рабства, выпущенным под редакцией Й. Форта: *Bibliographie zur antiken Sklaverei. In Verbindung mit der Kommission für Geschichte des Altertums der Akademie der Wissenschaften und der Litteratur (Mainz)*. Herausgegeben von Joseph Vogt. Bochum, 1971.

⁶ ВДИ, 1963, № 4, с. 127—135.

⁷ *Bömer F. Untersuchungen über die Religion der Sklaven in Griechenland und Rom*. Mainz — Wiesbaden, t. III, 1961; t. IV, 1963.

и двухтомную монографию⁸; на близкую тему выпустил книгу и профессор Тасманийского университета П. Вивер⁹.

Обе эти работы, как и многочисленные статьи Ж. Бульвера и П. Вивера, написаны в основном на западном материале — Италии, Испании, Галлии, Африки. Достаточно сказать, например, что ни тот, ни другой не использовали свода малоазиатских надписей «*Monumenta Asiae Minoris Antiqua*», включающего свыше 5 тыс. надписей (П. Вивер не взял из него ни одной надписи, Ж. Бульвер — лишь 8). Интересна, однако, общая постановка вопроса в этих работах, поскольку и для Малой Азии проблема рабов и вольноотпущенников императоров имела немалое значение — и для городов, где они занимали различные должности, и для сельской местности, где находились имения императоров и членов их семей. Источники, содержащие сведения об этих группах населения, имеют свои особенности. Как правильно отмечает П. Вивер, в этих надписях к обычному личному имени, которое имел раб, добавляются слова: *Caesaris servus*, или *Augusti verna*, или *Caesaris*, или *Augusti*. Вольноотпущенник же добавляет: *lib.* или *libertus* *Caes.* Это обстоятельство позволяет точно определить социальное положение дедикатора (был ли он рабом или вольноотпущенником), а часто даже узнать, какого именно императора. То же самое можно проследить и в эпиграфике Малой Азии, где встречаются обозначения: ἀπελευθέρως Καίσαρος, ἀπελευθέρᾳ. Интересно наблюдение П. Вивера, что социальное продвижение вольноотпущенников императора было более быстрым, чем *cursus honorum* вольноотпущенников частных лиц. Кроме того, по мнению П. Вивера, *familia Caesaris* также не была единой, ее верхушка составляла что-то вроде *ordo libertorum et servorum principis*. Все эти положения в равной степени относятся как к западным, так и к восточным провинциям.

На широком эпиграфическом материале западной части империи написана и работа Ж. Бульвера. Автор изучает роль рабов и вольноотпущенников в управлении и администрации империи, причем прослеживает это в хронологическом порядке — начиная с эпохи Августа и до Септимия Севера включительно. Здесь, как и в работе П. Вивера, целый ряд общих положений, несмотря на то, что они касаются в первую очередь Италии, может быть сопоставлен с тем, что имело место в Малой Азии.

1. РАБСТВО И ЗАВИСИМОСТЬ В ГОРОДАХ

В первые века нашей эры города Малой Азии не представляли собой какого-то единого типа. То различие между ними, которое существовало в период эллинизма, сохранялось фактически и не-

⁸ См. *Boulvert G.* Les esclaves et les affranchis impériaux sous le Haut-Empire romain. Aix-en-Provence, 1964 (первый том с небольшими дополнениями переиздан: Napoli, 1970).

⁹ *Weaver P. R. C.* Familia Caesaris. A Social Study of the Emperor's freedmen and Slaves. Cambridge, 1972.

сколько веков спустя. В римскую эпоху имелись громадные многонаселенные торговые города Западной Малой Азии — такие, как Эфес и Милет, которые, однако, являясь своего рода вершинами полисного развития, не были характерны для всей Малой Азии. Исследователи неоднократно подчеркивали те громадные природные и социальные контрасты, которые были свойственны этой своеобразной и самобытной стране. Так, города такого типа как, например, Милет, соседствовали с городками, имевшими сельскохозяйственную хору, иногда расположенными в глубине за горными массивами, жившими изолированной жизнью. Специфика каждого из них была столь велика, что невозможно дать какую-то классификацию всех полисов, выделить какие-то их типы. Можно лишь дать их описание.

Одним из более всего известных по раскопкам полисов является Милет. В эпоху эллинизма население его составляло примерно 70—100 тыс. чел.¹⁰ Это был громадный город с большим количеством торговых помещений, рынками, жилыми домами, с колоннадами и портиками, многочисленными скульптурными украшениями и статуями. В условиях римского господства Милет сохранил свой внешний вид и размеры. Достаточно сказать, что его театр был рассчитан на 30 тыс. чел. Римские императоры тратили немалые средства для восстановления городских общественных зданий и постройки новых. Страбон пишет, что Милет имел 4 гавани (XIV, 1, 6), но даже одной из них было достаточно, чтобы вместить целый флот.

О размерах города и численности его жителей свидетельствуют также городские рынки, которых было несколько. Северный рынок примыкал к гавани и представлял собой четырехугольную площадь с П-образным двухэтажным ионическим портиком, замкнутым в римское время рядами лавок. Там получали провиант экипажи кораблей. Западный рынок, площадь которого превышала 15 тыс. м², также с трех сторон был обрамлен портиком и был связан с «Театральной» гаванью. Третий, южный рынок Милета был еще больше. Он занимал 33 тыс. м². К нему с востока примыкало 78 торговых помещений — контор, складов, лавок¹¹.

Наряду с этим имелось и множество небольших городков, преимущественно во внутренних районах Малой Азии — в Ликаонии, Писидии, Каппадокии и других провинциях. Известны, например, надписи (которые опубликованы в VIII т. МАМА) из маленьких городков по писидийско-фригийской и ликаонской границе — таких, как Листра, Кана, Саватра, Перта, Анзулада. В этих городках, насчитывавших по несколько тысяч жителей, социальные отношения отличались от того, что имело место в больших приморских городах — Милете, Эфесе, Смирне, — прежде всего большим патриархальным характером. Некоторые из таких городков еще мало изучены археологически, и число их, вероятно, было

¹⁰ Schede M. Ausgrabungen in Milet und Didyma. — «Archäologischer Anzeiger. Beibl. zum Jahrbuch des deutschen Arch. Instituts», 1911, IV, S. 443.

¹¹ См. Кобылина М. М. Милет. М., 1965, с. 188 слл.

значительнее, чем сейчас это нам известно. Однако и уже опубликованные надписи дают возможность осветить некоторые аспекты их социальной жизни. Например, Кана, расположенная к востоку от Икония в 70—100 км (совр. Гене) и имевшая буле и народное собрание (МАМА, VIII, 211), дала ряд интересных надписей, проливающих свет на положение зависимого населения городка.

О социальном составе населения городов Малой Азии можно судить на основании многочисленных надписей, где говорится о раздачах денег и других пожертвованиях богатыми гражданами различным слоям населения. Известно, например, что в городах Памфилии это были булевты, члены герусии, члены еkkлeсии, граждане, вольноотпущенники, паройки. Рабам при этих раздачах не полагалось ничего. Любопытно соотношение сумм денег при этих пожертвованиях. В городе Силлии (Lanckoronski, I, 58 = IGRR, III, 800) было роздано булевтам по 20 денариев, членам герусии и еkkлeсии — по 18, гражданам по 2 денария, вольноотпущенникам и паройкам — по одному. В одной из надписей есть уточнение — раздавать деньги только тем вольноотпущенникам, которые получили свободу от самих господ, а не по завещанию (IGRR, III, 801—vindictarius). Случалось, что булевтам, герусиастам и еkkлeсиастам раздавали деньги и хлеб, а виндиктариям и вольноотпущенникам — только деньги (Lanckoronski, I, 60 = IGRR, III, 802). Интересно свидетельство Диона Хризостома, указывавшего, кого надо причислять к низшим слоям города Апамеи во Фригии: рабы (δοῦλοι), погонщики мулов, торговцы, ремесленники (XXXV, 14). Эти категории населения стояли на нижней ступеньке социальной лестницы.

В полисах имелись различные категории рабов, и обозначались они различными терминами. Как и в эпоху эллинизма, определенный процент составляли общественные, или городские, рабы, δημῖοι. Каково их число в каждом конкретном городе, сведений в источниках нет. Косвенное свидетельство содержится лишь в одной из надписей города Кабиры, относящейся к 74 г. н. э. (IGRR, IV, 914); там говорится о побеге 107 общественных рабов, воспользовавшихся землетрясением. Полис снарядил специальный отряд, который их догнал. Схватка между рабами и преследователями окончилась победой горожан (в надписи сказано: ἐγνεῖχσαντα), рабы были возвращены обратно. Эти 107 рабов составляли часть демосий, привезенных в Кабиру из других мест, и они бежали на родину. Сколько всего городских рабов имел этот полис, сказать нельзя, так как какая-то часть рабов, возможно, не пожелала участвовать в побеге, особенно если они являлись уроженцами данного города или округа, но во всяком случае их было заведомо больше, чем 107.

Что можно сказать об обязанностях общественных рабов? Им поручалась охрана городских тюрем, о чем сообщает Плиний Младший в письме к Траяну (X, 19): «Прошу тебя, повелитель, помоги мне советом в моих колебаниях: следует ли мне охранять»

тюрьмы городскими рабами, как это до сих пор делалось, или же поставить воинов. Я боюсь и того, что городские рабы — стража не очень верная, и того, что на это дело придется оттянуть немалое число воинов. Пока что я придал к городским рабам несколько воинов. Вижу, однако, и здесь опасность: поступок этот может стать причиной небрежности у тех и у других: каждая сторона будет уверена, что сможет свалить общую вину на других». Траян отвечает: (X, 20) «Незачем, мой дорогой Секунд, превращать многих воинов в тюремных стражей. Утвердимся в обычае этой провинции охранять тюрьмы городскими рабами. Будут ли они верны в этом деле, зависит от твоей строгости и бдительности... Незыблемо должно быть и правило: как можно меньше людей выводить из военного строя».

Как видим, функции рабов по охране городских тюрем указывают все-таки на определенное доверие полиса, поручившего им подобный род деятельности, связанной с известной ответственностью. На то же обстоятельство указывает и другое письмо Плиния Траяну. Он сообщает императору, что во время пребывания в провинции ему пришлось разбирать целый ряд вопросов, связанных с положением городских рабов, в частности его беспокоит, что обязанности городских рабов во многих городах, особенно в Нико-медии и Никее, исполняют лица, осужденные за какие-то преступления на работу в рудниках и на гладиаторские бои. Благодаря попустительству бывших до Плиния местных властей они даже получали жалованье, которое причитается городским рабам. Траян осужденных по истечении срока 10-летней давности предложил не наказывать, но отправлять на «грубые» работы — в бани, на очистку клоак, замащивание дорог и др. В своем ответе (X.32) Траян четко отличает лиц, осужденных за преступления, от «честных служителей», под которыми он подразумевает городских рабов (X, 31).

Таким образом, переписка Плиния с Траяном позволяет ответить хотя бы отчасти на вопрос о том, каковы были обязанности общественных рабов. Они разделялись на более «чистые», например охрана городских тюрем, и «грязные» — очистка клоак, мошение дорог, работы в банях.

Возможно также, общественными рабами были упоминающиеся в одной из миласских надписей (SEG, II, 2, 551) брадобрей Гиератик и погонщик мулов Герм, а также повар Лонг из Акроэна (МА-МА, IV, 3).

Малоазийские надписи свидетельствуют и о других профессиях городских рабов. Известен Менофил, сын Юлиана (SIG, 3509, II в.), который являлся в Тиатире *γραμματεὺς δημόσιος*. Та же должность известна из Камира (IG, XII, 1, 701) — *δοῦλος γραμματεὺς δημόσιος*. Они были и в других местах Родоса (IG, XII, 1, 31). Демосий известен как слуги при гимнасии в Приене (Inschr. von Priene, 112), как *παιδοφύλακες* в Стратоникее (LBW, 519), как *ἐπιτοφύλακες* в Баргилии (LBW, 495). Не всегда в надписях упоми-

нения о демосий даются с указанием их профессии, однако и таких надписей имеется немало ¹². Мы встречаем, например, из Миласы демосия Эвгемера (LBW, 349), демосия Фалеса (LBW, 356), имеются демосии в приенских надписях (39, 112 и др.).

Мало сведений в надписях малоазийских городов о демосиях — ремесленниках городских мастерских. Что такие безусловно имелись, сомнения не вызывает, однако конкретных данных о них почти нет. К ним, возможно, следует отнести многочисленные погребения рабов в малоазийских городах, на надгробных изображениях которых встречаются веретено и прялка у женщины, молоток и пила — у мужчины (см., например, МАМА, т. VII).

Чтобы держать в повиновении большое и разветвленное рабское «хозяйство», город имел специальные коллегии лиц, осуществлявших по отношению к рабам полицейскую власть и занимавшихся их наказанием и «бичеванием». Известна, в частности, коллегия *μαστειγοφορήσαντες* в одном из городов Памфилии (SEG, II, 2, 704).

Город регулировал также торговлю рабами, о чем свидетельствует надпись из Тиатиры (OGIS, 524=IGRR, IV, 1257). Этот почетный декрет поставила в честь работорговца *σωματέμπορον* Александра, сына Александра, коллегия лиц, обслуживавших рынок, на котором проходили сделки по торговле рабами (*προξενηταὶ σωμαίων*).

Р. Канья, комментируя последний термин, поясняет его следующим образом: «*ii quorum opera inter emptorem et venditorem conveniebat*». Эти работорговцы были, вероятно, богатыми людьми, о чем можно судить по тому, что Александр, сын Александра, пожертвовал деньги на празднование дня рождения императора. «По совместительству» он также выполнял в Тиатире обязанности агорана. Почетный декрет, поставленный в честь работорговца, показывает, что эта профессия в полисах не считалась постыдной и Александр, сын Александра, был одним из уважаемых граждан города.

Торговлю рабами, как и рядом других товаров, полис облагал пошлинами. Согласно декрету с о. Коса (Syll. ³, № 1000, конец I в.), пошлина платилась при продаже хлеба, зерна, веретен, вина, привезенного морем, гетер, леса, местного ячменя, скота, вина с виноградников, упряжек, шерсти, *ἀμπλοστατέυντων καὶ τῶν γυναικείων σωμαίων*. Особая пошлина взималась при продаже врачей *ιατρικῶν*.

Как видим, наряду с различными товарами назначаются пошлины при продаже гетер, рабов (*σωμάτων*), занимающихся обработкой виноградников, и женщин-рабынь, а также врачей, которые, как известно из других эпиграфических памятников, часто были неполноправными — либо рабами, либо вольноотпущенниками.

¹² BCH, 1890, XIV, p. 621, № 21 — Ἀγαθὸς δημόσιος; *Fränkel*. Perg. Inschr., I, 249 — οἱ δημόσιοι, IG, XII, 1, 31... τῶν τὰς πόλιος δοῦλων, LBW, 519 — οἱ δημόσιοι παιδοφύλακες. К этим надписям следует отнести и упоминание ο θρεπτός γυμνασίου из Пергама (MAI, XXVII, 1902, p. 125, № 143).

Интересно, что в этом декрете рабы обозначаются термином $\sigma\tilde{\omega}\mu\alpha$, а не $\delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\varsigma$, хотя именно $\delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\varsigma$ чаще встречается в надписях малоазиатских городов; он относится также к рабам частных лиц и императоров, которые жили в этих городах. Обычно их именовали $\kappa\upsilon\rho\iota\omega\nu \kappa\alpha\iota\sigma\acute{\alpha}\rho\omega\nu \delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\iota$.

Возможно, что эти рабы в ряде случаев пользовались известной самостоятельностью и имели некоторый материальный достаток. Так, Комод, раб ($\delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\varsigma$) Луция Кальпурния Прокла, поставил жене и сыну памятник размером $1,00 \times 0,44$ хорошей работы, с различными изображениями. Кстати, памятник, поставленный господином Комода Луцием Кальпурнием Проклом своим родителям по материалу, размерам ($0,94 \times 0,51$) и исполнению мало чем отличается от памятника, поставленного его рабом членам своей семьи¹³.

Эта категория рабов была замкнутой и устойчивой социальной единицей. Брак раба и вольноотпущенницы, брак вольноотпущенника и рабыни их статуса не менял. Подтверждают это надписи из Лаодикеи Комбусты. В МАМА, I, 31а вольноотпущенник женится на $\delta\omicron\upsilon\lambda\eta$ $\kappa\upsilon\rho\iota\omega\nu$, при этом правовое положение и того, и другого остается прежним. Не меняется оно и в том случае, когда вольноотпущенница берет себе в мужья верна императора (МАМА, I, 25). Дети этих $\delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\iota$ в результате подобных союзов также являются рабами и сохраняют тот же статус, что и родители, именуясь $\delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\iota$ $\tau\omicron\upsilon\varsigma \kappa\upsilon\rho\iota\omicron\upsilon$. Это правило распространялось на всех рабов императора и их детей, как $\delta\omicron\iota\lambda\omicron\iota$, так и вепна независимо от занимаемой должности. Так, дети Селевка, верна императора, $\kappa\alpha\nu\kappa\epsilon\lambda\lambda\acute{\alpha}\rho\iota\omicron\varsigma$ а были $\delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\iota$ и их рабский статут сохранялся (МАМА, I, 31в).

Смешанные браки — свободного и зависимого и наоборот — свободной и зависимого — были широко распространены в городах этого времени. Приведем ряд примеров. В городе Саватре жил Нестор, сын Эренния, судя по его имени — полноправный горожанин (Саватра — небольшой городок к северо-западу от Икония). Он женился на неполноправной женщине по имени Пола, скорее всего — его служанке или рабыне. Надгробный памятник, поставленный в ее честь мужем (МАМА, VIII, 244), сопровождает надпись, в которой Пола названа $\tau\eta \gamma\lambda\upsilon\kappa\upsilon\tau\acute{\alpha}\tau\eta \mu\omicron\upsilon \sigma\upsilon\mu\beta\acute{\iota}\omega$ $\Pi\omicron\lambda\eta$.

С характерным случаем мы встречаемся в надписи МАМА, I, 295 из Атланти (Лаодикея). В ней сказано, что Эпафродит, раб Пардалады, ставит памятник сыну Фоспору: за этой скупой формулой скрывается по сути дела трагедия семьи, несмотря на внешний вид памятника, указывающий на ее благополучие: стела размером $1,56 \times 0,51$ с акротерием, виноградными листьями и изображением 3 стоящих фигур — мужской, женской и детской. Эти люди были

¹³ В тексте надписи МАМА, I, 41 стоит $\Lambda. \text{Κ.} \text{Πρόκλου}$. Издатель I т. МАМА считает, что это либо Луций Кальпурний Прокл, либо Луций Кальвизий Прокл. Однако есть, как кажется, больше оснований для первого чтения, поскольку из той же местности происходит латинская надпись (МАМА, I, 42), согласно которой «Кальпурний Гостилий Прокл и Домиция ставят надгробный памятник своим родителям».

связаны между собой следующим образом: Пардалада имела раба Эпафродита, который стал ее мужем. Фоспор был их сыном. Юридическое положение Эпафродита после брака со свободной не изменилось, в надписях он по-прежнему называется *δούλος*, а его сын является рабом. Об аналогичном положении в семье, жившей в Тетраполисе (на писидийско-фригийской границе), свидетельствует МАМА, VIII, 361 (из совр. Донарша, поблизости от города Неаполя, входившего в Тетраполис). На стеле размером $1,71 \times 0,57$ изображены орел, молоток, двое мужчин, женщина, садовые ножницы, зеркало. Под изображениями — лев, символ божества. Глава семьи — Панталеон, сын Диодора, — ставит этот надгробный памятник в честь жены Дуды, она же Аммия, и Аттала, которого он называет *φύσει υἱέ*, т. е. сыном его по рождению. Юридически Аттал являлся рабом Панталеона, так как был рожден от рабыни, а по римскому законодательству раб — *pullo patre natus*, поэтому полноправный отец не мог своего ребенка назвать сыном без оговорок. Строки этого документа свидетельствуют о драматических противоречиях реальных отношений, возникавших в жизни, с устоявшимися и неприкосновенными нормами римского законодательства.

Согласно надписи МАМА, I, 28 из Лаодикеи, Юлия, являвшаяся рабыней некоего Нейкефора, которого она называет *κύριος*, вышла за него замуж. Ее положения рабыни это не изменило — Нейкофор стал для нее «сладчайшим мужем», продолжая оставаться господином, а она — его *δούλη*.

Аналогичный пример дает и стела из Саватры (МАМА, VIII, 246), которую поставил Трофим, сын Папия, Сюнете, своей жене, не имеющей в надписи патронимикона.

Ауксилия, рабыня Телемаха (МАМА, VIII, 379), из небольшого городка Анабура на писидийско-фригийской границе, поставила стелу размером $0,89 \times 1,09$ в память о своих сыновьях Агатоподе и Германе. В тексте есть слова, значение которых нельзя толковать однозначно: *ἐκ τοῦ πεχουλλίου*. Трудно сказать, идет здесь речь о пекулии — участке земли либо каком-то имуществе, принадлежавшем этой рабыне, или денежных средствах, на которые был поставлен памятник. Внешний вид памятника не свидетельствует о хорошем материальном положении этой семьи. Что же касается Телемаха, то он мог быть и хозяином этой рабыни, и фактическим отцом ее детей. Вероятно, он и сам был неполноправным.

Таким образом, брак раба (*δούλος*) со свободной женщиной или рабыни и свободного еще не означал, что они сами и их дети становятся свободными.

Определенное значение в городах имела категория домашних рабов — вскормленников (*φρέπτοι*). Это были лица, выросшие в доме своего господина и обычно исполнявшие всю работу по дому. Об отношениях господ к домашним рабам можно судить на основании многочисленных надписей. Например, надгробная стела из Лаодикеи (МАМА, I, 91) поставлена Эвдаймоном и его женой Алек-

сандрией их рабыне Ζοῆτι, τῇ ἰδίᾳ θρεπτῇ. Размер (1,50 × 0,55) и внешний вид памятника, хорошей работы с изображением женской фигуры — видимо, этой самой Зои, указывают на состоятельность ее хозяев, которые, судя по их именам без патронимикона, сами были неполноправными жителями, скорее всего — вольноотпущенниками. Имя этой рабыни имеет фригийское происхождение. Издатели I тома МАМА сопоставляют его с Γῆδι из Кадин Хана (№ 263), расположенного неподалеку от Лаодикеи. Это местная форма имени Γῆ или Γᾶ, dativus — Γῆδι. Добавим что из Исаврии известно также имя Γαᾶ¹⁴.

Другой пример. Жительница города Саватры Луппия, дочь Зенодота, ставит надгробную стелу своей θρέφας Аппе (МАМА, VIII, 240). Жительница Лагины Айгла ставит надгробный памятник своему мужу Хрисогону и θρεπτῶ Гею (МАМА, VII, 113). Любопытно, что мужа и домашнего слугу хоронят в одной могиле. В городе Себасте домашние рабы, названные в надписи οἱ ἰδιοὶ θρεπτοί, ставят памятник своей госпоже заботами некоего Клавдия Меммия Кира, который называет себя τροφῆως αὐτῆς (IGRR, IV, 687). В первом случае имена трептой не упоминаются, неизвестно также и их число. Имеется надпись, согласно которой один из вольноотпущенников императора называет своего раба θρεπτός τετιμῶτατος (IGRR III, 243). Встречается также упоминание в надписи IGRR, III, 250 из Лаодикеи о том, что одно и то же лицо является одновременно и вольноотпущенником, и трептос — возможно, это был домашний раб, только что отпущенный на волю.

Иногда слово трептос делалось личным именем раба. Известна, например, лаконичная надпись (SEG, XVIII, 542): Θρέπτος ἐτῶν κβ'. ἦρως — этот раб прожил всего 22 года. Из района Синнады (МАМА, IV, 86) известен обломок плиты белого мрамора, на котором сохранилась надпись Τρόφος ἱατρός. Здесь Трофос — также имя собственное. Из города Ветисса дошла стела размером 1,52 × 0,31, поставленная Антонином и Пусуккой (Πουσούκκα) своим дочерям Карпилле и Трептеде (Θρεπτηῆδι) (МАМА, VII, 345). Вероятно, перед нами семья зажиточного вольноотпущенника, а может быть, и раба: изображены на памятнике мужчина, женщина и две девочки, а также веретено, прялка, сосуд, кувшин, стоящий на треножнике.

Интересно, что люди давали своим дочерям имя Θρεπτή, не стыдясь его «рабского» значения.

Известна и другая разновидность этого имени: Антипатр и Герма ставят надгробную стелу Синтрофу (Συντρόφῳ) (МАМА, VII, 393).

В надписи из Филомелиона (МАМА, VII, 203) сказано, что некое лицо и его жена Флора поставили стелу в честь своей θρεπτῇ. Издатель тома У. Калдер считает, что имя рабыни не названо, однако больше оснований предполагать, что Θρεπτῇ — это и есть собственное имя рабыни, возможно, единственной в данной семье. Стела

¹⁴ См. Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen. Praga, 1964.

скромной работы и небольшого размера (0,58 × 0,59); вероятно, особым достатком эти люди не обладали.

Имеют место и другие случаи, когда родители давали своей дочери имя *Θρεπτή*, о чем говорится, например, в надписи МАМА, VII, 337: раб или вольноотпущенник Асклепис поставил памятник сожительнице Аммии и сестре *Θρεπτή*. Стела размером 1,35 × 0,53 помимо надписи имеет интересное изображение. Сверху в эдикуле две женские фигуры. Между ними — зеркало, веретено, прялка, виноградные листья; внизу — два орла, стоящие рядом и смотрящие друг на друга. На голове правого — сидит голубь.

Заметим, что именем собственным для раба являлось не только *Θρεπτός*, но и *Δούλος*. В надписи МАМА, VII, 288, из Амориона, говорится, что некая женщина ставит памятник Дулу — мужу (*Δούλῳ ἀνδρί*). Памятник размером 1,32 × 1,28 свидетельствует об определенном достатке, хотя несомненно, что дедикаторы были рабами. О положении трептой в семье горожанина может дать интересные сведения надпись МАМА, VIII, 357, найденная в городе Тетраполисе (на писидийско-фригийской границе). На этом надгробном памятнике (1,06 × 0,51) с тщательно выполненными деталями и изображениями четырех фигур (сверху — женщина и мужчина, внизу — 2 женщины) имеется надпись, в которой последовательно перечисляются: глава семьи, его *Θρέφαντας*, его жена, его дочь. Другой аналогичный пример — надпись на саркофаге из Афродисии (МАМА, VIII, 575, размером 0,81 × 2,05), где некий гражданин, имя которого не сохранилось, сделал надгробие для себя, своего сына Полихрония и *Θρεπτός αὐτοῦ* Эпиктета.

Θρέφαντες выполняли различные работы по поручению своих хозяев, в частности наблюдали за строительством храмов и других общественных сооружений. Таковым был, например, Молосс, *Θρέφαντος* гражданина Афродисии Гермы Аристоклея, сына Артемидора (МАМА, VIII, 435, 436), ведший наблюдение за реставрацией театра, проводимой на средства Гермы. Его функции были аналогичны функциям вольноотпущенника Онесима также из Афродисии (МАМА, VIII, 413).

Можно определенно говорить о наличии семьи у императорских рабов, о чем имеются прямые свидетельства в эпиграфике. Например, Амия, рабыня императора, поставила усыпальницу своему мужу Диадумену, также рабу императора (IGRR, IV, 753). Согласно надписи из Лаодикеи, Асклепиад, верна императора, поставил памятник отцу, матери и братьям (IGRR, III, 251). Имел семью и *οὐέρνα χαγκελλάριος* императора Селевк, живший в Лаодикее и женатый на *δούλῃ τοῦ κυρίου*. Интересно употребление в одной и той же семье терминов *οὐέρνα* и *δούλη* (IGRR, III, 256).

Известно также, что имел семью *βέρνα ταβελλάριος* по имени Стратонейк (SEG, IV, 1, 594).

В надгробной надписи раба (*Θρεπτός*) из Лаодикеи Дидима, хозяйку которого звали Юлия Павла (МАМА, I, 44), говорится, что он поставил своим детям Тимофею и Руфу надгробный памятник.

ник (1,15 × 0,67) хорошей работы и из хорошего материала с изображением двух мужских фигур — видимо, портретным изображением обоих сыновей. О жене Дидима в этой надписи не упоминается, несомненно, однако, что у этого *ῥεπτός*, выросшего и воспитанного в городе, была семья, дети. К сожалению, неизвестно, жили ли они все в доме Юлии Павлы и каковы были их отношения с юридической точки зрения. Можно предположить, что Юлия Павла была не только госпожой, но и женой Дидима, а Тимофей и Руф были ее сыновьями.

В одной семье судьба детей одних и тех же родителей могла быть различной. У Мейра и его жены Павлы (видимо, рабов) было трое детей. Двое из них были рабами — Диомед и Марион, а третий — вольноотпущенником и носил имя Аврелий Гай. Надгробный памятник родителям поставил, видимо, как более зажиточный, раб Марион (МАМА, 1, 58, из Лаодикеи Комбусты, ср. I, 59). Имел семью и Комод, раб (*δοῦλος*) Л. К. Прокла, который поставил своей жене Микке и сыну Зотику надгробный памятник хорошей работы размером 1,00 × 0,44 (МАМА, I, 41).

Источники наши таковы, и в первую очередь это касается эпиграфических памятников, что, как правило, они почти ничего не говорят о судьбе того или иного раба. Этот пробел восполняет в некоторой мере Плиний Младший, сведения которого ценны особенно потому, что он являлся современником и очевидцем описываемых событий, сам видел тех рабов, о судьбе которых сообщает, спрашивая императора Траяна, как ему поступить в различных обстоятельствах. Показателен, например, следующий случай (Ер. X, 74), рисующий мрачную судьбу некоего Каллидрома, который был рабом Лаберия Максима¹⁵, захвачен в Мезии Сусагом в плен и отправлен Децибалом в подарок парфянскому царю Пабору. Он много лет был у него на службе, но затем бежал и очутился в Никомедии. Там он поступил на работу в хлебопекарню, но не выдержал тяжелого труда, а когда хозяева пытались его задержать, кинулся к к статуе императора, ища у нее защиты. Плиний отправил его, как беглого раба, в Рим к Траяну.

Таким образом, в городах насчитывалось немало рабов — *δοῦλοι*, *ῥεπτοί*, *δημόσιοι*. О функциях последних уже говорилось. Рабы-*ῥεπτοί* обычно исполняли обязанности по дому и в хозяйстве своего господина, иногда наблюдали за строительными работами. Обязанности *δοῦλοι*, и в первую очередь рабов императоров, были более разнообразными. Известно, например (IGRR, IV, 530), что раб императора исполнял должность *πρόστατης ἐπὶ τοῦ σίτου*, которую Канья по-латыни передает как *dispensator a frumento*, ссылаясь на надписи CIL, III, 333 и CIG, 3738 и 9713. В другом случае раб императоров (*δοῦλος τοῦ Κυρίου αὐτοκράτορος*) был начальником всадников (IGRR, IV, 531).

¹⁵ Лаберий Максим был консулом в эпоху Домициана и отличился на войне с даками, которую вел Траян.

В городах известна также должность *οὐέρνα ἱππεύς*, функции которых, правда, точно не известны, однако наличие ее зафиксировано в ряде памятников (например, IGRR, III, 253 из Лаодикеи). Имена этих верна без патронимиконов, жены их именуются не *γυνή*, как у полноправных, а *σύμβιον*. В МАМА, I, 27 — верна по имени Космос, в МАМА, I, 30 — по имени Зоетрофос¹⁶.

Рабы, согласно законодательству, не могли служить в армии. Плиний Младший в письме к Траяну сообщает об исключительном случае, когда в состав новобранцев римской армии проникло двое рабов (X, 29). Событие это было экстраординарным: римская армия набиралась только из свободных. Как сообщается в Дигестах, раба, проникшего в армию, ждала смертная казнь. Поэтому, когда Плиний узнал о таком факте, он обратился с письмом к Траяну с просьбой определить этим рабам вид казни. Траян чрезвычайно глубоко вник в суть дела и подробно ответил, выделив три варианта: либо это добровольцы, либо они взяты по набору, либо поставлены на замену кого-то. В двух случаях, отмечает Траян, вина не их, а того, кто их взял. Эти рабы должны отвечать лишь в одном случае, если явились сами, умолчав о своем рабском положении (X.30).

* * *

Чрезвычайно характерным явлением для I—III вв. был отпуск рабов на волю. Этот процесс, начавшийся еще во II—I вв. до н. э., но не получивший тогда большого значения, с I в. н. э. приобретает особый размах и в городах, и в сельских местностях Малой Азии. О наличии вольноотпущенников в городах известно из различных источников — как эпиграфических, так и литературных. Известен ряд манумиссий I в. н. э. из Калимны, описывающих «процедуру» отпуска раба на волю. Приведем содержание одной из них (Syll.³, 1210): при стефанефоре Клеофонте, сыне Филонида, Нейка, дочь Менекрата, объявила свою рабыню (*θρεπτήν*) Гедоне свободной, каковой она должна оставаться в течение всей жизни. При том же стефанефоре, в месяце Панеме Кριοфон и Абриада, дети Доротей, объявили (*ἀνεκτίρουσαν*) свободным Агатона «согласно законам отпущения на волю» (*κατὰ τοὺς ἀπελευθερωτικούς νόμους*). Последние слова указывают, что в греческих городах не только сохранились какие-то традиции отпущения рабов на волю, но имелись и специальные законы, регулирующие эти отношения. Интересно также, что, согласно установившемуся в городах ритуалу, раба мог отпускать его господин только в присутствии городского должностного лица. Полис не считал, что отпуск на волю — личное дело владельца раба, и сам регулировал эти отношения. О том же модусе упоминается и в манумиссии Syll.³, 1211 из Калимны, где говорится об отпуске на волю рабов (*θρεμμάτια*), произведенном законным образом (*δικαίῳ*).

¹⁶ В указателе малоазийских имен Л. Згусты имя это не встречается,

Из города Дионисополя и его округа имеются свидетельства об отпущении рабов на волю с помощью *καταγραφαί*, посвящения рабов богу Аполлону Лермену. Относительно характера этого обычая и его значения в историографии существуют различные точки зрения, и эти манумиссии трактуются по-разному (см. ниже).

Владельцы рабов часто, отпустив их на волю, не порывали с ними связей в дальнейшем и заботились об их судьбе. Иногда вольноотпущенников по желанию господина хоронили в одной с ним могиле, о чем упоминается в специальных декретах и надгробных надписях (например, IGRR, III, 569 из Тлоса). Подобные факты имели место вне зависимости от социального положения лиц, отпустивших своих рабов на волю. Известно, например, что Марк Аврелий Мосх, булевт Смирны, почитаемый за его заслуги перед городом, выразил желание быть похороненным вместе со своими вольноотпущенниками (SEG, II, 2, 655). В подобных надписях устанавливался строжайший запрет на похороны в этих могилах какого-нибудь «чужака» (в надписях *bilingua* последние обозначаются *εχθροῦ*, например IGRR, IV, 510).

Очень интересна надпись, поставленная жителем Смирны Титом Валерием Исидором в честь своих вольноотпущенников (IGRR, IV, 1475). Обращают на себя внимание несколько моментов: во-первых, в надписи по отдельности перечисляются вольноотпущенники и вольноотпущенницы (посвящение *τοῖς ἰδίοις ἀπελευθέροις καὶ ταῖς ἀπελευθέραις*), а также все лица мужского и женского рода (*πᾶσι καὶ πάσαις*), кто еще станет вольноотпущенниками. Отдельно упоминаются в надписи *δρεπτοί* и *δρεπταί*, в честь которых в том числе поставлен этот памятник. Поражает проявленная этим рабовладельцем из Смирны забота о своих вольноотпущенниках и рабах — пожалуй, этот один из немногих случаев такого рода в эпиграфике Малой Азии. Думается, что он был вызван какими-то чрезвычайными обстоятельствами в жизни Тита Валерия Исидора, когда его подчиненные либо спасли ему жизнь, либо выручили из беды в трудное для него время.

Интересна надпись *bilingua* из Пергама (IGRR, IV, 510), в которой сообщается, что Луций Кулкий Опим поставил надгробный памятник при жизни себе, своим вольноотпущенникам (*τοῖς αὐτοῦ ἀπελευθέροις*), их потомкам (*ἐκγόνοις*) и никому другому.

Подобная забота о вольноотпущенниках и даже об их потомках указывает в данном случае на сохранение патриархальных отношений, что в I—III вв. в городах встречалось очень редко.

Известны и другие случаи захоронения вольноотпущенников вместе с их господами (SEG, II, 2, 578).

Вольноотпущенники, жившие в городах, сами в свою очередь имели вольноотпущенников, с которыми они после отпуска на волю не порывали связей и разрешали хоронить их в своей усыпальнице (например, SEG, II, 2, 578 из Магнесии). Хоронили они в своих могилах и принадлежавших им рабов. Известна надпись Элия Евгения (MAMA, 1, 163), жителя Лаодикеи Комбусты, поставившего

надгробный памятник жене Флавии Сосанне, также вольноотпущеннице, и их рабыне (ἑρεπτή) Софронии.

Имущественное положение вольноотпущенников было различным. Эпиграфические памятники сообщают и о богатых вольноотпущенниках, имевших рабов, и о скромных ремесленниках.

Из города Саватры происходит интересный памятник (МАМА, VIII, 234) — саркофаг длиной 1,96 м, поставленный неким Кельсом жене Юлитте и ее матери Стратонейке. На крышке саркофага — изображение женщины во весь рост, в одежде, закрывающей ее до щиколоток. На голове у нее — покрывало. Этот саркофаг принадлежал семье вольноотпущенников, живших в Саватре. Несомненно, что постройка подобного саркофага стоила немалых денег, и Кельс был богатым человеком.

Другой пример. Какие-то вольноотпущенники (в надписи имена их не сохранились, но есть слово ἀπελευθέροι) поставили себе при жизни скромный надгробный памятник с изображением веретена и прялки (МАМА, I, 107).

На надгробном памятнике Юлия Мейра и его жены Таты (МАМА, I, 104 из Лаодикеи, размером 0,62 × 0,50) изображены веретено, прялка, колесо телеги с ободом, семью спицами и осью. Издатель надписи У. Калдер считает, что Юлий Мейр был каретчиком, изготовлял колеса. Жена его Тата занималась ткачеством, сама пряла, изготавливала одежду для членов семьи. Судя по размерам надгробного памятника и его внешнему виду, достаток этой семьи был незначительный.

Наиболее зажиточными, а иногда и богатыми людьми были вольноотпущенники императоров, которые нередко в городах Малой Азии играли значительную роль.

В надписях из Лаодикеи (МАМА, I, 22 и 22-а) говорится, что вольноотпущенник императора (неясно, имеется в виду Марк Аврелий или Коммод) по имени Элий Апагат исполнял в Лаодикее обязанности филарха и гимнасиарха, за что его ἑρεπτός Элий Транквил (Τράνκυλος), бывший агораномом Лаодикеи, поставил в его честь почетный декрет.

Надпись МАМА, I, 22b, поставлена в честь отца богатого вольноотпущенника Аврелия Траяна Антонина на собственные средства заботами Еселлия Лонга, который назван в надписи ἐπίτροπος. Интересен последний термин — обычно вместо него употребляется οἰκονόμος (в переводе на латынь — vilicus). Притяжательное местоимение (διὰ ἐπιτρόπου μου) указывает на подчиненное положение Лонга. Известен еще один ἐπίτροπος, Феофил, ἀπελευθέρως Σεβαστοῦ из МАМА, VIII, 34, житель городка Паппа-Тибериополис. Надпись эта сделана на саркофаге, который он, будучи богатым человеком, поставил своему трептосу Каллигену. В данном случае Феофил был прокуратором. Кто из императоров отпустил его на волю, в надписи не сообщается.

Вольноотпущенники императоров часто сами имели рабов, которых они также именовали δοῦλοι или ἑρεπτοί и не давали им

отпуска на волю. Известно, например, что Клавдий Клеменс, являвшийся вольноотпущенником императора Клавдия, имел раба Руфиона, который в надписи IGRR, IV, 754 назван δοῦλος.

К богатым вольноотпущенникам императоров следует отнести врачей, получавших свободу и поселявшихся в малоазийских полисах. Так, вольноотпущенник императора врач Тиберий Клавдий Тиранн получил права гражданства и стал гражданином (πολίτης) Магнесии на Меандре. Он сделал много полезного для города во время эпидемии, за что постановлением совета и народа в его честь был поставлен декрет (Syll.³, 807). Кроме того, ему была дарована ателия от всех налогов на те мастерские, которые он построил на хоре Магнесии, к которой относилась и деревня Кадюня (ὅν κατεσκεύαζε ἐργαστηρίων ἐπὶ τῆς χώρας ἧς κώμη Καδύνη). Последняя фраза очень интересна, так как поясняет положение и права этого вольноотпущенника императоров в Магнесии. Он уже перестал практиковать как врач и стал владельцем мастерских, которые на свои деньги построил в хоре Магнесии. Несомненно, он был богатым человеком и получал от своего «предприятия» немалые доходы.

Известны также еще несколько врачей-вольноотпущенников императоров. Как и предыдущий, они были богатыми людьми: например, Тиберий Клавдий Эпагат, вольноотпущенник императора Клавдия, посвятил ему и богине Артемиде построенный на свои средства портик (τὴν στοάν — IGRR, III, 578).

К характеристике имущественного положения вольноотпущенников можно добавить одну любопытную деталь, сообщаемую надписью МАМА, I, 59, найденной в трех км к северо-востоку от Лаодикеи. Там говорится, что Аврелий Мейр, сын Басса, и Мала, дочь Басса, поставили на собственные деньги своей матери Маме памятник размером $1,20 \times 0,64$ с хорошей проработкой деталей. На собственные средства, ἐκ τῶν ἰδίων ἀναλωμάτων, поставил надгробный памятник своей сожительнице Антонине и дочери Юлиане Аврелий Аппа, вольноотпущенник из Лаодикеи Комбусты (МАМА, VII, 67).

Обладал определенными средствами и Марк Аврелий Евклид, вольноотпущенник императора (или Марка Аврелия, или Коммода), который ставит в городе Лагине посвятельную колонну размером $1,37 \times 0,44 \times 0,34$ (МАМА, VII, 107). Повод для постановки этого памятника неизвестен. В первой строке не сохранилось около 20 букв, и эту лакуну издатели восстанавливают следующим образом: [ὅπερ νείκεης.....Αὐτο]. Без дополнительных аргументов подобное восстановление текста принять трудно. Неясно также, о какой победе идет речь. Интересны, однако, два момента: во-первых, вольноотпущенник Евклид называет императора νέος ἥλιος τοῦ ὅλου, что перекликается с ἥλιος τοῦ κόσμου из надписи LBW, 2398. Во-вторых, он посвящает votивный памятник Зевсу Величайшему. Иными словами, для мировоззрения этого вольноотпущенника, грека из Малой Азии, жившего в Лагине, характерно то, что

он поклоняется греческому Зевсу, римскому императору, признает он и восточный культ Солнца.

Из Лагины также известны многочисленные погребения вольноотпущенников частных лиц (МАМА, VII, 109 слл.). Они принадлежат различным по своему имущественному положению людям, в том числе и богатым, ставящим себе и своим близким саркофаги хорошей работы, с художественной проработкой деталей, с различными изображениями и орнаментом (например, саркофаг размером $0,67 \times 2,05 \times 0,85$ — МАМА, VII, 109).

Определенным имущественным достатком обладали и вольноотпущенники, ставившие надгробные стелы большого размера с художественными портретными изображениями покойных. К числу таких относится, например, МАМА, VII, 114 из Лагины (Ильгин) — стела, поставленная Евхаристом своей жене Евфросинии и себе (размером $1,34 \times 0,67$), с изображением льва и стоящей женской фигуры, или круглая колонна $0,78 \times 1,47$, поставленная в качестве памятника Каликлесу его детьми Тас и Гаем (МАМА, VII, 115).

Наряду с этим встречаются и совсем скромные, небольшие известняковые плиты грубой работы с лаконичной надписью — например, МАМА, VII, 112: Гай ставит памятник сыну Бассу, МАМА, VII, 198: вольноотпущенник из Филомелиона ставит своей сожительнице — *idia συμβίω* Аттии памятник с изображением веретена и прялки.

Города защищали определенные права вольноотпущенников так же, как они защищали и права граждан. Они, в частности, охраняли могилу вольноотпущенника от захвата, и обидчик платил фиску определенный штраф (МАМА, VII, 29b из Лаодикеи Комбусты).

Вольноотпущенник, как и полноправный гражданин, уезжая в другой полис или другую страну, указывает свой этникон. Известна надгробная надпись Аврелия Геракла, приехавшего в Малую Азию с Боспора. Свой этникон *Θεοδοσιουπολίτης* (житель Феодосии) он указывает, живя в Лаодикее Комбусте — городе, в который он переехал, а возможно, и был привезен отпустившим его на волю господином (МАМА, I, 60) ¹⁷.

В другой лаодикейской надписи некий Флавий Лутатиан называет себя *Ἀλεξανδρουπολίτης*, т. е. уроженец Александрии (МАМА, I, 60-а). Издатель, комментируя эту надпись, считает, что речь в обоих случаях идет не о гражданах Феодосии и Александрии, а лишь об их уроженцах. Он считает этникины *Θεοδοσιουπολίτης* и *Ἀλεξανδρουπολίτης* равнозначными этнику *Λαοδικεύς*.

Большое внимание вопросу о вольноотпущенниках и их дальнейшей судьбе уделяет Плиний Младший, наместник провинции Вифиния — Понт. Он часто обращается к Траяну с просьбой

¹⁷ Сожительница Аврелия Геракла Аврелия Зенонида была отпущена на волю тем же хозяином. В надписи она называется *σύμβια*.

о даровании квиритского права (т. е. фактически римского гражданства) вольноотпущенникам своих родственников и знакомых. По его просьбе Траян даровал римское гражданство египтянину, вольноотпущеннику-врачу, лечившему Плиния (X, 5—7), двум вольноотпущенникам родственницы Плиния Антонии Максимиллы (X, 5—6), членам семьи еще одного лечившего его врача (X, 11), отпущенникам своих знакомых (X, 11). Специальное письмо (X, 104) к Траяну Плиний посвятил вольноотпущенникам своего знакомого Валерия Павлина:

«Валерий Павлин, владыка, оставил под моей властью своих отпущенников, кроме Павлина. Они пользуются латинским правом. Прошу тебя, дай пока что троим из них квиритское право... Те, за кого я прошу, именуются Валерий Астрей, Валерий Дионисий, Валерий Аксер».

Эти три вольноотпущенника, три грека, уже имели привилегии, пользуясь *jus latinum*. Тем не менее Плиний хочет, чтобы они являлись полноправными римскими гражданами и обладали бы *jus quiritium*¹⁸.

В городах Малой Азии в I—III вв. существовала определенная прослойка неполноправного населения с именами без патронимикона, чье социальное и экономическое положение было различным. Следует сказать, что далеко не всегда это были бедняки, неимущие жители, о чем можно судить по тем памятникам, которые они ставили своим близким. Приведем примеры.

Некий Иман поставил своей дочери Варии надгробную стелу хорошей работы. Памятник «тематически» разделен на две части. В верхней — голова женщины, рядом с которой изображение веретена, прялки и плетеной корзины. Нижняя разделена на четыре части: в двух верхних молоток и ключи, нижние лишены изображений (МАМА, I, 298). Обращает на себя внимание имя отца. Оно чаще всего встречается в Писидии и Восточной Фригии (Zgusta, 466-1, p. 195 sq), иногда в форме *Ιμαν*, *Ειμαν*, *Ιμενος*, будучи местного происхождения. Другой пример. Боэтос и Стрюмон ставят надгробный памятник сестре Теодоте размером 1,46 × 0,50 хорошей работы, с акротерием, украшенный гирляндой, с изображением корзины, веретена и прялки (МАМА, I, 303).

Антоний и Понтий своему отцу Валенту поставили надгробный памятник большого размера (1,66 × 0,43), с гирляндой и тщательной проработкой всех деталей (МАМА, VIII, 177 из Альмасуна на исавро-ликаонской границе). Возможно, что они были рабами, но имущественное их положение, судя по внешнему виду памятника, было хорошим. Интересно оформлен памятник из того же Альмасуна (№ 185), поставленный человеком, имя которого не сохранилось, но который называет себя *Κωεϊτος Φρεπτός*. Памятник размером 0,66 × 0,78, имеет изображения розетт, свастики, пальмовой

¹⁸ Ср. *Ulp.*, III, 2: «по милости императора латинянин становится римским гражданином, если тот ему жалует квиритское право».

ветви, кисти винограда, он тщательно выполнен и ясно говорит о том, что дедикатор обладает определенным достатком. К подобным примерам относится и надпись МАМА, VI11, 354 из Кара Агача, сделанная на саркофаге, которая гласит: «Аттал, ὁροφύλαξ, в полном здравии и сознании себе и своей сожительнице Фотиде».

Упоминание ὁροφύλαξ, известное из МАМА, I, 123 и еще 2—3 надписей (Sterrett, 65, 156), свидетельствует, что подобная должность в городах имела место. В данном случае Аттал являлся стражем земель города, который носил название Тетраполя (см. МАМА, VIII, 349), расположенного на месте современного Кара Агач, в число которого входили, как можно предположить, города Анабура, Алтада, Неаполь и Киллана, расположенные на писидийско-фригийской границе. Постановка Атталом саркофага указывает на его неплохое имущественное положение. Еще одна деталь: на саркофаге имеется посвятельная надпись: τὸν οὐράνιον θεόν. О социальном положении Аттала ничего определенного сказать нельзя — с одинаковым основанием он мог быть либо рабом, либо вольноотпущенником. Но несомненно, что перед нами — одна из форм зависимости и что Аттал и его сожительница Фотида полными гражданами не были, о чем свидетельствуют их имена, лишенные патронимикона.

Интересно посвящение, сделанное на греческом языке рабом (δοῦλος) Симфероном Афине Мурисейской (Ἀθήνα Μουρισεύων). Оно найдено в районе Листры, километрах в 15 к югу (МАМА, VIII, 66), в районе совр. Акөрена. Это стела с панелью $0,86 \times 0,36$. В эдике фигуря стоящей богини Афины, которая в правой руке держит копье, а в левой — щит. Посвящение Μουρισεύων позволяет предположить, что в двух милях к северо-западу от Акөрена была расположена Муриса. Вопрос о Мурисе и ее статусе пока следует оставить открытым, однако можно предположить, что это был небольшой городок, судя по количеству и характеру надписей, найденных на территории Акөрена (см. МАМА, VIII, 66—93). Об этом свидетельствует и текст одной из этих надписей (№ 67) — декрет в честь императоров Флавия Валерия Константина и Гал. Валерия Максимиана (стела размером $0,66 \times 0,39$) и Флавия Валерия Лициниана Лициния, поставленный в самом начале IV в.

Помимо упомянутого выше посвящения Афине, сделанного рабом Симфероном, из той же Мурисы дошло посвящение еще одного раба (δοῦλος), имя которого не сохранилось (МАМА, VIII, 70). Среди лиц, поставивших посвящения в Мурисе, имеется житель Лаодикеи (№ 86), и посвящения ряда неполноправных с именами без патронимикона (№ 71, 72, 73, 75, 76, 78 и др.). Из другого небольшого городка, расположенного на исавро-ликаонской границе, в совр. Алькаране (примерно в 20 км от Мурисы) дошло свыше 20 надписей (МАМА, VIII, 103—128). К ним можно присоединить еще 5 надписей (№ 129—133) из совр. Динек Серая, находящегося в 2 км к югу. Среди них — христианская эпитафия (№ 132 — два фрагмента $0,64 \times 0,50$ и $0,76 \times 0,85$). В другой посвятельной

надписи (№ 129), наряду с именами Кирилла и Лонгилла встречается не упоминающееся больше нигде имя Дормапеа, некоторой аналогией которому могут быть Дормаглэс (МАМА, I, 210) и Кондзапеа (МАМА, VIII, 120). В надписях из Алькарана, — как и из Мурисы, обращает на себя внимание большое количество посвящений лиц с именами без патронимикона. Это № 104, где упоминаются Индак, Папий и Папиан, № 105, где встречаются Евкарп и Клемес, ὁ δρεπτός αἰτός, № 106, где упомянуты Тутис и ее муж Унун (имена больше в надписях этого городка не встречающиеся); без патронимикона употреблены имена Табиса и Тана (№ 110).

Памятники с именами без патронимикона характерны для всех без исключения малоазийских городов, как больших, так и малых. В Лаодикее, например (МАМА, I, 82), некая Паулина поставила при жизни памятник себе и своему сыну Аникету размером $1,35 \times 0,56$. В той же Лаодикее при жизни поставили себе памятник Евтюх и Аполлония ($0,90 \times 0,62$) (МАМА, I, 91). Известен памятник размером $0,92 \times 0,47$ (МАМА, I, 93) из Лаодикеи с изображением крупным планом льва и надписью: «Агафокл себе и сестре Камме». Имя Камма — наверняка фригийского, местного происхождения (Plut., De mul. virt., 20; Amat., 22).

Наряду с этим сохранилось множество памятников небольшого размера, плохой работы, сделанных из дешевого материала, содержащих лишь имена без патронимиконов, например: Какея и Эйтиг из Лаодикеи (МАМА, I, 94), Мнея и Антиохиды (МАМА, I, 97), из того же города, Домиция и Сус из Лаодикеи Комбусты (МАМА, VII, 52), Нас и ее муж Сус (МАМА, VII, 50), Доримей и его сын Аппа (МАМА, VII, 55), также из района Лаодикеи.

Определенная часть лиц без патронимикона была, вероятно, ремесленниками, хотя сведений о них немного. Исключение составляют эпиграфические памятники киликийского города Корики, где наряду с именем лица упоминается и его профессия. Остановимся на этом источнике более подробно¹⁹.

Эти надписи из Киликии, опубликованные в III томе МАМА, дают, правда, для поздней эпохи — конца III, IV и V вв., богатейший материал, характеризующий социально-экономическую жизнь этой отдаленной и малоизученной области Малой Азии. Из опубликованных там 800 надписей 398 содержат указание на профессию погребенного, что дает возможность составить представление не только о распространении ремесла в экономике, но и о социальном положении этих ремесленников: в большинстве надписей сохранились их имена — в одних случаях с патронимиконами, в других — без него. Например, Сергей назван σαργανάριος, плетельщиком корзин (в надписи МАМА, III, 46 ошибочно: σαγανάριος); Конон — κηπουρός (МАМА, III, 41), в большинстве надписей — κηπουρός — садовник. Профессии это разнообразны — здесь и торговцы льном,

¹⁹ Вопрос этот частично затрагивается в работах: Robert L. — In: Bull. Epigr., 1963, 129, p. 142; Opera minora Selecta. Amsterdam, 1969, p. 915 sqq. («Noms de métiers dans des documents byzantins»).

и ткачи, и ремесленники, изготавливающие различную керамику, и золотых дел мастера, и менялы, и гребцы на морских судах, и т. п.²⁰

Одна из специальностей чрезвычайно редка — это ἀσπαρχο-λίωκονΧυλῆως, специалист по выращиванию моллюска пурпура в раковинах. Его дело было очень трудным и требовало особых знаний²¹. Эта профессия упоминается в единственной из киликийских надписей — МАМА, III, 681. Выращиванием моллюска пурпура занимался, согласно этой надписи, Самуэл, сын Эсидора, судя по его имени — иудей, не являвшийся местным уроженцем, а приехавший в киликийский город Корик с востока и там поселившийся. В отличие от большинства жителей Корики он не был христианином. Социальный статус ремесленников по имени Самуэл, живших в Корики, таков: Самуэл из № 680 — моряк и торговец вином (без патронимикона), Самуэл, сын Эсидора, — торговец пурпуром (№ 681), полноправный, Самуэл-виноградарь (№ 682), — без патронимикона, Самуэл-мраморарий (№ 683) — без патронимикона, Самуэл (№ 684) — род занятий не указан: сказано, что он ἐκγόνων Σαμουῆ εἰς Θεόδωτον καὶ Σαμοῖν, Самуэл-πλυσμάρис (№ 685) — без патронимикона, Самуэл, сын Менаса, выращивал раковины пурпура (№ 601). Интересно, что он унаследовал свою профессию от отца.

В другом городе Киликии, Селевкии, чаще всего упоминаются среди ремесленников «мраморных дел мастера» — μαρμαράριος (МАМА, III, 21, 91, 273, 554, 721), причем они были как полноправными, так и неполноправными людьми, например: Теодул (МАМА, III, 21), Павел, сын Темен [...]α = (МАМА, III, 91) и др. Известны также в городах Малой Азии мастера-медники (χαλκῆς), причем тоже как полноправные, так и неполноправные. На надгробной стеле из Дорлы (к югу от Икониона, на исавроликаонской границе), помимо надписи [Δ]ιονγείνος χαλκῆς μ. χ. παῖς φίλον есть изображение кузнеца, держащего щипцы над наковальней и ударяющего по ней молотом (МАМА, VIII, 140). Социальное положение Лонгина неясно, однако отсутствие в имени патронимикона указывает на его неполноправное положение.

Это посвящение интересно сопоставить с посвящением полноправного гражданина — тоже медника, жившего в городе Паппа-Тибериополис, Тимофея, сына Меннея, χαλκῆς, женатого, однако, на неполноправной женщине по имени Да.

В одной из надписей Селевкии указывается профессия ее неполноправного жителя Теодора (МАМА, III, 22) — ἀρχιατρός. Видимо, он возглавлял коллегия врачей, поскольку из Селевкии известны и другие врачи (BCH, IV, 199, № 15), и даже женщина-врач (SIG, 9209).

²⁰ См. также: Гуревич А. Я. Из экономической истории одного восточноримского города (некрополь киликийского города Корики).— ВДИ, 1955, № 1, с. 127—135.

²¹ Подробно процесс добывания пурпура см. у Поллукса (Pollux, I, 47); говорится о нем и у Плиния (HN, IX, 132).

Неполноправным жителем был Калемерий — житель города Мариамлыка в Киликии, на могильном камне которого написано, что он был *λινόεξ* (МАМА, III, 40) — ткач льняных материй.

Для других городов Малой Азии характерны главным образом упоминания в надписях коллегий или профессий тех или иных ремесленников, которые часто включали лиц с именами без патронимикона. Иногда это даже *οἱ τεχνῖται* или *οἱ ἀνύξαντες τεχνεῖται* без точного указания имен²². Известны также *οἱ κεραμεῖς* — горшечники, поставившие в Тиатире почетный декрет в честь «владыки земли и моря» Марка Аврелия Севера (IGRR, IV, 1205). В той же Тиатире существовала коллегия *οἱ λινουργοί* — ткачей, выделяющих льняные материи (IGRR, IV, 1226)²³. Известны и другие профессии ремесленников: ткачи шерстяных тканей *λανάριοι* (IGRR, IV, 1252), шорники — *σχυτόμοι* (BCH, 1886, p. 422, № 31), факелоносцы — *λαμπαδῖται* (JHS, LX, 1939, p. 274), пекари — *ἀρ τοκόποι* (IGRR, IV, 1244). Возможно, что подобная «специализация» отличает и союз садоводов из Пессинунта (*Broughton*, IV, p. 884 — *σοστήματος κηπουρῶν*), а также колледию лиц, изготовлявших плащи (IGRR, IV, 1209). Однако для всех наших источников характерно, что, сообщая о наличии в том или другом городе Малой Азии коллегии, надписи не говорят об ее социальном составе. Поэтому нельзя судить, использовался ли в ремесленных мастерских этих коллегий труд рабов и в какой именно степени превалировал рабский или свободный труд. Следует, однако, отметить, что в состав коллегий рабы входить могли — и это не противоречило законам, о чем говорится в Дигестах (XLVII, 22, 3).

Чрезвычайно показательна одна из тиатирских надписей (IGRR, IV, 1257), в которой восхваляется некий Александр, сын Александра, торговец рабами (*σωματέμπορον*), в честь которого ставят почетный декрет коллегия ремесленников, работающих на рынке рабов (*οἱ τοῦ σταταρίου*²⁴ *ἐργασταί*), и проксенеты²⁵, служившие посредниками между покупателями и продавцами рабов. Эта надпись свидетельствует о том, насколько развита была «специализация» различных коллегий, в том числе занимавшихся работоторговлей и «организованных» вокруг работоторговли.

Эти коллегии были ядром, объединявшим вокруг себя бедняков и неполноправных людей, составлявших оппозиционный элемент. Не случайно римляне опасались в Малой Азии подобных сообществ, не случайно так много внимания уделяется этому вопросу в переписке наместника провинции Вифиния — Понт Плиния Младшего

²² Robert L. et J. La Carie. Histoire et géographie historique avec le recueil des inscriptions antiques, t. II. Paris, 1954, № 112, 113, 164.

²³ О той же коллегии говорит Дион Хризостом применительно к Тарсу (Киликия) — (Or. XXXIV, 21). Он пишет, что изготовление льняных материй было основной специальностью жителей равнинной Киликии.

²⁴ Это слово Канья, опубликовавший надпись в IGRR, поясняет как «forum in quo prostabant mancipia».

²⁵ Προξενῖται σωμάτων, по мнению Канья, ii quorum opera inter emptorem et venditorem conveniebat.

с императором Траяном. Последний резко высказывается против «недозволенных союзов» (X, 93), которые устраивают мятежи и восстания; он требует, чтобы собираемые этими коллегиями суммы шли лишь на «поддержку нуждающихся бедняков» (*ibid.*). Траян не разрешил Плинию организовать даже коллегия пожарников в 150 человек в Никомедии (X, 34), считая, что любой такой союз «вскоре превратится в тайное сообщество». Плиний боялся объединения и скопления народа и во многих других случаях, в частности на свадьбах, при вступлениях в магистратуру, освящениях общественных зданий, когда городские богачи раздавали простому народу по 1—2 динария. Он пишет Траяну (X, 116): «Я боюсь, как бы те, кто созывает тысячу человек, а иногда и больше, не перешли границ и не создали бы некоего подобия *διανομή*». Траян (X, 117) соглашается с этим опасением Плиния и советует ему быть осторожным.

Известны и другие случаи, когда коллегии являлись центром какой-то оппозиции, участвовали в народных волнениях. Это имело место, например, в Эфесе в конце II в. н. э., о чем свидетельствует надпись BCH, VII, p. 504, № 10 (=SEG, IV, 5, 12). Там говорится о волнениях (*στάσις*) в Эфесе, начавшихся по инициативе хлебопеков. В ответ на это римское должностное лицо (кто именно — неизвестно) запретило эту коллегия. Однако, как говорилось в указе, хлебопеки должны регулярно продолжать выпечку хлеба для эфесян. Если кто из хлебопекос осмелится уклониться от работы, на его ноге следует выжечь знак ликтору декуриона, а того, кто даст убежище бежавшему хлебопеку, подвергнуть такому же наказанию ²⁶.

Вероятнее всего, декрет был выбит на стелах в ряде городов и поставлен на их агоре. Предположить это можно, исходя из того, что волнения произошли в Эфесе, а надпись найдена в Магнесии (видимо, это была копия).

Определенный процент людей, имена которых лишены патронимикона, составляли также воины и ветераны. Их эпитафические памятники широко известны в городах Малой Азии начиная с I в. н. э. и вплоть до конца III в. Это подтверждают, например, надписи Мариамлыка и Корики (MAMA, III, № 44 — погребение Неона-воина). Интересен рельеф, высеченный в скале около Корики (MAMA, III, 111), на котором изображен воин в хитоне с мечом в левой руке и с копьем в правой в полтора раза выше человеческого роста (размер 2,45×1,70). Определенный контингент неполноправных жителей городов составляли ветераны. Известен, например, надгробный памятник с надписью *Ζήτωρος οὐστραυῶ* (MAMA, III, 336) из некрополя Корики. В Альмассуне, городке на исавро-ликаонской границе, жил некий Тиберий Клавдий, который был легионером в Дакии. О его социальном положении говорит

²⁶ Buckler W. H. Labour disputes in the province of Asia.— In: *Anatolian Studies*. Manchester, 1923, p. 28 sqq.

имя. Однако Тиберий Клавдий еще в Дакии женился на полноправной по имени Атилия Ингенуа (*ingenua* означает свободно-рожденная) и с ней затем переехал в Малую Азию, где поселился в маленьком городке южнее Икония. Возможно, он получил там земельный участок, который обрабатывали члены его семьи (МА-МА, VIII, 175). Надгробный памятник, который он поставил своей дочери, размером (0,92×0,49) и тщательностью отделки указывает на его несомненный имущественный достаток.

* * *

Подводя итог сказанному о рабстве и вольноотпущенничестве в городах Малой Азии, отметим большое значение, которое имели общественные рабы полиса (*δοῦλοι δημόσιοι*). Они выполняли в городском хозяйстве самые различные функции — мостили дороги, прислуживали в банях, охраняли городские тюрьмы, иногда занимали низшие должности в административном аппарате полиса (например, грамматевса). Обращает на себя внимание незначительное количество надписей *δημόσιοι* — ремесленников — возможно, в полисе было значительно больше частных эргастериев, чем городских. Там имелись также рабы — *φρεπτοί, δοῦλοι, σῶμα*. Как городских, так и частных рабов держали в строжайшем повиновении, их наказывали и избивали за малейшую провинность. Имелись специальные коллегии «биченосцев», которые исполняли эти функции. Городское законодательство было таково, что брак раба и свободного не изменял их социального статуса — раб, его дети и потомки по-прежнему оставались рабами.

В I—III вв. в городах торговля рабами имела немалое значение. Эпиграфически засвидетельствованы коллегии работорговцев и специальные рынки рабов. В городах были установлены также пошлины на продажу и покупку рабов. По сравнению с эпохой эллинизма в I—III вв. гораздо большие масштабы приобрело вольноотпущенничество, в том числе императорских и частных рабов. Существовали особые городские законы, согласно которым раба отпускали на волю, и полис сам регулировал эти отношения. Для I—III вв. следует констатировать значительную роль вольноотпущенников во всех областях жизни полиса.

II. ФОРМЫ ЗАВИСИМОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

1. РАБСТВО

Зависимое сельское население Малой Азии по своему положению не было однородным. В его состав входили представители различных племен, существовавших в Малой Азии в течение всего периода римского господства, особенно в центральных и восточных ее областях: аббанты, абреттены, олимпены, моккадены и др.;

различные союзы, объединявшиеся вокруг храмов, как, например, популярнейший в Карию союз Зевса Хрисаорейского; зависимое население, сидевшее на землях, захваченных полисами, и обрабатывавшее их хору, например мариандины или педиен; население, жившее по соседству с полисом и уплачивавшее ему форос, например Зедея; жители императорских и частных имений, отдававших господину часть урожая, плативших налоги, отработки, литургии и др. Всем этим группам сельского населения была присуща своя специфика. Они жили в поселениях, различных по их социальному устройству: в надписях говорится о *κῶμη*, *κατοικία*, *πύργιον*, *τετραπύργια*, *τόπος*, *φρούρια*, *κοινόν*, *δῆμος*, *τρικῶμια*, *πεντεκῶμια*, *χωρίον* и т. п. Зависимое население в каждом из названных типов поселений также определялось различными терминами: *δοῦλος*, *παίδισκη*, *οἰέρνα*, *οἰκέτης*, *ἀνδράποδα παῖς*, *σῶμα* и многие другие, однако чаще всего употребляется *θρεπτός* и производные от него — *θρέμμα*, *τρεπόμενος*, что свидетельствует о важной роли данной категории жителей в жизни сельских поселений. А между тем вопрос о том, кто именно были эти трептой, каковы их обязанности, социальное положение, права и т. д., в историографии разработан мало. Достаточно сказать, что в статье И. С. Свенцицкой, посвященной сельской общине Малой Азии I—III вв., зависимому сельскому населению уделяется одна фраза: «Развитие товарно-денежных отношений не могло не привести к тому, что внутри сельских общин появляется форма эксплуатации, господствующая в данный период во всем обществе, — более богатые члены общины применяют труд рабов»²⁷. Мало говорится об этом и в работе У. Уэстермана, где данной проблеме посвящена лишь одна страница²⁸.

Из всего круга вопросов, связанных с трептой, в историографии тщательно разработан лишь один, а именно — вопрос терминологический, в статье А. Камерона «*Θρεπτός and related terms in the inscriptions of Asia Minor*», помещенной в сборнике в честь У. Баклера²⁹. На основе богатого эпиграфического материала автор разбирает те случаи, когда этот термин применялся в надписях Малой Азии. А. Камерон выделяет три категории подобных надписей, что отмечается и Уэстерманом: а) приемные дети (*fosterchildren*), б) усыновленные дети (*adoptee children*), в) трептой-рабы (*servile status*).

В первом случае под приемными детьми А. Камерон понимает детей, которых воспитывают лица, не являвшиеся их родителями, но бывшие членами той семьи, к которой ребенок принадлежал. Автор поясняет свою мысль следующим примером: один вольноотпущен-

²⁷ Свенцицкая И. С. Сельская община Малой Азии в I—III вв. н. э. — ВДИ, 1961, № 3, с. 58.

²⁸ Westermann W. L. The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955, p. 30.

²⁹ Anatolian Studies presented to W. H. Buckler. Manchester, 1939, p. 27—62.

ник воспитал младшего сына своего патрона, считая это своим почетным долгом.

К тому же разделу А. Камерон относит ряд надписей, где определенно говорится, что тот или иной человек был *θρέψας*³⁰ или *τροφεύς*³¹ другого. Однако, помимо того, он включает в этот раздел и другие надписи, относительно которых нет твердой уверенности, что речь идет именно о приемных детях³². Отсутствие точных указаний позволяет предположить, что, возможно, некоторые из упоминаемых в этом разделе *θρέψας* или *τροφεύς* вполне могли быть как приемными детьми, так и детьми рабов того или иного лица. Кроме того, как отмечает А. Камерон, приемными родителями, воспитывавшими детей своего патрона, были либо рабы, либо лица, в какой-то мере от него зависевшие. Он пишет: «Приемный отец, возможно, всегда зависел от семьи ребенка. Этот обычай освобождал богатых родителей от хлопотных забот; мать избавлялась от обязанностей кормить ребенка, а отец — от наблюдения за его воспитанием в раннем возрасте»³³.

Вторая выделенная А. Камероном категория: трептой — усыновленные дети. Однако, как отмечает автор, «термин трептой в тех текстах, где говорилось об усыновлении, встречался редко»³⁴. К подобного рода надписям А. Камерон относит и те, в которых указывается, что усыновленный ребенок является рабом³⁵.

Третьей категорией являются трептой-рабы. Как пишет А. Камерон, на то обстоятельство, что «некоторые трептой были несвободными, указывают их манумиссии»³⁶.

Дальше перечисляются такие случаи. И если в предыдущем пункте автор может привести лишь четыре примера, то здесь их несколько десятков.

Для обозначения трептос-раба А. Камерон считает наиболее подходящим латинский термин *alumnus* и в ряде случаев — *verna*. Останавливается он и на различных юридических вопросах отпуска трептой на волю, в частности на посвящениях богу Аполлону Лермену. Следует отметить совершенно справедливую и интересную мысль, что этот вид манумиссии являлся «записью действительного отпуска на волю, признанного законом»³⁷.

Изложив весь имеющийся в его распоряжении материал, автор приходит к выводу, что каждая из этих трех категорий не обозначается каким-либо особым понятием и термины *θρεπτός*, *θρέμμα*, *τροφεύς* в равной мере применялись по отношению ко всем трем случаям.

³⁰ Sterrett J. R. The Epigraphical Journey in Asia Minor..., № 396.

³¹ Lanckoronski, Bd. II, N 109.

³² «Anatolian Studies...», p. 29—30.

³³ Ibid., p. 30.

³⁴ Ibid., p. 35.

³⁵ Ibid., p. 37.

³⁶ Ibid., p. 39.

³⁷ Ibid., p. 40.

Таким образом, в данной статье автором добросовестно собран и классифицирован богатый эпиграфический материал Малой Азии. Однако в эти три рубрики вошли надписи, относящиеся и к городам и к военным укреплениям, и к деревням, т. е. к самым различным видам поселений, начиная от маленьких деревушек, затерявшихся в горах Тавра, и кончая громадными торговыми городами западного побережья Малой Азии. Подобная постановка вопроса не позволила автору дать характеристики трептой как определенной социальной категории применительно к сельской местности. Даже в тех, например, случаях, где говорится о зависимости или рабском положении «приемных отцов», автора интересуют лишь их родственные отношения, социальной же стороны вопроса он не затрагивает вовсе.

В статье А. Камерона не ставится также вопрос об обязанностях трептой, об их отличиях от других категорий рабов. Правда, надо учитывать, что целью статьи являлось изучение трептос и связанных с ним терминов, как об этом сказано в заглавии. Данную задачу автор выполняет неукоснительно, но при этом совершенно не затрагивает целого ряда больших принципиальных вопросов, встающих в связи с предпринятым им изучением эпиграфического материала Малой Азии.

Продланную автором терминологическую работу следует считать важной. Действительно, термины «трептос» и его производные применялись не только к рабам, но к усыновленным и приемным детям. Однако необходимо отметить и следующее: из материала, приведенного А. Камероном, несомненно, что надписи, в которых говорится о трептой-рабах, гораздо более многочисленны, чем те, где упоминаются трептой-вскормленники. Разумеется, на основании эпиграфических памятников трудно делать какие-либо статистические выводы, однако гораздо более частое упоминание трептой-рабов свидетельствует о том, что их было больше, чем подкидышей.

К сожалению, А. Камерон совершенно не касается «локализации» трептой, вопроса о том, где чаще встречается этот термин — в городах или в сельской местности, и в каких именно районах Малой Азии он получил наибольшее распространение. Поэтому подобная свodka материала мало что дает для изучения конкретного положения трептой в деревнях.

Помимо специальной статьи А. Камерона, вопрос о трептой попутно ставился и в ряде других работ. Так, У. Рамсей считал, что трептой в полной мере нельзя называть ни рабами, ни свободными и что они занимали положение промежуточное. Полностью свободными трептой, по мнению Рамсея, становились лишь в результате отпуска их на волю, оформленного как *καταγραφή*³⁸.

Л. Робер, анализируя термины, производные от глагола *τρέφω*, — *τρέμμα*, *σύντροφος*, переводит последний как «совместно воспи-

³⁸ CB, II, p. 546; см. также: JHS, L, 1930, p. 286.

таннный»³⁹ и относит к этой категории и домашних рабов, и усыновленных воспитанников.

Э. Вейсс, автор статьи о трептой в энциклопедии Паули — Виссова, озаглавил ее «Kinderaussetzung» («Подбрасывание детей») ⁴⁰. Название статьи раскрывает ее содержание: под трептой автор понимает детей-подкидышей свободных и несвободных родителей. Никакого другого значения этого термина в данной статье не дается, в частности ничего не говорится о трептой-рабах. Немногословные упоминания о трептой, имеющиеся в работе У. Уэстермана о рабстве ⁴¹, не вносят ничего нового в понимание этого термина по сравнению со статьей А. Камерона, ссылки на которую там даются.

В трудах последних лет ⁴² изучению положения трептой внимания почти не уделялось. Вопрос о трептой в советской историографии ставился, но не стал предметом исследования. А. Б. Ранович определял трептой, как «подобранных подкидышей, обращенных в рабство» ⁴³. С. А. Жебелев справедливо обратил внимание на то, что этот термин «встречается исключительно в актах об отпущении рабов на волю» ⁴⁴. Автор полагал, что он соответствует латинскому *uegna* и означает раба, родившегося и выросшего в доме своего господина, доморощенного раба. А. Г. Периханян высказывает мнение, что трептой — разновидность домашнего рабства: «это, в основном, найденыши и дети рабынь, выросшие в доме» ⁴⁵. И. С. Свенцицкая считает, что трептой — домашние рабы ⁴⁶. Таким образом, большинство советских исследователей склоняется к тому, что трептой были рабами. Разногласия существуют лишь по вопросу о том, были они подкидышами или детьми рабынь, воспитанными в доме господина. Наиболее правильным представляется мнение А. Г. Периханян, считающей, что трептой включали обе эти категории — и подкидышей, и детей рабов, выросших в доме своего хозяина. Заметим лишь, что не следует, подобно А. Б. Рановичу, придавать слишком большое значение подкидышам, поскольку обычно подкидывали девочек, а

³⁹ «Hellenica», VI, 1948, p. 95.

⁴⁰ RE, Bd. XI, Sp. 463—471.

⁴¹ Westermann W. Op. cit., p. 30.

⁴² Gschnitzer F. Studien zur griechischen Terminologie der Sklaverei. Berlin, 1963, № 13; Biezuńska-Matowist I. Les esclaves nés dans la maison du maître (οἰκογενεῖς) et le travail des esclaves en Egypte romaine. — «Studi Clasice», III, 1961, p. 146—162; Bömer F. Das Privateigentum eines Sklaven und seine Freilassung. — «Historia», 12, 1963; Finley M. J. (e. a.). Slavery in classical Antiquity. Views and Controversies. Cambridge, 1960.

⁴³ Ранович А. Б. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М.—Л., 1949, с. 81.

⁴⁴ Жебелев С. А. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. — В кн.: Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.—Л., 1953, с. 106.

⁴⁵ Периханян А. Г. Храмовые объединения Малой Азии и Армении. М., 1959, с. 137.

⁴⁶ Свенцицкая И. С. Зависимое население на землях городов Западной Малой Азии в период эллинизма. — ВДИ, 1957, № 3, с. 103.

ономастика известных нам трептой показывает, что среди них было примерно около 60% мужских имен и 40% женских.

Таким образом, о социальном положении трептой можно будет сказать что-то определенное только тогда, когда будут изучены все источники, как литературные, так и эпиграфические.

Одним из важных источников являются свидетельства Плиния Младшего, который в переписке с Траяном специально затрагивает вопрос о трептой. Плиний определяет этот вопрос как «важный и касающийся всей провинции» (X, 65). Траян в ответном письме также уделяет большое внимание трептой и их положению. «Вопрос этот,— пишет император (X, 66),— касающийся детей, рожденных свободными, подброшенных, затем подобранных и воспитанных в рабстве, рассматривался часто, но в распоряжениях моих предшественников не находится никаких постановлений относительно всех провинций. Есть, правда, письма Домициана к Авидию Нигрину и Армению Брокху, которых, может быть, и следует придерживаться, но среди провинций, о которых он писал [. . .] среди которых и Вифиния. Полагаю поэтому, что не следует отказывать в праве на свободу тем, кто будет по таким основаниям притязать на нее, и не надо им откупаться путем выплаты за свое содержание».

На этом переписка между наместником Вифинии и императором не закончилась. Плиний пишет Траяну: «От меня требуют, чтобы я, следуя письму Домициана к Минуцию Руфу и следуя примерам других проконсулов, сам производил расследование относительно признания детей и восстановления их в законных правах. Я обратился к сенатскому постановлению, касающемуся подобных дел, но в нем говорится только о провинциях, управляемых проконсулами».

В ответ Траян просит прислать ему это постановление сената, чтобы разобраться в данном вопросе (X, 73).

Как видим, объектом переписки были только первый и второй случаи, предусмотренные А. Камероном. Плиния интересовали только те трептой, которые были рождены свободными. Вопрос о не-свободных его не интересовал, и он его даже не ставил. А между тем имеется целый ряд надписей об отпуске трептой на волю, явно указывающих на их рабское положение. Это так называемые «αταύραφαι», получившие распространение во Фригии. Вопрос об этих манумиссиях вызвал разногласия. С одной стороны, ряд исследователей, как, например, А. Камерон, считали, что подобные посвящения богам «были записью реального отпуска на волю, признанного законом»⁴⁷. Другая точка зрения была высказана А. Г. Периханян⁴⁸. Она ставит вопрос о необходимости пересмотра общепринятого взгляда на фригийские надписи «αταύραφαι» как на ординарные священные манумиссии греческого типа».

⁴⁷ Cameron A. Op. cit., p. 40.

⁴⁸ Периханян А. Г. Указ. соч., с. 121.

Греческие священные манумиссии, как указывает А. Г. Периханян, были двоякими: а) манумиссия через посвящение божеству, б) манумиссия через символическую продажу божеству. Оба эти вида отпуска раба на волю были, как их называл А. Бек, «манумиссией через гиеродулию». Они встречались неоднократно в Греции, преимущественно в Олимпии и Дельфах.

Как доказывает А. Г. Периханян, греческие манумиссии не имеют ничего общего с фригийскими *καταγραφαί* начала III в. н. э., дошедшими до нас в большом количестве. Термином *καταγραφή* обозначался акт посвящения богу. Рассматривая эти надписи, автор приходит к выводу, что «трактровка фригийских *καταγραφαί* как манумиссий — результат механического перенесения греческих правовых норм на местные документы, составленные на греческом языке. Такие перенесения неправомерны, по крайней мере они требуют большой осторожности еще и потому, что священные манумиссии, например, были, видимо, характерны даже не для всей Греции и во всяком случае могли сосуществовать с реальными посвящениями»⁴⁹. А. Г. Периханян считает, что имеющиеся в нашем распоряжении *καταγραφαί* обозначают реальное посвящение в храмовое рабство тех трептой, которые были одной из разновидностей домашних рабов.

Представляет интерес самый термин *καταγράφω*, встречающийся в данном контексте только в надписях Фригии и Северного Причерноморья. Здесь его значение далеко от обычного смысла этого слова — «подписывать», «вносить в список». А. Г. Периханян переводит его как «посвящать» и считает, что «*καταγραφή* означает *mancipatio*, т. е. передачу в собственность»⁵⁰. Однако автор не учитывает того обстоятельства, что *mancipatio* в первые века нашей эры понимали иногда как фактическую передачу в собственность, а иногда как формальный акт передачи⁵¹. Поэтому отождествление *mancipatio* и *καταγραφή* не может служить подтверждением мнения А. Г. Периханяна о том, что эти посвящения «носили вполне реальный характер»⁵².

Выдвинутая автором точка зрения вызывает и другие сомнения. Во-первых, почему из всей Малой Азии рабов посвящали лишь храму Аполлона Лермена? Ведь известны десятки храмов, более значительных и популярных, чем небольшое святилище, находившееся на территории Гиргалийского объединения. Во-вторых, имеются надписи с *καταγραφαί* и из Северного Причерноморья, которые уж никак нельзя считать фригийскими. В-третьих, характерно, что все надписи с *καταγραφαί* упоминают лишь один вид зависимого населения — *θρεπτοί*. *Σδοῦλοι* или *παίδισκαι*, терминами, также встречающимися в сельской местности Малой Азии, *καταγραφαί* не упоминаются ни разу. В-четвертых, для доказатель-

⁴⁹ Там же, с. 126.

⁵⁰ Там же, с. 124—125.

⁵¹ RE, Нб. XXVII, Sp. 999.

⁵² Периханян А. Г. Указ. соч., с. 126.

ства своей точки зрения А. Г. Периханян говорит о храмовых посвящениях из Урука, Немруд-дага и Суз, проводит аналогии с Ираном, Месопотамией и Палестиной. Думается, что если автор отвергает возможность каких-либо общих черт между манумиссиями Греции и *καταγραφαί* Малой Азии, то еще менее правомерно искать аналогий фригийским памятникам в восточных манумиссиях.

Дошедшие до нас надписи с *καταγραφαί* однотипны и малосодержательны как источник ⁵³. Обычно человек, ставящий надпись (следует его имя и патронимикон) *κατὰ ἐπιταγὴν τοῦ θεοῦ* (т. е. согласно воле бога), пишет: *καταγράφω τὴν θρεπτή* (или *τοῦ θρεπτοῦ*) *μου*. Чаще всего дается указание на дату этого декрета — год такой-то, месяц такой-то. Иногда в виде исключения добавляется, что если кто-либо нарушит постановление, тот платит штраф. В МАМА, IV, 275 В II говорится: Аврелий Нейгроа, житель Мотеллы, и его жена *καταγράφουσιν* Аполлону Лермену Агатина *θρεμένον ἑαυτῶν*; в МАМА, IV, 276 А II находим: *κατὰ Νείκην τὴν θρεμένην μου*. Здесь характерно, что за нарушение договора платится штраф фиску и в казну святилища.

Иногда посвящали божеству своих детей, рожденных от рабыни и бывших по юридическому статусу рабами. Например, Диомас, сын Дафна, посвящает богу своего сына Диомаса. Согласно комментарию издателя IV тома МАМА (прим. к № 277В, 204—205 гг. н. э.), Диомас — раб, он, возможно, сын Диомаса Дафна и рабыни.

Уроженец деревни Мотеллы во Фригии (в 12 км к северу от Дионисополя) Марк Дионисодор посвятил богу Аполлону Лермену свою рабыню (*τὴν θρεπτήν μου*) Аммию. При нарушении этого обязательства платился штраф фиску и в казну святилища Аполлона ⁵⁴. Данное положение не представляло собой чего-либо специфического лишь для Малой Азии ⁵⁵. Отпуск рабов на волю в виде посвящения их божеству известен и в других районах, например в Северном Причерноморье. В самой ранней из боспорских манумиссий (16 г. н. э.) Фодак, сын Пофона, посвятил Аполлону своего вскормленника Дионисия ⁵⁶. Иногда встречаются также манумиссии с посвящением вольноотпущенников и другим богам — Зевсу, Ге, Солнцу ⁵⁷.

Таким образом, приведенные случаи и многие другие касаются третьего пункта классификации А. Камерона, а именно трептой, несомненно, являвшихся рабами.

Согласно данным эпиграфических источников, некоторые из

⁵³ Например: МАМА, IV, 275 (II), 276 А(II), 276 С, 277 А(II), 278(1).

⁵⁴ IGRR, IV, 758. О местоположении Мотеллы см. СВ, I, р. 141 sqq.

⁵⁵ Иногда отпуск раба на волю производился с любопытной мотивировкой: бог Гелий Аполлон Лермен явился владельцу раба во сне и приказал ему отпустить последнего на волю (СВ, I, р. 38).

⁵⁶ IOSPE, II, 364.

⁵⁷ Ibid., N 400.

трептой, особенно женщины, безусловно, исполняли различные домашние работы. Другие были заняты в сельском хозяйстве: обрабатывали участок своего владельца, трудились на пашне и виноградниках. Может быть, даже существовало и некоторое разграничение функций домашних рабов, хотя не исключено, что раб, занятый в доме, мог использоваться и на полевых работах. Вероятно, рабами, выполнявшими домашнюю работу, распоряжалась женщина, жена хозяина-общинника, а он сам — рабами, помогавшими ему в сельском хозяйстве. Однако из этого не следует, что в одной и той же семье было раздельное владение домашними рабами.

На основании эпиграфических памятников можно сказать, что отношение хозяев к своим трептой в различных областях сельских местностей Малой Азии было неодинаковым. Так, в деревнях Центральной части Фригии (в районе совр. Эскишехира) в отличие от того, что имело место в деревнях Западной Малой Азии, наблюдается известная патриархальность отношений между господином и его трептой. Например, житель общины, находившейся поблизости от Дориля, на месте совр. Куз-Кайа (МАМА, V, 78) ⁵⁸, Аврелий Марк, сын Ермолая, возносит мольбы Зевсу Бронтонту вместе с Дафном, его *δρέφαντος* и Евтюхом — *σύντροφος*. Подобное совместное отправление религиозного культа было возможно лишь в том случае, если эти слуги выросли в доме своего господина. Термин *σύντροφος* подчеркивает данное обстоятельство. Аналогичное явление прослеживается и по ряду других фригийских надписей. Например, Гелиодор, сын Филиппа, его жена Апфе, дочь Манемаха, — полноправные общинники деревни Ведзайтов — и их вольноотпущенник Филемон ставят совместно почетную надпись в честь богов Зевса Бронтона и Сотера ⁵⁹, что также указывает на известную патриархальность отношений между господином и вольноотпущенником, продолжавшим находиться в той же деревне, а может быть и в том же самом доме, где он жил, будучи рабом. Имели место, например, такие случаи, когда хозяин в честь своего трептоса ставил надгробный памятник, например МАМА, IV, 256 из Йазту Верана: *Ἰλαρίωνι δρεπτῷ μν. χάρ.*

Это, что называется, «оптимальный» вариант, когда раб вырос в доме господина, всю жизнь ему верно служил и был похоронен с почетом своим хозяином.

Приведенный материал, свидетельствующий об элементах патриархальности в отношениях господина и его раба, относится в первую очередь к сельским местностям центральной и восточной частей Малой Азии. В западной части Малой Азии с ее крупными рабовладельческими центрами положение трептой было иным, и упоминания о них встречаются значительно реже.

⁵⁸ Это мраморный алтарь $0,95 \times 0,50 \times 0,57$, украшенный резьбой, изображающей виноградные лозы.

⁵⁹ МАМА, V, 151.

Иными в этих областях были и отношения между господином и домашним рабом. Случаев, когда бы трептос был похоронен в могиле своего хозяина, почти не встречается. Не ставят хозяева своим рабам надгробных стел, как то имело место в районах, где рабовладельческие отношения были развиты в меньшей степени. Иным, видимо, было и положение доморощенного раба в доме господина.

Не следует, конечно, предполагать идиллических и патриархальных отношений между рабами и их хозяевами в сельских районах Малой Азии. Следует учитывать односторонность наших источников. Естественно, что в надгробных и почетных надписях предстает лишь «лицевая» сторона взаимоотношений господина и раба, те же конфликты, наказания и побои, которые имели место, как правило, не находили отражения в дошедших до нас эпиграфических памятниках.

Что представляла собой семья домашнего раба? Известно, что раб мог иметь жену и детей. Судя по надписям ⁶⁰, его женой была рабыня, о чем можно сказать по ее имени. Из-за недостатка источников открытым пока остается вопрос, чьей собственностью была жена домашнего раба, если она до замужества принадлежала другому, чем ее муж, владельцу. По этому поводу имеются лишь отдельные отрывочные сведения. Так, госпожа ставит надгробный памятник членам своей семьи ⁶¹. В этой могиле имеет право быть похороненным ее домашний раб (ὁ θρεπτός μου), а также его жена и дети. Характерно, что жена домашнего раба не называлась домашней рабыней той же госпожи, которой принадлежал ее муж в качестве вепга. Это обстоятельство вряд ли может быть случайным, так как обычно в надгробных надписях дается подробное перечисление всех домашних рабов, принадлежавших той или иной семье.

Рабы, находившиеся в браке с такими же, как они, домашними рабынями, не имели права называть их своими женами, для последних существовало лишь слово σύμβιον. Не случайно в одной из надписей Лидии II в. н. э. встречается выражение καλῶς συμβιώσαντα ⁶².

Домашнее рабство, широко распространенное во всех областях сельской жизни, имело различную специфику, обусловленную функциями и путями приобретения этих рабов. Помимо упоминавшихся выше θρεπτοί и θρέμμα среди домашних рабов встречаются также οἰκεῖοι, συνεποικιστοί, συγγαίνεις ⁶³.

Не все эти термины для нас одинаково понятны, не всем им можно найти объяснение в источниках. Однако там имеются в виду домашние рабы, отличающиеся лишь по роду обязанностей.

⁶⁰ «Hellenica», VI, p. 117.

⁶¹ КР, III, 145.

⁶² Например, надпись II в. из Горды в Лидии (КР, I, № 150).

⁶³ КР, I, 157.

Каковы были источники домашнего рабства, можно лишь предполагать. Возможно, что какая-то часть рабов поступала в общину извне, будучи куплена в других местах. На эту мысль наталкивает то обстоятельство, что в надписях рабы иногда упоминаются без этника той деревни, в которой живут, а иногда с этником, т. е. в первом случае имеются в виду неполноправные жители, не являющиеся уроженцами данной деревни, но живущие там и работающие на ороженца⁶⁴. В другом случае, это, видимо, общинники, разорившиеся и попавшие в долговую кабалу, о чем сообщается, например, в очень интересной надписи из Тадзены⁶⁵. Она была найдена и опубликована К. Бурешем еще в конце прошлого века и относится к одной из лидийских катойкий. Там говорится, что Метрофан и Флавиан, сыновья Филиппика, остались малолетними сиротами. В их доме хранились списки пахарей и другие записи (ἐνγραφὰ καὶ ἑτέρα εἶδη)⁶⁶. Это было возможно потому, что Филиппик, их отец, был должностным лицом катойки — либо комархом, либо ее финансовым чиновником, учитывавшим поступающие с жителей катойки налоги.

Воспользовавшись смертью Филиппика, девять человек, имевших долги (в надписи говорится: περισυρομένων αὐτῶν ὑπὸ δανειστῶν — «будучи опутаны ростовщиками»), выкрали записи из дома Филиппика. Проступок стал известен жителям катойки, которые, считая его постыдным, сурово их наказали. Возможно даже, что этих девятих постигла смерть, поскольку в надписи указывается, что божество катойки «отомстило, наказало и погубило злоумышлявших».

Эта сравнительно небольшая надпись является одним из немногочисленных свидетельств социальной борьбы. Она интересна по ряду соображений. Во-первых, в деревнях, значит, велись специальные списки пахарей, где фиксировалась задолженность общинников и, видимо, размеры взносов, которые должны были уплачиваться в ее казну. Во-вторых, в этой деревне были не только должники, но, следовательно, и кредиторы. Те ростовщики, о которых упоминается в надписи, δανείσται давали деньги в долг разорявшимся крестьянам. В-третьих, выступление малоимущей части жителей деревни было жестоко подавлено правящей верхушкой.

К сожалению, мы не располагаем другими документами, которые бы свидетельствовали о социальной борьбе, однако и этот эпиграфический памятник дает яркую картину острого социального конфликта.

Согласно существовавшему тогда законодательству, рабы могли передаваться по наследству, как и другое имущество. Во всяком случае, в ряде манумиссий специально оговаривается, что наследники хозяина отпущенного на волю раба или рабыни не должны

⁶⁴ МАМА, VII, 270, 276А — Зосим, имеющий этникон Μισκλαδενός.

⁶⁵ Buresch, S. 113.

⁶⁶ Значение этого термина дается предположительно. А. Г. Периханян (указ. соч., с. 104) переводит его как «документы».

иметь к последним никаких претензий. Положение это характерно было и для других областей Восточного Средиземноморья. Известна, например, одна из боспорских манумиссий, в которой говорится, что отпущенная на волю рабыня Хриса должна быть неприкосновенна и ограждена от всякого наследника (*ἀνέπαφος καὶ ἀνεπηρέατος ἀπὸ παντός κληρονόμου*)⁶⁷.

Помимо трептой в сельских районах Малой Азии имелся еще целый ряд лиц, социальное положение которых неизвестно, однако отсутствие патронимикона указывает на их неполноправие. Во всех случаях, где мы не встречаем точных указаний, остается лишь предполагать, каким было социальное положение тех лиц, которые в надписях упоминаются без имени отца. Менофон, Аполонид и Филт ставят благодарственную надпись «за всех своих и за вексаитов»⁶⁸. Как известно из других надписей⁶⁹, вексаиты были жителями деревни, находившейся на месте современного Сюю Орен.

Источники не позволяют более точно определить социальное положение ряда жителей деревень, упоминавшихся в надписях без патронимикона. Однако необходимо отметить, что подобная категория неполноправных лиц занимала в сельских районах определенное место и возрастала в течение I—III вв.

Необходимо также отметить, что среди надписей Малой Азии упоминание лиц без патронимикона чаще встречается в западных ее областях, в центральных и восточных зависимое население обычно обозначается как трептой. Это обстоятельство позволяет предположить, что домашнее рабство, сохранявшее свой патриархальный характер в сельских местностях центральной и восточной частей Малой Азии, в западных ее областях уступает место другим формам зависимости, не определявшимся уже как трептой. Вероятно, там рабы покупались в самом различном возрасте, а не выращивались с детства в доме своего господина. Они не были с ним связаны такими узами, как домашние рабы, и отношения их складывались иначе. Возможно, что по своему положению и обязанностям они мало отличались от первых. Однако их юридический статус определялся иначе — в надписях они обозначаются лишь по именам без патронимикона, что указывало на менее четкие границы их обязанностей и их социального положения. Упоминание о *δοῦλοι*⁷⁰ в сельских местностях Малой Азии встречается сравнительно редко. Исключение представляют лишь императорские и частные владения. Имеются также единичные надписи с упоминанием *δοῦλοι* в деревнях, о которых нельзя утверждать определенно, принадлежали эти рабы местным жителям или приезжим. Приведу пример. Аврелий Левкис, сын Зосима,

⁶⁷ IOSPE, II, 400 — манумиссия, 41 г.н.э.

⁶⁸ МАМА, V, № 127.

⁶⁹ МАМА, V, № 150 и № 151; I, № 402.

⁷⁰ В ряде надписей *Δούλος* встречается и как имя собственное, хотя несомненно, что оно связано с первоначальным значением термина (МАМА, I, 263).

поставил надгробную стелу своей рабыне Басилике (ῥιδία δοῦλη Βασιλικῇ) за ее усердие, благорасположение и ревностное служение хозяевам⁷¹. Был этот Аврелий Левкис уроженцем данной деревни или нет — неизвестно.

В другой надписи⁷² говорится о том, что некий Никон под давлением своего опекуна дал освобождение рабу вопреки воле бога. Раб здесь называется δοῦλος. Однако из текста неясно, является ли он рабом, посвященным храму или божеству, либо рабом частного лица, местным или приезжим.

В некоторых надписях точное указание на наличие в той или иной деревне рабов — δοῦλοι не только не помогает изучению социальных отношений, но и рождает целый ряд вопросов, на которые источники не всегда дают ответ. Приведем пример. В МАМА, VII, 45 из совр. местечка Серай Оню (оно расположено в 10 км к северу от Лаодикеи Комбусты). Евтюх, сын Аненклета, раб (δοῦλος) ставит надгробный памятник себе, своей жене Македонии и сыну Фронтону. Размер надгробия: 1,12 × 0,54 × 0,19. Изображены там корзина, веретено и прялка. Вот все, что мы знаем об этом рабе. Надпись лаконична и содержит лишь имена членов семьи. Памятник не позволяет ответить на ряд важных вопросов: во-первых, чьим рабом был Евтюх; во-вторых, как он попал в деревню, находившуюся на земле Лаодикеи Комбусты; в-третьих, чем он и его семья там занимались; в-четвертых, являлся ли Евтюх уроженцем Фригии или, может быть, как и его жена Македония, был привезен хозяином из Македонии; в-пятых, на какие средства поставил он, раб, хорошей работы и немалою размера надгробный памятник; в-шестых, какова была его профессия, позволившая ему накопить некоторое количество денег. Таким образом, одного употребления слова δοῦλος в надписи явно недостаточно, чтобы что-то сказать об имущественном, а иногда и социальном положении данного лица.

При отсутствии других сведений нередко может помочь ономастика. Так, среди рабских имен одним из наиболее распространенных было имя Эпафродит. Появление его в надписи почти безошибочно позволяет сказать, что она принадлежит рабу, который, возможно, впоследствии стал вольноотпущенником. Это можно утверждать, например, по отношению к Эпафродиту, который вместе с братьями поставил отцу Даме надгробный памятник весьма скромного размера (0,65 × 0,50 × 0,06) с плохо выполненной надписью (МАМА, V, 171 — из Кырка). Отсутствие патронимикона в именах Эпафродита и Дамы, упоминание об их братьях даже без указания имен (σὺν τοῖς ἀδελφοῖς), а также внешний вид надгробного памятника позволяют предположить, что речь идет о рабах.

Таким образом, в сельских районах термин δοῦλος встречается

⁷¹ МАМА, VII, 200А — из Акшехира.

⁷² МАМА, IV, 279 — из дер. Ортакей.

ся редко. Обстоятельство это не может быть случайным и заставляет думать, что *δοῦλοι* не были там основной рабочей силой и не играли существенной роли.

Не встречаются в надписях сельских районов Малой Азии и другие термины, обозначающие рабов⁷³, хотя число таких терминов, как отмечал Я. А. Ленцман, «достигает нескольких десятков»⁷⁴.

Таким образом, из всего многообразия различных категорий рабов для сельских районов Малой Азии можно выделить в качестве основной *ἀρεττοί* и производные: *σύντροφοι*, *τρέμμα* (с различным правописанием), от глагола *τρέφω* — со значением «кормить», «питать». Следует подчеркнуть, что все сказанное о рабстве в сельских районах Малой Азии справедливо для деревень, но не может быть отнесено к императорским и частным владениям, где картина была значительно более сложной.

2. ВОЛЬНООТПУЩЕННИЧЕСТВО

Несмотря на сравнительно небольшое количество известий о рабах, о степени развития рабовладельческих отношений в I—III вв., несомненно, можно судить по размерам вольноотпущенничества, поскольку эти два явления неразрывно связаны между собой. В сельских местностях вольноотпущенники упоминаются сравнительно часто. Два типа надписей свидетельствуют об этом: в первых вольноотпущенники прямо называются *ἀπελεύθεροι*⁷⁵; во вторых упоминаются имена людей без патронимикона. В последнем случае, чтобы определить, имеются в виду вольноотпущенники или рабы, приходится искать дополнительные аргументы. Такowymi могут быть внешний вид памятника, изображения, имеющиеся на нем. Например, одна из надписей, найденных в окрестностях Эскишехира (Дорилей), лаконично свидетельствует: «Филомел и Ниса Леонтиску, сыну, на память»⁷⁶. Ясно, что памятник поставлен неполноправными людьми. Он представляет собой мраморную стелу (0,88 × 0,79 × 0,24) с акротерием, украшенную орнаментом и пальметтами. Стела разделена на четыре части, на каждой из которых имеются изображения. На одной — ящик для хранения палочек для письма, дощечки для письма и предмет, похожий на свернутый свиток; на другой — сложенные дощечки для письма и футляр для ключей; стиль и *atriella*; чаша, большая ложка,

⁷³ Исключение представляет лишь термин *παίδισκη*. Комментатор надписи У. Баклер считает, что упоминающаяся там Галлико была храмовой рабыней деревни Аскления из объединения керизейцев (*Buckler W. Some Lydian propitiatory Inscriptions*. — *Annual of the British School of Athens*, t. XXI, N 6, p. 181). А. Г. Периханян высказывает предположение, что Галлико — рабыня Диогена, «частная рабыня, жившая в храмовой деревне» (указ. соч., с. 136). У. Баклер также согласен с тем, что речь идет о храмовом рабстве.

⁷⁴ Ленцман Я. А. О древнегреческих терминах, обозначающих рабов. — ВДИ, 1951, № 2, с. 49 сл.

⁷⁵ Например, МАМА, № 161 из Сюю Орен.

⁷⁶ МАМА, V, 167 — из Йукари Чалан.

кубок, кувшин. Несмотря на краткую надпись, можно на основании изображений сделать вывод о профессии дедикаторов. Это явно не семья земледельцев, лиц, занимавшихся сельским хозяйством. Речь идет, очевидно, о человеке интеллектуальном, много в жизни писавшем, основными орудиями труда которого были стиль и свиток, а не серп и мотыга. Судя по размеру памятника, тщательности отделки, качеству изображений, его ставила семья, обладавшая определенным имущественным достатком. Можно предположить, что то была семья вольноотпущенника, а не раба.

Вольноотпущенники иногда сами имели рабов. Так, Трофим поставил своим рабам Антонину и его жене надгробный памятник, хотя и довольно скромного вида,— стелу из известняка с грубо сделанной надписью и весьма незначительного размера ($0,37 \times 0,52 \times 0,54$). Какие-либо художественные рельефы на этой стеле отсутствуют⁷⁷. Это значит, что Трофим, несмотря на то, что имел рабов, обладал весьма скромным достатком. Возможно, что он перед этим заплатил большую сумму за отпуск на волю.

Характерно, что рабы, получившие свободу и ставшие вольноотпущенниками, старались во всем походить на свободных крестьян и даже надгробные памятники ставили по тому же образцу, что и последние. Например, Гай и его жена Фаллуса (МАМА, VI, 277) еще при жизни заказали себе памятник такого же размера, какие заказывали обычные общинники ($1,14 \times 1,00$), и с такими же изображениями (зеркала, прялки, веретена, мотыги, таблички для ключей, виноградных лоз). Примерно такие же изображения имеются и на надгробном памятнике Эпафродита и его жены (МАМА, VI, 278); Гелиоса и жены Гетии (МАМА, VI, 279); Тирса и жены Пелагии (МАМА, VI, 282). Интересно, что на надгробных памятниках вольноотпущенников гораздо реже встречаются изображения головы быка или пары запряженных в ярмо быков, чем на надгробных памятниках крестьян⁷⁸. Было бы очень заманчиво предположить, что вольноотпущенники занимались сельским хозяйством меньше, чем ремеслом, и не имели земельных участков, как имели их кометы; к сожалению, недостаточное количество материала не позволяет сделать подобного вывода, который в первую очередь должен быть основан на статистических данных.

Имущественное положение вольноотпущенников было различным: с одной стороны, имелись разбогатевшие «эвергеты», подчинявшие своей власти целую округу, каким был протокомет Аврелий Фругий⁷⁹ Несториан (МАМА, I, 11); с другой — весьма скромные по своему имущественному положению лица, с трудом сводившие концы с концами. Показательно погребение — саркофаг Мидаса⁷⁹, найденный между совр. Узунпинаром и Йеренгюме, у под-

⁷⁷ МАМА, VI, 313.

⁷⁸ Имеются, правда, на надгробных памятниках вольноотпущенников изображения мотыги и садового ножа, но они встречаются редко (например МАМА, I, 421).

⁷⁹ МАМА, VI, 141-а.

ножия горы, в 2-х километрах от первого и в 3,5 — от второго. Л. Робер считает⁸⁰, что местность эта, вероятно, принадлежала Аполлонии на Сальбаке. Там жил и был похоронен Мидас, человек зажиточный, на что указывает сооруженный по его заказу массивный саркофаг, украшенный резьбой, изображавшей гирлянды цветов. На одной из сторон саркофага выбита надпись, в которой сообщается, что Мидас купил (ἡγοράσθη) это погребение для себя, своей жены Апфии, детей — Менекрата, Мидаса, Глюкона, Эльпиды и Наны, а также для тех из живущих вместе с Мидасом, кого он сам захочет (в надписи специально подчеркивается обстоятельство, утверждавшее волю самого Мидаса в распоряжении этим памятником — αὐτός ὁ Μίδας). Относительно его социального положения в надписи ничего не говорится. Можно, однако, судя по отсутствию патронимикона в имени как Мидаса, так его детей и жены, предположить, что он был разбогатевшим вольноотпущенником.

О зажиточном положении вольноотпущенников говорит и надпись, принадлежавшая Нейкомахе и ее мужу (размер памятника $1,35 \times 0,70 \times 0,25$)⁸¹. На памятнике — бюсты мужчины и женщины. В нише — фигура мальчика с гроздьем винограда в руках. Слева от него — палочка для письма, сумка, четыре продолговатых предмета, назначение которых неясно, стригиль, большой кувшин. Справа — дельфин, на котором сидит человек, держащий в руке факел. Под ним — изображение орла, имевшее сакральный характер. И здесь размер памятника и хорошо выполненное изображение указывают на обеспеченное положение семьи.

О вольноотпущенниках, имевших весьма скромный достаток, свидетельствует целый ряд надгробных памятников, грубо отделанных, небольших по размеру и обычно не имеющих изображений. Примером служит надгробие Аврелия Диомеда и его сожительницы Поллы ($0,53 \times 0,35$), лишенное украшений и рельефа, надпись грубо выполнена на куске известняка (МАМА, I, 201). К той же категории можно отнести Аврелия Романа и его сожительницу Теклу (МАМА, I, 209) и т. п.

Отношение господ к своим вольноотпущенникам, равно как и к рабам (о чем говорилось выше), в разных районах было различным. В Западной Малой Азии почти нет случаев, когда бы вольноотпущенник был похоронен в одной могиле с хозяином. В противоположность этому в сельских районах с менее развитыми товарно-денежными отношениями, где города не оказывали такого влияния на социальную жизнь, наблюдается иная картина. Так, в одной из фригийских надписей (МАМА, VI, 272 — в районе совр.

⁸⁰ Robert J. et. L. Op. cit., p. 284.

⁸¹ О том, что она являлась вольноотпущенницей, а не полноправной общинницей, свидетельствуют следующие обстоятельства: во-первых, ее имя (встречающееся в довольно редкой форме — Νεικομαχίς) не имеет патронимикона; во-вторых, Нейкомаха называет своего мужа σύμβουον,

Афyon Карахисара) Тит Флавий, сын Праксия, и Кирейна, дочь Праксия, сыну Праксию, матери Татии, дочери Агафокла, и другим родственникам ставят надгробный памятник. Интересна последняя строка надписи: в этой могиле могут быть погребены также их потомки и вольноотпущенники τοῖς τοῦτων ἐγγόνοις καὶ ἀπελευθέροις ἰδίοις. Интересно особо выделенное слово ἰδίοις: похоронены вместе с хозяевами могут быть только те лица, которые были отпущены на волю Титом Флавием, сыном Праксия, и его женой. Можно предположить поэтому, что в данном хозяйстве работали вольноотпущенники не только Тита Флавия, сына Праксия, но и других лиц. Это говорит также и о сохранении в какой-то степени патриархальных отношений между хозяевами и их вольноотпущенниками во Фригии, что, как правило, не наблюдалось в городах западной Малой Азии.

Что же представляла собой семья вольноотпущенника? На основании эпиграфических памятников можно сказать, что обычно это была индивидуальная семья, ограниченная двумя поколениями — родители и дети. Как правило, семейные отношения вольноотпущенника не знали боковых форм родства. Исключения в данном случае насчитываются лишь единицами. Например, вольноотпущенник Аврелий Диомед и его сожительница Полла⁸² ставят надгробную стелу своей теще и тестю — τῷ πενθερῷ . . . καὶ τῇ πενθερᾷ (МАМА, I, 201). В соседней деревне⁸³, также находившейся на землях Лаодикеи, Аврелий Роман вместе со своей сожительницей Теклой ставит надгробный памятник тестю (τῷ πενθερῷ). Типичными в деревнях являлись такие посвящения: «Аврелия Дуда мужу Пападу на память» (МАМА, I, 54 — из Кадин Хана), или: «Аврелий Дода и Полла отцу Мосиду и матери Нане на память» (МАМА, I, 67).

В сельских местностях неоднократно имели место случаи, когда вольноотпущенники одного лица вступали в браки с вольноотпущенницами другого лица. В общине, например, находившейся на месте совр. Серай Оню, недалеко от Лаодикеи, Полла, вольноотпущенница Элия, вышла замуж за вольноотпущенника Аврелия Акилу⁸⁴. Брат ее Оплон также был рабом, а затем и вольноотпущенником Элия. Вероятно, брат и сестра были проданы в рабство в детстве одному и тому же лицу, а потом отпущены им на волю. После отпуска на волю отношения вольноотпущенника и хозяина сохранялись, о чем можно судить по тому, что последние сооружали усыпальницы с надгробными памятниками для себя, своих детей, рабов, вольноотпущенников и их потомков⁸⁵. Это, несомненно, указывало на крепкие связи между господином и выращенным в его

⁸² МАМА, I, 201 — надпись поставлена в деревне, расположенной в 5—6 км к востоку от Лаодикеи (совр. Киник).

⁸³ Совр. Мейдан (МАМА, I, 209).

⁸⁴ МАМА, I, 158.

⁸⁵ КР, I, 24.

доме рабом, которого он затем отпускал на волю⁸⁶. Не случайно Корнелий Непот, ставя в особую заслугу Помпонию Аттику разумную хозяйственную деятельность, подчеркивает, что в его прекрасно организованной и обученной фамилии не было ни одного раба, который не был бы рожден и воспитан в его доме⁸⁷. Некоторые из вольноотпущенников становились затем богатыми людьми и сами в свою очередь имели рабов, которых отпускали на волю⁸⁸. В ряде случаев эти «господа» ставили надгробные памятники на могилах своих домашних рабов⁸⁹.

Хозяйство вольноотпущенника было приблизительно таким, как и у среднего крестьянина; он также возносил просьбы Зевсу Эпикарпию и другим богам о богатом урожае⁹⁰. Однако иногда вольноотпущенники являлись весьма состоятельными людьми и даже играли важную роль в тех деревнях, где были раньше рабами. Известен случай, когда вольноотпущенник Артемидор стал «басилевсом» одной из лидийских деревень⁹¹ (этот греческий термин Канья по-латыни передает как *dominus*).

Вольноотпущенники не всегда оставались в той общине, где они получили свободу⁹². Случалось, что они переселялись в соседние деревни, где обычно занимались ремеслом⁹³. Известны, например, ремесленники-вольноотпущенники χαλκοτόμος (медник), λατόμος или λιτόμος (каменщик)⁹⁴. Последняя профессия встречается очень часто, особенно в фригийских надписях первых веков нашей эры⁹⁵. Имелись также вольноотпущенники-врачи⁹⁶.

Выше уже говорилось, что полностью эти вольноотпущенники в сельской общине не ассимилировались. Они являлись какой-то промежуточной категорией между свободными членами общины и домашними рабами.

Интересно поставить вопрос о праве владения вольноотпущенников своим имуществом, о том, как это юридически оформлялось. Сведения, которыми мы располагаем, чрезвычайно отрывочны. Приходится поэтому анализ проблемы начинать «с конца». Как

⁸⁶ КР, II, 11; III, 145.

⁸⁷ *Corn. Nep.*, *Pomp. Att.*, XIII, 3—4.

⁸⁸ Например, Метрофан и Афия из деревни неизвестного нам названия, расположенной в совр. местечке Гжюк Кажа (КР, I, 24).

⁸⁹ КР, I, 110: Татий ставит памятник своему рабу Теофилу, *Buresch*, 38; Кладос, вольноотпущенник Махата, ставит благодарственную надпись за здоровье своего бывшего господина.

⁹⁰ МАМА, VII, 476: Элий Пайдзон (Αἰλῖος Παῖζων) из деревни Клинты ставит памятник за здоровье своего господина Фауста (τοῦ κυρίου μου Φαύστου) Зевсу Эпикарпию.

⁹¹ IGRR, IV, 1371.

⁹² Μουσ., 1880, σελ. 177, № τμξ'.

⁹³ Обычно в радиусе 5—15 км (см., например, *Buresch*, № 38 — вольноотпущенник Махата Кладос переехал из деревни на месте Айвадлара в Сандал, находящуюся на расстоянии 6—8 км).

⁹⁴ *Buresch*, № 47 — из Кореса, BCH, X, p. 407, № 10; XI, p. 100.

⁹⁵ SIG, V, N 3827; *Ath. Mitth.*, X, S. 13; BCH, II, p. 264.

⁹⁶ МАМА, IV, 86 — Τρόφος ἰατρός.

сообщается в ряде эпиграфических памятников, вольноотпущенники имели наследников и могли передавать им свое имущество по наследству. Так, Гай Ауфидий, сын Зосима, и Ауфидия Апория, его сожительница (*συμβία*), ставят надгробный памятник себе и своим наследникам (*κληρονόμοις*) (МАМА, VI, 307 — из Ахата, в окрестностях Акмоней). Видимо, вольноотпущенники имели право по своему усмотрению распоряжаться имуществом и передавать его по наследству. В приведенном случае этими наследниками были не дети, что всегда указывается в надписи, а дальние родственники. Чрезвычайно интересно, конечно, выяснить, что входило в «предметы наследования» вольноотпущенников, являлись ли таковыми земля, дом, личное имущество и т.д., однако данных по этому вопросу в источниках не имеется.

Несмотря на элементы патриархальных отношений в ряде деревень, различие между свободным и несвободным сельским населением отчетливо сохранялось. Более того, если раба отпускали на волю, следы его рабского происхождения сохранялись в течение нескольких поколений. Дети, внуки и даже правнуки вольноотпущенников не имели тех прав, что и свободные, на что указывает тот факт, что даже в неофициальных документах, не говоря уже об официальных, вольноотпущенник упоминался без имени отца⁹⁷. Поэтому в деревнях со временем образуется определенная прослойка вольноотпущенников, которые вступают в брак с равными себе по положению женщинами, и эта семья, как и все ее многочисленные родственники, состоит, как правило, из вольноотпущенников⁹⁸. Она связана с родственниками-вольноотпущенниками, которые обычно в надписях обозначаются термином *οἱ συγγενῆς πάντες*⁹⁹. Неполноправие этой прослойки способствовало в известной степени ее социальной замкнутости.

Лидийские надписи сообщают об интересной категории вольноотпущенников, называемой в надписях *οἱ συνεξελούθηροι*. Видимо, это рабы, отпущенные на волю одновременно и, вероятно, одним и тем же хозяином. Такие вольноотпущенники поддерживали затем связь друг с другом уже после своего освобождения, а иногда и до последних лет жизни (КР, I, 157).

К сожалению, источники, не всегда точно датируемые, не дают возможности проследить процесс изменения численности вольноотпущенников на протяжении I, II и III вв. и прийти к какому-то определенному выводу. Можно только сказать на основе большого количества надписей, что отпуск домашних рабов на волю имел в сельских районах Малой Азии значительное распространение. Видимо, в хозяйстве рядового крестьянина, обрабатывавшего небольшой участок земли, труд многочисленных рабов не мог найти применения.

⁹⁷ Примеры эти многочисленны.

⁹⁸ Buresch, N 58.

⁹⁹ Ibid., N 25.

Картина социальных отношений в частных и императорских имениях значительно отличается от того, что имело место в деревнях¹⁰⁰. Там гораздо чаще встречается категория рабов, обозначаемых термином *δοῦλος*, и лишь в виде исключения встречаются *ἄρρητοι*.

Приведем примеры: в МАМА, I, 41 упоминается Комод, раб из имения, принадлежавшего Луцию Кальпурнию Проклу (*Κόμοδος Λ. Κ. Πρόκλου δοῦλος*). На его социальное происхождение ясно указывает слово *δοῦλος*. Однако для характеристики фактического статуса немаловажно отметить, что этот раб имел семью — сына и жену, которая в надписи называется *γυνή* — как у свободных, в отличие от *σύνβιον* — у неполноправных (см. МАМА, I, 34). Кроме того, Комод поставил своим близким — жене и сыну — хорошо сделанный надгробный памятник сравнительно большого размера (1,00 × 0,44). В центре рельефа находилась фигура юноши. Слева от него — сумка или ранец, справа — предмет, назначение которого неизвестно.

Положение Комода, хоть он и называет себя в надписи *δοῦλος*, было более привилегированным, чем обычного раба. Вероятнее всего, это объяснялось тем, что его хозяин был богатым и уважаемым человеком.

Другой пример. В МАМА, I, 29 сообщается о Теламоне и Хресте, *χρίων Καίσαρων δοῦλοι*. Однако, как и в надписи Комода, надгробный памятник указывает на их зажиточное положение: стела из белого известняка имеет высоту 1 м 56 см, ширину 63 см. Он тщательно отделан, по бокам две колонны, аккуратно выполнена надпись; на нем изображены мужская и женская фигуры. Несомненно, что изготовление подобного памятника стоило значительных средств и вряд ли могло быть доступно обыкновенным рабам. Эти рабы императоров не были отпущены на волю, но сумели накопить определенные средства. На род их деятельности указывают изображенные на надгробном памятнике веретено и прялка, для Хресты, и корзина, предмет занятий Теламона.

В частных и императорских имениях рабы нередко исполняли обязанности ойкономов (иногда они назывались *πραγματευτής* — МАМА, IV, 204—222, управляющие имениями). На них лежала организация всех сельских работ, в их подчинении находились рабы и работавшие за плату обедневшие общинники из соседних деревень. Возможно, что должность управляющего они исполняли по многу лет. Например, Онесим, ойконом в имении Поллиона (около Акмонеи), когда умер хозяин и земли перешли к трем его сыновьям, по-прежнему оставался управляющим (МАМА, VI, 246). Поставленный им в честь новых хозяев почетный алтарь и изображе-

¹⁰⁰ О положении рабов и вольноотпущенников в сельских местностях провинции Азии пишет И. С. Свенцицкая (Рабы и вольноотпущенники..., с. 127 слл.; *ее же*. Положение земледельцев..., с. 39 слл.).

ние на нем показывают, каковы были представления этого человека: видное место на рельефе занимала голова быка, в центре находился всадник, державший секиру в левой руке, а правую руку положивший на гриву лошади. Возможно, этот сидящий на коне человек олицетворял собой божество-всадника, популярное в сельских местностях Малой Азии. Можно вспомнить аналогичный вотивный рельеф (МАМА, VI, 34) из Денизли (район Лаодикеи), где изображен всадник, который держит в правой руке поводья, а в левой секиру. Издатели надписи считают, что это — изображение бога Σώλων, божества тех сельских районов, в которых основой хозяйства являлось не земледелие, а скотоводство, и особенно коневодство.

Другой ойконом, Евкарп, ставит почетную стелу Зевсу Величайшему (Διὶ Μεγίστῳ). Возможно, что он, как и Онесим, был рабом. Интересен внешний вид памятника (размер 1,14 × 0,46). В центре стелы изображен Зевс, который в одной руке держит сноп колосьев, рядом с ним гроздь винограда. Совершенно ясно, что Евкарп ставил эту стелу Зевсу как покровителю сельскохозяйственных работ, урожая, как сельскому божеству. Возможно, что поводом к постановке стелы явилась засуха либо какое-нибудь другое стихийное бедствие. Во всяком случае, несомненно, что управляющий имением Евкарп чувствовал себя «ответственным» за положение дел в хозяйстве господина и от своего имени возносил мольбы тому божеству, которое, как он считал, могло помочь и выполнить его просьбу. К сожалению, из надписи неизвестно, управляющим какого имения был Евкарп. Неизвестно, являлось это имение частным владением, находилось оно на городской земле или на землях, купленных у какой-то из окрестных общин в Мейданлы (в районе Лаодикеи Комбусты). Интересно, что с просьбами к Зевсу обращался не владелец имения, а его управляющий, что свидетельствует о том, что раб был заинтересован в делах имения не меньше, чем его господин.

Есть свидетельства о существовании частных владений на фригийско-галатской границе. Сергиям Павлам принадлежало имение около совр. Синанлы (МАМА, VII, 319, 321). Оттуда известна хорошо выполненная стела размером 1,68 × 0,68 с изображением двух женских фигур и ряда предметов — ключей, молотка, веретена, прялки и др. Поставил стелу табелларий Дейос в память о своей сожительнице (συμβίω) Мениаде и дочери Дуде. Этот табелларий, почтовый чиновник, был либо рабом, либо вольноотпущенником и состоял на службе в частном имении, вероятно, получая за нее определенную плату (МАМА, VII, 322). Аналогично социальное положение и другого должностного лица, по имени Дикайос (имя характерно!), бывшего *σείτομέτρης* и поставившего своей сожительнице Муне стелу на память (МАМА, VII, 323). К тем же должностным лицам в частных владениях принадлежали и многочисленные *οἰκονόμοι*, также бывшие обычно сначала рабами, а затем вольноотпущенниками.

Апулее Конкордии посвятил ее управляющий вотивную колонну (CR, XXII, 1908, p. 215). Δουλος οἰκονόμος Артемон, раб М. Кальпурния Лонга, ставит вотивную стелу в честь Диониса, бога плодородия и виноградарства (IGRR, IV, 895 — из Аласта).

Рабов, управляющих частными и императорскими именьями, иногда называли *πραγματικοί*. Канья передает по-латыни этот термин как *negotiator aut procurator*. Известна стихотворная эпитафия такого раба по имени Гай, который сетует, что за все годы не нажил ни большого богатства, ни большого имущества и прожил всю жизнь в труде. (IGRR, IV, 743 — из Евменеи).

Среди императорских рабов и вольноотпущенников известны также должности: *ταβουλάριος* (IGRR, III, 168), *οὐέρνα εἰρηνάρχης* (IGRR, III, 240), *ἀπελεύθερος ἐπίτροπος* (IGRR, III, 243), *οὐέρνα κανκелλάριος* императора (IGRR, III, 256).

Надгробные надписи МАМА, I, 25 из Лаодикеи, поставленная Марком, *οὐέρνας* императора, своей жене (*γυναικί*) Аврелии Маркии, и МАМА, I, 26, поставленная Асклепиадом, верна императоров, и его братьями отцу Асклепиаду и Момии, матери, показывают, что у верна императоров была жена, а не сожительница и семья, которая почитала своего отца и мать; возможно, те выросли в доме того же господина.

Имущественное положение этих *verna* было не блестящим, о чем свидетельствуют их надгробные памятники (первый размером $0,64 \times 0,57$, второй $0,78 \times 0,41$).

Иногда в надписях рабов императора не употреблялось слово *δοῦλος*, что считалось само собой разумеющимся, и называли они себя просто *Καίσαρος*, например, *Ὀνήσιμος Καίσαρος* из Иконии (IGRR, III, 265).

В частных именьях встречаются также рабы, обозначаемые термином *οἰκέται*. В этой связи любопытен случай из жизни софиста Элия Аристиды, жившего в Адрианутере и владевшего несколькими именьями в ее окрестностях. Одно из них, Ланейон, перешло к его семье, когда он находился в Египте в 142 г. н. э. (Orat., XLIX, 42; L, 105—108). Его соседи-мисийцы, собственники окрестных земель, не любившие его, поскольку Элий Аристид старался захватывать окружающие его именья участки, воспользовались его отсутствием, вооружили многих своих рабов и арендаторов *πλείστους οἰκέτας ἅμα καὶ μισθωτοὺς ἐπὶ ἄλλον μεθ' ὅλων ἀπάντων*, напали на именье и разорили его. Отметим, что рабы обозначаются здесь термином *οἰκέται*, что они выступают совместно с мистотами, что хозяева не побоялись вооружить тех и других, наконец, что рабов этих было много. Узнав о происшедшем, Элий Аристид вынужден был обратиться с жалобой к проконсулу, который вернул ему именье.

Помимо ойкетов в событиях участвовали и мистоты — арендаторы. Термин этот, хотя и сравнительно редко, встречается в эпиграфике сельских районов Малой Азии. Известна, например, фригийская надпись времен Галлиена, где упоминается мистот Аппа

из императорского имения (χωρίων τοῦ Καίσαρος, который на собственные деньги ставит надгробный памятник своей жене Роде (ῥυναικί Ρόδω) заботами комарха такого-то, сына Александра (IGRR, IV, 592). Правда, отсюда нельзя сделать вывод, что χωρίων императора и был той деревней, которой управлял данный комарх. И. С. Свенцицкая считает, что «арендатор этот, вероятно, находился на положении, аналогичном положению североафриканских кондукторов; ему была подчинена деревня»¹⁰¹.

Известны Бэотос и Клета, мистоты из окрестностей Лаодикеи (ΜΑΜΑ, I, 292), жившие в имении Араллеев (совр. Атланди), которые ставят надгробный памятник в честь умерших детей — мальчика и девочки.

Ряд надписей относится к императорскому имению, расположенному поблизости от Лаодикеи Комбусты (ΜΑΜΑ, I, 21—31). Представляет интерес небрежно сделанная надгробная надпись (известняк, размер — 0,64 × 0,57), поставленная Марком, верна императоров (ΜΑΜΑ, I, 25), себе и своей жене (ῥυναικί), имя которой он даже не считает нужным упомянуть. Аналогичны по содержанию и другие надписи из этого района, — Асклепиада, верна Августов (ΜΑΜΑ, I, 26), Космоса, οὐέρνα ἱππεύς. Характерно, что латинский термин «верна» не переведен на греческий язык, а лишь написан греческими буквами: οὐέρνα. Из этого имения около Лаодикеи дошли надписи вольноотпущенников императора и на латинском языке, например, ΜΑΜΑ, I, 24: в честь Юлии Мамен, матери императора Александра Севера, ставит надпись Глицерин, вольноотпущенник (Glycerinus lib.). На латинском языке в Лаодикее поставлена надпись еще двумя вольноотпущенниками императоров — Элием Амнантом и Валерием Андроником.

Характерна судьба трех поколений вольноотпущенников, о которых известно из надписей ΜΑΜΑ, I, 22, 22а, 22b. Родоначальник этой семьи носил имя Аврелия Траяна Антонина, он был вольноотпущенником императоров, и видимо, богатым человеком. Возможно, он являлся управляющим одним из императорских имений, расположенных в окрестностях Лаодикеи (ΜΑΜΑ, I, 24 и прим. Калдера). Его сын Аврелий Траян также был вольноотпущенником императоров — Марка Аврелия или Коммода. Видимо, он был еще более богат, чем его отец, так как купил себе имение в окрестностях Лаодикеи. В надписи ΜΑΜΑ, I, 226 сообщается имя управляющего ¹⁰² этим имением — Ἑσέλλίου Λόνγου. Его сын, внук родоначальника семьи, Элий Невий Эпагат, не ограничивается ролью владельца имения и начинает активно влиять на общественную жизнь Лаодикеи, оказывая полису различные благодеяния. Простаты Лаодикеи восхваляют его в поставленном ими почетном декрете как патрона и благодетеля. Агораном города ставит в его честь почетный декрет за исполнение обязанностей филарха и гим-

¹⁰¹ Свенцицкая И. С. Положение земледельцев..., с. 42.

¹⁰² В отличие от обычного термина, применявшегося для обозначения этой должности, οἰκονόμος, в этой надписи упоминается термин ἐπίτροπος.

насиарха в Лаодикее. Кстати, этот агораном сам был вскормленником (τὸν τρέφειον) Элия Невия Эпагата.

Сопоставление этих трех надписей позволяет проследить, каким путем члены семьи императорского вольноотпущенника постепенно проникают в жизнь греческого полиса, как поколение за поколением растет ее богатство и влияние. Допустимо и следующее предположение: имение, приобретенное Аврелием Траяном, могло быть раньше частью ager publicus Лаодикей, которую полис продал богатому вольноотпущеннику, испытывая потребность в деньгах для уплаты подати в императорскую казну.

Некоторые из вольноотпущенников императоров достигали еще более высокого положения в государстве. Известно, например, что совет и народ какого-то города (возможно, Евменей) почитают Крескента, вольноотпущенника императора, который был наместником (ἐπίτροπος) Лугдунской Галлии и наместником Фригии. За его благодеяния город ставит ему статую заботами другого вольноотпущенника императоров — Зосима (IGRR, IV, 749).

Эпитропом Ликии был Тит Элий Карп, вольноотпущенник императора, житель города Патары (CIL, III, 14719=IGRR, III, 675).

Земледельцы в имениях, принадлежавших императору, обозначались теми же терминами, что и на других категориях земель. Как справедливо пишет И. С. Свенцицкая¹⁰³ «не существовало особой статусной группы «императорских людей»; сами себя работники в императорских доменах называли по-разному; земледельцы, пареки, кометы. Все эти термины встречаются и в документах, относящихся к землям других категорий владений».

Следует отметить, что в I—III вв. н. э. в источниках нет категории царских земледельцев, тех лаой, которые часто упоминались в эллинистических памятниках и были тесно связаны с царским землевладением. Императоры не сохранили этой категории сельского населения, и она перестала существовать после раздела владений эллинистических монархов.

Подведем некоторые итоги. Прежде всего обращает на себя внимание значительное, по сравнению с эпохой эллинизма, увеличение количества надписей, посвященных трептой, которых большинство исследователей считает домашними рабами — νεγα. Следует признать эту форму рабства основной в деревне, поскольку и δοῦλοι, и σῶμα, и ἀνδράποδα встречаются там сравнительно редко. Видимо, именно трептос, использовавшийся на домашних работах и обрабатывавший участок своего хозяина, воспитанный в его доме и похороненный вместе с его семьей, более всего соответствовал тем социальным отношениям, которые имели место в большинстве малоазийских деревень. Конечно, отношения трептой с их хозяевами в различных областях сохраняли свою специфику. В деревнях западной Малой Азии они не носили такого патриархального характера, как в центральных и восточных. Да и надписей с упоминанием трептой там

¹⁰³ Свенцицкая И. С. Положение земледельцев..., с. 41.

значительно меньше. Это место занимают эпиграфические памятники с упоминанием лиц без патронимикона. Правда, их социальное положение надо анализировать в каждом конкретном случае, однако все они стояли на определенной ступени зависимости и полноправными гражданами не являлись. В I—III вв. число их возрастало.

Раб, живший в доме господина, имел семью — жену и детей. Семьи эти увеличивались за счет естественного прироста, и хозяин, который не мог всех их использовать в своем хозяйстве, считал более выгодным отпустить часть из них на волю. Для I—III вв. эпиграфикой засвидетельствовано значительное число манумиссий в сельских местностях. Имущественное положение вольноотпущенников было различным. Некоторые из них становились зажиточными людьми, сами имели рабов и иногда отпускали их на волю. Источники богатства вольноотпущенников известны далеко не всегда — это могла быть и торговля, и ремесло (сведения по этому вопросу носят случайный характер). Имелись, однако, и вольноотпущенники-бедняки, о чем свидетельствуют их надгробные надписи. Вольноотпущенник никогда не становился полноправным человеком. Существовавшее в то время законодательство четко разграничивало вчерашнего раба и свободного. Это касалось и детей, и потомков раба. Не изменяли положения вольноотпущенников и браки со свободными. Понятно поэтому, что в сельских местностях они составляли замкнутую социальную категорию и со свободными крестьянами не ассимилировались.

Иной, чем в деревнях, была картина социальных отношений в императорских и частных имениях, где основной формой зависимости были *δοῦλοι*, а домашних рабов (*οἰκεῖτοι*) почти не встречается. Иногда императорские и частные рабы назывались *οἰκονόμοι* и являлись управляющими имений, исполняя эту должность по несколько десятков лет. Большую роль в сельских местностях играли также вольноотпущенники императоров, число которых заметно увеличивалось на протяжении I—III вв.

РАБСТВО В СИРИИ И ПАЛЕСТИНЕ

I. РАБОВАЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СИРИИ

Когда в 64 г. до н. э. в Антиохию вступили войска Помпея, положив тем самым начало новому периоду в истории Сирии — периоду римского господства, эта страна прошла уже длительный путь исторического развития. Римляне застали здесь давно сформировавшееся классовое общество, в экономике и общественной жизни которого значительную роль играло рабство, существовавшее здесь, по крайней мере, уже в середине II тысячелетия до н. э., а возникшее, очевидно, значительно раньше. Можно поэтому заранее предполагать, что под властью римских наместников продолжали развиваться формы рабства, которые были свойственны еще доэллинистической Сирии и продолжали существовать под властью Птолемеев и Селевкидов. Наряду с этим римляне застали в Сирии и потомков греческих колонистов конца IV в. до н. э., которые постепенно сливались с местным населением, эллинизируя его и усваивая его обычаи и нравы. Есть основания, следовательно, думать, что чисто греческие нормы и узаконения, касающиеся рабов, также нашли свое отражение в том, каков был статус последних в Сирии времени принципата. Наконец, интересующий нас период был периодом римской колонизации (основание Берита и Гелиополя), расселения в стране римских ветеранов и распространения римского гражданства и, соответственно, внедрения в повседневную жизнь римских правовых норм, в том числе и касающихся рабов.

Таким образом, положение последних в обществе должно было регулироваться установлениями, возникшими в результате слияния различных традиций и возникновения на этой основе каких-то общих принципов.

Однако одновременно действовал и другой, еще более существенный фактор — изменения в экономической жизни общества, которые не могли не сказаться на положении рабов.

Как названные явления обнаруживали себя в Сирии I—III вв. н. э., каким было направление общественного развития в данный период — эти вопросы нуждаются в рассмотрении (в тех, разумеется, пределах, какие допускают дошедшие до нас источники).

Между тем проблема правового и имущественного положения рабов в Сирии I—III вв. и вообще рабовладельческих отношений пока еще даже не была поставлена. М. И. Ростовцев в очерке со-

циально-экономического положения Сирии, включенном в его большую монографию, посвященную Римской империи¹, ни слова о рабах не говорит. Из главы о Сирии в монографии А. Б. Рановича о восточных провинциях Империи мы узнаем только, что «латифундии и императорские имения... обрабатывались также при помощи рабов»². Однако для обоснования столь ответственного заявления автор ссылается на деятельность известного диоикета Аполлония и на данные талмудической традиции (о последней см. ниже), а не на собственно сирийский материал интересующего нас периода.

Естественно, что для ответа на поставленные выше вопросы, которые, по сути дела являются вопросами о характерных чертах, специфике и направлении социально-экономического развития сирийского общества I—III вв., необходимо прежде всего четко определить те критерии, пользуясь которыми возможно определить социальную структуру общества. Речь идет, естественно, об определении самого понятия «раб». С нашей точки зрения, наиболее плодотворный подход к этому вопросу обнаруживает К. К. Зельин, когда он пишет: «В дальнейшем мы будем подразумевать под «рабами» людей, принадлежащих к сословию рабов, т. е. признаваемых таковыми действующим правом, являющихся собственностью других людей, коллективов или даже «божества», но не обязательно лишенных средств производства или даже правоспособности, не обязательно жесточайшим образом угнетаемых»³. Иными словами, при характеристике тех или иных общественных групп принимается во внимание их юридический статус. Само собой разумеется также, что для нас недостаточно только констатировать существование рабства; важно выяснить, какую роль играли рабы в экономической жизни, их отношение к средствам производства, т. е. в конечном итоге — статус рабов или отдельных групп рабов.

В документах, происходящих из Сирии I—III вв., рабы фигурируют прежде всего как объекты разного рода сделок. К их числу относится, прежде всего, пальмирский пошлинный тариф (CIS, II, 3913), где устанавливаются пошлины, взимаемые при ввозе и вывозе рабов. Соответствующий пальмирский текст позднего тарифа (табл. II, стб. 1, стк. 2—7) гласит: «Со ввозящего рабов (‘lmu), которые ввозятся в Пальмиру или пределы ее, [пусть высылкается откупщик] за каждого человека (lkl ggl) денариев 22. За раба (‘lm), который будет продаваться в городе [или будет] вывезен, [денариев] 12. За раба-ветерана (‘lm wtrn), который будет продан [в городе, денариев] 10... И если покупатель вывозит рабов (‘ly-tup), то пусть отдаст за каждого человека (lkl ggl) [денариев] 12». Греческий текст этой части тарифа очень испорчен; сохранившиеся

¹ Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1962, p. 243—253.

² Ранович А. Б. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М.—Л., 1949, с. 147.

³ Зельин К. К., Трофимова М. К. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического периода. М., 1969, с. 29.

фрагменты (табл. III, стб. 1, стк. 1—8) позволяют установить, что в нем использовались термины $\tau\acute{\alpha}$ $\sigma\acute{\omega}\mu\alpha\tau\alpha$ и $\omicron\upsilon\epsilon\tau\rho\alpha\nu[\acute{\alpha}]$, возможно, также с предшествующим $[\tau\acute{\alpha}$ $\sigma\acute{\omega}\mu\alpha\tau\alpha]$. Аналогичный текст имеется и в раннем тарифе (табл. II, стб. 2, стк. 79—83): «Пусть заплатит откупщику (l^mks¹) тот, кто ввозит людей (rgl^{yn}) в Пальмиру или в пределы ее и вывозит,— за каждого человека (lkl ggl) денариев 22. И тот, кто... вывезет, пусть заплатит откупщику [денариев] 12. И тот, кто будет продавать раба-ветерана (ϵ^{c} l^m w^tgn), пусть заплатит денариев [10]».

В интересующих нас отрывках рабы обозначены в пальмирской части термином ϵ^{c} l^m (множественное число ϵ^{c} l^{yn} и в определенном состоянии ϵ^{c} l^{yn}²). В классическом сирийском языке понятие «раб» обычно передается термином ϵ^{c} b^dā и значительно реже ϵ^{c} l^{yn}pā, который переводится, как правило, «мальчик», «юноша»⁴⁻⁵. В угаритских текстах второй половины II тысячелетия до н. э. слово $\mathfrak{g}$ l^m обозначало равноправно и юношу, и слугу, раба⁶. В Библии слово ϵ^{c} ālām употреблено два раза, но лишь в одном случае (I Сам., 20, 22) оно, возможно, обозначает раба. В классическом арабском языке слово $\mathfrak{g}$ ulām^{un} имеет исходное значение «юноша» и вторичное «раб»⁷. Быть может, на пальмирской терминологии сказалось в данном случае влияние греческой (употребление термина $\pi\alpha\iota\varsigma$).

Особое место занимает в памятнике термин $\sigma\acute{\omega}\mu\alpha$, который соответствует пальмирскому rgl и употребляется для обозначения личности продаваемого. Однако наиболее важным представляется здесь слово w^{t} gn (соответственно греческое $\omicron\upsilon\epsilon\tau\rho\alpha\nu\acute{\alpha}$). Еще В. Диттенбергер в своем комментарии к тарифу обратил внимание на отрывок из книги Марциала *«De delatoribus»* (Dig., XXXIX, 4. 16, 3), согласно которому *mancipia veterana*, в том числе, естественно, и рабы, суть те, которые эксплуатировались непрерывно не менее года, чем они и отличались от *mancipia novicia*. Характерно различие в пошлинах, указывающее на сравнительно низкую стоимость рабов-ветеранов.

Как объект взыскания пошлины на границах римских владений, рабы встречаются и в известном описании таможенного пункта в Зевгме (Phil., Vita Ar., I, 20, 1): «Когда они (герои повествования. — И. III.) достигли Месопотамии, откупщик, поставленный в Зевгме, подвел их к таблице ($\tau\acute{o}$ $\pi\iota\nu\acute{\alpha}\chi\iota\omicron\nu$) и спросил, что они везут. А Аполлоний, — «везу», — сказал, — «мудрость, справедливость, добродетель, самообладание, мужество, воздержанность» ($\sigma\omega\phi\rho\sigma\acute{\upsilon}\nu\eta\eta$, $\delta\iota\kappa\alpha\iota\omicron\sigma\acute{\upsilon}\nu\eta\eta$, $\acute{\alpha}\rho\epsilon\tau\acute{\eta}$, ϵ^{c} γ $\chi\rho\acute{\alpha}\tau\epsilon\iota\alpha\nu$, $\acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\iota}\alpha\nu$, $\acute{\alpha}\sigma\chi\eta\sigma\iota\nu$) — и так назвал много женских имен. Тот же, заботясь о собственной выгоде, — «запиши», — сказал, — «имена этих рабынь». А этот, — «не подобает», — сказал, — «ибо те, кого я везу, — не рабыни, но госпожи». Оставляя в стороне

⁴⁻⁵ Brockelmann C. *Lexicon Syriacum*. Berlin, 1895, S. 241—251.

⁶ Aistleitner J. *Wörterbuch der ugaritischen Sprache*. Berlin, 1963, S. 248, № 2, 50.

⁷ Biberstein Kasimirski A. *de*. *Dictionnaire Arabe-Française*, t. II. Paris, 1860, p. 496.

философско-морализирующий смысл этого анекдота, заметим только, что он отражает ситуацию, аналогичную той, которая зафиксирована Пальмирским тарифом.

В документах из Дура-Европос рабы упоминаются пять раз⁸ (DEPP, 17B, 18, 25, 28, 31). Здесь речь идет о продаже имущества или, как в последнем случае, о разводе, о возможности возникновения каких-либо прав на имущество, часть которого составляли рабы.

В особенности примечателен пергамен DEPP, 25, датируемый 180 г. н. э., — акт о продаже Лисием, сыном Лисия, сына Гелиодора, сына Аристоники, его раба по имени Ахаб (δοῦλον αὐτοῦ ὃ ὀνομαζέται Ἀχάβοῦς) в возрасте около 20 лет, а также половины виноградника. То обстоятельство, что раб в данном случае продается вместе с виноградником, само по себе, по-видимому, не может свидетельствовать ни о том, что раб был держателем этой половины, ни о том, что он был прикреплен к ней и неотделим от нее. Столь важное обстоятельство, несомненно, должно было бы быть специально оговорено.

Другой пергамен (DEPP, 18), относящийся к 87 г. н. э., содержит сведения о более сложной сделке: Никанор, сын Ксенократа, возвращает своей теще Тимонассе, дочери Селевка, имущество (χρηματίσμον), полученное им ранее в счет погашения займа, который он предоставил мужу Тимонассы Диоклу, сыну Данима, и ей самой. Из этого имущества он, однако, удерживает трех рабов — очевидно, в погашение какой-то части суммы долга и процентов. В документе мы находим следующую оговорку: «все, кроме трех рабов из принадлежащих им ([σώματα] αὐτῶν [δουλι]ᾶν τῶν ὄντων ἐκ [τῶν] αὐτῶν) ὑπαρχόντων», имена коих: Набубарак, Теханна и Набуяааб, прозываемый Байса».

Еще один документ (DEPP, 17B, около 180 г.) говорит о передаче каким-то лицом, имя которого не сохранилось, сыном Селевка, сына Теамнеста, своей дочери Амафиаре, жене Артемидора, принадлежащих ему рабов (σώματα αὐτοῦ δουλικά). Согласно этому документу рабы передавались в вечную собственность Амафиаре и ее потомкам, причем даритель оговаривал, что это его распоряжение изменено быть не может.

Со всеми упомянутыми здесь рабами мы сталкиваемся в тот момент, когда над ними осуществляется право отчуждения — одна из важнейших прерогатив собственника. Документы не содержат сведений, как возникло во всех перечисленных случаях состояние рабства.

Все рабы, имена которых нам известны, носят семитские имена, тогда как их владельцы носят имена греческие. Отрывочность и случайность материала не позволяют делать из этого факта далеко

⁸ Обзор материала см.: Westermann W. L. The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955, p. 120—128. Беглое упоминание о рабстве в Дура-Европос имеется в обзорной статье И. А. Шишовой («Дура-Европос — крепость Парфянского царства». — УЗ ЛГУ, серия исторических наук, 21, 1958, с. 107—125).

Идущие выводы. Высказывалось предположение, что эти рабы, принадлежавшие к коренному местному арамейскоязычному населению, стали рабами по займам-антихрезам⁹. Нам, однако, такая точка зрения кажется слабо обоснованной. Антихрезы, которые имеются в данном случае в виду, не связаны, как увидим, с утратой формальной личной самостоятельности, хотя фактически свобода должника частично ограничивалась в пользу займодавца. Очевидно, истоки рабского состояния в рассмотренных здесь случаях следует искать в другом: рабы должны были быть либо рожденными, либо приобретенными (в том числе и в результате их самопродажи). Собственные имена сами по себе вряд ли могут свидетельствовать о происхождении этих рабов непосредственно с территории, принадлежавшей Дура-Европос, поскольку арамейскоязычное население было широко распространено во всей Передней Азии.

Ни один документ не содержит сведений о цене раба. Пергамен DEPP, 25 указывает только цену виноградника и раба совместно — 500 драхм.

Среди найденных в Дура-Европос документов имеется один (DEPP, 28; 243 г.), составленный на сирийском языке и происходящий из Эдессы. Переходя к его характеристике, отметим прежде всего, что, судя по описанию наводнения в Эдессе в ноябре 201 г., дошедшему до нас в «Эдесской хронике»¹⁰, там наряду с частновладельческими имелись и царские рабы. Правда, в тексте хроники нет данных об их положении.

Интересующий нас документ характеризует положение и происхождение частновладельческих рабов. Он представляет собой акт о продаже рабыни (mt') Аматсин, происходящей из военнопленных, проданных в рабство. Продавец рабыни — Марция Аврелия, дочь Шеменбараза, внучка Абгара. Цена рабыни — 700 динариев, возраст — 29 лет. Согласно акту, покупатель приобретает право владеть рабыней, распоряжаться ею и пользоваться по своему усмотрению¹¹.

Документы из других местностей Сирии, содержащие упоминания о рабах, крайне отрывочны и немногочисленны. Так, в одной надписи из Герасы (G5) речь идет о рабах, принадлежащих местному храму Зевса Олимпийского (Διὸς ἱεροδοῦλων); в другой (G 18, конец I в.) сообщается, что посвящение Ἀτίω<ι> Παχεῖδᾶ<ι> воздвигла Тихе, рабыня (δοῦλη) Аполла, сына Лесба. К последней надписи примыкает надгробная надпись SEG, XVIII, 600 из Сидона (первая половина I в.): «Гай Юлий Амфион, добрый и нетягостный

⁹ DEPP, p. 103.

¹⁰ Hallier L. Untersuchungen über die Edessenische Chronik. Leipzig, 1892, S. 87, 145.

¹¹ Torrey Ch. B. A Syriac Parchment from Edessa in the Year 243 BC.—«Zeitschrift für Semitistik», Bd. X, 1935, S. 39—45; Bellinger A., Welles C. D. A Third-Century Contract of Sale from Edessa in Osrhoene.—«Yale Classical Studies», vol. 5, 1935, p. 93—154; DEPP, p. 143.

господин (xórtē), прощай!» Представляется весьма правдоподобным, что она поставлена рабами Амфиона и, видимо, на их средства. Около 105/106 г. датируется посвящение Атаргатис, Венере Неаполитанской и Диане от имени Клада, раба Д. Клавдия Поллиона, и еще одного раба по имени Луций (его господин неизвестен) (SEG, XIV, 824).

Исключительно важна для характеристики правового и имущественного положения рабов в I—III вв. надгробная надпись Ant., 11, 33 — белая мраморная плитка, происходящая из Антиохии, с текстом, составленным на латинском языке: «Геликон — Януарию, сорабу (conservo), оказавшему услугу, наследник позаботился об изготовлении». Раб не только владеет имуществом, но и может в какой-то форме завещать его, а также принимать наследство. Роль, которую играл при этом владелец раба, остается неясной; тем не менее то обстоятельство, что владелец раба (или рабов?) не упомянут, свидетельствует, скорее всего, о том, что он, во всяком случае, не вмешивался во взаимоотношения этого рода в пределах своей фамилии. В противном случае ожидалось бы упоминание о санкциях господина на передачу и принятие имущества.

Естественно при таких обстоятельствах, что рабы могли участвовать в весьма сложных деловых операциях. Привлекает внимание в этой связи казус, рассматриваемый Сцеволой (Dig., XIX, 1.122, 1): несмотря на то, что ситуация здесь явно вымышлена, она представлялась римскому юристу типичной. Речь идет о том, что некий Каллимах получает от Стиха, раба Сея, кредит, чтобы совершить торговое плавание из Берита в Брундизий; срок кредита — 200 дней; обеспечением и залогом служат товары, которые Каллимах доставляет из Берита в Брундизий, а также то, что он предполагал приобрести в Брундизии и доставить оттуда в Берит. В том случае, если до истечения срока (или ближайшего сентября) Каллимах не закончит торговых операций, он, тем не менее, должен выплатить сумму кредита, доставив ее в Рим за свой счет. Однако перед окончанием срока, погрузив товары на корабль, Каллимах отправился в Сирию, сопровождаемый Эротом, «сорабом» Стиха (cum Erote conservo Stichi). Дата платежа застала его в открытом море ¹².

Нам представляются наиболее существенными следующие обстоятельства сделки: раб-сириец (или, во всяком случае, находящийся в Сирии) обладает достаточными средствами для того, чтобы кредитовать морское плавание на длительный срок, и, видимо, занимается этими и аналогичными деловыми операциями профессионально; предполагается, что у этого раба широкие деловые связи во всем средиземноморском мире, в том числе и в Риме, что позволяет ему адресовать платеж в Рим, где возможен либо перевод, либо какой-то учет полученных денег по предыдущим сделкам.

¹² См. об этой операции: *Ранович А. Б.* Указ. соч., с. 149; *Rougé J.* Recherches sur l'organisation du commerce maritime en Méditerranée sous l'Empire Romaine. Paris, 1963, p. 349—350.

Итак, имеющийся в нашем распоряжении материал показывает, что рабы в Сирии I—III вв. продолжали оставаться объектом собственности; в то же время они владели имуществом, подчас довольно значительными, и могли, очевидно, на свой страх и риск, участвовать в сложных и крупномасштабных сделках. Создается впечатление, что правовой статус раба в ряде случаев не соответствовал его фактическому положению в обществе, где он выступал не только в роли угнетенного и эксплуатируемого, но и как (по крайней мере, потенциально) угнетатель и эксплуататор.

В надписях, происходящих из Сирии, упоминаются и вольноотпущенники. Большинство известных текстов этого рода либо относятся к пальмирцам, либо происходят из Пальмиры. Одна из надписей (CIS II, 3901) говорит об освобождении рабыни, принадлежавшей пальмирцу, в связи с ее браком с бывшим хозяином. В других случаях (CIS II, 4385, 4339, 4340) причины освобождения не указываются. Сохранилась и подпись к статуе вольноотпущенника (CIS, II, 4482). В ряде надписей говорится об участии вольноотпущенников в деловых операциях, объектами которых служили мавзолей и доли мавзолеев (CIS, II, 4171—4174).

Вольноотпущенники не только не имеют патронимикона (это вполне понятно, коль скоро речь идет о бывших рабах), но в своих надписях обычно указывают имя прежнего владельца (CIS, II, 4013; Wadd. 2572; CIS, II, 4000, 3996). Предполагалось, очевидно, сохранение определенных связей между манумиссором и отпущенным на свободу рабом.

Аналогичная ситуация засвидетельствована и надписью SEG, XVIII, 604 из Хельбуна (II—III вв.), где в качестве посвятителя выступает Атис, вольноотпущенник Юлия, сына Филиппа, сына Лисия.

Конечно, имеющийся в нашем распоряжении материал не дает оснований для сколько-нибудь далеко идущих выводов. Тем не менее, кажется правдоподобным, что и в Сирии существовали обязательства типа парамонэ со стороны освобожденного раба по отношению к его прежнему владельцу.

* * *

Рабы жили в обществе, где по идее социально активными могли быть только свободные люди, где магистральное направление социально-экономического развития определяли взаимоотношения между свободными. Раб в принципе — объект собственности и как любой из подобных объектов (например, плуг, кресло и т. п.) не может быть субъектом общественных отношений. Практическое отступление от этого принципа, которое мы наблюдаем в сирийском обществе I—III вв., определялось теми процессами, которые происходили в среде свободных, резкой социальной дифференциацией внутри этого общества.

Данные, которые позволили бы обоснованно судить об имущественном положении отдельных лиц, крайне немногочисленны. Они,

однако, имеются: это свидетельства о характере и денежной стоимости пожертвований в пользу того или иного храма или родного города. Конечно, мы лишены возможности определить соотношение между различными группами свободного населения, однако установить существование таких групп мы можем. Само собой разумеется, получаемые таким образом сведения дают лишь приближительную картину. В зависимости от конкретной ситуации всегда могло оказаться так, что более бедный (движимый благочестием, патриотическими чувствами или иными мотивами) приносил более богатый дар. И тем не менее материалы, дошедшие до нас, весьма симптоматичны. Они показывают, что в сирийских городах имелись люди, которые могли позволить себе значительные денежные затраты.

Так, пальмирский гражданин Мале, сын Йархайа, исполняя в 130/1 г. вторично должность грамматевса, предоставил гражданам Пальмиры, а также свите Адриана, когда тот посетил город, масло для умачения; ему же приписывается постройка на свои средства храма Баалшамена — Зевса (Inv. I, 2). Надпись CIS, II, 3914 (март 175 г.) сообщает, что, согласно постановлению «совета и народа», воздвигаются статуи в честь двух потомков Йарихбола Убайду, сына Хаддудана, и Йарихбола, сына Оге, за то, что они соорудили в главной базилике храма Зевса шесть врат из позолоченной бронзы. В 254 г. Юлий Аврелий Оге-Селевк передал в распоряжение совета Пальмиры 10 тыс. аттических драхм.

Надписи и документы, происходящие из Дура-Европос, дают представление о семьях, располагавших значительными богатствами. В частности, серия надписей ED, VII—VIII, 867—869 из Митреума и неподалеку от него сообщает о посвящениях, которые совершались на протяжении длительного времени лицами, принадлежавшими к одной семье. Первая палеографически датируется I в.; в ней речь идет о том, что Эпиник, глашатай и жрец бога, воздвиг для бога наос и оплатил его роспись. Согласно второй надписи (116/7 г.), Александр, сын Эпиника, обновил этот же наос, «который построил давно отец мой», сделав дополнительные пристройки, восстановив двери, унесенные римлянами, и добавив также новые двери. На следующий год, согласно третьей надписи, тот же Александр сын Эпиника, соорудил, выполняя обет, сакральное помещение и какие-то внешние пристройки.

Мы можем проследить на протяжении второй половины I—II в. историю еще одной семьи. Ее представители запечатлены в известной сцене жертвоприношения из местного храма пальмирских богов, датируемой, вероятно, серединой второй половины I в.: Диоген, Лисий, Патрокл, Никострат и Битнанайа (все дети Конона, сына Никострата) (Cumont, 5); кроме них, на фреске изображен и Конон, сын Патрокла, тогда еще ребенок. Из храма пальмирских богов происходит и датируемая 115 г. надпись (Cumont, 1), в которой говорится, что Лисий, сын Конона, сына Патрокла, воздвиг на свои средства самый этот храм и надстройку на нем. В документе DEPP,

24 упоминается один из членов этого рода — Конон, сын Никострата (159/60 г.) в связи с возобновлением долговых обязательств его отца. В другом документе (DEPP, 17A, около 180 г.) тот же Конон фигурирует в качестве свидетеля. Как можно видеть, эта семья на протяжении длительного времени сохраняла прочное имущественное положение; даже несмотря на финансовую катастрофу, постигшую одного из ее членов, она сумела восстановить свое благосостояние.

Наконец, в 91 г. в храме Атаргатис Лисаний, сын Селевка, сына Аммония, сына Аполлофана, посвятил сакральное сооружение и ворота (ED, III, 157). В 161 г. аналогичное посвящение (без врат) сделал в храме Аззанатконы Барнабус, сын Забидкона (ED, V, 453).

Подобное положение наблюдается и в Герасе. Согласно G2 (213 г.), Забдион, сын Аристомаха, пожертвовал на строительство местного храма Зевса Олимпийского из своих средств 1000 драхм; Аристон, сын Аристомаха (G 3, 42 г.), возможно, брат предыдущего, для тех же целей предоставил 1500 драхм тирской чеканки. В 43 г. 1500 серебряных драхм тирской чеканки пожертвовал на строительство храма Афинион, сын Афиниона, сына Лупа (G 4). Феон, сын Деметрия, дал для постройки храма Зевса Олимпийского 7100 драхм тирской чеканки и на устройство пропилей 1500 драхм (G 5, 79/80 г. н. э.); тогда же (G 6) он выделил на те же цели 8686 драхм, а на изготовление бронзовой статуи Зевса 1314 драхм (всего 10 тыс. драхм). Согласно G 52 (83—96), Тит Флавий, сын Дионисия Эпе..., выделил для строительства 3 тыс. драхм. Во II в. в храме Немесиды в Герасе по завещанию Деметрия, сына Аполлофана, были изготовлены статуя Немесиды с убранством и алтарь (G 40). В середине III в. Флавий Мунаций на свои средства построил пронаос в храме Артемиды (G 62).

Надпись JMI, IV, 1303 из Баланеи (II в.) кратко сообщает, что лицо, в честь которого она воздвигнута, — ... дор, сын Антиоха, сына Деметрия, исполняя обязанности ситона, обеспечивал город продовольствием на свои средства.

Антиохийская традиция (Malala, p. 224—225, 248) сохранила предания об антиохийце Сосибии, жившем в I в. Он был если и не богачейшим, то одним из самых богатых граждан города. Ссылаясь на Павсания, Малала пишет, что Сосибий завещал родному городу сумму, достаточную для уплаты годового налога, — 15 серебряных талантов.

Гелиополит Г. Юлий Никанор был в состоянии купить остров Саламин, проданный Афинами после разгрома, учиненного Суллой, а затем вернуть его афинским властям (Dio Prus., Orat. 31, 116; St. Byz., s. v. Ἰερáπολις). Другой гражданин Гелиополя, Л. Антоний Силон (JMI, VI, 2714), обязал своих наследников посвятить 80 фунтов, т. е. около 26 кг, серебра.

Общественное мнение особо ценило в такого рода богачах скромность, справедливость, готовность оказывать благодеяния и совер-

шать различные пожертвования в пользу родного города. Именно эти качества отмечает источник «Суды» (Suid., s. v. Μάρας), рассказывая о Марасе, происходившем из Берей и бывшем одним из богатейших граждан. Впрочем, нарисованный «Судой» портрет интересен вследствие явно ощущаемой исключительности данного факта; не случайно и сама память о столь необычном человеке передавалась из поколения в поколение.

Документы, происходящие из Дура-Европос (DEPP, 17 В, 20 21), позволяют выявить и другую группу свободного населения, находившуюся на противоположном социальном полюсе. Речь идет о закабаляемых, которых мы условно называем «временными рабами».

Наиболее полно сохранился пергамен DEPP, 20, датированный 121 г. (литература указана в DEPP). Согласно этому документу, некий Фраат дал взаймы Барлаа, сыну Татайа, из поселения, название которого не сохранилось, 400 серебряных драхм тирской чеканки под залог принадлежавшего последнему имущества. Вместо процентов должник обязан был выполнять для Фраата рабскую службу (δουλικὰς χρεῖας), т. е. согласно условиям контракта, любую работу по приказанию кредитора, и не имел права уйти от него без разрешения. В случае нарушения этого условия на должника налагался штраф в размере одной драхмы за каждый день отсутствия. Более свыше семи дней, должник также обязан был выплачивать кредитору по одной драхме за каждый день отсутствия, сверх указанных. Если долг не возвращался в течение года, отработка процентов продолжалась до момента уплаты.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют принять уже неоднократно высказывавшуюся точку зрения о доэллинистическом ближневосточном происхождении сделок этого типа¹³. Помимо прецедентов нововавилонского времени, указанных М. И. Ростовцевым и С. Б. Уэллесом¹⁴, укажем и документы из Алалаха, также содержащие подобную клаузулу¹⁵. Правда, в отличие от документов из Дура-Европос в документах из Алалаха отработкой обязывался не сам должник непосредственно, а члены его семьи.

Предпосылкой создания таких отношений служит натуральное хозяйство, неразвитость или недостаточная развитость денежного обращения. Только они делают возможным и выгодным «натуральное» возмещение процентов по долгу либо частью урожая (DEPP, 23), либо отработкой. Другой предпосылкой этого явления должна служить невозможность прямого порабощения согражданина за долги или иным способом.

Эти отношения регулируются договором, который предусматривает, по крайней мере теоретически, возможность их прекращения в случае уплаты долга. Должник не теряет права на собственную

¹³ Точка зрения П. Кошакера. См. DEPP, p. 113.

¹⁴ Rostovtzeff M., Welles C. B. A Parchment Contract of Loan from Dura-Europos on the Euphrates.— «Yale Classical Studies», vol. 2, 1931, p. 63 sq.

¹⁵ Wiseman D. J. The Alalakh Tablets. London, 1953.

личность, равно как и гражданскую правоспособность. Не случайно он не становится рабом, но лишь выполняет *δοῦλικὰς χρείας*. Учитывая это обстоятельство, нельзя не признать правоту тех, кто видел в контрактах, подобных разбираемому, своеобразный договор (парамонэ) о найме свободного работника ¹⁶.

Тем не менее мы не можем думать, что перед нами только наем работника. При наличии отмеченных выше черт должник все же попадал в зависимость от кредитора и терял право и реальную возможность распоряжаться собой (парамонэ). Трудно представить себе к тому же, чтобы, взяв в долг столь значительную сумму денег (400 драхм) и не имея каких-то дополнительных источников дохода, кроме собственного труда, должник мог избавиться от этой зависимости, которая практически становилась бессрочной.

Появление парамонариев из среды свободных — свидетельство разорения мелких (а может быть, и не только мелких) собственников. Важно и другое обстоятельство: при сохранении внешних признаков свободы их положение не отличается фактически от положения рабов.

Основное содержание тех социальных процессов, которые могут быть прослежены в Сирии I—III вв., сводится к тому, что формальный статус раба и свободного перестает соответствовать реальному положению вещей. Наряду, несомненно, с эксплуатируемыми мы видим рабов — фактически собственников, предпринимателей и вероятных эксплуататоров. И наряду с эксплуататорами мы видим свободных, лишенных средств производства, закабаляемых, эксплуатируемых, фактически утративших личную свободу. В обеих ситуациях грань между свободным и рабом стирается.

Все эти явления свидетельствуют о том, что рабовладение как система общественных отношений в Сирии I—III вв. постепенно начинает себя изживать.

II. РАБОВАЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПАЛЕСТИНЕ

Проблема рабовладельческих отношений в Палестине в эпоху римского господства до сих пор в полном объеме не ставилась, не смотря на наличие целого ряда обзорных работ ¹⁷. Объясняется это странное обстоятельство прежде всего описательностью посвященных данному предмету сочинений, тем, что они не рассматривают рабство в общей системе общественных отношений изучаемого периода. Исключение из этого ряда составляет статья Ю. А. Солодухо, опубликованная в 1941 г., где автор рассматривает проблемы рабо-

¹⁶ Westermann W. L. The Paramone as a General Service Contract.— JJP, II, 1948, p. 9—50; ср. Schönbauer E. Paramone, Antichrese und Hypotek.— «Zeitschrift der Savigny-Stiftung, Romanistische Abteilung», Bd. 53, 1933, S. 422—450.

¹⁷ См., например: Farbstein D. Das Recht der unfreien und freien Arbeiter. Frankfurt am Main, 1896; Krauss S. Talmudische Archäologie, Bd. II. Leipzig, 1911; Zeitlin S. Slavery during the Second Commonwealth and the Tannaitic Period.— JQR, 53, 1963, № 3, p. 185—218.

владения в связи с вопросом об эксплуатации свободных — наемных работников и арендаторов¹⁸. В 1960 г. появилась статья Э. Э. Урбаха, где автор пытается проследить развитие рабовладения в связи с политической историей страны в эллинистическо-римский период¹⁹.

Другой серьезный недостаток литературы, посвященной рабовладению в Палестине, — ее апологетический характер, стремление преуменьшить значение рабства в жизни общества и тяжесть эксплуатации, которой рабы подвергались²⁰. Некоторые работы посвящены хотя и важным, но частным проблемам и, естественно, не дают представления о рабовладении в целом.

Между тем изучение данного вопроса представляет исключительный теоретический интерес. Благодаря тому, что относящаяся к этому району письменная традиция охватывает огромный промежуток времени от второй половины II тысячелетия до н. э. практически до раннесредневекового периода, оказывается возможным проследить те изменения, которые касаются положения рабов в эллинистическо-римское время по сравнению с предшествующим периодом в обществе, сохранявшем «древневосточные» традиции и оказывавшем упорное сопротивление эллинизации и романизации. В неменьшей степени существенно определить не только формально-юридический статус рабов, но и то положение, которое они занимали в обществе.

Памятники побиблейской литературы, в которых зафиксированы основные правовые нормы, действовавшие в иудейском обществе интересующего нас периода, сохранили до наших дней точное определение лиц, обозначавшихся термином *‘bd* («раб»): «тот, право на которого принадлежит господину, называется рабом (*‘bd*), а тот, право на которого не принадлежит его господину, не называется рабом» (Гиттин, 38а). Иначе говоря, участие в общественном производстве в качестве эксплуатируемого никогда не рассматривалось в иудейском обществе как обязательный признак рабского состояния. Рабство есть зависимость, выражающаяся в утрате или ограничении прав на собственную личность; соответственно и освобождение от рабства рассматривается как приобретение этих прав (Гиттин, 85б).

Иудейское право, как библейское, так и послебиблейское, знает две категории рабов: «вечных», каковыми в принципе могли быть только инородцы (не случайно в послебиблейской литературе был введен термин «раб-ханаанеянин») и рабов-единоплеменников («раб-еврей»), права господина на которых были, как увидим, существенно ограничены. Э. Урбах предполагал, что термин «рабы-ханаане-

¹⁸ Солодухо Ю. А. Значение еврейских источников раннего средневековья для истории Ближнего Востока. — «Советское востоковедение», II, 1941, с. 37—52.

¹⁹ *‘Urbak* ‘E. ‘E. *Halakot ‘abadim kemaquor lehisjorya hahebratit bime habbayit haššeni ubitqumat hammišne wehattalmud*. Šiyon, 25, 5720, 3—4, p. 141—189.

²⁰ Ср. *Cohen B. Jewish and Roman Law*, v. I. New York, 1966, p. 200—202; *Griguliewicz F. Niewolnici w Nowym Testamencie*. Lublin, 1961.

яне» возник в связи с завоеванием хасмонеями районов Палестины, заселенных неиудеями ²¹. Более правдоподобна, однако, связь этого обозначения с известным библейским речением, осуждавшим Ханаана и его потомков, происходящих от Хама, на вечное рабство (Быт., 9, 25).

Законы, определявшие положение рабов обеих категорий в эллинистическо-римской Палестине, представляли собой дальнейшее развитие библейских норм, сложившихся до вавилонского плена ²².

Мишна, Киддушин, 1, 3 указывает следующие источники приобретения рабов-инородцев: за деньги, т. е. в результате совершения торговой сделки (ср. Мишна, Бава Мециа, 8, 4; Гиттин, 44а), по документу, т. е. любым актом отчуждения, который мог быть юридически оформлен, и путем осуществления власти над рабом (h^zq^h). Иначе говоря, раб — собственность и может приобретаться и отчуждаться как любой другой объект собственности; в конечном итоге правовой статус раба соответствует правовому статусу земли (ср. Гиттин, 39а; Бава Камма, 117б) ²³.

В акте о продаже раба следовало указать (Гиттин, 85а), что этот раб предназначен для рабства, т. е. не имеет права на личную свободу, и что на него не будут предъявлены претензии со стороны государства или частных лиц. Предусматривалось также (Гиттин, 44а), что права покупателя на раба при продаже неиудею могли быть ограничены: он мог быть продан без права на эксплуатацию его труда (предусматривалось, надо полагать, только установление личной зависимости), без права требовать от него работу, противоречащую иудейским религиозным нормам, а также в субботние и праздничные дни.

К сожалению, иудейскими документами о купле-продаже рабов мы не располагаем. Однако клаузулы, соответствующие Гиттин, 85а, имеются в раннесредневековом сборнике образцов деловой документации ²⁴, а также в документах о купле-продаже рабов из каирской Генизы ²⁵. Очевидно, этот формуляр прочно вошел в иудейский быт и отражал реальную действительность.

Осуществление власти над рабом (h^zq^h), по данным Тосефты (Киддушин, 1, 5), выражалось в оказании последним личных услуг: «обул он ему сандалию его и завязал ему сандалию его, носил за ним принадлежности для умывания». Кажется несомненной связь этой клаузулы с установлениями, определяющими рабскую работу.

О численности рабов в руках одного владельца мы не имеем надежных сведений. Согласно Шаббат, 25б, обладание сотней рабов

²¹ 'Urbak 'E. 'E. Op. cit., p. 156.

²² См. подробно: Шифман И. Ш. Правовое положение рабов в Иудее по данным библейской традиции.— ВДИ, 1964, № 3, с. 54—80 (там же и литература вопроса).

²³ Ср. Zeitlin S. Op. cit., p. 185—218.

²⁴ Sefer hašfarot lerabbi Ha'ay bar Serira Ga'on. Yerusalayim, 5690, 'am. 27—29.

²⁵ Ср. Goitein S. D. Slaves and Slavegirls in the Cairo Geniza Records.— «Arabica», v. 9, 1962, № 1, p. 1—20.

считалось признаком богатства. Видимо, были и крупные рабовладельцы, располагавшие громадными армиями рабов: стратег Газы Аполлодот — десятью тысячами (Fl. Ios., Ant., 13, 359); Элеазар, сын Харсома — столькими, что они не знали своего господина в лицо (Йома, 356).

Теоретически раб мог быть использован по усмотрению господина в любой сфере производства и обслуживания. Этот принцип точно сформулирован в Матф., 8, 9: «когда я говорю рабу моему: сделай это, и он делает». Раб сопровождает господина в его поездке (Fl. Ios., VI, 2, 340); рабам поручается доставка писем (Fl. Ios., VI, 1, 620). В Евангелиях (Марк., 14, 62; Лук., 15, 22) упомянуты рабы, выполняющие домашнюю работу. В трактате «Мехильта мишпатим» (§ 1) рабскими считаются работы по обслуживанию личности рабовладельца: омовение ног, обувание, ношение хозяйской одежды в баню, а также ношение господина на носилках. Эти занятия не могут быть возложены на раба-единоплеменника. Последнего нельзя заставлять поддерживать господина, когда последний куда-либо взбирается, а также обслуживать многих лиц: быть банщиком, портным, цирюльником, поваром и пекарем. Если в приданом женщины имелись рабыни, она частично или полностью освобождалась от домашних работ, ложившихся на плечи невольниц (Мишна, Кетувот, 5,5). Таким образом, рабским считался преимущественно домашний труд, обслуживание господина. Однако подобного рода ограничения и теоретические построения не исключали и иных форм рабского труда.

Рабам могла быть поручена любая ремесленная работа, например строительство (Санхедрин, 91а). Особое место занимали рабы в сельском хозяйстве: на молотье (Бава Мециа, 27а), в полеводстве и виноградарстве (Шаббат, 256)²⁶. Евангельские притчи показывают, что в I—II вв. использование рабов в сельском хозяйстве было повседневным явлением: рабы вместе с господами участвуют в полевых работах (Матф., 18, 24—30). Правда, хозяин сам производит посев. Но рабы могут быть посланы для прополки; они же собирают урожай (Матф., 18, 27—30). В хозяйствах имелись рабы-землепашцы и пастухи (Лук., 17, 5—10).

С целью заинтересовать рабов в результатах своего труда господин мог поставить их продовольственный паек в зависимость от выполняемой ими работы (Гиттин, 12а). В связи со сложившимися условиями и, очевидно, своими хозяйственными потребностями господин мог выдавать рабам продовольственный паек раз в неделю и даже раз в год (Таанит, 19б).

Возникала и другая ситуация (Бава Камма, 87б; ср. Гиттин, 12а; Авот, 1, 3), когда господин отказывал рабу в продовольствии: он мог заставить его целый день работать на себя с тем, чтобы вечером раб собирал милостыню. Положение, складывавшееся в данном случае, поразительно близко к обстановке, сложившейся в Сици-

²⁶ Ср. Солодухо Ю. А. Указ. соч., с. 37—52.

лии накануне известных восстаний рабов во второй половине II в. до н. э. (Diod., 34, 2, 2). По существу перед нами одна из наиболее примитивных попыток отделить труд раба, присваивавшийся господином, от труда в любой его форме, направленного на воспроизводство собственной личности.

Являясь объектом собственности, раб-инородец не имел, по крайней мере теоретически, самостоятельной, не зависимой от волеизъявления господина право- и дееспособности. Все, что находится в руках «ханаанейских» рабов, рассматривается как собственность господина: «раб, что купил вещи, — чей раб, того и вещи» (Мишна, Бава Мециа, 1, 5; Недарим, 88б; Санхедрин, 91а). В этом отношении установления талмудического права целиком соответствуют римскому законодательству (ср., например, Dig., XLIII, 1.22). Однако действительная жизнь, повседневная практика, из которой исходили, в частности, авторы евангельских притч и составители талмудических речений, оказывалась значительно более сложной.

Сюжет известной притчи Матф. 25, 14—30 сводится к тому, что господин дает своим рабам деньги — одному 5 талантов, другому 3, а третьему 1 талант; два раба пускают их в оборот и получают прибыль в размере 100 %, тогда как третий зарывает полученный им капитал. Отвлекаясь от этического вывода, сделанного повествователем, отметим, что рабы оказываются обязанными отчитываться в использовании денежных средств и в полученных доходах. Если деятельность раба не удовлетворяет господина, он отбирает имущество, а провинившегося подвергает наказанию. Правовая ситуация, как видим, целиком соответствует приведенной выше мишнаитской норме. Существовало, однако, что речь идет о состоянии, предоставленном господином и увеличенным (или не увеличенным) трудами раба, т. е. о пекулии. Заинтересованность рабовладельца определяется тем, что он не только юридически, но и фактически является собственником того, что приобретает раб (ср. также вариант этой притчи: Лук, 19, 12—28).

Однако возможны были и иные жизненные ситуации. Притча Матф., 18, 23—24 рассказывает о том, что господин предоставил рабу заем в размере 10 тыс. талантов, а затем взыскал их с него. Вследствие несостоятельности должника он приказал продать раба и его имущество, но, снизойдя к его мольбам, отказался от этого намерения. Правда, в дальнейшем, разгневавшись на раба за его дурные дела и решив взыскать с него долг, господин отдал раба «пытальщикам» (τοῖς βασανισταῖς) вплоть до того момента, пока тот не рассчитается целиком. Мы сталкиваемся здесь с какой-то формой правежа.

Итак, раб независимо от господина ведет свое хозяйство и может вступать с ним в договорные отношения; в притче говорится даже о том, что он без санкции господина дает займы и принимает необходимые меры к взысканию долга. Автор евангельской притчи исходил из предпосылки, что владелец раба не мог или не хотел насильственным путем захватить его имущество.

Обращает на себя внимание и притча о царевиче, развратничавшем с одной из рабынь (Берешит Рабба, 20а). Отец выгоняет его из дома. Царевич ходил «к дверям рабынь», но ни одна из них не приняла его; только его любовница «открыла двери свои и приняла его». Рабыни имели, следовательно, свое хозяйство и в его пределах распоряжались самостоятельно.

Некоторые законоучители считали возможным такое положение, когда господин брал займ у своего раба, а затем отпускал его на свободу (Бава Батра, 51а).

Все эти материалы показывают, что в повседневной жизни наблюдались случаи, когда рабы без каких-либо ограничений распоряжались фактически принадлежавшим им имуществом. Такая ситуация была возможна, конечно, только с молчаливого согласия господина. Тем не менее экономическая самостоятельность раба ведет к тому, что он становится по сути дела хозяином своего добра.

Значительно последовательнее принцип неправопособности и недееспособности раба проводился при формулировании норм уголовного права. При этом был сделан парадоксальный с нашей точки зрения вывод: неправопособность и недееспособность раба оборачиваются его безответственностью перед законом и ненаказуемостью совершаемых им преступлений. Так, если рабы наносили кому-нибудь побои, они не подвергались наказанию (Мишна, Бава Камма, 8, 4). Господин также не нес ответственности за ущерб, причиненный его рабом третьим лицам: предполагалось, что раб мог сознательно пойти на такой поступок, чтобы заставить господина возмещать убытки (Бава Камма, 4а). Именно поэтому Мишна, Бава Камма, 8, 4 предостерегает от столкновений с рабами. Однако после освобождения раб мог быть наказан за деяния, совершенные в рабском состоянии (Мишна, Бава Камма, 8, 5).

Преступления против личности чужого раба влекли за собой обязанность возместить его господину убытки от того, что раб не мог быть производительно использован, а также стоимость лечения (Гиттин, 12б); штраф выплачивался в том же объеме, что и при совершении аналогичного преступления против личности свободного (Мишна, Бава Камма, 8, 2—5).

Для характеристики положения рабов особое значение имеет вопрос о том, насколько их личность защищена от физического насилия со стороны владельцев. Наиболее ранний источник по этому вопросу — книга Иисуса, сына Сираха (III в.), исследованная И. Д. Амусиным с позиций отражения в ней идеологии рабовладельческих слоев общества²⁷. Она рекомендует обеспечивать раба удовольствием, наставлять его, прибегая, несомненно, в случае необходимости к физическому воздействию, и непременно заставлять его трудиться (Иис. Сир., 30, 25: «корм, и палка, и груз для осла;

²⁷ Амусин И. Д. Эллинистический идеолог рабства. — ВДИ, 1954, № 2, с. 142—148. Э. Э. Урбах (op. cit., p. 153—154) полагает, что указания источника относятся к рабам-единоплеменникам, однако соответствующего материала в данной книге нет.

хлеб, и наставление, и труд для раба»). На том, чтобы раб непременно трудился, автор особенно настаивает: безделье учит злumu. По отношению к «дурному рабу» автор рекомендует применять пытки и накладывать оковы (Иис. Сир., 30, 30), однако рабу, трудящемуся в «правде», не следует причинять зла (Иис. Нав., 7, 22), более того, его нельзя лишать надежды на свободу (Иис. Сир., 7, 23). Вообще же, как считает автор книги, рабовладелец не должен быть, «как лев в доме своем» (Иис. Сир., 4, 35), и положение раба «в доме», по крайней мере внешне, не должно отличаться от положения господина, ибо последний нуждается в нем, «как в душе своей». Ведь «если ты сделаешь ему зло и, поднявшись, он убежит, на какой дороге ты будешь искать его?» (Иис. Сир., 30, 32—33).

Согласно более поздним источникам, древнее постановление, по которому господина, убившего раба, ожидало возмездие (Исх. 21, 20), было конкретизировано так, что убийство раба должно было караться смертной казнью (Мехильта Мишпатим, 7). Мы не думаем, чтобы это правило реально проводилось в жизнь, однако показательна сама тенденция. Аналогичную эволюцию претерпел и закон, предписывавший освобождать раба, если у него был выбит глаз или зуб (Исх., 21, 26—27). Список телесных повреждений, влекших за собой обязательное освобождение, был значительно расширен (Киддушин, 25а), однако при этом требовалось присутствие свидетелей (Киддушин, 25б; Бава Камма, 26б; 74б).

Проблема вольноотпущенничества в иудейском обществе — одна из самых сложных и запутанных. Как известно, в среде иудейских законоучителей II—III вв. существовала точка зрения, согласно которой освобождение раба-инородца признавалось нарушением библейской (Лев., 25, 46) нормы, предусматривавшей, что рабы-инородцы должны были оставаться рабами (Гиттин, 38). Существовало и иное мнение: вечное владение рабом — право, а не обязанность господина.

Разногласия по этому поводу уже давно обратили на себя внимание исследователей²⁸. Запрет освобождать рабов пытались, между прочим, объяснить потребностями крупных рабовладельцев, заинтересованных в превращении занятых в производстве рабов в оброчных и зависимых земледельцев²⁹. Нам, однако, связь между этими двумя явлениями кажется весьма сомнительной. Ведь легальная возможность освободить раба сама по себе не должна была повлечь за собой их массового освобождения и потому не противоречит названной тенденции, если бы она действительно существовала. Э. Э. Урбах считает, что запрет освобождения рабов был вызван желанием сохранить в домах уже имевшихся рабов в условиях, когда обрезание рабов-неиудеев было запрещено; впоследствии, по его мнению, этот запрет был снят³⁰. Однако и

²⁸ Zeitlin S. Op. cit., p. 185—218.

²⁹ Надель Б. И. Запрещало ли палестинское право первых веков нашей эры отпущ рабов на свободу? — «Folia orientalia», 3, 1961, № 1—2, с. 225—229.

³⁰ 'Urbach 'E. 'E. Op. cit., p. 169—170.

Э. Э. Урбах вынужден признать, что запрет проводился в жизнь не всегда последовательно.

Нам представляется, что данный конфликт следует рассматривать как столкновение двух направлений в истолковании библейского закона — ригористического, которое вменяло в обязанность строгое соблюдение всех норм, вытекавших из предложенного толкования Пятикнижия, и либерального, представители которого считали, что выполнение отдельных постановлений — право, а не обязанность заинтересованных лиц (ср. Сота, 3).

Освобождение рабов допускалось по завещанию с превращением одного из них в наследника (Гиттин, 9а; Мишна, Пеа, 8), по устному заявлению владельца, сделанному в присутствии свидетелей (Гиттин, 40б; Берахот, 47б), по выкупу через посредство посторонних лиц и по документу, который вручается непосредственно освобождаемому (Мишна, Киддушин, 1, 3). Все эти установления близки к римским процедурным нормам. Талмудическое право знало и возможность посвящения рабов-инородцев храму (Мишна, Арахин, 8, 4). При этом возможны были два исхода. В одном случае говорится, что раб, посвященный храму, выходит на свободу (Гиттин, 38б). Однако по другому мнению (там же), казначеи храма могли либо продать такого раба с тем, чтобы его освободил покупатель, либо разрешить рабу выкупиться. Как показывают североафриканские манумиссии, происходящие из иудейской среды (IOSPE, 52, 53, 400), наряду с этим существовала и процедура, воспринятая, очевидно, из греческой среды, — непосредственное посвящение божеству в синагоге в присутствии членов религиозной общины³¹. Наконец, раб мог быть объявлен бесхозным имуществом или приобрести статус такового и в этом случае автоматически становился свободным (Гиттин, 38а).

Упоминания вольноотпущенников у Иосифа Флавия показывают, что они весьма часто не только сохраняли связи со своими прежними господами, но и состояли непосредственно при их особе, выполняя отдельные, подчас весьма ответственные поручения. Так, вольноотпущенник Агриппы Марсий и вольноотпущенник Береники Петр вели их хозяйственные и финансовые дела (Fl. Ios., Ant., 18, 155—156). Вольноотпущенник Антипатра Бафилл доставляет из Рима яд (Fl. Ios., Ant., 17, 79). Вольноотпущенники часто используются в качестве гонцов (Fl. Ios., Ant., 18, 247; Vita, 48). Вольноотпущенники Ферора (Fl. Ios., BI, I, 582), очевидно, поддерживавшие с ним тесный контакт и, возможно, находившиеся при его особе, сообщают Ироду о том, что их господин был отравлен. Все эти факты позволяют поставить вопрос о существовании в иудейском

---

³¹ Ср. Надель Б. И. Боспорские манумиссии и юридические памятники Палестины и Ирака первых веков нашей эры. — «Archiv orientální», 1960, № 1, с. 55—66. Ср. также: Krauss S. Sklavenbefreiung in den jüdischen-griechischen Inschriften aus Südrussland. — In: Festschrift zu Ehren des Dr. A. Harkavy, St.-Petersburg, 1908, S. 52—67.

обществе обязательств вольноотпущенника типа общезланистического парамонэ.

Как уже говорилось выше, библейское и талмудическое право знают о существовании своеобразного института рабов-единоплеменников, права рабовладельца на которых были существенно ограничены, во-первых, определенным сроком эксплуатации (в связи с чем этот вид зависимости может быть охарактеризован как временное рабство), и, во-вторых, в том, что касается способности отчуждать личность раба, а также иным способом осуществлять власть над его личностью и имуществом.

В целом предписания позднего иудейского права по данному вопросу не отличаются сколько-нибудь существенно от норм Пятикнижия. Согласно Мишне, Киддушин, 1,2, раб-единоплеменник (*‘bd ‘bry*) приобретается за деньги (*bksr*) и по документу (*bštr*). Иными словами, предполагается возможность самопродажи.

Судя по всему, покупатель не приобретал права на отчуждение раба-единоплеменника. Мишна (Арахин, 8, 5) запрещает посвящать храму раба-единоплеменника с характерной мотивировкой: «ибо никто не посвящает того, что ему не принадлежит»³². Аналогичное высказывание встречаем и в Бава Мециа, 99а, где речь идет о том, что раб-еврей не принадлежит своему господину. Очевидно, приобретая такого раба, господин приобретал право только на его труд и только в этом смысле право распоряжаться им. Именно поэтому такой раб не мог быть приобретен посредством *hazqñ*: в подобной ситуации личное обслуживание господина исключалось, а давность владения утрачивала свое значение.

Описание обряда совместной трапезы, которую устраивали для соседей (Мишна, Эрувин, 7, 6), показывает, что рабы-единоплеменники занимали в доме то же положение (по крайней мере теоретически), что и взрослые сыновья и жена домовладыки, в отличие от рабов-инородцев.

Соответственно рабовладелец не имеет владельческих прав и на имущество раба-единоплеменника (Мишна, Бава Мециа, 1, 5). Возмещение за телесное повреждение, лишавшее раба трудоспособности, могло быть разделено между рабом и его господином, либо даже целиком отдано рабу; в последнем случае раб должен был купить землю, плодами которой мог воспользоваться его хозяин.

Освобождение таких рабов осуществлялось в соответствии с нормами библейского права на седьмой год, в Юбилейный год, а также путем внесения выкупа при досрочном освобождении (Мишна, Киддушин, 1, 2; ср. Иер. Киддушин, 49а). В связи с этим постановлением находится чрезвычайно важное указание, согласно которому закон о рабе-единоплеменнике был действенным до тех пор, пока действовали законы о Юбилее (ср. Гиттин, 65а). Но если

³² Э. Э. Урбах (op. cit., p. 154) полагает, что раб-единоплеменник мог переходить от одного владельца к другому в результате продажи. Но Сиффа Бехар, 86, на которую он ссылается, содержит именно запрещение продажи такого раба,

так, можно было бы думать, что в интересующий нас период законы о рабах-единоплеменниках, хотя они теоретически и разрабатывались, практически уже не соблюдались³³.

Говоря об использовании рабов в сфере производства, необходимо иметь в виду, что источниками засвидетельствовано широкое использование в сельском хозяйстве труда наемных работников, которые трудились вместе с рабами (ср. Лука, 15, 15—17; Матф., 20, 1—16). Определенных сроков найма Мишна (Бава Мециа, 9, 11) не знает. Работать батраки должны были от восхода до заката солнца (Мишна, Бава Мециа, 6, 1). Практически батрак, живший в хозяйстве работодателя, находился целиком во власти последнего (Бава Камма, 116б).

В той острой социальной борьбе, которая охватила Иудею в период римского господства, вопрос о рабах занимал очень значительное место. Все оппозиционные учения и движения так или иначе выступали против рабства. Отсутствие рабов у ессеев (Fl. Ios., Ant., 18, 21; Philo. Quod omnis probus liber sit, 79) должно было восприниматься как резкий протест против существующего миропорядка³⁴. Предводитель наиболее радикального политического течения в иудейском обществе I в. — сикариев — Симон, сын Гиоры, одной из своих целей провозглашал освобождение рабов (Fl. Ios., BJ, 4, 508). Как известно, и христианство провозглашало, по крайней мере теоретически, равенство господ и свободных, что не могло не вызвать у аудитории, к которой была обращена раннехристианская проповедь, антирабовладельческих настроений. Впрочем, сравнительно рано христианство эволюционировало в сторону признания рабства и к требованию, чтобы рабы повиновались своим господам³⁵.

Подводя итоги, мы можем утверждать, что принципиальных различий в положении рабов между иудейским обществом Палестины и сирийским обществом в I—III вв. в период римского господства не наблюдается. И там, и здесь рабы являются объектами собственности, и там, и здесь они могут подвергаться и, очевидно, подвергаются эксплуатации в домашнем хозяйстве и в различных сферах производственной деятельности (наряду, впрочем, со свободными батраками); но и там, и здесь они могли сосредоточивать в своих руках определенные материальные ценности, становясь в свою очередь (по крайней мере потенциально) угнетателями и эксплуа-

³³ По мнению Э. Э. Урбаха (op. cit., p. 142), законы о рабах-единоплеменниках были действенны до того момента, когда перестали существовать иудейские судебные органы; исходя из этого, он сделал вывод, в противоположность С. Крауссу (Krauss S. Op. cit., Bd. II, S. 83), что они не были чисто теоретическим построением, но отражали реальную действительность. С нашей точки зрения, концепция Э. Э. Урбаха противоречит прямым указаниям источников.

³⁴ Старкова К. Б. Устав для всего общества Израиля в конечные дни. — ПС, вып. 4, 1959, с. 20; Kehnscherper G. Die Stellung der Bibel und der alten christlichen Kirche zur Sklaverei. Halle, 1957, S. 141—145.

³⁵ Ср. Ленцман Я. А. Происхождение христианства. М., 1960, с. 154—155.

таторами. Все эти данные показывают, что, несмотря на существенное значение рабства в общественной жизни, оно перестало играть роль фактора, препятствующего активному участию в хозяйственной жизни, накоплению богатства и т. д. Решающую роль при определении положения человека в обществе играло уже не наличие или отсутствие личной зависимости, а имущественное положение.

Обнищание и разорение массы рядового свободного населения в Сирии привело к появлению «временного рабства» (займов при условии выполнения «рабской работы» до выплаты суммы долга), что было одной из форм возникновения колоната. В Иудее, по-видимому, развитие шло другим путем: здесь обезземеленные пополняли, насколько можно об этом судить, армию батраков, тогда как колонат развивался за счет развития арендных отношений. Установления, касающиеся временных рабов-единоплеменников, были здесь, вероятно, чисто теоретическими.

В отличие от Сирии, в Палестине в течение всего периода римского господства сохранялись архаические «древневосточные» библейские нормы, регулировавшие положение рабов в обществе. Объясняется это особенностями иудейского общества, конституировавшегося (в тот период) как гражданско-храмовая община с политическим, религиозным и культурным центром в Иерусалимском храме Иахве, с его подчеркнутым стремлением законсервировать правовые и иные нормы общественной жизни, возводимые к волеизъявлению божества. Однако в отличие от Сирии в Палестине, где наблюдались исключительно острые столкновения различных общественно-политических группировок, имело место и движение, направленное против рабства как системы общественных отношений.

В целом же развитие стран переднеазиатского Средиземноморья в период римского господства обнаруживает определенную, хотя и весьма медленно действующую, тенденцию к постепенному изживанию рабовладельческих отношений.

РАБСТВО В РИМСКОМ ЕГИПТЕ

В современной историографии уже давно утвердилось мнение, что в Египте в римский период (как и в эллинистический) рабство не играло определяющей роли в социально-экономической жизни общества в целом. «Предположение Э. Мейера, что в Египте подлинное рабство (real slavery), как противоположность крепостничеству (as opposed to serfdom), никогда в истории не достигало значительных размеров, полностью подтверждается для периода римского господства свидетельствами папирусов», — писал В. Уэстерман¹ с ссылкой на У. Вилькена² и Т. Райля³. Очень близки к этому утверждению и выводы одного из современных ведущих специалистов среди изучающих данную проблему историков-марксистов, — И. Бежуньской-Маловист. В докладе на XI Международном конгрессе исторических наук об экономической и социальной роли рабства в Египте I—II вв. н. э.⁴ она доказывала, что рабство не представляло главной силы в экономической жизни этой страны даже тогда, когда было относительно распространено в египетской хоре. Очевидно, в этих наблюдениях историков разных направлений содержится та или иная доля истины. Однако именно Египет дает нам богатейший — по сравнению с другими провинциями — документальный материал, подтверждающий, уточняющий, а иногда и расширяющий те сведения о рабстве в Римской империи, которые сообщают античные авторы.

Среди папирусов сохранились самые разнообразные документы, касающиеся рабства и судьбы рабов (начиная с момента рождения раба и кончая его смертью или получением свободы). По характеру и содержанию можно выделить: а) официальные документы, свя-

¹ Westermann W. L. The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955 (далее — SSGRA), p. 120.

² Wilcken U. Griechische Ostraka aus Ägypten und Nubien. Leipzig, 1920, I, S. 681—704.

³ Reil T. Beiträge zur Kenntnis des Gewerbes im hellenistischen Ägypten. Leipzig, 1913, S. 170—174.

⁴ Bieźuńska-Matowist I. La rôle économique et social de l'esclavage en Egypte au I-er et II-e siècle de notre ère. — In: XI-e Congrès International des sciences historiques. Résumés des communications. Göteborg — Stockholm — Uppsala, 1960, p. 69—70; eadem. L'esclavage dans l'Egypte greco-romaine. — In: Actes du colloque 1971 sur l'esclavage. Paris, 1972, p. 81—89.

занные с регистрацией в фискальных целях всех слоев населения, в том числе отпущенников и рабов; б) официальные документы о правовом положении рабов; в) частноправовые и официальные документы, касающиеся приобретения права собственности на рабов путем покупки, завещания, дарения и т. п. и возникающих в связи с этим споров и тяжб; г) официальные, частноправовые и хозяйственные документы, характеризующие использование рабов; д) документы об отпуске рабов на свободу; е) письма и разного рода фрагменты, освещающие взаимоотношения между рабовладельцами и рабами. Для изучения некоторых сторон рабовладельческих отношений можно также использовать официальные, частноправовые и хозяйственные документы, связанные с вольноотпущенниками.

При очередной переписи населения ⁵, производившейся в Египте более или менее регулярно и преследовавшей прежде всего фискальные цели, домовладельцы обязаны были представлять на имя стратега или специальной комиссии, ведавшей переписью, письменные заявления — *ἀπογραφή*, в которых под присягой перечисляли принадлежавшие им строения и проживавших в них лиц мужского и женского пола всех возрастов и всех статусов. В апографе записывали прежде всего членов семьи домовладельца — сначала мужчин, потом женщин с указанием личного имени, имени отца и матери, родственных отношений, возраста, статуса, иногда профессии или рода занятий. Рабы записывались после ⁶, а иногда и вперемежку с членами семьи, т. е. вначале перечислялись свободные мужчины, за ними рабы, а затем свободные женщины и рабыни ⁷. При записи рабов отмечали их имя и возраст, как правило также родство между матерью-рабыней и ее детьми ⁸, иногда указывались приметы ⁹. Апографе дают очень интересные сведения и о составе рабовладельцев, их социальном и экономическом положении, числе рабов, находящихся во владении одной семьи. Апографе и сводные списки домовладельцев и жителей комы или городского квартала ¹⁰, составлявшиеся чиновниками, вероятно, на основании апографе, с какими-то фискальными целями, позволяют исследователям делать выводы (с теми или иными оговорками) о процентном соотношении свободного и рабского населения в Египте ¹¹.

Помимо апографе, связанных с общей переписью населения Египта, рабовладельцы должны были представлять сведения о рабах в соответствии с эдиктами префектов об эпикрисис. Сохрани-

⁵ О характере, формах и организации переписи населения см.: *Hombert M., Préaux C. Recherches sur le recensement dans l'Egypte romaine*. Leiden, 1952.

⁶ BGU, 26-BGU, 447 (173/74 г.); 95 (145/6 г.); PSI, 1227 (188 г.) p. Oxy. 1547 (119 г.); p. Bruxell. E 7616.

⁷ BGU, 115 (189 г.); p. Oxy. 1548 (202/3 г.) и др.

⁸ BGU, 26; p. Med. 37 (216/7 г.); p. Flor. 4 (245 г.); PSI, 1227 и др.

⁹ BGU, 95; p. Flor. 4.

¹⁰ P. Lond. 261; 901; BGU, 493—495; 510 и др.

¹¹ См., например: SSGRA, p. 121.

лось несколько эдиктов об эпикрисис¹², в которых предписывалось произвести перерегистрацию принадлежащих к определенным социальным категориям лиц (в том числе их отпущенников и рабов) с целью пересмотра или переучета фискальных привилегий. Кроме того, сохранились заявления владельцев о приписке принадлежащих им рабов к той же категории налогоплательщиков, к которой они сами принадлежат¹³. В таких заявлениях после подробного указания имени и социальной группы владельца обычно называются имена рабов-мальчиков в возрасте около 13 лет, большей частью доморожденных. Возможно, имеет отношение к эпикрисис список мальчиков из Крокодилополя — свободных и рабов, достигших в 72/3 г. 13 лет, озаглавленный Ἀπολογισμὸς ἀφ' ἡλικῶν ἑτῶν λαογραφουμένων (р. Lond. 261). Очевидно, подлежали регистрации и вновь купленные рабы, как можно заключить из заявлений владельцев на имя администрации полиса или нома о покупке рабов¹⁴. И наконец, в папирусах сохранились специальные уведомления о смерти раба, которые владельцы должны были представлять местным властям или в налоговый аппарат¹⁵.

Следует отметить немногочисленную, но важную группу документов законодательного и административного характера, исходящих от центральных органов власти (императора и префекта Египта) и касавшихся рабов. Это прежде всего знаменитый «Гномон идиос логос»¹⁶, где наряду с правовыми нормами, устанавливаемыми для других слоев населения, целый ряд статей регулирует правовое положение рабов и отпущенников. Затем можно назвать уже упоминавшиеся эдикты префектов об эпикрисис¹⁷, а также апокримата императоров и префектов по частным вопросам при разборе судебных дел¹⁸.

Большое количество папирусов, в которых идет речь о рабах, представляют собой частноправовые и официальные документы о приобретении рабов. Это прежде всего документы о покупке или продаже рабов в форме договора (или соглашения) между покупа-

¹² BGU, 113 (140—143 г.); 780 (154/6 г.); 847 (182/3 г.), SB, 9227, р. Hamb. 31a и др.

¹³ Р. Оху. 714 (122 г.); 1451 (175 г.); PSI, 732 (153/4 г.); 1230 (203 г.); W. Chr., 217 (172/3 г.) и др.

¹⁴ Р. Оху. 1463 (215 г.); PSI, 1254 (237 г.).

¹⁵ BGU, 773 (70—117 г.); р. Оху. 262 (61 г.); 475 (182 г.); 1030 (212 г.).

¹⁶ BGU, 1210 = *Seckel E. und Schubart W. Der Gnomon des Idios logos.*— BGU, Bd. V. Berlin, 1919 = *Meyer P. Juristische Papyri.* Berlin, 1920, № 93 = *Uxkull-Gyllenband W. von. Der Gnomon des Idios Logos.* Berlin, 1934. Перевод на русский язык и комментарий см.: *Ранович А. Гномон идиолога.*— ВДИ, 1948, № 4, с. 65—76. См. также: *Riccobono S. Il gnomon dell'idios logos.* Palermo, 1950.

¹⁷ Кроме названных выше документов, эдикт об эпикрисис упоминается в связи с рабами в р. Оху. 1451 (175 г.). Об эпикрисис рабов и отпущенников идет речь также в BGU, 1033 (98—117 гг.); 1032 (173 г.); р. Оху. 714 (122 г.); PSI, 732 (153/4); 1230 (203 г.); W. Chr., 217 (172 г.).

¹⁸ См., например, р. Tebt. 286; р. Оху. 706 и др. См. также: CIG, 4957 и эдикт презеса Фиваиды: р. Оху. 1186 (начало IV в.).

телем и продавцом. Такие соглашения заключались и частным порядком при свидетелях ¹⁹, преимущественно же в агораномии или в присутствии официальных лиц (чиновников, жрецов) ²⁰. В договоре указывались имена (собственное имя, имена отца и матери, иногда дедов), приметы и место жительства контрагентов и их представителей (если покупатель или продавец отсутствовали или не имели правомочий на совершение сделки, т. е. женщины и несовершеннолетние ²¹), затем имя, возраст, приметы и происхождение раба или рабыни ²² и цена, уплачиваемая покупателем. В некоторых документах при продаже не доморожденных рабов продавцы указывают их предыдущих владельцев ²³. После трафаретных формул отказа продавца от права собственности на продаваемого раба и гарантии прав покупателя идут подписи продавца, покупателя и свидетелей или чиновника, составлявшего либо регистрировавшего соглашение.

Более или менее обстоятельную информацию о рабах и рабовладельцах, прежних и новых, дают заявления покупателей или продавцов на имя агораномов или гипомнематографа о покупке или продаже рабов ²⁴. В них указываются имена и место жительства продавца и покупателя, имя, возраст и цена раба. Значительно менее содержательны записи в регистре гипомнематографа о сборе налога за регистрацию сделок, где фиксируются лишь имена контрагентов, характер сделки и иногда имя продаваемого раба ²⁵.

Очень важный и интересный материал для изучения рабства содержится в греческих и римских завещаниях и других документах о наследовании имущества ²⁶. Независимо от типа и формы завещательного распоряжения в любом из них указывались имена завещателя и наследников (а в случае их несовершеннолетия и имена опекунов), затем шло описание завещаемого каждому из наследников недвижимого и движимого имущества и рабов. Рабы в некоторых из завещаний перечисляются поименно ²⁷, иногда оговаривается отпуск на свободу ²⁸; часто завещатель ограничивается общим распоряжением о передаче по наследству *δουλικὰ σώματα* ²⁹.

¹⁹ См., например, PSI, 1228. О характере и форме договоров на покупку рабов см.: *Mittels L. u. Wilcken U. Grundzüge und Chrestomathie der Papyrskunde*. Leipzig — Berlin, 1912, Bd. II, Hft. 1, S. 192—194; *Taubenschlag R. The Law of Greco-Roman Egypt in the Light of the Papyri*. Warszawa, 1955, p. 331—334.

²⁰ BGU, 987, 937; p. Oxy. 375; 1706 и др.

²¹ P. Mich. 264—265; BGU, 805; p. Lips. 4 и 5 и др.

²² Например BGU, 913 (206 г., рабыня Просдокия из Ликии); BGU, 937 (250 г., мальчик Каро родом с Понта) и др.

²³ P. Oxy. 95 (95 г.); 1209 (251/3 г.); p. Lips. 4 и 5 и др.

²⁴ P. Oxy. 263; 327; 336; 332; 1463; PSI, 1254.

²⁵ P. Mich. 121, verso, VI, 18; VII, 6; 123, recto, VII, 48; VIII, 18; XIII, 24.

²⁶ О типах и форме завещаний в греко-римском Египте см. *Taubenschlag R. Op. cit.*, p. 181—211.

²⁷ P. Oxy. 489; 907; 2474 и др.

²⁸ P. Oxy. 494; 2474; PSI, 1040 и др.

²⁹ P. Oxy. 491; 492; 493 и др.

Иногда завещатель налагает те или иные обязательства на наследников, рабов и отпущенников³⁰. Завещания заверяются подписями свидетелей и чиновников. Все эти данные при более или менее хорошей сохранности текста (что, к сожалению, бывает редко) позволяют составить отчетливое представление о составе семьи завещателя, ее материальном и общественном положении, о числе и составе рабов, находящихся в ее владении, и даже в какой-то мере об отношениях между хозяином и рабом.

Близки к завещаниям по содержанию и значению соглашения о разделе унаследованного имущества³¹. В них также называются имена наследников и завещателей и перечисляются унаследованное имущество и рабы. Такого же рода сведения, но лишь частично характеризующие экономическое положение рабовладельцев, можно извлечь из брачных контрактов и соглашений по поводу приданого³² или содержания жены³³. Кроме того, все эти документы о владении рабами, наследовании, разделе наследства, получении рабов в качестве приданого и т. п. нередко являлись предметом судебного разбирательства. В папирусах сохранились петиции, протоколы процессов и выдержки из решений различных административных и судебных инстанций³⁴.

С большей или меньшей натяжкой к документам, связанным с приобретением рабов, можно отнести и договоры о вскармливании грудных детей рабского статуса. В некоторых из них речь идет о вскармливании подкинутых детей, которые приобретали статус раба, в других — о вскармливании доморожденных рабов. В папирусах сохранились договоры о вскармливании *δοῦλῶν παίδιον ὑποτίθον* между хозяином (хозяйкой) ребенка-раба и хозяином (хозяйкой) рабыни-кормилицы³⁵ или между хозяином ребенка-раба и свободной женщиной — кормилицей, от имени которой обычно вступает в соглашение муж³⁶. В договорах определялось время, в течение которого ребенок должен был находиться у кормилицы (обычно полтора-два года), указывались суммы, выплачиваемые кормилице на пропитание и уход за ребенком, и устанавливались гарантии добросовестного выполнения кормилицей своих обязанностей и возмещения убытков хозяину ребенка-раба в случае смерти ребенка. Кроме текстов договоров, сохранились расписки в получении оплаты за вскармливании ребенка³⁷, а также записи о регистрации такого рода документов у соответствующих чиновников³⁸.

³⁰ См., например, р. Оху. 494; 2474; BGU, 1655 и др.

³¹ Р. Оху. 1638; р. Mich. 322, 323—325; 326; 123, R., VII, 44 и др.

³² PSI, 904; 1115; р. Оху. 265; р. Mich. 340; 343 и др.

³³ Р. Mich. 121, R., III, 1; III, 7; IV, 7 и др.

³⁴ Р. Оху. 97; 237; 1102; 1468; р. Lond. 198; BGU, 168.

³⁵ BGU, 1058; указание о таком договоре см. BGU, 859.

³⁶ BGU, 297; 1106 и др.; PSI, 203; р. Bour. 14 и др.

³⁷ р. Tebt. 399; BGU, 1112.

³⁸ р. Mich. 121; 123; 238; 240.

Вопрос об использовании рабов папирусы освещают значительно слабее, несмотря на сравнительно большое число и разнообразие документов. В папирусах официального характера рабы упоминаются наряду со свободными и отпущенниками в списках налогоплательщиков³⁹, в квитанциях об уплате налогов⁴⁰, в удостоверениях о выполнении повинности на ирригационных работах⁴¹, но содержащиеся в них сведения большей частью не позволяют с достаточной определенностью выяснить, в каком качестве выступают рабы в данных ситуациях. Среди частноправовых документов сохранились договоры об обучении рабов той или иной профессии⁴², аналогичные по форме договорам об ученичестве среди свободных. В них указываются имена ремесленника, берущего в обучение, обучающегося раба и его хозяина, срок и условия оплаты, обучения и содержания раба и гарантии соблюдения договора. К соглашениям об ученичестве примыкают по форме и содержанию договоры на аренду рабов⁴³, в которых акцент делается не на обучение раба, а на использовании его труда. К этой категории документов можно также отнести соглашения о найме рабыни-кормилицы для вскармливания детей свободного и рабского статуса и расписки в получении платы за вскармливание⁴⁴.

Некоторые сведения об использовании рабов дают и заемные документы, так как рабы наряду с другой движимой и недвижимой собственностью могли использоваться в качестве залога⁴⁵. Такого рода соглашения в какой-то мере характеризуют не только форму использования раба, но и имущественное положение владельцев. В хозяйственных документах — счетах, отчетах, расписках, деловых письмах⁴⁶ — рабы упоминаются и поименно, и в безличной форме (*τὰ καὶδάρια*), но далеко не всегда можно установить их функции в хозяйстве владельцев.

Сравнительно большая группа документов среди папирусов I—III вв. связана с отпуском рабов на свободу. Кроме уже упоминавшихся выше завещаний⁴⁷, содержащих распоряжения об освобождении рабов после смерти владельца, сохранились манумиссии⁴⁸, заявления манумиссоров официальным лицам об отпуске

³⁹ BGU, 1614; p. Cornel. 21; p. Fouad. 68; p. Oxy. 574; BGU, 1614.

⁴⁰ p. Philad. 18; p. Tebt. II, Ostr. 4; 12.

⁴¹ PSI, 1110; p. Lond. 325; p. Strasb. 249a; p. Tebt. 656; 659; 661; p. Mich. 380; O. Mich. 811. 816; 818; O. Wilck. 1303 и др.

⁴² p. Mich. 346; p. Oxy. 724; 1647; BGU, 1021; PSI, 241 и др.

⁴³ BGU, 855; PSI, 710; p. Aberd. 58 и др.

⁴⁴ BGU, 1058; PSI, 1065; p. Oxy. 91; p. Tebt. 399 и др.

⁴⁵ BGU, 1147; p. Lond. 311; p. Oxy. 485 и др.

⁴⁶ Отчеты: BGU, 1698; p. Tebt. 406; p. Aberd. 162 и др.; расписки: BGU, 617; p. Oxy. 735; счета: p. Sarap. 62; 68; 72; 79 e; p. Tebt. 401; BGU, 952 и др.; письма: p. Sarap. 80; 83; 103a и др.

⁴⁷ Кроме упомянутых выше, см. также: BGU, 1654; 326; p. Oxy. 634; PSI, 1040; 1102; 1263.

⁴⁸ Manumissio inter amicos: Mit. Chr., 362; p. Oxy. 1205; отпуск рабов в присутствии агораномы: p. Oxy. 722; 723; SB, 6293.

рабов ⁴⁹, извещения трапезитов, адресованные агораному, об уплате через трапезу налога за освобождение раба ⁵⁰, распоряжение префекта, направленное стратегам Фиваиды о помощи вновь назначенному прокуратору в сборе *vicesima libertatis* ⁵¹, и др. В своей совокупности эти папирусы позволяют проследить формы отпуска на волю и механизм этой процедуры, а также в какой-то мере выяснить состав манумиссоров и отпускаемых на свободу рабов.

Названные группы документов далеко не исчерпывают многообразие папирусов, содержащих сведения о рабах. Письма и разного рода фрагменты административной переписки содержат отдельные, иногда очень существенные сведения об отношениях рабовладельца и раба, о положении рабов в социальной структуре Египта.

Не менее разнообразен и материал об отпущенниках. Они также представляют апографы и подлежат подворной переписи и эпикрисис ⁵². Отпущенники нередко являются владельцами рабов и субъектами частноправовых документов о купле-продаже, наследовании, залоге и т. п. ⁵³ В судебных документах отпущенники выступают в качестве тяжущихся сторон, иногда возничают процессы о правомерности их статуса ⁵⁴.

Документы, характеризующие занятия и имущественное положение вольноотпущенников ⁵⁵ и их взаимоотношения с патроном ⁵⁶ (различного рода контракты, хозяйственные и административные документы, письма и т. д.), ретроспективно в той или иной мере отражают положение этих бывших рабов и рабынь до их отпуска на свободу.

Папирусы о рабах и отпущенниках происходят главным образом из Фаума и Оксиринха, из остальных номов Среднего и Верхнего Египта их дошло очень немного (сколько-нибудь заметное количество относится лишь к Антинополю и Гермopolю), и это объясняется, по-видимому, не только случайностью находок, но и особенностями существовавших там социально-экономической обстановки и традиций письменного оформления имущественных и прочих отношений. Сравнительно небольшое количество документов о рабах и отпущенниках дошло из Александрии и номов Дельты, но по отношению к общему числу папирусов, происходящих из этих районов, вероятно, это не так уже мало ⁵⁷.

---

⁴⁹ P. Lond. 299; p. Tebt. 407.

⁵⁰ P. Оху. 48; 49; 50 и др.

⁵¹ P. Оху. 2265.

⁵² BGU, 55; p. Оху. 984; 255; p. Bruxell. E. 7616; p. Lond. 208 и др.

⁵³ PSI, 915; 1228; p. Оху. 504; 1706; 490; BGU, 326; 907 и др.

⁵⁴ BGU, 361; 613 и др.

⁵⁵ BGU, 649; 1564; p. Оху. 1035; 1263; 1279; PSI, 473; 1228 и др.

⁵⁶ P. Оху. 706; 1020; 2349; BGU, 1141 и др.

⁵⁷ Например, среди папирусов, найденных в Абусир-эль-Малак и опубликованных в BGU, IV, документы, в которых упомянуты рабы и отпущенники, составляют около 20%.

Если же взглянуть на интересующие нас папирусы в хронологическом аспекте, то достаточно четко прослеживается постепенное нарастание количества документов о рабах в течение I в. н. э., наибольшее число их падает на II в. Папирусы об отпущенниках также датируются в основном II в. Но документы, связанные с императорскими рабами и отпущенниками, чаще встречаются среди папирусов конца I в. до н. э. и I в. н. э. Третий век по количеству материала о рабах значительно уступает второму и даже, пожалуй, первому векам. Такое хронологическое распределение источников отчасти соответствует общему состоянию папирусных находок римского времени: наибольшее число опубликованных папирусов датируется II в. Но, как кажется, здесь проявились и специфические тенденции развития рабства. Интересно отметить в связи с этим изменения в терминологии. Обычными терминами для обозначения рабов служат *δοῦλος*, *δουλή*, *δουλικὰ σώματα*, реже *ἀνδράποδα*, *παιδίσκη*, *παιδάρια*, а в III в. вновь входит в употребление термин *οἰκέτης*⁵⁸, почти не встречающийся в папирусах I—II вв. и, очевидно, отражающий какие-то новые черты рабовладельческих отношений.

I. ИСТОЧНИКИ РАБСТВА

Основным способом пополнения контингента рабов в римском Египте, по данным папирусов, было воспитание доморожденных рабов⁵⁹. Хотя в первые годы после подчинения Египта римляне предпринимали довольно энергичные меры для расширения его границ на юге и юго-востоке — префект Корнелий Галл в 29 г. до н. э. дошел до первых порогов, Элий Галл в 27 г. вторгся в Южную Аравию, Петроний в 25—21 гг. подчинил область Додекасхойнос и дошел до Напаты⁶⁰, источники не сохранили сведений о сколько-нибудь заметном притоке рабов из Эфиопии и южной Аравии. В последующие два с половиной столетия границы оставались стабильными, никаких военных действий, если не считать подавления волнений местного населения (мятежи в Александрии, восстание буколов), римляне не вели. Следовательно, едва ли можно говорить об увеличении числа рабов за счет военнопленных. Извне рабы могли поступать лишь в порядке ввоза военнопленных или покупок рабов из других районов античного мира. Однако

⁵⁸ См. PSI, 184; SB, 4450; p. Wessely-Prag., 1; 1a; 3; 4; 5 и др. Сводку папирусов, в которых встречаются различные термины для обозначения рабов, см.: *Straus J.-A.* La terminologie de l'esclavage dans les papyrus grecs d'époque romaine trouvé en Egypte.— In: *Actes du colloque 1973 sur l'esclavage.* Paris, 1976, p. 333—347.

⁵⁹ *Biezuńska-Matowist I.* La rôle économique..., p. 69; *eadem.* Les esclaves nés dans la maison du maître et le travail des esclaves en Egypte romaine.— «*Studi Classice*», III, 1961.

⁶⁰ *Milne J. G.* A History of Egypt under Roman Rule. London, 1924, p. 8—10; *Stein A.* Die Präfecten von Ägypten in der römischen Kaiserzeit. Bern, 1950.

сведения о покупке рабов за пределами Египта или о происхождении рабов из других провинций Римской империи и смежных стран сравнительно немногочисленны⁶¹. Значительно чаще встречаются указания на то, что раб или рабыня — доморожденные (οἰκογενεῖς) или потомки (τὰ ἐκγονα) такой-то рабыни, принадлежащей тому же хозяину⁶².

Среди более или менее зажиточных слоев египтян в I—II вв. было обычным давать в приданое дочерям девочку-рабыню, при этом в соглашениях специально предусматривалось право собственности невесты на потомство, которое ей принесет рабыня. Так, в PSI, 1115 (153 г.) невеста получает от матери в качестве подарка τρίτον μέρος τῆς ὑπαρχούσης αὐτῇ δοῦλης Σαραπίαντος καὶ τῶν ἐξ αὐτῆς ἀπὸ τοῦ νῦν ἐσωμένων ἐγγόνων, т. е. третью часть принадлежащей матери рабыни Сарапианды и третью часть будущего потомства этой рабыни, начиная с момента заключения контракта. Еще более обстоятельно этот вопрос излагается в брачном контракте из Оксирина (Оху. 496, 127 г.): невеста Таис, дочь Сарапиона, получает в подарок от бабушки рабыню Каллитихэ с ее будущим потомством, одновременно оговаривается, что Таис приобретает право совместно со своим будущим мужем Сарапионом, сыном Эвдаймона, распоряжаться принадлежащими ему рабынями и их будущим потомством, но в случае развода Таис сохраняет право собственности только на Каллитихэ и ее потомство. В такого рода клаузулах отчетливо выявляется отношение к рабыне как к производительнице новых рабов. Те же мотивы и та же формула звучат и в завещаниях: в р. Оху. 494 (156 г.) Акусила завещает своему сыну всех остальных, кроме отпущенных на свободу, рабов и рабынь и будущее потомство от них (δοῦλων σωμάτων καὶ τῶν ἀπὸ τοῦ νῦν ἐσωμένων ἐκ τῶν προεγγραμμένων θηλειῶν δοῦλων ἐκγόνων) (см. также р. Оху. 489, 117 г.).

О том, что эта формула отнюдь не была юридической фикцией и достаточно часто реализовывалась в практической жизни, свидетельствуют самые разнообразные документы: апографе, договоры купли-продажи и вскармливания детей-рабов, петиции. Среди рабов, упоминаемых в апографе, большинство составляют доморожденные⁶³, нередко одновременно регистрируются рабыня и ее дети. Так, в р. Оху. 1548 (202/3 г.) названы рабыня Таэрос 35 лет и ее девятилетняя дочь Таэпимахос, в PSI, 1227 (188 г.) — рабыня

⁶¹ BGU, 887 — рабыня Самбатис, фригийка, куплена в Сиде; BGU, 937 — мальчик Каро, родом с Понта; BGU, 913 — рабыня Просдокиа, родом из Ликии; р. Оху. 1463 — рабыня Тираннида, из Азии; PSI, 1254 — мальчик Зонл, македонянин; р. Vindob. inv. 25 817 — девочка Лигриана-Ника, родом с Понта; р. Lips. 4—5 — рабыня Стефанус, критянка; р. Hamb. 63 — два раба, военнопленные; р. Meyer-Jug. 37 — мальчик из долины Евфрата; р. Оху. 3053 — рабыня из Осроены; см. также SSGRA, р. 97.

⁶² См. BGU, 26; 193; 859; р. Mich. 322; 326; 343; р. Оху. 48; 336; 714; 723; 1110; 1209; 1451; 1468; 1548; 2873; 2474; 2777; PSI, 447; 690; 710; 904; 1227; 1248; 1263; SB, 7533; 7555; 7573; 7630; W. Chr. 206; 217; р. Tebt. 399, 407 и др.

⁶³ См. Hombert M. et Préaux C. Op. cit., р. 170.

Диодора 42 лет и ее сын Коприан 15 лет, в р. Flg. 4 (=W. Chr., 206, 245 г.) — рабыня Синтонида и ее дети: Эйрена пяти лет, Мусес трех лет и годовалый Марк. А в апографе жителя Караниды (Арсиноитский ном) Птолла, сына Птолемея и Веттии, (BGU, 26=447, 175 г.), зарегистрированы даже три поколения рабов: рабыня Копрея 42 лет, ее дети: Сарапиада 20 лет, Диоскор ... лет и Полидевка, она же Эрота, четырех лет, и дети Сарапиады: Дидима четырех лет и Кастор двух месяцев.

Казалось бы, хозяева заинтересованы в неограниченном увеличении числа доморожденных рабов, но в действительности в составе рабской фамилии обычно встречаются рабыни с одним, двумя, редко тремя детьми⁶⁴. Объяснить это можно разными причинами, и одной из них могли быть высокая смертность детей, о чем есть некоторые косвенные свидетельства. Например, в BGU, 55, из Фаума, содержащем две декларации семьи Мистоса и Зосимы от 160 г. и 174 г., в первом случае названы трое детей: Аммоний пяти лет, Дидим четырех лет и Ау ... , еще меньший по возрасту; через 14 лет в этой же семье названы четверо детей 11, 10, 9 и 8 лет и не упомянут ни один из названных в первой декларации. Уйти из семьи могли дочери, вероятность же ухода из семьи 18—19-летних сыновей не больше, чем вероятность их смерти. В договорах о вскармливании детей всегда специально оговаривается порядок расчета сторон в случае смерти ребенка. Может быть, в связи со смертностью детей в «Гномон идиос логос» сделана оговорка о том, что пропуск в апографе детей до трехлетнего возраста не влечет за собой наказания (§ 63).

Но, очевидно, в основном число выращиваемых в доме рабов определялось имущественным положением семьи хозяина. В затруднительных обстоятельствах новорожденного раба могли подкинуть более зажиточным соседям, а затем сдать рабыню в наем в качестве кормилицы⁶⁵. Более или менее подросшего ребенка-раба можно было продать, чтобы несколько поправить свои денежные дела. С такой просьбой обращается к матери некий Сарапион в PSI, 1359 (τὸ παιδισκάριον πρᾶθῆναι); в р. Оху. 117 (II—III вв.) Хайреас в письме брату Дионисию также настаивает на продаже детей-рабов. Документы купли-продажи малолетних рабов сравнительно многочисленны: продают и покупают детей всех возрастов, начиная от грудных младенцев⁶⁶.

⁶⁴ См., например, по одному ребенку: р. Оху. 494; 1548; 1209; 1638; р. Bour. 14; BGU, 326; р. Mich. 326; по два ребенка: р. Оху. 1468, 1205; р. Mich. 322; 326; р. Tebt. 407; по три ребенка: р. Tebt. 406; р. Mich. 323; 326; р. Оху. 2474.

⁶⁵ О подкидывании детей см. р. Оху. 744 (I в. н. э.), подробнее см. ниже.

⁶⁶ О купле-продаже рабов-детей (без матерей) говорится в следующих папирусах: р. Mich. 278—279 — девочка Тиха 6 лет и мальчик Кронион двух лет; р. Оху. 263 — девочка Сарапус 8 лет за 640 серебряных драхм; р. Оху. 336 — девочка Аммонус, доморожденная, вероятно, грудного возраста, за 140 драхм; BGU, 193 — мальчик Сотас 8 лет, доморожденный, за 700 драхм; р. Оху. 1648 — два мальчика Псаис-Агатадаймон 3 лет и Псаис-Аммоний 4 лет, куплены у одного и того же хозяина; SB, 7555 — мальчик Гарпократион 12 лет, доморожден-

Но и в контрактах насчет купли-продажи взрослых рабов также постоянно отмечается, что продаваемый раб или рабыня — доморожденные⁶⁷. И даже последующая перепродажа не меняет сущности первоначального источника их рабства — происхождения от матери-рабыни из числа рожденных в доме хозяина рабов.

Однако папирусы римского времени обнаруживают и другой внутренний источник рабства — выращивание рабов из подкинутых детей.

Подкидывание детей в эту эпоху было, по-видимому, обычным и достаточно частым явлением⁶⁸. К нему относились как к чему-то естественному, неизбежному. Характерно в этом отношении письмо Хилариона своей сестре (или жене?) Алис (р. Оху. 744, I в. н. э.). Приветствуя Алис и «своих дорогих» Бероуса и Аполлинарион, он сообщает, что по каким-то делам задерживается в Александрии и просит не беспокоиться по этому поводу. Он настаивает и просит позаботиться о ком-то, обещает прислать подарок и далее пишет: «если у нее (?) будет потомство, то мальчика возьми, а девочку выбрось». О ком идет речь, не совсем ясно, издатели предполагают, что об Аполлинарион, которая, вероятно, приходится дочерью или снохой автору письма. Несомненно лишь, что ребенок — не рабского статуса, так как девочки-рабыни ценились не меньше мальчиков, тогда как в семье сын всегда был предпочтительнее дочери. И не случайно в «Гномон идиос логос» среди различных категорий египетского населения упоминаются и подкидыши (*ἄναίρετος*). «Гномон» в принципе допускает сохранение подкинутыми детьми статуса свободного человека. В § 41 устанавливается, что из наследства египтянина (очевидно, бездетного), подобравшего и усыновившего подкинутого ребенка, конфискуется в пользу императорской казны четвертая часть имущества⁶⁹, иными словами, за подкидышем признается право наследовать и статус, и имущество усыновившего его человека. В § 107 это положение, очевидно, распространяется и на другие категории населения, так как в этом параграфе не оговаривается статус лиц, воспитавших мальчиков-подкидышей и сохранивших право передать наследникам $\frac{3}{4}$ своего имущества. В обоих случаях конфискацию в пользу казны четверти наследуемого имущества следует рассматривать не как штраф, налагаемый на усыновившего (при отсутствии воспитанника по

ный, за 2800 драм; BGU, 859 — мальчик Косм 3 лет, доморожденный, за 300 драм; PSI, 1228 — девочка Исидора, находящаяся у кормилицы, за 320 драм; SB, 7563 — девочка Анилла 11 лет. Список не исчерпывающий.

⁶⁷ См. р. Оху. 1209; SB, 7533 и др.

⁶⁸ См. *Johnson A. Ch. Roman Egypt to the Reign of Diocletian*. Baltimore, 1936, p. 281.

⁶⁹ «Гномон идиос логос» строго регламентирует право наследования имущества, особенно бездетных лиц. В § 4 говорится: «Имущество умерших без завещания и не имеющих законных наследников переходит к фиску». В § 6 александрийцу запрещается завещать жене, от которой у него нет детей, больше четвертой части своего имущества. См. также § 24—33. Подробнее см.: *Taubenschlag R. The Law...*, p. 181—220.

существовавшим законам, вероятно, большая часть наследства подлежала отчислению в императорскую казну), а как ограничение прав подкидыша на наследство воспитателя.

Эти статьи «Гномон» отнюдь не означают, что подкинутый ребенок свободных родителей потенциально сохраняет право на статус свободного человека, они лишь санкционируют право лиц, принявших подкинутых детей, передать им свой статус. Судьба подкидыша целиком находилась в руках тех, кому его подкинули: они могли его усыновить (как об этом говорится в «Гномон»), или воспитать в качестве «вскормленника» (τρώφιμος), т. е. свободного, но не включенного в состав семьи, или вырастить из него раба. Последний вариант, как отмечает Р. Таубеншлаг⁷⁰, встречается в папирусах и, очевидно, в практической жизни чаще всего.

О нем сообщают прежде всего контракты о вскармливании детей. Этот вид документов обычно в литературе рассматривается как договоры с кормилицами (Ammenvertrag)⁷¹, но с точки зрения социально-экономического отношения под одинаковой формой скрываются папирусы очень разного содержания. Это может быть просто наем кормилицы — свободной женщины к ребенку свободных родителей, т. е. обычные отношения работодателя и наемного работника. Это может быть наем рабыни-кормилицы, и тогда уже добавляется новая черта экономических отношений — сдача рабыни в аренду. Но нас в данном случае интересует не столько вопрос, кого нанимают в кормилицы, сколько — для кого и для чего их нанимают. Здесь тоже возможны разные ситуации: к свободному ребенку, к подкинутому, к ребенку рабыни. Наем кормилицы к сыну или дочери существенно отличается по своей социально-экономической сущности от найма кормилицы для выращивания ребенка раба. Иногда это отражается и в содержании договора: в первом случае нередко специально оговаривается, что кормилица должна жить в доме родителей ребенка. Детей рабыни и подкидышей чаще отдают на вскармливание в семью кормилиц. Хотя расхождения в размерах оплаты кормилицы незначительны, но экономическое содержание иное: при вскармливании ребенка-раба оплата кормилицы — своего рода авансированный расход на воспроизводство рабочей силы.

Исходя из специфики договоров, касающихся детей рабского статуса, представляется более целесообразным сохранить в переводе их греческое наименование — соглашения или договоры о вскармливании.

Так как не всегда сохранились тексты самих договоров, а только расписки в получении платы за вскармливание, то в некоторых

⁷⁰ См. *Taubenschlag R.* The Law..., p. 74; см. также: *Bieżuńska-Matowist I.* Die expositio von Kindern als Quelle der Sklavenbeschaffung im griechisch-römischen Ägypten.— In: «Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte», 1971, II, S. 129—133.

⁷¹ См. *Herrman J.* Die Ammenverträge in der gräko-ägyptischen Papyri.— «Zeitschrift der Savigni-Stiftung», 76, 1959, S. 490—499.

случаях нельзя определить, идет речь о подкинутом ребенке, или о купленном, либо о замороженном младенце, для которого по каким-то причинам хозяин вынужден нанять кормилицу; не всегда ясны и условия оплаты. Из имеющихся материалов можно заключить, что не было существенной разницы между договорами на вскармливание свободных, детей рабов и подкинутых ни по их форме, ни по величине расходов на кормилицу. Так, в Александрии в 23—5 гг. до н. э. за вскармливание дочери отпущенницы (BGU 1109), сына рабыни (BGU, 1108) и подкинутого ребенка (BGU, 1107, 1110) одинаково выплачивается кормилице по 10 драхам и 2 котилена масла⁷² в месяц. Не зависело это и от статуса кормилицы: в BGU, 1107, 1108 и 1110 кормилицы — свободные женщины, в BGU, 1109 — рабыня.

Однако иногда оплата зависела, видимо, от случайных конкретных обстоятельств. Например, в BGU, 1058 (Александрия, 13 г. до н. э.) александриец Силлис, сын Птолемея, заключает договор со своей матерью Филотерой, дочерью Феодора, при посредничестве ее мужа Птолемея, сына Силлиса, на вскармливание подкинутой ему девочки-рабыни Агалматиион рабыней матери Зосимой: в течение двух лет Зосима будет получать по 12 драхам в месяц (сюда, по-видимому, входит и масло, так как нет специальной оговорки об этом). Всю сумму за два года — 288 драхам — сын выплатил сразу же. В BGU, 1106 (Александрия, 13 г. до н. э.) Марк Эмилий, сын Марка Каллидия (?), отдал на вскармливание свободной женщине Теодотес, дочери Досифея, подкинутую ему девочку-рабыню Тиху с оплатой всего в 8 драхам в месяц, включая масло. В контрактах из хоры оплата за вскармливание была ниже, чем в Александрии. Так, в документах из Оксиринха в 26 г. н. э. (SB, 7619) выплачивается 60 драхам в год (т. е. 5 драхам в месяц), в 87 г. (PSI, 203) — 6 драхам в месяц и два котилена масла.

Во II в. оплата, видимо, несколько возросла: в 111 г. (SB, 7607) в Фаюме Гай Лонгин за вскармливание подкинутого мальчика-раба платит свободной женщине 7 драхам в месяц и два котилена масла; в 126/7 г. в Птолемаиде Евергетиде (р. Воуг. 14) Сарапион, сын Асклепиада, нанял в кормилицы к Коринфии, дочери рабыни Тихи, свободную женщину Елену, дочь Герона, с ежемесячной оплатой в столько-то драхам, 2 котилена масла, 1 керамий вина и 4 птиц; в 187 г. в Оксиринхе за вскармливание в течение двух лет свободной девочки Елены ее мать Танентерида, дочь Тониса, уплатила Хосиону, сыну Сарапиона, хозяину рабыни-кормилицы, 400 драхам, т. е. по 16,5 драхам в месяц (р. Оху. 91); немногим меньше — по 14 драхам в месяц — платил Исидор из Арсиноитского нома (р. Tebt. 399, II в.) Тенкебкис, дочери Крониона, рабыня которой кормила принадлежащего ему мальчика-раба в течение трех лет. Возможно, однако, что в трех последних случаях, помимо общего повышения

⁷² По данным папирусов, собранных Джонсоном, 1 котилен оливкового масла в I г. н. э. стоил 4 обола, см. *Johnson A. Ch. Op. cit.*, p. 316.

цен, наблюдаемого в течение II в.⁷³, высокая плата обусловлена какими-то особыми обстоятельствами (в одном случае — дочь свободной женщины, в двух других — это могли быть дети рабынь-наложниц).

Интересно сопоставить суммы, выплачиваемые за вскармливание, с продажной ценой малолетних рабов. К сожалению, данных об этом очень немного. В 85—86 гг. по контракту из Оксиринха (р. Оху. 336) продается девочка за 140 драхм; в 124 г. в Арсиное (SB, 5808) — девочка за 200 драхм; по контракту из Фаюма (SB, 5809), датируемому II в. и, вероятно, близкому по времени к указанному выше, — девочка по той же цене (?). Очень важен в этом плане контракт о продаже Луцием Вибием Касианом доморожденного мальчика-раба по имени Косм в возрасте трех лет (BGU, 859, Фаюм, II в. н. э.). Покупает мальчика Аммоний, хозяин рабыни-кормилицы, на попечении которой находится Косм. Продажная цена — 300 драхм, из них 200 драхм засчитывается за вскармливание ребенка и только 100 драхм получает продавец. Таким образом, получается, что продажная цена ребенка-раба до трехлетнего возраста близка к стоимости вскармливания его наемной кормилицей, но несколько превышает ее. Следовательно, выращивание рабов из подкинутых детей обходилось дешевле, чем покупка младенца такого же возраста, и иногда, судя по тебтюниским папирусам из мичиганской коллекции, практиковалось довольно широко.

Эти папирусы (р. Mich. 121, 123 и 238) представляют собой ежедневную регистрацию в графейоне комы Тебтюнис Арсиноитского нома (Фаюм) всякого рода контрактов, с которых взysкивался налог за оформление сделки. Они свидетельствуют о большой деловой активности жителей Тебтюниса. Так, в р. Tebt. 238 за 4 месяца 46 г. зарегистрировано 239 сделок, из них наибольшее число связано с оформлением займа денег и зерна или возвращения долга, затем с арендой земли и домов, покупкой и продажей недвижимого и движимого имущества и т. п. Сделок, касающихся рабов, в этом папирусе всего 10, из них 9 договоров о вскармливании ребенка-раба (τροφίμου δουλικού) и 1 заем под залог рабыни. В р. Tebt. 123, относящемся ко времени между 45 и 47 гг., из 14 сделок, касающихся рабов (всего в этом папирусе зарегистрировано более 300 сделок), 10 договоров о вскармливании⁷⁴, 3 купли-продажи, 1 — раздел имущества и рабов. В р. Tebt. 121, датированном 42 г., из 200 сделок, содержание которых можно прочесть, о рабах говорится в⁷⁵ 6 случаях, из них 2 договора купли-продажи, 1 — о приданом и 3 — о вскармливании ребенка-раба.

Это соотношение общего числа сделок и сделок, касающихся рабов, говорит о том, что рабы сравнительно слабо использовались

⁷³ Сводку цен на различные предметы потребления и размеров заработной платы по данным папирусов I—III в. см. *Johnson A. Ch. Op. cit.*, p. 316—320.

⁷⁴ Кроме того, зарегистрировано еще несколько договоров о вскармливании без пометки о том, что ребенок рабского статуса,

в обороте как движимое имущество. И это, пожалуй, естественно в условиях сельского поселения, каким была кома Тебтюнис. Тем более кажется любопытным тот факт, что из 30 зарегистрированных сделок, связанных с рабами, в 22 идет речь о выращивании рабов. Хотя о происхождении этих рабов — были они доморожденными, купленными или подкинутыми — в регистрах нет прямых указаний, из содержащихся в них записей можно сделать достаточно определенные выводы.

В регистрах, как правило, одновременно записаны две сделки, относящиеся к соглашению о вскармливании ребенка: *ἐμολογία* и *δάνειον*, налог за их регистрацию взыскивается суммарно — 4 драхмы. В первой сделке указывается имя кормилицы (иногда с добавлением «и муж» или «и другие»), имя хозяина ребенка и предмет соглашения: *τροφίμου δοῦλικοῦ* (иногда называется имя ребенка). Вторая сделка регистрируется как долг хозяина ребенка мужу или родственнику кормилицы и ей самой. Размер долга колеблется от 80 до 140 драхм, чаще всего указывается 100 и 120 драхм, лишь в двух случаях есть заметные отклонения (в р. Mich. 238, III, стк. 111: Садал должен Тамаррес и другим 500 драхм, стк. 114: Юкунд должен Термутион и ее мужу 64 драхмы). Так как обычно при заключении договора с кормилицей хозяин ребенка дает какой-то аванс (в сохранившихся договорах наименьший аванс равняется оплате за 3 месяца), то, очевидно, что плата за вскармливание больше указанных в регистре сумм. Исходя из сравнительного однообразия цифр можно полагать, что в Тебтюнисе, как и в Александрии, в основе денежных расчетов за вскармливание лежала какая-то более или менее постоянная ставка месячной оплаты кормилицы (не менее 7 драхм в месяц).

Во всех случаях кормилицами нанимают свободных женщин, жительниц этой же комы. Хозяевами детей-рабов могли быть приезжие лица, но в основном это жители Тебтюниса, упоминающиеся в тех же регистрах в связи с другими сделками или в других папирусах из Тебтюниса ⁷⁵. Поэтому по поводу большинства сделок можно почти с уверенностью сказать, что дети, отдаваемые ими на вскармливание, не были купленными, так как в регистрах не сохранилось ни одной записи о покупке рабов лицами, заключавшими договоры с кормилицами, а предположение, что жители Тебтюниса

⁷⁵ Так как в регистрах указываются только личные имена, идентификация может быть лишь предположительной. Приведем некоторые примеры: Патюнис — в р. Mich. 121, V., I, 18 — хозяин младенца; р. Mich. 123, R., XII, 41 — нанимает Таарнотес на условиях парамонэ; Кронион — в р. Mich. 121, V., VI, 21 — хозяин ребенка; р. Mich. 121, V., VII, 21 — нанимает на условиях парамонэ Орсева; р. Mich. 238, I, 27 — хозяин ребенка; р. Mich. 238, I, 69 — нанимает на условиях парамонэ Тамиста; Сотерих — в р. Mich. 123, R., X, 3 — хозяин ребенка; р. Mich. 121, R., IV, VIII — нанимает на условиях парамонэ Гермия; Орсенуфис — в р. Mich. 123, R., XVI, 28 — хозяин ребенка; р. Mich. 123, R., XIV, 7 — нанимает на условиях парамонэ Орсева и его жену; Дидим — в р. Mich. 238, II, 62 — хозяин ребенка; р. Mich. 238, I, 104 — нанимает на условиях парамонэ Марсисуха.

покупали грудных детей где-то в другом месте, маловероятно. Значит, может идти речь или о доморожденных рабах-младенцах, или о подкинутых детях. В случаях с подкидышами наем кормилиц почти всегда необходим, а большое количество казусов находит объяснение в экономической обстановке в Египте того времени.

Исследуя вопрос о разливах Нила в римское время, Джонсон на основе сообщений древних авторов, надписей и папирусов пришел к выводу, что в 42 и 45/6 гг. были очень высокие паводки Нила, повлекшие за собой заболачивание посевных площадей и вздорожание хлеба, а в 46/7 г. паводок был недостаточным и ситуация еще более ухудшилась⁷⁶, местами даже был голод⁷⁷. Вероятно, в Тебтунисе положение было таким же, как и в других районах Египта, и в этих условиях число подкидываемых детей могло резко возрасти, что и нашло отражение в серии договоров о вскармливании рабов-детей, зафиксированных в регистрах мичиганских папирусов.

Косвенным подтверждением этому служат 2 папируса из Оксиринха, датированные 49—50 гг. (р. Оху. 37 и 38). Первый представляет собой протокол судебного разбирательства в присутствии стратега Тиберия Клавдия Паснона между Песурисом и Сераевс, дочерью Апиона, по поводу подкинутого ребенка, отданного Песурисом на вскармливание. Второй документ — гипомнема Трифона, сына Дионисия, мужа Сераевс, префекту Гнею Вергилию Капитону о том, что Песурис не подчиняется решению стратега. Суть дела состояла в том, что Песурис в 47 г. заключил контракт с Сераевс, дочерью Апиона, на вскармливание подкинутого ему мальчика Геракла в течение двух лет и, по его словам, уплатил за оба года. По прошествии срока Песурис забрал ребенка, но кормилица и ее муж похитили его, утверждая, что это свободный ребенок, их сын. По словам Сераевс, отданный ей на вскармливание Гераклас умер, а Песурис, как пишет в петиции Трифон, пытался отнять и увести в рабство (*ἀποσπᾶσαι εἰς δουλαγωγίαν*) их маленького сына Апиона. Стратег, руководствуясь предписаниями префекта, вынес решение оставить ребенка Сераевс и ее мужу, если будет установлено по его внешнему виду, что он их сын и если они сделали письменное сообщение о смерти взятого на кормление ребенка; но Сераевс и ее муж должны возместить Песурису его расходы и ущерб.

Однако этим дело не закончилось: Песурис не согласился с решением и, очевидно, не имея возможности забрать ребенка, начал чинить какие-то препятствия Трифону в его работе. Из других папирусов известно, что Трифон — из семьи потомственных ткачей (р. Оху. 288) и сам ткач (р. Оху. 275), по состоянию здоровья (катаракта и близорукость) был в молодости освобожден от призыва на военную службу (р. Оху. 39). Материальное положение его семьи,

⁷⁶ Johnson A. Ch. Op. cit., p. 16—18; см. также: Bonneau D. La crue du Nil. Paris, 1964, p. 117.

⁷⁷ Johnson A. Ch. Op. cit., p. 435; см. также: Schwartz J. Les archives de Sarapion et des ses fils. Le Caire, 1961, p. 329.

по-видимому, было очень скромным⁷⁸, и им было нелегко рассчитаться с Песурисом. Ведь обычно в договорах о вскармливании предусматривалось в случае нарушения кормилицей соглашения возвращение полученных денег в полуторном размере плюс штраф в 200—500 драхм (см. PSI, 203; SB, 7619 и др.). Возможность смерти детей, находящихся на попечении кормилиц, иногда специально оговаривалась в договоре (см. BGU, 1058; SB, 7619 и др.), кормилицы в таких случаях обязаны были взять у хозяина другого ребенка на вскармливание, но они не несли материальной ответственности, если смерть последовала не по их вине (см. SB, 7619). Действия Песуриса, выходящие за рамки чисто денежных претензий, можно объяснить тем, что Сераевс скрыла от него смерть доверенного ей ребенка, чтобы полностью получить обусловленную в договоре сумму. Не исключен и такой вариант: в трудный 46/47 г. Сераевс подкинула сына Песурису, затем нанялась к нему в кормилицы. По словам адвоката, Песурис намеревался воспитать подкидыша как сына. Когда же по истечении срока Песурис забрал ребенка и, видимо, перевел его на положение раба (судя по жалобе Трифона), тогда Сераевс похитила мальчика и заявила, что подкидыш умер, а Песурис забрал ее сына. Несомненно одно, что спор по поводу подкинутого ребенка вызван какими-то обманными действиями со стороны Сераевс и ее мужа, в результате которых появилась реальная угроза порабощения их сына.

Эти два документа подтверждают высказанное выше предположение, что определение статуса подкинутого ребенка целиком зависело от лица, которому он был подкинут и что в «Гномон идиос логос» зафиксирован особый случай в судьбе подкинутых детей — усыновление, тогда как в жизненной практике подкидыши обычно воспитывались как рабы.

В папирусах I—III в. не сохранилось свидетельств о прямой и открытой продаже детей в рабство. Но, по-видимому, какие-то замаскированные формы такого рода сделок существовали. На это указывает один из папирусов времени Августа (BGU, 1139, 5 г. до н. э.), происходящий из Александрии, но касающийся событий в Ликополе (Фиваида).

В петиции на имя префекта Гая Тиранния житель Ликополя Спинтер, сын Гарпаесиса, и его жена Аполлония, дочь Лукоса, просят защитить их от произвола Париса, одного из рабов, подчиненных некоему Хрету (очевидно, какому-то влиятельному лицу), и вернуть им дочь. Некоторое время назад тяжелые обстоятельства (буквально: горе — *θλίψις*) заставили Спинтера и Аполлонию заключить с рабом Хрета Парфом два устных («незаписанных» — *ἀγράφαι*) соглашения: одно — о найме на условиях парамонэ, другое — о кормлении (*τροφίτις*) их дочери Татрейфис, которую Парф переименовал в Приму. Когда дела Спинтера и Аполлонии попра-

⁷⁸ См. р. Оху. 267 от 36 г.— контракт о возвращении Трифоном приданого Сераевс (всего 72 драхмы).

вились, они, выплатив, очевидно, долги Парфу, заключили с ним через логистерий новое соглашение об аннулировании парамонэ и договора о кормлении. Однако в отсутствие Парфа другой раб, Парис, увел их дочь и держит ее уже 5 месяцев у себя ἐν εἰρήτῃ (внутри дома?)⁷⁹. Родители просят префекта вмешаться и вернуть им дочь.

В этом документе многое неясно. Свою дочь Спинтер и Аполлония трижды называют παῖδιον. Это означает, что она была еще девочкой⁸⁰, но достаточно взрослой, чтоб отдать ее в наем. Следовательно, договор о τροφίτις не может приравниваться ни к договорам о вскармливании грудных детей, ни к договорам о содержании жены⁸¹. К тому же он заключен одновременно с соглашением о парамонэ, а этот тип контракта обычно связан с займом какой-то суммы денег⁸² и часто уже включает в себя клаузулу о содержании парамонария⁸³.

По-видимому, дело обстояло так: девочка была слишком мала, чтобы выполнять какую-то работу, поэтому родители помимо займа денег под парамонэ дочери, как это обычно практиковалось, вынуждены были заключить также и контракт о ее кормлении до того возраста, когда она сможет отрабатывать долг. Естественно предположить, что срок парамонэ был достаточно велик, а шансы на погашение долга родителями очень слабы, и в доме Парфа девочка оказалась на положении рабыни, получив новое — рабское имя. Последний факт указывает на то, что кредитор рассматривал сделку с родителями девочки как приобретение рабыни. Характерно и то, что соглашения, закабалявшие Татрейфис, не были записаны (или не зарегистрированы?), а для освобождения ее даже письменных контрактов оказалось недостаточно.

* * *

Покупку и продажу рабов едва ли следует рассматривать как самостоятельный источник рабства. Такого рода сделки внутри страны означали лишь перераспределение собственности на рабов среди тех или иных социальных групп, а ввоз рабов в Египет из других районов античного мира, судя по дошедшим до нас папирусным документам, едва ли был сколько-нибудь значительным. Как уже указывалось, дошли только единичные свидетельства о покуп-

⁷⁹ Таубеншлаг считает, что речь идет о частной тюрьме (*Taubenschlag R. Opera minora*, II, p. 716). У Лидделл-Скотта два значения этого слова: 1. an inclosure, prison; 2. inner part of the house; womens apartments (p. 490). По смыслу здесь скорее подходит второе значение.

⁸⁰ Так называли детей не старше 7 лет (см. *Liddell — Scott — Jones*, p. 1287, со ссылкой на Гиппократ).

⁸¹ Эти два вида контрактов, обозначаемые термином τροφίτις, неоднократно называются в p. Mich. 121, 123, 238.

⁸² См. BGU, 1154; 1153; 1126; p. Mich. 121, V., II, 17 и R. III; p. Alex. 8; p. Aberd. 56 и др., см. *Johnson A. Ch. Op. cit.*, p. 452—454.

⁸³ См. BGU, 1126; p. Mich. 121, R. IV, VIII; p. Flor. 44.

ке рабов за пределами Египта, причем преимущественно от II—III вв. Сохранившиеся контракты и декларации о купле-продаже связаны с покупкой рабынь и мальчиков-рабов в малоазийских и балканских провинциях.

Александриец Артемидор, сын Кайсия, купил в 151 г. в Сиде (Фригия) девушку-фригийку Самбатис-Атенаиду (BGU, 887); Афродисий, сын Дидима, из Арсиноитского нома, через посредника⁸⁴ — катэка Аполлониду, сына Мелана, купил у Тита Сальвия Симмаха в Александрии (?) в период между 180 и 192 гг. девочку-рабыню Лигириану-Нике 13 лет, родом из Понта (р. Vindob, inv. 25817); Симон, сын Демосфена, из Патары, купил в 206 г. в городе Миры (Ликия) рабыню-ликийку Просдокию (BGU, 913); в это же время или несколько раньше Морсолис, житель комы Караниды (Фаюм), купил в Помпейополисе (Пафлагония) девочку-рабыню Аниллу 11 лет (SB, 7563); в 215 г. Аврелия Клавдия, дочь Сарапиона, из Оксириха, купила у Аврелии Артемиды, дочери Амоита, из Гераклеопольского нома, рабыню Тиранниду, родом из Азии (р. Оху. 1463); в 237 г. Аврелия Дидимарион перекупила у Марка Аврелия Дидима, сына Аполлония, мальчика-раба Зоила 9 лет, родом из Македонии, купленного им год назад у Флавия Приска (PSI, 1254); в 252 г. Гераклес, сын Исидора, из Александрии купил в Финикии девушку-рабыню 16 лет родом из Осроены в Месопотамии (р. Оху. 3053); в 260 г. Аврелий Гераклес-Немесиан, сын Оригена, из Гераклеополя, купил у Марка Аврелия Лукиана мальчика-раба Карона 13 лет, родом из Понта (BGU, 937); в 293 г. Аврелия Кириллус, дочь Гие-рака, из Гермополя, перекупила у Аврелия Кастора-Евдаймона, булевта Антинополя, рабыню Стефанус, критянку, купленную им год назад у Оригена-Софрониска (р. Lips. 4 и 5 = Mit.Chr., 171).

Как видно, относительно некоторых рабов есть прямые указания, что у себя на родине они были проданы новым хозяевам и затем ввезены в Египет, в других же случаях остается неясно, каким путем они туда попали. Так как среди первоначальных хозяев чужеземных рабов встречаются имена римских граждан (Тит Сальвий Симмах, Флавий Приск, Марк Аврелий Лукиан и т. п.), то можно предположить, что это либо чиновники, либо legionеры, или ветераны, вывезшие рабов с места своей прежней службы. Несомненно, какая-то часть чужеземных рабов могла попасть в Египет вместе с хозяевами, переезжавшими туда на временное или постоянное жительство или службу. Вполне вероятно также существование в Александрии постоянного рынка рабов и работоторговцев, поставлявших иноземных рабов⁸⁴.

Судя по дошедшим до нас папирусам, купля-продажа рабов внутри Египта происходила преимущественно в рамках одного и того же района — нома или смежных номов (см. BGU, 115, 859; р. Оху. 96; 1209; PSI, 182; SB, 7533 и др.); о вывозе рабов в другие

⁸⁴ Biežuńska—Małowist I. L'esclavage à Alexandrie dans la période greco-romaine.— In: Actes du colloque 1973 sur l'esclavage. Paris, 1976, p. 291—312.

номы или в Александрию и покупке рабов жителями хоры в Александрии упоминается в папирусах сравнительно редко, причем большей частью в связи с приобретением чужеземных рабов (р. Vin-dob, inv. 25 817; р. Оху. 1463; р. Lips. 4—5) и реже — местных (SB, 7555; р. Оху. 1548). Возможно, что выдача доверенности другому лицу на продажу или покупку рабов также предполагала их вывоз за пределы места жительства продавца (PSI, 1228; SB, 7573).

Если проследить в хронологическом плане активность внутренней работорговли, то по собранному нами материалу заметных изменений в течение I—III вв. не наблюдается, тем не менее основная масса документов купли-продажи приходится на период с середины I в. до середины III в. Насколько неполна и случайна дошедшая до нас информация, дает представление хотя бы такое соотношение в просмотренных нами документах: с 28 г. до н. э. по 95 г. н. э., т. е. почти за 125 лет, сохранилось всего 22 документа, касающихся купли-продажи рабов; в них говорится о 26 проданных рабах, тогда как по далеко не полным регистрам небольшой фаюмской комы Тебтунис в 42—47 гг. за несколько месяцев зарегистрировано 5 актов купли-продажи рабов (которые входят в приведенные выше цифры). И все же за неимением более полной информации попытаемся проанализировать те данные, которые удалось собрать.

Из продаваемых рабов примерно 40% составляют женщины, мужчин продается вдвое меньше, детей до 14 лет — почти столько же, сколько женщин, но соотношение мальчиков и девочек иное: мальчиков немного больше. Продается преимущественно по одному, реже одновременно два раба (р. Mich. 278—279 — двое детей, р. Оху. 1648 — двое детей, р. Оху. 1523 — два раба, р. Оху. 1706 — две рабыни, р. Оху. 94 — доверенность на продажу двух взрослых рабов порознь или вместе) или рабыни с детьми (р. Оху. 375; 1209; 2474). Неоднократно встречается продажа части раба: так, в р. Оху. 332 (ок. 89 г.) Дионисий, представитель Зенона, сообщает агораномам о покупке одной трети 14-летней рабыни Сарапус; к этому же времени относится извещение агораному от трапезитов (?) о продаже половины раба Диоскора (он же Дионисий) 30 лет (р. Оху. 327). В р. Оху. 716 (186 г.) речь идет о продаже с аукциона двух третей 30-летнего раба Сарапиона (на одну треть Сарапион получил отпуск на волю); в документе того же времени из Микро Оазиса (PSI, 1228, 188 г.) продается половина малолетней девочки-рабыни Исидоры, еще находящейся на попечении кормилицы. Эта продажа частей или долей рабовладения влечет за собой целый ряд вопросов о формах эксплуатации рабов и их правовом положении, к которым мы вернемся позднее.

Весьма любопытно проследить возрастной состав продаваемых рабов: девочек до 11-летнего возраста включительно продается очень немного, начиная с 13 лет их число возрастает, наибольшее число рабынь продается в возрасте 20—25 лет, женщин старше

35 лет среди продаваемых уже не встречается. Иная картина среди мужчин⁸⁵. Если разбить их по возрастным группам, то наибольшее число рабов мужского пола продается в возрасте до 14 лет (начиная с двухлетнего), рабы 15—25 лет почти не встречаются среди поступающих в продажу, зато продаются 30-летние и даже 40-летние. Такой состав продаваемых рабов по возрасту и полу (при всей отрывочности сохранившихся сведений) едва ли случаен. Можно предположить, что рабы-мужчины в возрасте 15—25 лет так высоко ценились в хозяйстве, что внутри Египта практически не попадали в торговый оборот. Считать, что на них не было спроса, нет оснований, учитывая значительное число актов купли-продажи мальчиков-рабов. Большой спрос на женщин-рабынь 13—25-летнего возраста свидетельствует, как кажется, в первую очередь о потребности в рабынях в качестве производительниц рабов, а также в качестве служанок и сожительниц рабовладельцев.

Профессия или специализация рабов в контрактах купли-продажи обычно не указывается. Далеко не всегда можно выяснить происхождение раба: иногда отмечается, что продаваемый раб — доморожденный (см. BGU, 193; 859; р. Оху. 336; SB, 7533; 7555; 7573) или унаследованный (р. Оху. 94; 716; 1706; р. Mich. 281; SB, 5809; 7533); если перепродается ранее купленный раб, то обычно называется имя предшествовавшего хозяина (р. Оху. 95; 1209; BGU, 805; р. Lips. 4—5), изредка встречаются и более подробные сведения о продаваемом рабе. Например, в контракте из Оксиринха, датированном 251—253 гг. (р. Оху. 1209), сообщается, что Аврелий Асклепиад-Сарас, сын Сарапиона и Луциллы, купил у Аврелия Сарапиона-Серена, сына Агатея и Тапосирис, рабыню Тереу 21 года с грудным ребенком, которая была рождена в доме Луциллы-Деметрии, дочери Евпора, и за несколько лет до этого продана Луциллой Сарапиону, а теперь вновь выкуплена сыном Луциллы. Случаи перепродажи рабов сравнительно редки, и причины их установить не удается.

Большинство из дошедших до нас актов купли-продажи совершалось в агораномии или каком-либо другом государственном учреждении в присутствии чиновников⁸⁶ или откупщиков налогов на торговые сделки⁸⁷. Если продажа происходила в частном порядке (ἐν ἀγορᾷ — «на улице»), то продавец заявлял агораномам о произведенной сделке и размере полученной суммы (см. SB, 7533; р. Оху. 263; 336; 95). Очевидно, только после регистрации и уплаты налогов контракты приобретали юридическую силу. Контрагенты (преимущественно покупатель) уплачивали обычный налог со сделки —

⁸⁵ В использованных нами папирусах возраст продаваемых женщин: 2, 6, 8, 11, 13, 13, 14, 17, 18, 20, 20, 21, 24, 24, 25, 20—25, 25, 30, 32, 35, 35 лет, мужчин: 2, 3, 3, 4, 7, 8, 8, 8, 9, 12, 13, 15, 25, 30, 30, 30, 40 лет.

⁸⁶ Р. Оху. 375 и 380 — в присутствии агораномов; SB, 5164; δι' ἐπιτηρητῶν ἀγορανομίας, см. также р. Оху. 1706.

⁸⁷ Р. Оху. 1209: ἐπὶ Ἀγορητῶν Ἀντιπύτρου τοῦ καὶ Διονυσίου ἀρχολογμένου ὄντων ἀγορανομείου; см. также PSI, 182.

энкиклион в размере 10% (см. р. Оху. 95; SB, 7533; р. Lips. 4—5). Сохранились распоряжения сборщиков энкиклиона трапезитам о получении налога за продажу раба с продающего (р. Оху. 96; 185).

Контракты купли-продажи при всем их разнообразии составлялись по определенному трафарету. Каждый контракт начинался с определения времени и места составления документа, а если его оформление происходило в публичном месте (в агораномии, храме и т. п.), то отмечалось, в присутствии каких официальных лиц сделка совершалась. Затем назывались имена договаривающихся сторон или их представителей (в случае юридической недееспособности или отсутствия кого-нибудь из контрагентов) с перечислением примет, возраста и места жительства и указывался объект купли-продажи — раб или рабыня, их имена, возраст, иногда приметы и происхождение. Обязательно в каждом контракте продавец заверял покупателя, что раб или рабыня не подвержены эпилепсии и проказе: (например, в р. Оху. 263, 77 г.: ἀσυχοφάνητον πλὴν ἱερᾶς νόσου καὶ ἐπαφῆς (так же в BGU, 1059, время Августа); несколько иная формула в р. Оху. 95 (95 г.): ταύτην τοιαύτην ἀναπόριφον πλὴν ἱερᾶς νόσου καὶ ἐπαφῆς (так же в BGU, 193; PSI, 182). Затем определялась цена и устанавливались гарантии в отношении правильности и нерушимости сделки. Далее следовали подписи контрагентов (позднее и гарантов), краткое резюме договора и отметка официального лица, регистрировавшего сделку.

При сопоставлении документов купли-продажи рабов I—III вв. нельзя не обратить внимание на постепенное усиление гарантий правомерности и нерушимости сделки. Если в I в. достаточно было простых письменных заверений продавца, что раб или рабыня были его собственностью, которую он за соответствующую цену уступил покупателю со всеми вытекающими из этой сделки правами владения и пользования (BGU, 1059), то в середине II в. продавец уже должен подтверждать правильность сделки клятвой именем императора (SB, 7533), а с конца II в. необходимо участие в сделке и подпись постороннего лица, гарантирующего законность акта купли-продажи. Любопытно, что даже булевт Антинополя Аврелий Кастор при продаже покупной рабыни не только обязан представить гаранта, но и предъявить покупателю гарантии, полученные им от прежнего хозяина рабыни, а также копии своих апографов и анакрисис (р. Lips. 4—5, 293 г.).

Такое усложнение акта купли-продажи, по-видимому, было обусловлено неустойчивостью социально-политической обстановки в Египте в III в. (как и в империи в целом), порождавшей возможность продажи рабов, незаконно присвоенных или незаконно поработенных. Это подтверждается увеличением в папирусах III в. числа документов, связанных с судебными процессами по поводу владения рабами. При этом следует отметить, что в более ранних (I—II вв.) документах, содержащих петиции или протоколы судебного разбирательства имущественных споров, хотя рабы сравнительно часто упоминаются в составе имущества, они большей

частью не представляют собой главный предмет тяжбы (Mit. Chr., 82; р. Оху. 237; 1102; р. Lond. 198). Можно указать лишь на р. Оху. 97 (115 г.), где речь идет об иске братьев Диогена и Никанора, сыновей Аммония, против Менестевса, сына Гора, присвоившего рабыню Таисуту (или Таесис), унаследованную ими от матери. В III в. подобного рода казусы становятся более частыми.

Так, в петиции на имя эпископа Юлия Капитолина (BGU, 168 = Mit. Chr., 121) ветеран Юлий Аполлинарий обвиняет Татрес из Караниды в присвоении (вместе с каким-то другим имуществом) *δουλικὰ σώματα*, которые после смерти ее брата должны перейти по наследству к ее племянникам. В петиции из Оксиринха (р. Оху. 1120, начало III в.) рассказывается о том, как некий Тонис, куратор Севтха, ворвался в дом и пытался, не имея на это никаких оснований, силой увести рабыню Теодору, принадлежавшую автору петиции. В р. Оху. 1468 (258 г.) рассказывается о длительной тяжбе из-за рабов между родственниками. Аврелий Теонин (он же Афинхий) жалуется на дядю матери Сира, сына Аполлония, претендующего на потомство рабыни Таесис — рабов Аполлония и Харсеис. Мать автора жалобы Таафинхис получила рабыню Таесис в приданое от своей матери и приобрела таким образом право неограниченной власти над рабыней и право на отделение ее от семейного имущества (*καὶ τὴν δεσποτείαν καὶ τὴν νομίην εἶχεν αὐτῆς ὑφ'ἑαυτήν*), рабыня была внесена в ее апографе. Но затем спустя какое-то время Таафинхис обнаружила, что ее дядя Сир сделал ложную запись, т. е. зарегистрировал детей рабыни Таесис в качестве своих рабов и таким путем присвоил себе право собственности на них (*τὰς δὲ δεσποτέας καὶ κυρίας ἀλλοτριώσαντες*). Таафинхис обратилась с жалобой, и суд признал за ней право собственности на детей рабыни и на *usufructus* от них (*ἢ τῆς Ἀρσεΐτος καὶ τοῦ Ἀπολλωνίου κυρία καὶ οἱ τούτων καρποί*). Однако после ее смерти вновь возникла тяжба по поводу этих же рабов (*ἀνδράποδα*). По-видимому, в документах Таафинхис на владение рабами имелись какие-то неточности, позволявшие ее дяде оспаривать права ее наследников.

Приведенные примеры показывают, что присвоение чужих рабов было вполне реальной возможностью. Это приводило к усложнению разного рода гарантиями и формальностями не только договоров о купле-продаже, но и других документов, касающихся рабов, — завещаний, дарений, соглашений о приданом, о разделе имущества. Эти акты, как и акты купли-продажи, также следует рассматривать как одну из форм перераспределения собственности на рабов внутри страны, так как они имели своим результатом дробление или укрупнение рабской фамилии, появление новых рабовладельцев.

Как уже говорилось выше, в Египте было в обычае в дополнение к приданому, состоящему из вещей, денег и земельного участка (если семья владела достаточным количеством земли), дарить невесте рабыню с ее будущим потомством (см. р. Mich. 343, р. Оху. 265; PSI, 450). Обычно такой дар (*προσφορά*) делала мать или

бабушка невесты, передавая ей рабыню (или ее дочь), вероятно, также полученную когда-то в качестве приданого. Богатая семья могла дать в приданое и большее число рабов. Например, в папирусах из Тебтуниса (р. Mich. 340 и 341; PSI, 904, 45—47 гг.) сохранились три варианта брачного контракта между Гариотом, сыном Лисимаха, и Гераклеей, дочерью Дидима, из которых следует, что в дополнение к приданому Гераклея получила в качестве *προσφοράς* какое-то количество земли и двух рабов. В упоминавшемся выше брачном контракте 127 г. из Оксиринха (р. Оху. 496 = Mit. Chr., 287) между Сарапионом, сыном Евдаймона, и Танс, дочерью Сарапиона, указывается, что невеста получила в дар от бабушки рабыню вместе с ее будущим потомством и, кроме того, право распоряжаться пятью рабами, принадлежащими жениху. Таким образом, новая семья получила в собственность шесть рабов.

Иная ситуация в брачном контракте 153 г. из Тебтуниса (PSI, 1115): Кронион, сын Орсенуфиса (20 лет), женится на своей родной сестре Тефорсаитис (27 лет), которая получает в приданое всего 20 драхм и от матери в качестве *προσφοράς* — одну треть рабыни Сарапиады. За сестру договор оформляет старший брат Сарапаммон. Очевидно, в семье всего одна рабыня, принадлежащая их матери, владение которой мать хочет разделить между всеми троими.

Интересный материал о составе рабской фамилии и ее дроблении содержат завещания, соглашения о разделе имущества и другие документы, связанные с наследованием имущества. В одном из таких документов (р. Mich. 322, 46 г.) пастофор Псуфис-Гарпократион и его жена Тетосирис-Дионисия делят между своими наследниками (между двумя сыновьями, внуком от старшего умершего сына и двумя дочерьми) имущество, включающее пахотные земли, виноградники, рабов, дома, маслодельню и пр. Старший (из живых) сын отдельно наследует 3 аруры храмовой земли и пастофорион в храме Кроноса (Собека), а дочери — 5 арур земли и один дом. Остальная земля и имущество, включая трех рабов (рабыня Тихе и ее двое детей), в равных долях делятся между двумя сыновьями и внуком, причем наследники должны ежемесячно выдавать на содержание родителей 2 артабы пшеницы и 6 котилен масла, а также 300 драхм в год на одежду и расходы. Здесь, как мы видим, раздел имущества был произведен при жизни родителей. Значительно чаще встречаются документы о разделе унаследованного имущества и завещания.

Завещания, как правило, составляли люди зажиточные, имевшие больше чем одного раба и какое-то другое имущество — земли, дома, ремесленный инвентарь, ценные вещи, деньги и т. п. В завещаниях I—II вв. обычно говорится в общей форме о *δουλικὰ σφύρατα*, оставляемых в наследство (BGU, 1654; р. Оху. 491; 492; 493; PSI, 1102 и др.). Лишь в отдельных случаях завещатель дифференцированно указывает, какого раба должен получить тот или иной наследник, либо дает какие-то другие конкретные предписания. Так,

в р. Оху. 489 (117 г.) Дионисий, сын Гарпократиона, завещает жене Диогениде рабыню Иларус с ее будущим потомством и часть дома; текст фрагмента позволяет предполагать, что, помимо этого, было какое-то завещание детям. В завещании Акусилая, сына Диоса, 156 г. (р. Оху. 494), пять рабов, названных поименно, отпускаются на волю после смерти завещателя, а остальные *δοῦλα σφμάτα* передаются сыну. В одном из завещаний этого же времени из Фаума (BGU, 1655) рабу и рабыне, которых наследует дочь, поручается забота о погребении (погребальном сооружении и поминальных церемониях) завещательницы (?). По завещанию Сабинии Аполлониарии ее сыновья Марк Антоний Илиодор и Марк Антоний Апр получили каждый 23 аруры земли, 8 мин золотом и одну рабыню (*παίδισκα*) (SB, 7630 = PSI, 1325, 176—180 гг.). Кирилла, дочь М. Валерия Турбона от первого брака, согласно его завещанию получила рабыню Гермину, $\frac{1}{3}$ дома и 1 талант серебра, остальное имущество наследовали его сыновья (BGU, 1662, 182 г.). В завещании какого-то римского гражданина (р. Оху. 2474, III в.) указано, что 5 рабов, названных поименно, наследует его жена Аврелия Хайремонида, два доморожденных раба получают свободу, но останутся при жене до ее смерти, остальное имущество (в том числе и рабы?) переходит к детям.

Наиболее детальное завещание содержит р. Оху. 907 (276 г.). Завещатель Аврелий Гермоген-Евдаймон, экзегет, булевт и притан Оксиринха, завещал своим трем сыновьям и двум дочерям виноградники, пахотные земли, дома и прочее имущество в равных долях, а шестерых рабов разделил следующим образом: старшему сыну — раба Филодиоскора, старшей дочери рабыню Евнойю, а остальных четырех рабов — трем сыновьям и младшей дочери в равных долях.

Постоянно встречающуюся в завещаниях формулу «в равных долях» дополняют документы о разделе унаследованного имущества. Такого рода соглашения сохранились в тебтюнисских папирусах середины I в. н. э.⁸⁸ В соглашении между сыновьями Геродиана о разделе унаследованных от отца четырех рабов, сохранившемся в двух экземплярах (PSI, 903 = р. Mich. 323—325), наследство делится следующим образом: Хариот старший и Кронион получили по одному молодому рабу (или рабыне?), Хариот младший получил мать этих рабов Термутарион и ее хромую дочь, к тому же в соглашении оговаривается, что Термутарион должна обслуживать мать наследников Таорсевту до конца ее жизни.

Еще более содержательна информация в документе о разделе рабов между детьми Гераклида младшего, сына Марона (р. Mich. 326, 48 г.). Пять сыновей и одна дочь унаследовали от отца 5 рабов и от матери 13 рабов. Состав рабской фамилии такой: отцу принад-

⁸⁸ В наиболее раннем (время императора Тиберия) и очень фрагментированном р. Mich. 317 идет речь о разделе имущества между Птолемеем, Гераклидом и Лисимахом (сыновьями Марона?), упоминаются рабы Эпитихион (50 лет) и Евфросин;]

лежала рабыня Агата и ее дети Гераклес и Евфросина, рабы Эпафр и Леонт; матери принадлежали рабыня Гераклея-Таармиусис, ее дети Наркисс-цирюльник, Сарапас, Евфросин, рабыни Ника, Термутис — Исарута, Серапус и ее сын Евфросин, Елена — дочь проданной раньше рабыни Геруты, рабыня Тауба и ее дети Ганимас и Атена, Наркисс-погонщик ослов. Эту фамилию разделили следующим образом: старший из братьев, Гераклид, получил раба Гераклея и рабыню Серапус с сыном Евфросином; Марон — пожилую рабыню Гераклею, погонщика ослов Наркисса, Леонта и Ганимаса; Герод — рабыню Агату с дочерью Евфросиной и Эпафра; Дидим — раба Евфросина и рабыню Термутис; Гераклид-Луриос — рабыню Таубу с дочерью Атеной и раба Сарапаса; Гераклея — раба Наркисса-цирюльника, рабыню Нику и ребенка Елену.

Таким образом, раздел не был простым арифметическим делением 18 рабов на шестерых наследников, учитывался пол и возраст рабов. Каждый из наследников получил по одному взрослому рабу и одной рабыне, способной к деторождению. Марон, которому досталась пожилая рабыня Гераклея, получил четырех рабов, а Дидим — только двух, но молодых и сильных раба и рабыню. Такое разделение рабов, по-видимому, не только отвечало интересам наследников, но в какой-то мере учитывало и родственные связи рабов. В результате раздела сравнительно большая для жителей комы рабская фамилия распалась на шесть новых мелких фамилий, но способных к дальнейшему расширению.

Среди папирусов II—III вв. также встречаются документы, касающиеся раздела рабов (см. р. Flor. 50; р. Bruxell., inv. E 7918), но преимущественно речь идет о менее зажиточных слоях населения. Например, р. Lond. 360 (II в.) содержит заявление Стотоэтиса, сына Стотэтиса, о том, что он отказывается от своей доли во владении рабыней, оставленной в наследство ему и пятерым сестрам их матерью, так как он получил от сестер денежную компенсацию. В папирусе из Тебтуниса 168 г. (SB, 7363) идет спор о порядке использования одной рабыни, унаследованной от матери тремя ее сыновьями в равных долях. В р. Оху. 716 (186 г.) опекуны малолетних наследников Теона настаивают на продаже с аукциона раба Сарапиона, причем их подопечные (два сына и дочь) получили в наследство лишь две трети раба. Р. Оху. 1638 (282 г.) содержит соглашение о разделе наследства между семью детьми Псенамуниса, сына Паусириса. Старшие сын и дочь от первой жены получают две седьмых доли от четырех рабов (раб Панехот, рабыня Синтонис с дочерью 10 лет и еще один раб или рабыня) и $3\frac{1}{2}$ аруры земли, двое взрослых сыновей и трое несовершеннолетних от второй жены получают остальную землю и имущество и пять седьмых долей от тех же четырех рабов.

Естественно, разделить четырех рабов между семью наследниками так же невозможно, как и одного раба или рабыню между тремя или пятью хозяевами. Очевидно, в этих случаях происходит дробление не рабской фамилии, а владельческих прав. Долевое

владение рабами становится во II в. достаточно распространенным явлением, по-видимому, не только в Египте, но и в других регионах Римской империи, в результате чего возникла необходимость правового регулирования взаимоотношений рабовладельцев, совместно владеющих одним или несколькими рабами, как об этом свидетельствуют «Институции» Гая (Gai Inst., II, 7, 4; см. также PSI, 1182).

Помимо приведенных выше завещаний и документов о разделе имущества наследниками, дающих иногда совершенно точное, иногда приближенное представление о составе рабской фамилии завещателя, важные и нередко исчерпывающие сведения о числе рабов в отдельных семьях содержит апограф. Некоторые косвенные свидетельства можно почерпнуть из документов об эпикрисис. Собранный нами материал позволяет сделать некоторые наблюдения о величине и составе рабской фамилии у жителей города и комы преимущественно по документам из Арсиноитского и Оксиринхского номов.

В комах Арсиноитского нома в I—III вв. среди семей, владеющих рабами, лишь около 20% имеют по одному рабу (или доле раба); такой же процент составляют семьи, относительно которых есть сведения, что они имеют больше чем по одному (но неизвестно, сколько рабов). По два-три раба имеют около 25%, по 4—7 рабов — около 30% и лишь 5% семей имеют свыше 8 рабов. В новом центре Арсинополе число семей, имеющих примерно по одному рабу, значительно больше — около 40%; 30% имеют по 2-3 раба и столько же — по 4-5 рабов. Это можно объяснить случайностью информации, но, возможно, и тем, что в Фаюме значительная часть зажиточных семей жила в комах, а не в метрополии нома. В целом по Арсиноитскому ному получается, что среди семей, владевших рабами, около 26% имели по одному рабу, 56% — по 2-7 рабов, около 13% — более чем по одному (но неизвестно, сколько рабов) и лишь около 5% семей имели более 10 рабов.

Оксиринхский ном (город и комы вместе) дает следующие цифры: семей, владевших одним рабом, — 5%, более чем одним (но неизвестно, каким числом рабов) — около 21%, по 2-3 раба — 27%, по 4-7 рабов — 37%, более чем 10 рабами — около 10%. Видимо, население в Оксиринхе было зажиточнее, чем в Фаюме.

Таким образом, получается, что в обоих номах основная масса рабовладельческих семей имела от двух до семи рабов (69% в Фаюме и 85% в Оксиринхе), семьи же, у которых более 8-10 рабов, встречаются сравнительно редко.

В состав рабской фамилии из 4—7 человек обычно входят не только взрослые рабы, но и дети, начиная от новорожденных; число мужчин и женщин более или менее одинаково, может быть, с незначительным превышением числа рабынь (52—55%)⁸⁹. В семь-

⁸⁹ Омбер и Прео (op. cit., p. 170—171) на основании апографа устанавливают такие соотношения среди свободных: мужчин — 51,33%, женщин — 48,67%; среди рабов: мужчин — 41,03%, женщин — 58,97%. Заметное преобладание

ях, владеющих двумя-тремя рабами, встречаются и только рабыни, и только мужчины-рабы, и рабыни с детьми; в среднем и здесь соотношение мужчин и женщин такое же. В большинстве своем (около 85%) рабы доморожденные или унаследованные; даже относительно купленных рабов в документах часто отмечается, что они принадлежали к числу доморожденных рабов продавшего их лица⁹⁰. Если рассмотреть собранный материал с хронологической точки зрения, то окажется, что наибольшее число документов (около 50%) о семьях, имеющих одного раба или рабыню, датируется концом I — серединой II в. н. э., со второй половины II в. чаще встречаются документы о долевым владении рабами.

Возможно, что при более полном охвате всех папирусов, содержащих сведения о числе рабов в семье, приведенные цифры могут заметно измениться, но в целом, как кажется, они не будут противоречить нашим выводам. Мелкому индивидуальному производству, существовавшему в Египте в I—III вв. н. э. и обусловленному экономико-географической средой и историческими традициями, могло соответствовать только мелкое рабовладение.

Такой вывод не исключает возможности существования крупных рабских фамилий у представителей александрийской и римской знати. По сообщению И. Бежуньской-Маловист, в одном из подготовленных к изданию оксиринхских папирусов идет речь о разделе между наследниками Тиберия Юлия Теона его рабской фамилии, насчитывающей около 70 рабов⁹¹. Этот документ вносит важный корректив в наши представления о масштабах рабовладения в Александрии, но едва ли можно предположить, учитывая уже имеющуюся в нашем распоряжении информацию, что такие крупные рабские фамилии были частым явлением и внутри хоры.

II. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАБОВ

Распространение рабовладельческого производства в провинциях Римской империи нашло свое отражение в Египте главным образом в том, что владение рабами стало служить признаком богатства и принадлежности к привилегированным слоям общества. Отсюда, вероятно, возникла тенденция среди более или менее зажиточных жителей города и комы приобретать хотя бы одного раба или рабыню.

рабыни они объясняют тем, что мужчины-рабы, имеющие какую-то профессию, могли жить вне дома хозяина и не включались в апографы, а также тем, что среди подкидываемых детей, обращавшихся в рабов, преобладали девочки.

⁹⁰ В одной из работ И. Бежуньской-Маловист высказывает предположение, что термин *οἰχογενής* по своему содержанию равнозначен понятию «раб по рождению». См. *Bieżuńska-Malowist I. Le recensement et le contrôle public des esclaves dans l'Egypte greco-romaine.* — In: *Proceedings of the Twelfth International Congress of Papyrology.* Toronto, 1970, p. 29—34.

⁹¹ *Bieżuńska-Malowist I. L'esclavage à Alexandrie...*, p. 293, 302. Это р. Оху. 3197, с текстом которого меня познакомил И. Ф. Фихман, когда книга уже была сдана в набор.

Вместе с тем из папирусов римского времени ясно видно отношение к рабам как к собственности, способной приносить доход. В завещаниях и брачных контрактах неоднократно встречается формула: такой-то завещает жене или предоставляет невесте *δοῦλεῖαν καὶ ἀποφοράς τῶν δούλων*, т. е. рабскую службу и доходы от рабов (р. Оху. 265; 489; 494; 496 и др.). Это означает, что использование рабов выходило за рамки домашнего хозяйства и даже вообще хозяйства рабовладельца, так как доставлять *ἀποφορά* рабовладельцу могли рабы, работавшие на посторонних лиц, и в первую очередь рабы, имевшие какую-то профессию, пользующуюся широким спросом у населения города или комы.

Так, Наркисс-цирюльник, раб Птолемея, жены Гераклида младшего, сына Марона, из Тебтуниса (р. Mich, 326), очевидно, обслуживал не только семью хозяйки, но и жителей комы и, следовательно, мог платить *ἀποφορά* своим хозяевам. Такие же отношения могли существовать между Сарапионом, сыном Сарапиона, из Оксиринха, и его рабом Аполлофаном, ткачом по профессии, умершим в отъезде (р. Оху. 262, 61 г.).

Интересно в этом плане письмо Теону от его сына Нила (р. Оху. 2190, конец I в.), отправленного для обучения (?) в Александрию. Нил жалуется отцу, что сбежал раб Гераклас, который был отправлен вместе с ним для того, чтобы зарабатывать деньги для Нила. Предполагая, что раб вернулся к Теону, Нил просит отца или вернуть ему Геракласа, или заставить его работать у плотника, где молодой раб может заработать до 2 драхм в день, или у какого-либо другого ремесленника, и заработанные рабом деньги посылать ему, Нилу. Как видим, в этом случае на заработки отправляют раба, не имеющего никакой профессии: Гераклас, по-видимому, должен был наниматься поденщиком и таким способом зарабатывать на содержание своего молодого хозяина и себя. Возможно, что такая форма эксплуатации была не единичным явлением.

И. Бежуньска-Маловист, исследуя вопрос о рабах, уплачивающих *ἀποφορά*, отмечает, что в Египте их положение было несколько иным, чем в Греции: они оставались жить у хозяина, зарабатывая деньги на стороне⁹². Она связывает эту форму эксплуатации с малоимущими рабовладельцами и считает, что они составляли значительную прослойку, поскольку в «Гномон идиос логос» есть специальное предписание (§ 61), смягчающее наказание за уклонение от регистрации рабов тех лиц, у кого нет другого имущества, кроме рабов⁹³.

Можно согласиться с тем, что именно малоимущие рабовладельцы чаще всего использовали рабов таким образом, но в папирусах нередко встречаются и упоминания о рабах, живущих отдельно от

⁹² Biežuńska-Matowist I. Les esclaves payant l' *ἀποφορά* dans l'Égypte gréco-romaine.— JJP, XV, 1965, p. 65—72.

⁹³ Ibidem; см. также: Biežuńska-Matowist I. Les esclaves nés dans la maison..., p. 147—162.

своих хозяев. Так, в списке лиц из других ком, проживающих в Филадельфии (Фаюм), назван Петесух, раб Аполлония (р. Cornell, 22, начало I в.), но хозяин его в этом списке, насчитывающем 125 человек, не числится; не указана и профессия Петесуха, хотя среди свободных многие названы по профессии.

В налоговых ведомостях из Караниды от 171—174 гг. в числе плательщиков лаографии (поголовного налога, взимавшегося с мужчин в размере 44 драхм) неоднократно записаны Герматион, раб Исидора-Лонгина (р. Mich. 223, стк. 22, 596, 1432; 224, стк. 445, 1118, 2991, 4506; 225, стк. 974, 1718, 2923), Гермес, раб Сатурнилы Нигерина (р. Mich. 224, стк. 1358, 2541, 5486) и Сарапион, раб Сира-Птолемея (р. Mich. 224, стк. 1016, 1539, 3849, 5136, 5251, 5364, 5643, 5730), однако имена их хозяев ни разу в ведомостях не встречаются. По-видимому, все эти рабы жили отдельно от своих хозяев и, следовательно, либо платили *ἀποφορά*, либо были сданы в аренду или ученичество.

Изучение имен в ведомости из Караниды позволяет предположить, что существовали какие-то связи между названными рабами и жителями Караниды. Например, Герматион, раб Исидора-Лонгина, в большинстве случаев платит лаографию вместе с Лонгином-Гемеллом, *ἀπάτορος* (за исключением р. Mich. 225, стк. 974 и 2923), и каждый раз одинаковые с ним суммы. Лонгин-Гемелл, кроме того, платит налог на масло (или масличные культуры?) 104 драхмы 4 обола (р. Mich. 224, стк. 6301-6304). Постоянство в сочетании имен, необычайно большой налог, свидетельствующий о связи Лонгина-Гемелла с производством масла, позволяют предположить или наличие аренды раба, или каких-то других экономических отношений между Лонгином-Гемеллом, *ἀπάτορος*, т. е. «не имеющим отца», и хозяином раба Исидором-Лонгином (может быть, некоторое совпадение имен не случайно?).

Раб Сатурнилы Нигерина Гермес, относительно которого в одном случае есть пометка *ῥένορος πειρατικός* (р. Mich. 224, стк. 2541), т. е. «пиратского происхождения», всегда платит лаографию вместе с Сереном, сыном Сократа и Сатурнилайны. Здесь можно предположить существование каких-то семейных связей: Сатурнил Нигерин, вероятно, был родственником Серена по матери и временно (пометки об уплате налога встречаются только с фаменота 172 г. по фаофи 173 г.) отдал своего раба родственникам (в залог или в аренду?). Лишь в отношении раба Сарапиона, сына рабыни Таисатос, принадлежащего Сиру-Птолемею, нельзя проследить какого-то постоянства в сочетании имен. Возможно, он был каким-то ремесленником, работавшим на заказ и платившим хозяину *ἀποφορά*.

И. Бежуньска-Маловист отмечает, что термин *ἀποφορά* употреблялся для обозначения отношений между хозяином и рабом, работающим у третьего лица и таким путем доставляющим доход хозяину. Отношения же, возникающие между нанимателем и хозяином раба, особенно если они оформлялись письменным договором, обозначались в папирусах как *μίσθωσις* и в современной историко-юриди-

ческой литературе трактуются как аренда раба⁹⁴. Именно так, например, рассматривает И. Херрман наем рабынь-кормилиц⁹⁵, хотя, судя по сохранившимся документам (р. Оху. 91; BGU, 859, 1058; 1109, 1111; 1112), рабыни-кормилицы на протяжении всего срока договора (т. е. в течение одного-двух лет) обычно продолжали жить у своего хозяина и, по-видимому, помимо ухода за ребенком, продолжали выполнять какую-то домашнюю работу для хозяина или хозяйки. Вся материальная ответственность за ребенка (рабского или свободного статуса), взятого для вскармливания, возлагалась, согласно договору, на хозяина рабыни, он же получал плату за содержание рабыни и ребенка ($\tau\acute{\alpha}$ τροφεῖα καὶ τῇν ἄλλην δαπάνην) в течение обусловленного соглашением срока.

Помимо сдачи в наем рабынь-кормилиц, практиковалась, судя по приведенному выше письму Нила к Теону, сдача рабов в наем к разного рода ремесленникам в качестве подсобных рабочих. Прямым свидетельством этого служит р. Wisc. 5 (Оксиринх, 186 г.), содержащий договор о найме ткачом сроком на 1 год рабыни Тапонтос с уплатой ее хозяину 480 драхм, т. е. по 1 драхме 1 оболу в день (при драхме = 7 оболам). В течение года рабыне предоставляется лишь 8 праздничных дней, каждый день от восхода до захода солнца она должна находиться у ткача, хозяину предоставляется право пользоваться ее трудом (для выпечки хлеба) лишь в ночное время.

Очень близки по своему содержанию к соглашениям о сдаче рабов в аренду и некоторые договора об обучении ткацкому ремеслу⁹⁶. Они существенно отличаются от других соглашений об ученичестве, например от договоров об обучении рабов профессии музыканта (BGU, 1125, 13 г. до н. э.) или писца (р. Оху. 724, 155 г.), согласно которым хозяин раба не только содержал раба, но и оплачивал его обучение. В соглашениях же между мастером-ткачом и хозяином раба или рабыни, отданных в ученичество (см. р. Mich. 346; PSI, 241; 710; р. Оху. 725; 1647 и др.), обычно заключавшихся на длительный срок (2,5—5 лет), обычно предусматривается, что хозяин кормит и одевает раба на протяжении всего срока договора; раб или рабыня должны находиться у ткача весь день с восхода до захода солнца и выполнять все его поручения; определяется количество праздничных дней и оговаривается, что в случае превышения числа нерабочих дней (по болезни или какой-то другой причине) на соответствующее количество дней удлиняется срок договора. По истечении некоторого времени (а иногда с первого месяца) ученику, уже приобретшему ремесленные навыки, мастер выплачивает ежемесячно какую-то сумму. Например, по договору между Платонис-Офеллией, хозяйкой рабыни Термутион, и ткачом Луцием, сыном Иснона, из Афродисия (Микро Оазис), заключенному на 4 года, ткач обязуется не только обучить рабыню, но и оплачивать ее

⁹⁴ Bieżuńska-Malowist I. Les esclaves payant..., p. 68—69.

⁹⁵ Herrman J. Die Ammenverträge..., p. 490—499.

⁹⁶ См. Wipszycka E. L'industrie textile dans l'Égypte romaine. Warszawa, 1964, p. 58—59.

труд на первом году обучения по 8 драм в месяц, а затем ежегодно прибавлять по 4 драмы в месяц (р. Оху. 1647, конец II в.). По договору между Исхирионом, сыном Геродиана, из Оксиринха, и ткачом Геракласом, сыном Сарапиона-Леона (р. Оху. 725, 183 г.), отданный в обучение на пять лет παῖς Тонис через два с половиной года должен получать ежемесячно по 12 драм. Вероятно, такой же характер носил и договор об обучении Птолемея, раба ветерана Аврелия Сентия, у чесальщика шерсти Теона, сына Оригена, из Оксиринха, заключенный на 3 года (BGU, 1021, III в.)

Рассмотренные соглашения датируются преимущественно концом II в. и позднее, так как, очевидно, с этого времени ремесленники начали испытывать трудности с наймом подсобных работников. Вероятно, этим следует объяснить длительность срока договора и клаузулу об оплате труда обучаемого раба. Таким образом, соглашения об обучении рабов стали выгодны обеим сторонам: ремесленники получали на длительный срок сравнительно дешевого подсобного работника, а хозяева — постоянный доход от раба, начиная с раннего возраста⁹⁷. Дело в том, что учиться ремеслу отдавали преимущественно рабов-подростков. Так, Аврелий Сильван-Посис отдает в обучение ткачеству рабыню Нику в 14-летнем возрасте (PSI, 241, Антинополь, III в.). По договору между Исхирионом и ткачом Геракласом (р. Оху. 725), с каждым годом возрастает цена туники, которую должен выдавать хозяин отданному в обучение Тонису, что, вероятно, связано с ростом и возмужанием мальчика.

Однако владельцы рабов видели в них не только источник дохода, но и некоторую ценность, материализованный денежный капитал, который можно реализовать, продав раба или заложив его. В письмах и даже в завещаниях нередко встречаются распоряжения продать рабов для уплаты долгов или недоимок⁹⁸. Сохранилось также значительное количество документов о залоге рабов, начиная с эпохи Августа, из разных районов хоры и из Александрии.

Так, из архива Протарха дошли два соглашения о займе денег под залог рабов (BGU, 1147; 1149) и два документа о погашении долга и возвращении рабов (BGU, 1150; 1152). Наиболее важен, пожалуй, договор от 13 г. до н. э. (BGU, 1147=Mit. Chr., 103), согласно которому Эйрена, дочь Патрокла, взяла в долг у Дионисия, сына Дионисия, 600 серебряных драм на 6 месяцев под залог рабыни Эротии с уплатой процентов по 3 обола на мину в месяц. Из других документов этого времени и из «Гномон идиос логос» известно, что римляне установили в Египте ростовщический процент — 12% в год, т. е. 1 драхма на мину в месяц (на практике встречается и больше). В приведенном выше соглашении ростовщический процент в два раза меньше обычного, следовательно, он установлен с учетом труда рабыни на кредитора, который оценивался в 3 драмы (по 3

⁹⁷ См. *Фихман И. Ф.* Египет на рубеже двух эпох. М., 1965, с. 77. См. также приведенный им перечень работ, посвященных изучению соглашений об обучении ремеслу (с. 78).

⁹⁸ См. выше, стр. 138, а также р. Оху. 493,

обола с каждой из 6 мин) в месяц. В другом соглашении (BGU, 1149) под залог раба получена сумма в 328 драхм на 2 месяца и проценты не упоминаются.

Документы о возвращении долга сообщают, что в одном случае под залог двух рабов была получена сумма в 1000 драхм, в другом — под залог одного раба — 500 драхм, но расчет должника с кредитором был произведен лишь через 10—11 лет! (BGU, 1152). В обоих случаях отмечается, что должник вернул долг и проценты и получил обратно заложенного раба.

Интересную и разнообразную информацию о залоге рабов дают более поздние папирусы. Мы узнаем, например, что в середине II в. для получения в долг суммы в 1200 драхм недостаточно заложить двух рабов (в том числе одну ткачиху), закладываются также 8 арур земли (р. Lond. 311 = Mit. Chr., 237). Сохранилось также извлечение из отчета о судебном процессе по поводу невозвращения наследником кредитора заложенных рабов, несмотря на уплату долга и процентов; при этом цитируется рескрипт в связи с аналогичным случаем, предписывающий возвратить заложенных рабов их хозяину, расплатившемуся с долгом (р. Tebt. 286 = Mit. Chr., 83, 121—138 гг.). В другом документе сообщается о залоге неким Филантином, сыном Гераклида, рабыни, принадлежавшей ему совместно с братьями, что вызвало жалобу его братьев-совладельцев, адресованную властям (SB, 7363). В объяснительной записке Филантиной утверждает, что он заложил лишь $\frac{1}{3}$ рабыни, и если не выкупит и не вернет братьям рабыню в надлежащий срок, то отдаст половину полученной под залог суммы (SB, 7364).

В PSI, 1228 (188 г.) также упоминается о залоге доли рабовладения: отпущенница Татрес сначала заложила за 140 драхм принадлежащую ей $\frac{1}{2}$ часть девочки-рабыни, находящейся еще у кормилицы, а затем продала свою долю владения за 320 драхм и погасила долг. Залог рабов, как и другие имущественные сделки, регистрировался в местном графeyоне (см. р. Mich. 238; BGU, 567).

Наконец, папирусы позволяют проследить, что происходит с залогом в случае неуплаты долга: в р. Оху. 485 (178 г.) вольноотпущенник Серен, предоставивший в долг Сарапиаде, дочери Подона, 900 драхм с уплатой 12% годовых и под залог рабыни Сарапиады, заявляет иерею и архидиаксту Оксиринху, а через него стратегу нома, что срок ссуды истек, что он, Серен, вступает во владение рабыней и просит, очевидно, санкционировать его действия и довести это до сведения должницы. Но чаще, по-видимому, заем пролонгировался, заложенный раб продолжал отрабатывать ростовщический процент (см. BGU, 1152).

Итак, приведенный материал свидетельствует о том, что хозяева широко использовали рабов как имущество, обладающее определенной ценностью и одновременно способностью приносить доход, помимо использования его в хозяйстве рабовладельца. Попытаемся теперь выяснить, какую роль играли рабы внутри хозяйства их владельцев.

Несомненно, что рабы, имевшие какую-то ремесленную профессию, в первую очередь обслуживали семью своего хозяина. Наиболее часто встречаются в папирусах упоминания о рабах-ткачах или ткачихах (γερδίας, γερδαίαινα) (см. р. Mich, 346; р. Оху. 262, 725; 1647; р. Lond. 311; SB, 8263; р. Wisc. 5; PSI, 241; 1154; BGU, 617). Эта профессия была самой распространенной и среди свободных ремесленников в египетской хоре⁹⁹, так как потребность в одежде была постоянной, а ткачество требовало специальных навыков и было весьма трудоемким процессом при низкой производительности труда. Число ткачей, в том числе рабов, в некоторых комах было значительным. Например, в ведомости по сбору налога с ткачей (γερδιαχόν) из Тебтуниса (PSI, 1154, II в.) в трех сравнительно хорошо сохранившихся колонках (всего в папирусе 6 колонок) названы 27 человек, из них 7 рабов и 3 рабыни, т. е. более одной трети ткачей были рабского статуса.

Судя по тому, что среди отпущенников также немало ткачей (см. р. Оху. 984, 309; BGU, 1564; PSI, 1154 и др.) можно сделать вывод, что эта профессия давала возможность рабам добиться известного благосостояния и выкупиться на свободу. Об этом же свидетельствует и возможность брака между рабом-ткачом и свободной женщиной, о чем сообщается в апографе II в. из Арсиноитского нома (SB, 8263): раб Диоскор, ткач, 29 лет, принадлежащий дочерям Пасиона Лаберии и Горайанес, имеет жену Алексуту (дочь Герма и Тасухарион) и троих детей свободного статуса; вся его семья жила в доме Лаберии. Рабы-ткачи могли жить и отдельно от хозяев, уплачивая ἀποφορά, но, учитывая трудности приобретения жилья в египетских поселениях, вероятнее предположить, что в большинстве случаев они жили в доме своего господина, которому как правило принадлежал и ткацкий инструмент (см. р. Оху. 1035, 143 г.).

Кроме рабов-ткачей в папирусах встречаются отдельные упоминания о рабах других профессий — чесальщике шерсти (κτηνιστής — BGU, 1021, III в.), цирюльнике (χορρεύς — р. Mich, 326, 48 г.), погонщиках ослов (ὄνηλάτης — р. Mich, 326; р. Prag.-Wessel., I, III в.), поваре (μάγειρος — р. Flor. 271, III в.), писце (р. Оху. 724, 155 г.) и даже музыканте (BGU, 1125, 13 г. до н. э.), но в подавляющем количестве документов профессия раба или рабыни не указывается. В апографе из Оксирина по поводу рабов нередко встречаются пометки: ἄτεχνος («не обученный»).

В мелком рабовладельческом хозяйстве, где господа сами участвовали в производственном процессе, а рабская «фамилия» насчитывала не более 10 человек, не было потребности в узкой специализации раба или рабыни. Функции их были многообразны, так как они должны были выполнять всю наиболее тяжелую и примитивную работу по дому, в мастерской или на поле в зависимости от того, были их хозяева ремесленниками или земледельцами, или тем и другим одновременно. Выше уже говорилось, что рабыне, отданной

⁹⁹ См. Фихман И. Ф. Египет на рубеже двух эпох, с. 62.

в наем ткачу, в свободное от работы время приходилось печь хлеб для господина. И даже в более или менее крупных хозяйствах можно обнаружить разное использование одного и того же раба.

Вопрос о месте рабского труда в сельском хозяйстве римского Египта наиболее сложный и слабо разработанный в литературе. Прямых свидетельств использования труда рабов в земледелии очень мало. Это прежде всего документы о выполнении рабами повинности по ремонту оросительной системы, датируемые преимущественно II в. О практике использования рабов на ирригационных работах свидетельствует, например, фрагмент петиции жрецов из Фаюма (BGU, 176 = W. Chr., 83, время Адриана), авторы которой жалуются, что их рабов привлекают к работам на плотинах, хотя жрецы этого храма освобождены от ирригационной повинности¹⁰⁰.

Среди папирусов и острака, содержащих удостоверения о выполнении повинности на ирригационных работах¹⁰¹, встречаются документы, где указывается, что раб такого-то либо такой-то работал на ирригационных объектах в течение того или иного срока (PSI, 1110; р. Lond. 325).

Сохранился также огромный список (так называемая *Charta Borgiana* — см. SB, 5124) жителей Тебтуниса и его округа, работавших в 192 г. на ремонте оросительной системы, среди которых числятся рабы и вольноотпущенники. Однако, против ожиданий, их очень мало: из более чем 350 человек, указанных в списке, лишь 12 рабов и один вольноотпущенник. Возможно, что среди лиц, названных по профессии, могли быть вольноотпущенники, статус которых не отмечен. Возможно также, что в списке названы лишь рабы, жившие отдельно от хозяев, в действительности же на каналах и дамбах работало значительно больше рабов, но это не более, чем гипотеза. Можно лишь сослаться на один документ III в. (BGU, 1634), где соотношение свободных и рабов совсем иное: в докладной записке амфодограмматевса о числе жителей Филадельфии, обязанных отработать в 9 году правления Александра Севера (230 г.) ирригационную повинность за прошедший год, указывается в числе 40 должников 6 рабов.

Помимо земляных работ, при ремонте, на ирригационной сети выполнялась еще одна работа, утомительная и однообразная, требовавшая лишь физической силы и выносливости, где, несомненно, применялся рабский труд, — это работа на шадуфах. Подтвержде-

¹⁰⁰ В толковании этого папируса я следую У. Вилькену. О возможности иного толкования см. *Bonneau D. Esclavage et irrigation d'après la documentation papyrologique.* — In: *Actes du colloque 1973 sur l'esclavage.* Paris, 1976, p. 320—321.

¹⁰¹ См. *Sijpensteijn P. J. Penthemeros-certificates in greco-roman Egypt.* Lugduno — Batava, 1964; см. также: *Bonneau D.*, *Op. cit.*, p. 323—324, п. 12, где перечислены удостоверения о выполнении ирригационной повинности рабами. По подсчетам Бонно из приблизительно 400 известных к настоящему времени удостоверений лишь в 14 упоминаются рабы.

нием могут служить росписи гробниц фараоновского времени (например, роспись гробницы Ипуи в Фивах XIX династии¹⁰²); однако в письменных памятниках эллинистического и римского времени трудно найти достаточно определенные свидетельства, что именно рабы обслуживали шадуфы и другие оросительные приспособления. Наиболее интересен в этом отношении р. Lond. 131, тот самый знаменитый папирус, на обороте которого сохранился текст «Афинской политики» Аристотеля (= SB, 9699).

Лицевая сторона папируса содержит помесечные отчеты Дидима, сына Аспазия, управлявшего хозяйством Эпимаха, сына Полидевка, в его имении в Гермопольском номе, за период с 1 тота по 15 пахонса одиннадцатого года правления императора Веспасиана (август 78 — май 79 г.). В отчетах указываются суммы, полученные Дидимом в течение каждого месяца от Эпимаха либо от продажи хлеба или вина, и ежедневные расходы на оплату разного рода работ с детальным перечислением работников и исполняемых ими операций¹⁰³.

В хозяйство, которым ведал Дидим, входили земли основной усадьбы (χωρίον), включавшей дом и хозяйственные постройки, сад, виноградник и пальмовую рощу, и еще 10 участков пахотной (?) земли площадью от 2 до 12 арур. А. Швидерек, детально проанализировавшая этот документ, считает, что во владении Эпимаха находилось около 50 арур земли¹⁰⁴. Работников, упоминаемых в отчетах Дидима, А. Швидерек делит на три группы: а) наемных поденщиков — взрослых (ἐργάται) и подростков (παῖδες); б) постоянных работников, не получающих плату и названных поименно (их статус она затрудняется определить)¹⁰⁵; в) безымянных постоянных работников, не получающих платы, очевидно, рабского статуса¹⁰⁶. По ее подсчетам, число поденщиков в хозяйстве Эпимаха колеблется от одного до 19-20 человек, лишь в редкие дни они совсем не упоминаются в отчетах Дидима. Поденщики работали на прополке, выдергивании тростника, укреплении плотин, подготовке земли к посеву, на жатве и молотье, причем нередко под надзором постоянных работников. Оплата труда взрослого поденщика колеблется от 2 до 5-6 оболов в день в зависимости от характера работы и времени года. Так как, помимо поденщиков, ежедневно на сельскохозяйственных работах было занято еще 4-5 постоянных работников, получает-

¹⁰² См. *Scheil V.* Le tombeau d'Apui. Mémoires de la mission archéologique française au Caire. Paris, 1889, v. V, tabl. 1.

¹⁰³ Папирус неоднократно комментировался, см., например, *Schnebel M.* Die Landwirtschaft im hellenistischen Ägypten. München, 1925; *Johnson A. Ch.* Op. cit., p. 177—207.

¹⁰⁴ *Swiderek A.* Prywatny mayatek ziemski w Egipci Wespazyana. Warszawa, 1957, p. 71.

¹⁰⁵ В литературе на этот счет существуют разные мнения; одни считают пятерых постоянных работников рабами (см. *Ранович А. Б.* Восточные провинции Римской империи. М.—Л., 1949, с. 204), другие свободными (см. *Schnebel M.* Op. cit., p. 64).

¹⁰⁶ *Swiderek A.* Op. cit., p. 96—107.

ся, что в хозяйстве Эпимаха периодически одновременно трудилось до 15-25 человек.

Согласно отчетам, на протяжении почти трех месяцев одним из основных видов работы было орошение земли: начиная с 1 тота (29 августа) и до 26 атюра (22 ноября) изо дня в день 3-4 постоянных работника и 1-2 поденщика занимались орошением основных земель усадьбы, а в последующие месяцы вплоть до начала мехира эпизодически 1-2 постоянных работника и 2-3 поденщика орошали другие участки. Для обозначения этой работы Дидим употребляет термин ἀντλεῖν — «вычерпывать», и, очевидно, речь идет о работе на шадуфах. Кроме того, в отчете упоминается ὄρῳον, т. е. водяное колесо, которое обслуживают те же лица.

Таким образом, орошение возлагалось прежде всего на постоянных работников. Что же представляли собой эти люди? Двое из них были, очевидно, свободными, так как Дидим их постоянно называет с добавлением имени отца: это Гор, сын Гора, и Эпимах, сын Пахнутиса. Относительно последнего известно также, что он является арендатором пальмовой рощи в восточной части хорион (стк. 187—189). Гор работал только на орошении хорион ровно три месяца — с 1 тота по 1 тюби, затем он исчезает из счетов.

Сложнее выяснить статус двух других постоянных работников. Один из них — Амбрион — несколько раз назван огородником (см. р. Lond. 131, стк. 186, 269, 630). Помимо работы на шадуфе, он выполнял и другие поручения: с 6—9 καῖδες он занимался прополкой виноградника и огорода, подрезывал виноградную лозу, ремонтировал или сооружал шадуф в Томиде, работал в винограднике, обслуживал оросительный механизм, строил гелиастерий, чистил колодец и канал. Так же многообразны функции Фибиса: кроме орошения, чем он занимался почти непрерывно с 1 тота до 26 атюра, Фибис переносил деревья, работал при бане, подрезал виноградную лозу, доставлял навоз, занимался орошением других участков, молотил хлеб на разных участках вместе с поденщиками, возил солому и т. п. Иногда Амбрион и Фибис получали небольшие суммы от Дидима, по указанию Эпимаха, на какие-то цели или за что-то, но не в качестве регулярной оплаты. Несмотря на обилие сведений о деятельности Амбриона и Фибиса, нельзя сделать определенного вывода о правовом статусе этих лиц. На основании того факта, что они исполняют самые разнообразные функции в хозяйстве Эпимаха, можно лишь предположить, что они в какой-то мере зависят от хозяина имения, который может использовать их труд по своему усмотрению любым способом. Это может быть и зависимость типа парамонэ¹⁰⁷, и прямое рабство. Можно также с большой долей вероятности предполагать, что их статус был ниже, чем статус Гора,

¹⁰⁷ В тебтюнских папирусах из мичиганской коллекции сохранились соглашения о парамонэ, в которых парамонарий обязывается делать все, что ему предпишет кредитор: см. р. Mich. 241. О значении термина «парамонэ» в папирусах см. Samuel A. E. The Role of Paramone Clauses in Ancient Documents.— JJP, XV, 1965, p. 247—254, 295—306.

сына Гора, и Эпимаха, сына Пахнутиса, хотя фактически в хозяйстве Эпимаха они занимали, может быть, даже более привилегированное положение: их связь с хозяином имения была более тесной.

Что касается третьей группы — безымянных постоянных работников, которых Швидерек относит к рабам, сведения о ней так скудны; что трудно сказать что-либо определенное об их роли в хозяйстве Эпимаха. К сожалению, пока не известны другие документы, относящиеся к лицам, упомянутым в р. Lond. 131.

Итак, при всем богатстве содержания, р. Lond. 131 дал сравнительно скудную информацию о применении рабского труда в земледельческом хозяйстве. Гораздо больше можно почерпнуть из папирусов, относящихся к сравнительно крупным хозяйствам, от которых сохранились архивы, содержащие деловую переписку и документы хозяйственной отчетности, составленные управляющими для владельцев земли. Папирологи выявили несколько крупных архивов римского времени, но наибольший интерес для нас представляют документы, принадлежащие семье Сарапиона, сына Евтихида, из Гермополя ¹⁰⁸, датируемые годами правления императоров Траяна и Адриана (в основном 102—133 гг.), и архивы Эйренея и Геронина, фронтистов (попечителей, управляющих) крупных поместий в Фаюме ¹⁰⁹, охватывающие период от середины 40-х до середины 60-х годов III в.

Ж. Шварц, тщательно изучивший архив Сарапиона, считает ¹¹⁰, что его семья относилась к числу богатых жителей Гермополя, хотя, по-видимому, не принадлежала к аристократии (т. е. к *οἱ ἀπὸ τοῦ θυμνασίου*). Сарапиону, его жене и сыновьям принадлежали большой дом с амбарами в Гермополе, усадьбы в коме Магдола Мире (с садом и винодельческим заведением) и, возможно, в других местах, виноградики, пахотные земли (около 50 аур), большие стада овец. Кроме того, Сарапион арендовал около 200 аур земли, принадлежавшей римлянам, жившим в Александрии. По подсчетам Шварца, годовой доход Сарапиона составлял около 2500 драхм.

К сожалению, документы из архива Сарапиона и его сыновей содержат очень мало сведений о составе принадлежавшей им рабской фамилии. В переписке и счетах упоминаются лишь имена 7-9 рабов-мужчин и одной рабыни (р. Saгар. 62, стк. 95). Возможно, рабыней была и кормилица Таибис (р. Saгар. 55, стк. 28; 56, стк. 30). Так как обычно в рабских фамилиях в Египте женщин столько же или даже несколько больше, чем мужчин, то можно предполагать, что семья Сарапиона имела не менее 20 рабов. Некоторые из них, по-видимому, жили более или менее постоянно в усадьбе в коме Магдола Мире, остальные в Гермополе.

Так, имена рабов Абасканта и Эпафродита упоминаются лишь в связи с уплатой налогов (возможно, лаографии) (р. Saгар. 79e),

¹⁰⁸ См. *Schwartz J.* Op. cit., где опубликованы 103 документа из этого архива.

¹⁰⁹ Архив Геронина опубликован главным образом в р. Flor., II—III и р. Wessely-Prag., отдельные документы есть в р. Lond., р. Ryl., PSI.

¹¹⁰ *Schwartz J.* Op. cit., p. 338—345.

Аммония, Ахиллеуса, Дионисия посылают с различными поручениями в усадьбу, с ними пересылают продукты, передают деньги и письма (р. Saгар. 81; 82; 83; 84а и др.), а рабы Каллист и Аполлинарий упоминаются преимущественно в документах, относящихся к эксплуатации земель в Магдола Мире. Аполлинарий получает деньги на какие-то расходы в тезавре (р. Saгар. 55), выплачивает деньги сторожу ячменя (р. Saгар. 68). Каллист неоднократно упоминается в счетах на оплату труда наемных работников: в счете Пекусиса за срезание и шелушение чечевицы (р. Saгар. 72, col. II) дважды помечено, что он получал деньги от Каллиста; в р. Saгар. 68 Аполлинарий и Каллист выплачивают небольшие суммы за какие-то работы, один раз даже прямо на поле (ἐν ἀγρῶς). Вероятно, они не только выдавали плату наемным работникам, но и осуществляли надзор за их работой. Кроме этих доверенных слуг, в усадьбе были, по-видимому, и рабы, используемые только в качестве рабочих.

Характеризуя хозяйственную деятельность семьи Сарапиона, Шварц пишет, что существенным источником их благосостояния была земля, их собственная и арендованная, которую они или сдавали в аренду, или обрабатывали сами ¹¹¹, т. е., очевидно, силами своих рабов и наемных работников. О наличии в усадьбах, принадлежащих семье Сарапиона, постоянных работников свидетельствует один из договоров о найме жнецов: в р. Saгар. 51 обуславливается, что для жатвы на участке в 130 арур в помощь 10 нанятым жнецам Евтихид, сын Сарапиона, дает еще 3 жнецов. В счете на какие-то уборочные работы (очевидно, жатву — р. Saгар. 72, v., col. III) указывается, что в фамеотхе 128 г. на одном из клеров работали чужие (ξένοι), которым за 49 человеко-дней выплачено 42 драхмы (по 6 оболов в день при драхме, равной 7 оболам), и 2 человека «своих» (ἴδιοι ἄνδρες), не получавших никакой платы.

Близок по времени и содержанию к этому счету фрагмент ведомости или табеля (р. Saгар. 69), в котором ежедневно отмечается общее число работавших на том или ином клере, число наемных работников (по 6 оболов за человеко-день) и число «своих» (ἴδιοι), неоплачиваемых. Каждый день «своих» работало только 2 человека, и они названы по именам: Ματκλῆς и Χιχῶς. Манклес упоминается также в связи с полевыми работами в р. Saгар. 68, col. IV и 72, ч., col. I. Хихюиса издатели отождествляют с Хихойсом, сыном Кулота (см. р. Saгар. 55, стк. 25 и 71, г., стк. 4; v., II, стк. 1) ¹¹². Но хотя имя Χιχῶς можно рассматривать как неправильное написание Χιχῶς, едва ли есть основания для такого отождествления, так как по отношению к Хихойсу обозначение ἴδιοι ни разу не применяется, а ситуации, в которых он фигурирует, характерны для наемных, оплачиваемых работников (см. р. Saгар. 71, v., col. II).

Манклеса, Хихюиса и Лихноса, упомянутого в числе ἴδιοι во

¹¹¹ Schwartz J. Op. cit., p. 342.

¹¹² См. примечания к р. Amh. 126 = р. Saгар. 55 и прим. к р. Saгар. 69.

фрагменте р. Сагар. 72, г., col. 1, Шварц характеризует как постоянных сельскохозяйственных рабочих (*les ouvriers agricoles à demeure*)¹¹³. Но если отказаться от отождествления Хихюиса и Хихойса, сына Кулота, то с одинаковой вероятностью можно отнести этих трех людей и к наемным работникам (возможно, парамонариям), и к принадлежащим Сарапиону рабам.

В контрактах и счетах на оплату поденных наемных работников (*ἐργάται*) называются лишь сезонные работы, связанные с уборкой урожая — жатвой, молотью, уборкой кормовых трав, чечевицы, фасоли, арака. Труд поденщиков оплачивался сравнительно высоко — по 4-6 оболов в день. Так как совершенно отсутствуют счета на обработку земли и посев, очевидно, эти работы производились силами постоянных работников — рабов или свободных. Кроме поденщиков, в документах неоднократно упоминаются работники свободного статуса: Пекусис, от имени которого составлены небольшие счета на работы, Хихойс, сын Кулота, пастух Пасхей, за которого платят грамматикон, а также буколы и поймены (пастухи мелкого скота), погонщики ослов, сторожа, плотник и другие лица, статус которых не определяется. Всем им выплачиваются небольшие суммы денег, выдается пшеница. Таким образом, можно предполагать, что в хозяйстве Сарапиона на полевых работах и в скотоводстве использовался и труд рабов, и труд свободных, связанных с ним какими-то долгосрочными договорами или обязательствами.

Примерно те же формы эксплуатации труда можно проследить в крупных хозяйствах в Фаюме в середине III в. по архивам Эйренея и Геронина. Земли патримония сдавались в аренду крупными площадями богатым и влиятельным гражданам из Александрии или номовых центров, а те или передавали отдельные участки в субаренду, или вели их обработку своими средствами с помощью управляющих-фронтисов. Сохранившиеся документы из архивов фронтисов Эйренея и Геронина¹¹⁴ дают очень интересный материал о формах и методах ведения хозяйства на патримониальных землях, о взаимоотношениях фронтисов с местной администрацией и населением комы и со своими патронами — крупными кондукторами: экзегетом и гюмнасиархом Александрии Аппианом, булевтом и гимнасиархом Арсинополя Гераклидом и двоикетом *ταμιαὶ οὐδῖαι* Алипием.

Из всего комплекса вопросов, возникающих даже при беглом знакомстве с этими архивами, остановимся лишь на одном: о составе работников, используемых Эйрнеем и Геронином. При изучении документов прежде всего мы сталкиваемся с терминологическими трудностями. В счетах и переписке Эйренея и Геронина для обозначения работников и подчиненных им лиц употребляются термины *παῖδάριον*, *ἐργάται*, *οἰκέται* и *μετρηματοῖ* (последние два часто в сокра-

¹¹³ Schwartz J. Op. cit., p. 341.

¹¹⁴ К сожалению, эти архивы еще не собраны воедино подобно архиву Сарапиона и не подверглись всестороннему исследованию.

щенных формах: οἰκ и μετρη или μετρη). В папирусах римского времени παιδάριον — обычное обозначение раба в письмах и документах частного характера в контексте, не касающемся правового статуса человека. По-видимому, в таком же смысле это слово употребляется в письмах Геронина и его корреспондентов (см., например, р. Flor. 135; 150; 185; р. Wessely-Prag. 6). Термин ἐργάται («рабочие», «поденщики») во II—III вв. употребляется иногда в значении профессии или статуса человека: например, в двух апографы из Арсинои, датированных 189 г., мужчины, надлежащие переписи, называют себя ἐργάτης (BGU, 115; 116). В документах хозяйственной отчетности из архивов Эйренея и Геронина термин ἐργάτης применяется преимущественно в значении «поденный рабочий»: например, в р. Wessely-Prag. 2 в отчете Геронина за месяц Тотх 2 года Деция (250 г.) перечислены выплаты ἐργάταις за работы по насыпке дамб из расчета по 2 драхмы в день. Однако этот же термин употребляется иногда в смысле «человеко-день». Об этом свидетельствуют стк. 245—248 р. Wessely-Prag. 1, где говорится: Ἀπεργασία οἰκετῶν καὶ μετρηματῶν ἀριθμῶ δεκατεσσάρων τῶν ἀπὸ α' ἕως λ' οἱ γινόμενοι ἐργάται τετρακόσιοι εἴκοσι, т. е. «работа, которую выполнили ойкеты и метрематиаи в количестве 14 (человек) с 1 по 30, которые составляют (равняются) 420 эргатай»; далее идет перечисление участков и затраченных на них человеко-дней без указания оплаты. Ойкеты и метрематиаи в счетах Эйренея и Геронина неоднократно перечисляются поименно в связи с ежемесячными выплатами им жалования (οφώνιον) деньгами и продовольствием. Очевидно, это были постоянные работники, находившиеся в распоряжении фронтистов.

Термин «ойкет», употреблявшийся сравнительно часто в папирусах эллинистического времени, отсутствует в папирусах I—II вв. н. э., но с середины III в. вновь входит в употребление. Помимо интересующих нас архивов, он встречается в некоторых документах из Фаюма и Гераклеопольского нома. Так, в договоре на аренду земли из Фаюма, датированном 261 г. (SB, 5126), ветеран в почетной отставке Аврелий Юлий, сын Парменона, арендует на 3 года у Аврелии Термутарион-Героиды три участка земли, засаженные оливами, и один пальмовый совместно со своим ойкетом Аммоном (καὶ Ἀμμωνῶ οἰκετοῦ μοῦ). По-видимому, Аммон принадлежал к категории свободных людей, но едва ли был слугой, скорее это отпущенник или колон. Примерно в таком же смысле употребляется термин «ойкет» в папирусе из Теадельфии (SB, 4450), примыкающем к архивам Эйренея и Геронина. Это либеллум Аврелия Евпродокия, в котором он клянется, что почитает богов и принес им жертвы; себя он называет ойкетом Аврелия Аппиана, экзегета Александрии, приехавшим по делам в Теадельфию. Здесь термином «ойкет» Евпродокий как бы подчеркивает свою принадлежность к «дому» экзегета Аппиана, хотя по своему положению это свободный человек, может быть, доверенный слуга или отпущенник Аппиана.

Возможно, и в отчетах Эйренея и Геронина применение термина «ойкеты» обусловлено прежде всего стремлением отметить принад-

лежность определенной группы работников к «дому» их патронов Аппиана, Гераклида, Алупия. Переписка Геронина с лицами, стоящими выше его по служебной лестнице, говорит о том, что перемещением подчиненных ему ойкетов ведает не он, а патроны или близкие к ним лица (см. p. Wessely-Prag. 4; 5; p. Flor. 137; 150; 199).

Что касается социального положения ойкетов, то издатели склоняются к тому, чтобы считать их рабами. Наиболее обстоятельно этот вопрос рассмотрен Л. Варцлом¹¹⁵.

Изучая помесячные отчеты Эйренея, фронтиста Евгемерии, и Геронина, фронтиста Теадельфии, сохранившиеся в папирусах, принадлежащих Пражскому университету (p. Wessely-Prag.)¹¹⁶, Л. Варцл установил, что в поместьях, которыми ведали фронтисты, основной рабочей силой были две категории работников: ойкеты и свободные постоянные работники — *μετρηματῖαι*, называемые так потому, что получали не только денежную, но и натуральную плату (*μέτρημα*). Хотя Варцл переводит *οἰκέται* как Кнеchte («слуги»), он считает, что нет оснований сомневаться в их рабском статусе. *Μετρηματῖαι* Варцл переводит термином *Deputanten*, так как их положение, по его мнению, сходно с положением современных батраков, получающих часть зарплаты натурой. Всего Варцл насчитывает в распоряжении Эйренея 11 ойкетов и 15 депутатов, а у Геронина — 6 ойкетов и 13 депутатов. Различия между этими двумя группами отражаются, как он считает, в их именах (среди ойкетов преобладают греческие, среди депутатов — местные эллинизированные и египетские) и размерах помесячной оплаты. Сопоставляя число депутатов и рабов в отдельных документах, он утверждает, что первые численно преобладали. Отношения депутатов с администрацией и владельцами поместья Варцл расценивает как отношения индивидуального найма и видит в этом доказательство развития в Египте частнособственнических отношений.

Исследование Варцла, посвященное *μετρηματῖαι*, сняло целый ряд недоумений, связанных со встречающимися в счетах Эйренея и Геронина сокращенными обозначениями работников, но не со всеми его выводами можно согласиться. Едва ли имена ойкетов и метрематиаев могут служить доказательством свободного или рабского статуса работников, так как каких-либо закономерностей в в ономастике рабов в Египте проследить не удастся. Более доказательными кажутся сопоставления стоимости содержания этих двух категорий работников.

Все ойкеты у Эйренея независимо от специализации получают ежемесячно опсонион по 4 драхмы, 4 котилена масла, 1 монохорон (1/2 керамиона) вина и по 1 артабе хлеба. Метрематиаи получают та-

¹¹⁵ Varcl L. *Μετρηματῖαι*.— JJP, XI—XII, 1958, p. 97—110.

¹¹⁶ Varcl L. Z Heroneinovy korespondence.—«Listy filologické», 70 (1946), S. 273—286=SB, 9052—9064; 71 (1947), S. 177—185=SB, 9072—9083; *idem*. Aus den Archiven von Theadelphia.—«Listy filologické», 80 (1957); 81 (1958); 83 = 7 (1959); 8 (1960); 9 (1961)=SB, 9406—9415.

кое же количество хлеба и вина и двойную сумму денег — 8 драхм. Сведений о выдаче масла не сохранилось, есть лишь запись о выдаче масла Пуаресу из Теадельфии, упоминающемуся среди метрематиаев Геронина (р. Wessely-Prag. 1, стк. 186).

В счетах Геронина нет четкого выделения метрематиаев, в общем списке работников иногда указывается специальность, иногда принадлежность к ойкетам. Как и у Эйренея, выдача хлеба и вина одинакова для всех, а денежные выплаты очень разнятся. Ойкеты получают те же 4 драхмы (за исключением р. Wessely-Prag. 6), метрематиаи — от 8 до 60 драхм. Такие колебания в оплате, возможно, объясняются тем, что в отчетах Геронина имеются записи об уплате за некоторых из метрематиаев налогов представителям той или иной комы (Р. Wessely-Prag. 3, стк. 38—49; 4, стк. 32—44; 5, стк. 32—34; 6, стк. 36—45). К сожалению, эти данные неполны и трудно сказать, какие налоги и в каком размере выплачивали фронтисы за каждого из метрематиаев, но они, во-первых, служат бесспорным доказательством свободного статуса метрематиаев, а во-вторых, говорят о том, что оплата их труда в несколько раз превосходила оплату труда ойкетов той же специальности (погонщиков ослов, погонщиков быков, возчиков). Попробуем подсчитать на основании тех цен, которые имеются в отчетах, стоимость содержания ойкета в течение месяца. При цене пшеницы в 18 драхм за артабу (в среднем, ибо цены колеблются от 12 до 24 драхм, см. р. Wessely-Prag. 2—6), вина в среднем 12 драхм за монохорон (от 9 драхм 1 оболы до 18 драхм) и масла 2—4 драхмы за 1 котиле (тыквенного?)¹¹⁷ получается, что пропитание одного работника в месяц обходилось около 40 драхм. При этом следует заметить, что ойкеты иногда получали ячменный хлеб, хотя в отчетах всегда указывается пшеница (πύρος). Так, в р. Wessely-Prag. 10, стк. 32—35 о расходах ячменя говорится: τοῖς ἀρτοκόποις εἰς τὰ φύμια τῶν οἰκετῶν καὶ τῶν ποταμειτῶν, т. е. «пекарям на хлебцы для ойкетов и потамитов». Мизерный опсонийон — 4 драхмы и выдача ячменного хлеба подтверждают предположение о рабском статусе ойкетов. На это же указывает одно из распоряжений Алюпия (р. Flor. 135) о назначении содержания сыновьям раба (παῖδάριον) Сарапаммона Евдаймону и Полиону в размере по 1,5 артабы пшеницы, 4 котилена масла, 20 драхм опсонийона и 48 драхм в год на гиматисмон. Очевидно, ойкеты получали гиматисмон в тех же или меньших размерах, т. е. не больше 4 драхм в месяц. Следовательно, содержание ойкета в течение месяца составляло около 48 драхм.

Напомним, что поденщики (ἐργάται) получали, по отчетам фронтисов, от 2 до 4 драхм, и использование их труда в течение месяца обходилось в 60—120 драхм. Таким образом, наши подсчеты показывают, что наемный труд, особенно труд поденщиков, по-прежнему был сравнительно дорог. Поэтому едва ли правомерно делать вывод о преобладании наемного труда, исходя из численного преоблада-

¹¹⁷ Цены на масло см. Johnson A. Ch. Op. cit., p. 316—317.

ния метрематиаев. К тому же экономическое положение этой категории работников было, вероятно, достаточно тяжелым, судя по тому, что налоги за них выплачивают фронтисты, а сами они получают натуральное довольствие и незначительную денежную доплату. Повторение некоторых имен на протяжении нескольких лет говорит о том, что связи метрематиаев с хозяйствами, которыми ведали фронтисты, были достаточно прочными. И не следует ли предположить, что они подкреплялись какими-то отношениями зависимости?

Большинство метрематиаев имеет специализацию: это погонщики быков, ослов, верблюдов, пастухи (*βοῦκόλοι*), кучеры (*βαδιστηλάται*). Среди ойкетов также есть специалисты — погонщики быков и ослов, возчики (*καρῡάριοι*), сторожа деревьев (*ξύλοφύλακος*) и, вероятно, пекари. Но вместе с тем ойкеты и метрематиаи участвуют во всех полевых работах: подготовке участков к посеву (вспашке, рыхлении), в посеве, орошении, сборе урожая разных культур, жатве, молотье и веянии (см. p. Wessely-Prag. 1—17; p. Flor. 321—323; p. Lond. 1170 и др.). Участие в разных работах одного и того же ойкета можно проследить на примере Демеи, часто упоминающегося в архивах фронтистов. В письмах его называют то возчиком (*καρῡάριος* — p. Flor. 251), то погонщиком быков (*ταυρελάτος* — p. Flor. 145; 99); он возит дрова (p. Flor. 251), корабельный лес (p. Flor. 145), работает на возке снопов (p. Wessely-Prag. 17, стк. 128), вспашке (p. Wessely-Prag. 17, стк. 140), на поливке поля.

Вместе с ойкетами и метрематиаами периодически работают и поденщики на вырубке сухого (деревьев или лозы? — p. Wessely-Prag. 2, стк. 24), жатве (p. Wessely-Prag. 8, стк. 29—30), уборке урожая (p. Wessely-Prag. 3, стк. 92—103), упоминаются неоднократно присланные рабочие по ремонту оросительной системы (*ποταμειῖται* — p. Wessely-Prag. 10, стк. 30, 35, 40, 85; 2, стк. 15—20; p. Lond. 1170 и др.).

Итак, сопоставляя архивы фронтистов с архивом Сарапиона, можно сделать следующие выводы: в обоих типах хозяйств — и в имени средних размеров в начале II в., и в крупном земельном владении в середине III в. — применяются три категории рабочей силы: рабы-ойкеты, свободные постоянные работники и эпизодически нанимаемые поденщики. Если у Сарапиона рабы используются и в качестве рабочей силы, и в качестве надзирателей и доверенных лиц, то у фронтистов ойкеты — только рабочая сила, более или менее квалифицированная, помощниками же служат люди свободного статуса. Можно отметить также некоторые изменения в отношениях с постоянными наемными работниками. Если Сарапион выплачивал им по счетам деньги или пшеницу (p. Sarap. 72, г., col. III; 72, v., col. III) и, очевидно, они сами платили налоги, то метрематиаи получают от фронтистов постоянный опсоний деньгами и налоги государству платит за них наниматель, т. е. уже более отчетливо прослеживаются какие-то элементы зависимости от нанимателя. Причину всех изменений следует, как кажется, видеть не только в больших масштабах хозяйства, но и в общих тенденциях социально-эконо-

мического развития — упадке стоимости денег, нарастании сословной иерархии, развитии колонатных отношений.

Что касается мелких рабовладельческих хозяйств, то едва ли у них была возможность использовать поденщиков и метрематиаев. Естественно предположить, что в условиях, когда сами землевладельцы принимали участие в сельскохозяйственных работах, рабы составляли единственную подсобную рабочую силу. По налоговой ведомости из Караниды можно проследить, что хозяевами большинства упоминающихся там рабов были мелкие землевладельцы, платившие небольшие налоги с садов, виноградников и пахотных земель (см. р. Mich. 223, стк. 2063; 2444; 360, стк. 86—90). Но, к сожалению, по опубликованным до сих пор папирусам пока не удается представить, как использовались рабы в таких хозяйствах.

III. СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОВ

Вопрос о правовом положении рабов в греко-римском Египте неоднократно рассматривался в зарубежной историографии. Прежде всего следует назвать опубликованную еще в 1930 г. обстоятельную статью Р. Таубеншлага о правовых нормах, регулировавших положение рабов по данным папирусов¹¹⁸, где дана суммарная характеристика этих норм на протяжении эллинистического, римского и византийского периодов, т. е. более чем за тысячелетие. В ряде других статей¹¹⁹ и в сводной работе «Право греко-римского Египта в свете папирусов» Таубеншлаг также уделяет большое внимание правовому положению рабов¹²⁰, прослеживая при этом взаимодействие эллинистических и римских правовых норм. Некоторые аспекты этой проблемы затрагивались в работах Уэстермана, Аранжио-Руиса, Монтевеки, Хермана, Вольфа¹²¹ и других историков и юристов, исследовавших имущественное, семейное, уголовное, процессуальное право в греко-римском Египте, а также в комментариях и исследованиях, посвященных «Гномон идиос логос» и другим папирусам юридического характера римской эпохи. Ряд вопросов, связанных с правовым положением рабов, послужил предметом специальных исследований И. Бежуньской-Маловист: статус подкинутых детей, статус замороженных рабов, форма коллективной собственности на раба или рабов¹²².

¹¹⁸ *Taubenschlag R.* Das Sklavenrecht im Rechte der Papyri.—«Zeitschrift der Savigni-Stiftung», 50, 1930, S. 140—169 (=Opera minora, Bd. II, S. 223—257).

¹¹⁹ *Taubenschlag R.* Geschichte der Rezeption des römischen Privatrechts in Ägypten.— In: Opera minora, Bd. I, s. 181—289; о рабах см. S. 202—206; 235—238. *idem.* Die körperliche Züchtung im Rechte der Papyri.— Ibid., Bd. II, S. 737—741.

¹²⁰ *Taubenschlag R.* The Law..., p. 66—101.

¹²¹ SSGRA, p. 120—123; *Arangio-Ruiz V.* Persone e famiglia nel diritto dei Papiri. Milano, 1930; *Montevocchi O.* Ricerche di sociologia nei documenti dell'Egitto greco-romano. I. Gli Testamenti.—«Aegyptus», 15, 1935; *Herrman J.* Op. cit.

¹²² *Bieżuńska-Matow'st I.* Les esclaves en copropriété dans l'Égypte romaine.—«Aegyptus», 48, 1968; *eadem.* Les enfants-esclaves à la lumière des papyrus. Hommage à Marcel Renard. Bruxelles, 1969; *eadem.* L'esclavage dans l'Égypte greco-romaine. — In: Actes du colloque 1971...

От римского времени не сохранилось сколько-нибудь значительных памятников законодательного характера, касающихся рабов, за исключением нескольких статей в «Гномон идиос логос» и некоторых косвенных указаний (или частных предписаний) в рескриптах императоров и постановлениях префектов.

Некоторые наблюдения можно сделать также на основании протоколов судебных заседаний и разного рода официальных и частных правовых документов.

Как и при Птолемах, в Египте в римскую эпоху рабы рассматривались в официальных документах не только как частное имущество рабовладельцев, но и как низший слой населения, подлежащий переписи и налоговому обложению. Согласно «Гномон идиос логос», уклонение от регистрации рабов наказывалось их конфискацией (§ 60), лишь тем рабовладельцам, у кого не было других доходов, кроме дохода от рабов, разрешалось оставить потомство (ἡ ἐπίγονή) рабыни (§ 61). Очевидно, это законоположение восходит к декретам Птолемея о регистрации рабов, но с поправкой, отражающей состояние рабовладельческих отношений в I—II вв. Обязательной регистрации подлежали и купленные рабы, и доморожденные, начиная с трехлетнего возраста. Помимо документов общей переписи населения, в которых отмечались сведения о покупке или рождении рабов¹²³, в папирусах сохранились и специальные заявления о приобретении новых рабов (см. р. Оху. 1463). Регистрация доморожденного раба по существу служила документальным обоснованием владельческих прав на раба, как об этом свидетельствует петиция Теонина-Афинхия, сына Диоскора, на имя префекта Луция Муссия Эмилиана (р. Оху. 1468, 258 г.) о присвоении его дядей Сиром рабов, рожденных рабыней и принадлежащих матери жалобщика, на основании ложной регистрации новорожденных.

Как и свободное местное население, рабы-мужчины облагались поголовным налогом. Так, в список, озаглавленный Ἀπολογισμός ἀφ' ἑλίκων νῶν λαογραφουμένων (р. Lond. 261, 72—73 гг.), включены и свободные, и рабы, достигшие 13-летнего возраста.

На рабов распространялись льготы, которые предоставлялись их хозяевам при уплате налогов и выполнении повинностей. Об этом свидетельствуют документы, связанные с ἐπίκρισις, периодически проводившимися пересмотрами списков лиц, имеющих налоговые льготы¹²⁴. Выписки ἐκ τούτου ἐπίκρίσεως обычно начинаются с перечисления категорий лиц, которые по распоряжению префекта (или другого официального лица) подлежат занесению в списки имеющих льготы. Это — ветераны, получившие римское гражданство, римляне, их отпущенники и рабы, и «другие» (см. BGU, 113=W. Chr.,

¹²³ См., например, р. Flor. 4=W. Chr., 206 от 245 г.— апографе из Оксирина, где впервые записаны доморожденные рабы Мус 3 лет и Марк 1 года; см. также BGU, 115=W. Chr., 203, 189 г., где в апографе записан купленный раб Аунес, ранее зарегистрированный в другом квартале, где жили его бывшие владельцы.

¹²⁴ См. Taubenschlag R. The Law..., р. 612—613; Straus J.-A. Le status fiscal des esclaves dans l'Égypte romaine.— Chr. Eg., XLVIII (1973), 96, р. 364—369.

458: οὐτρανοὶ ὁμοίως δὲ καὶ Ῥωμαῖοι καὶ ἐπελευθεροὶ καὶ δοῦλοι καὶ ἑτεροί). В одном из ранних документов об эпикрисис (р. Hamb. 31a, 126—133 гг.) вслед за римлянами названы александрийцы. Под ἑτεροί, возможно, подразумевались жители метрополий номов, пользовавшихся привилегией платить пониженный поголовный налог. Так, сохранились заявления жителей Оксиринха (р. Oxy. 714; W. Chr., 217), принадлежавших к категории οἱ δωδεκάδράχμοι (т. е. уплачивающих 12 драхм поголовного налога), с просьбой приписать к этой же категории их доморожденных рабов-мальчиков, достигших 13-летнего возраста. Аналогичную просьбу содержит заявление жителя Антинополя по поводу приписки купленного им раба ¹²⁵ (р. Strasb. 223). Когда вопрос о внесении в ту или иную привилегированную категорию налогоплательщиков становился предметом судебного разбирательства, то и в этих случаях речь шла об ἐπὶ κρισίς не только лиц свободного статуса, но и их рабов (BGU, 1033; р. Oxy. 1451 и др.).

В распространении на рабов налоговых льгот были заинтересованы прежде всего сами рабовладельцы, так как они должны были уплачивать налоги за принадлежавших им рабов. Однако в папирусах нередко встречаются записи о взносах налогов самими рабами. Так, в ведомостях уплаты налогов жителями комы Караниды за 171—174 гг. (р. Mich. IV, 223; 224; 225) неоднократно упоминаются рабы, уплачивавшие лаографию (т. е. поголовный налог) в размере 44 драхмы в год по частям, в 3-4 взноса. К этому же времени относится ведомость об уплате какого-то налога из Оксиринха (р. Fuad, 68), где тоже в числе плательщиков упоминается раб. Сохранились также квитанции об уплате налога на ремесленников (χειρωναξίων, κοπίς τριγός) за 215 г. ткачихой Талес, рабницей Эриевта (BGU, 617). В острака из Эдфу (Аполлинополь Магна, конец I — начало II в.) сохранились пометки об уплате рабами ἰουδαίου τελέσματος ¹²⁶. Все эти факты позволяют сделать заключение, что хотя δοῦλικά σώματα подвергались переписи и обложению так же, как и прочее имущество свободных жителей Египта, но в практике экономических отношений местные власти видели в рабах в ряде случаев самостоятельных в правовом и экономическом смысле субъектов — одну из категорий подданных, непосредственно ответственных перед государством за уплату налогов и повинностей ¹²⁷.

Вероятно, в том же плане государственного учета налогоплательщиков следует рассматривать и обязанность владельцев извещать администрацию номов о смерти принадлежащих им рабов. Сохранились заявления хозяев о смерти мужчин-рабов (подлежавших обложению) с просьбой вычеркнуть их из соответствующих списков

¹²⁵ Жители Антинополя платили 8 драхм, см. Johnson A. Ch. Op. cit., p. 531—533.

¹²⁶ Manteuffel G. Quelques textes provenants d'Edfou.— JJP, III, 1949, p. 101—114. Сводку данных об уплате рабами налогов см. Straus J.-A. Op. cit., p. 364—368.

¹²⁷ О двойственности положения рабов в плане имущественных отношений и в сфере административного права см. Taubenschlag R. The Law..., p. 89—92.

(см. р. Оху. 262; 1030)¹²⁸. Из документов этого типа особый интерес вызывает заявление о смерти мальчика-раба в р. Оху. 475 (= W. Chr., 494, 182 г.). Некий Леонид из комы Сенепта Оксиринхского нома (возможно, занимавший какую-то официальную должность) сообщает стратегу Гиераку о том, что 8-летний раб Эпафродит, принадлежавший Плутиюну, зятю Леонида, во время праздника забрался на крышу дома своего хозяина, чтобы посмотреть выступление танцовщиц, упал оттуда и разбился, в связи с чем Леонид просит засвидетельствовать его смерть. Гиерак на том же заявлении отдает распоряжение гиперету (помощнику) Клавдию Серену взять с собой врача (*δημσίον ἰατρίν*), освидетельствовать труп и передать его для похорон, после чего составить письменный отчет. Как видно из этого документа, по отношению к рабам соблюдались те же формальности, какие полагалось выполнять в случае внезапной смерти свободного человека (см. BGU, 647; р. Оху. 51). Иными словами, и в этом случае администрация нома рассматривает раба в качестве пострадавшего лица, а не имущества рабовладельца.

Можно привести еще один пример прямой связи между местными властями и рабом: в одном из папирусов середины III в. (BGU, 7, 247 г.) в списке земледельцев, которые по распоряжению стратега Семпрония привлекались к принудительной обработке заброшенной земли (или к уплате налогов с нее), назван *Καρίης δοῦλος* (если только *δοῦλος* не является личным именем).

Те же традиции птолемеевской эпохи (а возможно, и более ранней) в отношении к рабам как к низшему слою местного податного населения, вероятно, лежали в основе законоположений, запрещающих вывоз из Египта замороженных рабов без разрешения государственного аппарата (и уплаты пошлины?)¹²⁹. В «Гномон идиос логос» о запрещении или ограничении вывоза рабов говорится в четырех параграфах. Сначала констатируется, что рабы, вывезенные по незнанию закона, были конфискованы и проданы (§ 65); затем предписывается у лиц, выезжающих из Египта и вывозящих своих рабов (*δοῦλοι ἰδίαι*) без соответствующего разрешения, конфисковать все вывозимое имущество (в том числе и рабов) (§ 66). В следующем параграфе запрещается (под угрозой конфискации четверти, половины или даже всего имущества!) регистрировать замороженных рабов в качестве покупных с целью вывезти их за границу. При этом происхождение матери рабов (если даже она египтянка) не принимается во внимание. Предусматриваются наказания и лицам, не донесшим властям об этом¹ мошенничестве. И наконец, в

¹²⁸ Официально, по-видимому, предписывалось делать заявления даже о смерти детей-рабов (см. р. Оху. 37=W. Chr., 79, где во время судебного процесса по поводу отданного на вскармливание подкидыша стратег требует для решения вопроса найти заявление кормилицы о смерти данного ей на вскармливание ребенка-раба), но фактически сообщения о смерти детей-рабов появлялись лишь при очередной переписи (см. W. Chr., 206 и др.).

¹²⁹ Этот вопрос по-разному решается исследователями, см. *Biežuńska-Matowist I. Les esclaves nés dans la maison...*, p. 148—162.

§ 69 приводится конкретный случай наложения большого штрафа (1 талант 3000 драхм) за вывоз без разрешения рабов через Пелусий.

Из этих статей можно сделать вывод, что прямого запрещения вывоза рабов из римского Египта, даже доморожденных, по-видимому, не существовало¹³⁰, но получение разрешения на вывоз для продажи (ἐξαγοράειν)¹³¹, очевидно, сопровождалось уплатой высокой пошлины, поэтому уклонение от оформления документов на вывоз (и уплаты пошлины) предупреждалось угрозой конфискации всего вывозимого имущества. Оговорка относительно происхождения матери рабыни позволяет предполагать, что вывоз рабов, купленных в других странах и привезенных хозяевами в Египет, облагался значительно меньшими пошлинами (но все же, по-видимому, облагался, так как и на них требовалось разрешение), однако на рабов, рожденных в Египте привозной рабыней, эта льгота не распространялась. Римляне, унаследовав от Птолемеев практику контроля над вывозом рабов из Египта (ср. р. Lill. 29, 1, стк. 13—15)¹³², едва ли пошли по линии усиления ограничений, так как это прежде всего падело бы интересы римских граждан и императорских отпущенников, по служебным или личным делам посещавших или временно проживающих в Египте. В этом вопросе, как и во многих других, римляне лишь использовали местные традиции в интересах императорской казны.

Наиболее отчетливо местные традиции проявлялись в семейном праве. В соответствии с обычаем, уходящим своими корнями в фараоновскую эпоху, египетский раб мог вступить в брак со свободной женщиной и дети от этого брака сохраняли статус свободнорожденных. Такие браки среди местного населения, по-видимому, были сравнительно частым явлением, и римляне, не считая их законными, тем не менее допускали их существование и даже упоминания о них в официальных документах. Так, в апографе Лаберии, дочери Пасиона, из Арсинои, записаны принадлежащий ей и ее сестре Горайане раб Диоскор (29 лет), ткач по профессии, его жена Алексута (26 лет) и их дети: Алексута (8 лет), Таореотис (6 лет) и Пасион (1 год). Жена Диоскора — свободная женщина, дочь свободных людей Герма, сына Герма, и Тасухарион, дочери Сира; дети Диоскора также зарегистрированы как свободнорожденные (SB, 8263, II в.; см. также р. Brixell. E 7360). Из заявления Гориона, сына Гераклида, об эпикрисис его 14-летнего брата (р. RyI. 103, 134 г.) можно

¹³⁰ Ср. мнение А. Б. Рановича, который считает, что вывоз доморожденных рабов был «особенно затруднен или даже запрещен» (ВДИ, 1949, 4. с. 70). Той же точки зрения придерживается Бежуньска-Маловист (Les esclaves nés dans la maison..., р. 153).

¹³¹ О значении термина. см. *Biežuńska-Matowist I. Les esclaves nés dans la maison...*, р. 151.

¹³² См. *Taubenschlag R. The Law...*, р. 92; *Павловская А. И. Рабство в эллинистическом Египте.* — В кн.: *Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И. Рабство в эллинистических государствах в III—I вв. до н. э. М., 1969, с. 287—288; Biežuńska-Matowist I. L'esclavage dans l'Egypte greco-romaine. Première partie: Période ptolémaïque. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1974, р. 120.*

узнать, что родителями его матери Ликаруты были Гераклид, раб Исхириона, сына Папа, и Дидима, дочь Герма, и что Ликарута вместе с матерью и братьями была зарегистрирована в 76/77 г. в числе свободных жителей Арсинои по месту прописки своего деда Герма. Вероятно, среди жителей ком и метрополий, называемых в разного рода официальных списках *ἀπτόρες*, т. е. «не имеющие отца»¹³³, значительное число составляли дети от такого рода браков.

В частных документах также встречаются упоминания о детях раба: например в р. Flg. 135 идет речь о сыновьях раба (*παῖδάριον*) Сарапаммона, которым установлено жалование (содержание), соответствующее оплате труда свободных.

Возможно, чтобы ограничить распространение среди римских рабов практики вступления в брачные отношения со свободными женщинами, в «Гномон идиос логос» (§ 110) запрещается викариям императорских рабов вступать в брак с вольноотпущенниками.

Рабыни могли находиться на положении жены свободного человека¹³⁴, однако дети ее могли получить лишь статус отпущенников. Если же она сама становилась отпущенницей, ее дети, рожденные после отпуска на свободу, получали статус свободных людей. Например, в р. Ryl. 106 (158 г., Арсиноя) Капитон, молочный брат (*συμβίος*) и отпущенник Птолемея, извещает грамматевса о смерти Гарпократа, сына Гарпократа и Тасухарион, своего брата по матери. Очевидно, Тасухарион тоже была вольноотпущенницей и один ее сын родился рабом, второй — свободным (см. также BGU, 361).

Заключение смешанных браков приводило к тому, что в рамках одной семьи оказывались люди разных статусов — свободные, рабы, отпущенники. Но, пожалуй, еще более поразительным было совмещение различных правовых статусов в положении одного и того же лица. Выше уже говорилось о том, что мелкое рабовладение в Египте иногда принимало форму долевого владения рабом: обычно два и более наследников владели одним рабом или рабыней, завещанными им родителями (р. PSI, 1115; 1228; р. Flg. 4 = W. Chr., 206 и др.). Долевой владелец раба мог продать принадлежащую ему долю (PSI, 1228), мог отказаться от своей доли в пользу других сонаследников за какую-то компенсацию (р. Lond. 360), а мог и освободить эту долю раба. В папирусах встречаются упоминания о таких парадоксальных случаях. Так, в р. Оху. 722 = Mit. Chr., 358 (91 или 107 г.) братья Ахиллевс и Сарапас освобождают за выкуп на 1/3 рабыню Аполлону, которая уже на 2/3 была вольноотпущенницей. Противоположная ситуация — в р. Оху. 716 (Mit. Chr., 360, 186 г.): раб Сарапион (30 лет), принадлежавший ранее Теону-Дионисию, перешел по наследству к его трем сыновьям и дочери. Старший, совершеннолетний сын Диоген, унаследовавший одну

¹³³ См., например, Charta Borgiana (SB, 5124); р. Mich. 223—225; р. Lond. 901, 1170 R; BGU, 85, 630; р. Ryl. 220 и др. О значении термина и социальном положении *ἀπτόρες* см. Calderini A. *Απτόρες*.— «Aegyptus», 33, 1953, f. II, р. 358—359.

¹³⁴ См. Taubenschlag R. The Law..., р. 92.

треть раба, предоставил Сарапиону свободу в рамках своей доли собственности, а опекуны его младших братьев и сестры настаивают в своем заявлении гимнасиарху, чтобы $\frac{2}{3}$ доли владения рабом, принадлежащие их подопечным, были проданы с аукциона. К сожалению, решение гимнасиарха не сохранилось и дальнейшая судьба Сарапиона осталась неизвестной.

Обнаруженная в PSI, 1182 сентенция Гая гласит: *quod v(el) unius ex sociis communem servum m(anu)mittendo liberu(m) faciebat et omnibus libertum adquirebat*, т. е. если один из совладельцев предоставит рабу свободу, то и другим надлежит освободить его ¹³⁵. Но, как видно из р. Оху. 716, в Египте, где долевое владение получило широкое распространение, эта сентенция Гая не носила характера императива, и было возможно другое решение конфликта. В любом случае р. Оху. 716 достаточно убедительно свидетельствует о тесном переплетении в реальной действительности состояний свободы и рабства.

Наряду с сохранением некоторых традиционных особенностей в положении рабов в Египте во II—III вв. уже более отчетливо проявляются черты, свойственные греческому и римскому классическому рабству. Выше уже говорилось (см. с. 160) об отношении к рабам как к имуществу, приносящему доход, о распространении практики сдачи рабов в наем, в залог, о предоставлении рабам возможности зарабатывать у третьих лиц, уплачивая хозяевам определенную сумму (*ἀποφορά*). Значительно более частым явлением становится отпуск рабов на свободу не только в порядке благодеяний господина, но и за выкуп, и более отчетливо проявляется имущественная дифференциация рабов.

Так как в Египте преобладало мелкое рабовладение, то имущественные контрасты в положении рабов (за исключением рабов императорской фамилии и придворной знати) были не слишком резкими. Тем не менее различия в положении, размерах благосостояния и правоспособности отдельных рабов можно проследить в документах I—III вв. Рабы-управляющие в частных поместьях римлян, александрийцев и местной знати по своему социальному значению в границах их хозяйственной активности приближались к положению местной администрации. Примером могут служить записки Диодота, раба Норбана Клара, адресованные ситологу Метоку, сыну Стратона, о выдаче ему и его сорабам (*συυδοῦλοι*) причитающейся им пшеницы (р. Lond., 1213—1214) и выдаче 35 артаб пшеницы на семена Диосу, сыну Аполлония, под проценты из урожая 66 года с усии Норбана Клара (р. Lond. 1215). Если в первых двух документах требование Диодота о выдаче ему пшеницы подкреплено распоряжением чиновника (?) Гая Юлия Сальвия, то третий документ, написанный рабом Диодотом, по существу служит гарантией для

¹³⁵ Некоторые исследователи считают, что отпуск на свободу одним из совладельцев предполагает выплату компенсации другим совладельцам. См. *Taubenschlag R. The Law...*, p. 100.

выдачи из тезавра зерна свободному человеку — Диосу, сыну Аполлония, очевидно, арендатору усии Норбана Клара.

Хозяева иногда предоставляли большую деловую самостоятельность рабам, пользовавшимся их доверием. Например, раб Филаргир взимает арендную плату со съемщика дома, принадлежащего его хозяйке (BGU, 1116, Александрия, I в.); в Фаюме раб Дидим подает апографу относительно принадлежавшего его хозяйке дома (BGU, 1581, II в.); раб, имя которого не сохранилось, по поручению своего хозяина Архия имел право подписывать долговые обязательства (т. е. был его простатом), как это вытекает из судебного процесса против Ахиллеуса, сына Архия, по поводу старого долга в 100 артаб пшеницы, расписка в получении которой была подписана тем самым рабом (р. Flor. 61 = Mit. Chr., 80, 85 г.). Экономической самостоятельностью обладали, по-видимому, рабы, платившие от своего имени причитавшиеся с них налоги, и рабы-ремесленники или земледельцы, жившие отдельно от господ.

Было бы упрощением и искажением исторической действительности изображать отношения между рабами и их хозяевами, акцентируя внимание либо на гуманности, либо на жестокости рабовладельцев. Отношения эти были так же сложны и многообразны, как сложны и многообразны характеры отдельных индивидуумов. Правовая зависимость одного от другого определяла их положение в обществе, экономическое положение рабовладельца определяло размеры рабской фамилии и сферу использования труда рабов, но внутри фамилии (в широком смысле слова), особенно в рамках мелкого земледельческого или ремесленного хозяйства, где неизбежны постоянные личные контакты, большую роль играли особенности личности хозяина и раба. Папирусы дают этому убедительное подтверждение.

В одних случаях рабы пользуются полным доверием своих хозяев, управляют их имуществом, ведут хозяйство, выполняют важные поручения (р. Mich. 349; BGU, 467; 1581; 1655). Рабы нередко участвуют в семейных распрях, помогая одной из спорящих сторон. Например, в судебном процессе по поводу наследства между Гемеллом, сыном Семпрония, и Птолемаидой, его сестрой по отцу, замешаны принадлежавшие когда-то Семпронию рабы: Евпор (на стороне Гемелла), Смарагд и Евкайрон (на стороне Птолемаиды), причем последние два к моменту суда — уже отпущенники, по в ходе процесса ставится под сомнение законность их отпуска (BGU, 388 = Mit. Chr., 91, II в., см. аналогичные случаи в р. Оху. 472; BGU, 361). Иногда хозяева проявляют заботу о некоторых рабах, как о членах своей семьи (см. р. Ryl. 692; р. Оху. 634), иногда, напротив, подвергают их беспощадной эксплуатации, отдают в наем или ученичество, где рабы должны были работать от зари до зари (р. Оху. 725; 1647) и сверх того выполнять какую-то работу в доме своего хозяина (р. Wisc. 5), или посылают на поденные заработки, забирая все заработанное и не заботясь о содержании раба (р. Оху. 2190). Условия жизни этих рабов, очевидно, были такими, что в условиях

контрактов между хозяином и арендатором или мастером предусматривалась возможность бегства раба (см., например, условия договора в PSI, 710).

Между этими крайними ситуациями в отношениях раба и работодателя можно предполагать целый спектр деловых и личных связей и взаимоотношений, типичных и индивидуальных, определявшихся и объективными обстоятельствами, и личными качествами каждого из них. Вот некоторые штрихи, запечатлевшиеся в папирусах. В одном из писем (BGU, 845, II в.) сын просит мать прислать ему в Александрию масло и сообщает ей, что ее рабы давно тайно берут у нее масло из кладовой. В другом письме (р. Lond. 157a, II в.) хозяин (?) приказывает рабам пойти в жилище их сораба, старшего камелотрофа (обслуживающего верблюдов), жестоко обругать его и привести к хозяину. Одни рабы выглядят забитыми и запуганными, подобно тому рабу, везшему на ослах камень, который бросил упряжку и убежал под защиту хозяина после того, как один из ослов лягнул встреченного на пути отставного солдата Луция Помисевса (р. Fuad, 28, 59 г.). Другие сами принимают участие в насильственных действиях. Так, Аврелий Атрет, сын Петеката из Караниды, жалуется, что раб Сарапиона, сына Оннофрия, вместе с двумя свободными людьми опустошили его огород (BGU, 146). В другой петиции (р. Оху. 283) некий Сарапион жалуется стратегу Оксиринхского нома, что раб Евпор нанес ему побои, когда он захватил его в Мемфисе, чтобы отвести к стратегу и допросить по поводу какой-то «обиды», по-видимому, нанесенной Сарапиону Евпором и его хозяином.

Раб экзегета Хайремона Исион сам подает жалобу начальнику филакитов (р. Ryl. 144) на жителя комы Евгемерии Оннофриса, сына Сильвана: находясь по служебным делам в этой коме, Исион, по его словам, подвергся нападению Оннофриса (его должника), который отнял у него дощечку с записями и 60 драхм.

В протоколе судебного заседания по делу Гермियोны (р. Оху. 472), в той его части, где речь идет о продаже или залоге виноградника, обвинитель утверждает, что сбежавший раб Смарагд украл закладную на этот виноградник, на что адвокат ответил, что бегство не является аргументом, подтверждающим залог и кражу. Но если это так, то возможно, что бегство Смарагда связано со смертью его хозяина, будто бы отравленного Гермियोной. В упоминавшемся выше судебном процессе Гемелла против Птолемаиды (BGU, 388) подозрение в убийстве отца Гемелла падает на его бывших рабов Смарагда и Евкайрона, получивших свободу после его смерти.

Бегство и участие в убийстве хозяина, если даже оно совершалось не по инициативе рабов, очевидно, имели в своей основе какое-то недовольство их своим положением, протест против бесправия или эксплуатации. И это, пожалуй, единственные сохранившиеся в папирусах следы классовых противоречий между рабами и рабовладельцами в Египте.

Документов о бегстве рабов дошло до нас сравнительно немно-

го¹³⁶. Помимо названного выше р. Оху. 472, можно указать частные письма с сообщением о бегстве раба (р. Оху. 2190; SB, 8947 и др.), документы о розыске беглых рабов (р. Оху. 1422; 1643), распоряжение о конфискации имущества беглого раба (р. Gen. 5). Однако оговорки в контрактах об ученичестве (см. р. Оху. 710) или залоге рабов (BGU, 1149 и др.) о возможности их бегства говорят о том, что оно было нередким явлением. Об этом же свидетельствуют и жесткие меры, принимаемые для розыска беглых рабов: поручение розыска специальным лицам (р. Оху. 1643), активное содействие розыску со стороны провинциальной администрации, предъявление судебных исков лицам, укрывавшим беглых (там же). Характерно, что номовая администрация помогала разыскивать не только самих беглых рабов, но и людей, их укрывающих, как показывает письмо стратега Гинайкополиса стратегу Оксириха (р. Оху. 1422). Деятельность в этом направлении местных властей продолжает традиции птолемеевской эпохи.

Рабы бежали в Александрию (р. Оху. 1643), где легче было задержаться в массе городского люда, в соседние номы, а иногда — к своему основному хозяину от нанимателя или мастера (см. р. Оху. 2190). Согласно римскому законодательству, в последнем случае они не считались беглыми¹³⁷. Пойманные беглецы подлежали суровому наказанию — заключению в тюрьму и бичеванию (εἰρῆσθαι καὶ μαστιγοῦν), а в будущем лишались возможности получить полное (законное) освобождение от рабства (см. «Гномон идиос логос», § 20).

IV. ОТПУСК РАБОВ НА СВОБОДУ. ПОЛОЖЕНИЕ ВОЛЬНООТПУЩЕННИКОВ

Самостоятельное хозяйство или выгодная должность в хозяйстве господина позволяли, вероятно, рабам скопить необходимую для выкупа сумму. Однако документов об отпуске на волю за выкуп (ἐπὶ λυτροῖς) сохранилось очень немного¹³⁸, большинство из них датированы концом I — началом II в. Величина выкупа различна, но в III в. она заметно возросла, что связано с общим ростом цен и падением стоимости денег¹³⁹. Так, в 86 г. за выкуп 35-летней рабыни Евфросины было уплачено 800 серебряных драхм, что соответствовало 10 талантам 3000 драхм медью (р. Оху. 48; см. также р. Оху. 2843); в 100 г. н. э. раб Горион выкупился за 600 серебря-

¹³⁶ Вопрос о беглых рабах рассматривается в специальной статье: *Biežińska-Matowist I. Les esclaves fugitifs dans l'Égypte gréco-romaine.*— In: *Studi in onore di Edoardo Volterra.* Milano, 1969, но к сожалению эта работа мне не доступна.

¹³⁷ См. *Штаерман Е. М.* Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи. М., 1971, с. 234.

¹³⁸ В ряде документов об отпуске рабов не сохранилось указаний о величине или вообще об уплате выкупа (см. р. Оху. 349; 723; р. Lond. 299; р. Tebt. 407).

¹³⁹ См. *Schwartz J. Les Archives de Sarapion...*, Excursus 2, p. 332.

ных драхм (р. Оху. 49—50); в правление Траяна за выкуп 26-летней рабыни Аполлонус, которая уже на две трети была свободной, выплачено Геракласом, сыном Трифона, 200 драхм (р. Оху. 722); однако в 211 г. выкуп 34-летней доморожденной рабыни Елены стоил 2200 серебряных драхм (Mit. Chr. 362). Примерно к этому же времени относится документ о покупке раба за 2200 драхм (р. Vind.-Bosw. 7, 225 г.), из чего можно заключить, что размер выкупа координировался с существовавшими в это время ценами на рабов. В конце III в. за выкуп рабыни с двумя детьми (10 и 4 лет) уже пришлось уплатить 14 талантов серебром (р. Оху, 1205, 291 г.). Очевидно, обесценение денег и неустойчивость социально-экономической и политической обстановки в период кризиса III в. затрудняли выкуп на свободу.

Вопрос о содержании и форме документов отпуска на волю — манумиссиях — сравнительно хорошо изучен папирологами-юристами. Отмечено¹⁴⁰, что в римском Египте продолжали существовать разные формы манумиссий: и эллинистические — отпуск раба в форме посвящения (продажи) божеству (BGU, 1564) или (что значительно чаще) путем составления документа об отпуске на волю в местном графейоне с предварительной уплатой налога на акт освобождения (р. Оху. 48; 49; 50; 96; р. Tebt. 407 и др.), и римские: *manumissio vindicta* (BGU, 344) и *manumissio inter amicos* (BGU, 388; р. Оху. 1205; SB, 5217). Несмотря на незначительное число дошедших до нас манумиссий или извещений о манумиссиях, можно все же предполагать, что отпуск на свободу за выкуп стал к концу I в. сравнительно частым явлением. На это указывает, например, письмо префекта Гатерия Непота стратегам Фиваиды (р. Оху. 2265, 119 г.), в котором он предписывает им оказывать помощь сборщикам (τοῖς πράγματευσταῖς) Фрутия Секунда, назначенного прокуратором *vicesima libertatis* (τὸ τέλος τῆς εἰκοστῆς τῶν ἐλευθερίων, т. е. налога в 1/20 суммы выкупа за освобождение), чтобы этот налог собирался в соответствии с законом.

Другой формой отпуска рабов на свободу был отпуск по завещанию. Сохранившиеся документы в основном датируются II вв. н. э. и принадлежат сравнительно богатым людям. Так, Акусилаи, сын Диоса, завещает отпустить на свободу раба Гермеса и рабынь Псенамунис-Аммонион, Аполлонус-Деметрию, ее дочь Диогениду и еще одну Диогениду (р. Оху. 494 = Mit. Chr. 305, 156 г.). Все отпущенные рабы обязаны выполнять какую-то службу для жены завещателя и заботиться о его могиле. С условием обслуживать погребальные сооружения и загробный культ завещателя были отпущены рабы Косм и Стефанута их хозяином, имя которого не сохранилось (BGU, 1655, 169 г.). В завещаниях отпускаемые рабы нередко наделяются каким-то имуществом. Так, ветеран Гай Лонгин Кастор отпускает на свободу и делает своими наследниками в равных долях рабынь Маркеллу и Клеопатру (возможно, своих

¹⁴⁰ См. *Taubenschlag R. The Law...*, p. 96—100.

созительниц); кроме того, он отпускает дочь Клеопатры Сарапиаду, выделяя для нее 5 арур пахотной земли, $1\frac{1}{4}$ еще какой-то земли, одну треть финиковых пальм и по $\frac{1}{3}$ в двух принадлежащих ему домах (BGU, 326-Mit. Chr. 316, 189—194 гг.). В завещании Синтевса, сына Диогена, отпущенным на свободу рабыне Таусирус и ее дочери Стефануте предоставляется жилище и устанавливается содержание: какое-то количество хлеба на пропитание и по 24 драхмы в год на одежду (PSI, 1263 = SB, 7816, II в.). По завещанию Псенамуниса, сына Гарпократа, (PSI, 1040, III в.) отпускается на свободу купленная 14-летняя рабыня Даманда с пекулием и предоставлением $\frac{1}{4}$ дома, которую она занимает в οἶκος οἰκῆταις со всем домашним инвентарем. Очевидно по завещанию Зевсиса, сына Зевсиса, были отпущены Родина и ее дети Зоил и Тенапинхис, причем Родине была оставлена $\frac{1}{4}$ дома (PSI, 1117, II в.).

Вероятно, на жителей Египта распространялся закон Фуффия-Каниния, ограничивающий право рабовладельцев отпускать на свободу принадлежащих им рабов сверх установленной количественной нормы¹⁴¹, но по сохранившимся документам проследить это не удается.

Если в документах первых десятилетий римского господства в Египте встречаются упоминания преимущественно об отпущенниках римлян, то к середине I в. н. э. отпуск рабов на свободу становится сравнительно частым явлением и среди местного населения Александрии и других городов. Возникла необходимость законодательного оформления места отпущенников в социальной структуре египетского общества, поэтому отпуску рабов и положению вольноотпущенников уделяется большое место в «Гномон идиос логос» (§ 9—10, 14—16, 19—21, 28—29, 49—50).

В этом сборнике законоположений для Египта подтверждены некоторые ограничения в отпуске рабов на свободу, существовавшие в римском законодательстве. В § 19 указывалось: «законным считается отпуск на волю, если отпускаемому больше 30 лет от роду». Рабы моложе 30 лет могли получить законное освобождение только от префекта (т. е. путем *manumissio vindicta*?) (§ 21). Не признавался вполне законным и отпуск на волю рабов, «заклучавшихся в оковы» (ἐν δεσμοῖς γενομένοις)¹⁴², поскольку завещанное таким отпущенникам имущество конфисковалось, как и имущество отпущенных до 30-летнего возраста (§ 20).

Отпущенники, согласно «Гномон идиос логос», не составляли единой социальной группы. Как и рабы, они приписывались к той же категории налогоплательщиков, к какой принадлежали их бывшие господа, и на них распространялись все правовые ограничения, которые налагались на их патронов, но в более жесткой форме. В «Гномон идиос логос» предусматривается, что вольноотпущенники имеют право завещать свое имущество только лицам того же ста-

¹⁴¹ См. Штаерман Е. М. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи, с. 198.

¹⁴² Очевидно, «заклучение в оковы» было равнозначно клеймению.

туса (τῆς αὐτῆς τάξεως), завещанное же лицам другой имущественно-правовой категории отбирается в пользу государственной казны (§ 10). Бездетным вольноотпущенникам, бывшие хозяева которых принадлежали к οἱ ἄστοί¹⁴³, умершим без завещания, наследуют их патроны и сыновья патронов, если они предъявляют свои права, во всех остальных случаях наследство переходит к фиску (§ 9); вольноотпущенницы женщин из социальной категории ἀσθαί, как и их патронессы, лишены права завещания (§ 15)¹⁴⁴.

Завещания в пользу вольноотпущенников имеют законную силу, если отпуск их на свободу считается законным (см. выше), в противном случае завещанное конфискуется (§ 19—20). Имущество, завещанное вольноотпущеннику римлянина и его потомкам, если дети не появились к моменту составления завещания, конфискуется после смерти отпущенника, получившего наследство (§ 16). Вольноотпущенник ἄστοй не может получить по завещанию своего патрона более 500 драхм или 5 драхм в месяц (§ 14), т. е. немногим более денежного опсониона, получаемого рабом. Вольноотпущенница может получить наследство лишь в возрасте до 50 лет и имея при этом четверых и более детей (§ 28; римлянка должна иметь троих детей). Как и римские богатые незамужние женщины, вольноотпущенницы, владеющие имуществом в 20 тыс. сестерций, обязаны до выхода замуж уплачивать ежегодно (налог) в размере одной сотой доли (§ 29).

На отпущенников распространялись и правовые ограничения в брачных отношениях, предписанные законом для их бывших господ. Так, отпущенникам александрийцев не разрешалось жениться на египтянках (§ 49), браки вольноотпущенниц ἄστων с египтянами, по-видимому, также считались незаконными, так как их дети не всегда получали право наследовать матерям (§ 50).

В предписаниях, собранных в «Гномон идиос логос», отчетливо проступает наряду с фискальным характером большинства статей, касающихся прав наследования и бракосочетания вольноотпущенников, стремление сохранить (закрепить) социальную градацию, сложившуюся в первые десятилетия римского господства в Египте. Но практика повседневной жизни со временем все менее укладывалась в рамки законоположений Августа и его ближайших преемников.

Как уже говорилось, смешение статусов и этнической принадлежности в рамках одной семьи стало повседневным явлением к концу I в. н. э. Законы о наследовании также далеко не всегда соблюдались — об этом говорят папирусы, содержащие петиции и протоколы судебных заседаний по поводу наследства¹⁴⁵. К тому

¹⁴³ О социально-правовом положении οἱ ἄστοί в литературе нет единого мнения. См. об. этом: *Ранович А. Б.* «Гномон идиолога», с. 68—69; *Arangio-Ruiz V.* *Intorno agli ἄστοί dell' Egitto greco-romano.*— RJDA, III, p. 7—20.

¹⁴⁴ О наследственном праве в римском Египте см. *Taubenschlag R.* *The Law...*, p. 151—221; *Montevocchi O.* *Op. cit.*

¹⁴⁵ См., например, BGu, 361, 613,

же в «Гномон идиос логос» не нашла отражения еще одна категория отпущенников — вольноотпущенники египтян, появившаяся в связи с распространением рабовладения в средних слоях местного населения хоры.

Если при Птолемах отпущенники крайне редко ¹⁴⁶ встречаются в документах из сельских поселений, то в римскую эпоху они уже составляют и в метрополиях, и в комах заметную социальную группу, зафиксированную и в официальных предписаниях, и в многочисленных частноправовых и хозяйственных документах. Во всех эдиктах о переписи населения отпущенники фигурируют как непременная особая группа населения (BGU, 113; 780; 847; SB, 9227 и др.).

В заключительной части апографе владельцы домов, перечислив живущих в них людей, обычно клятвенно заверяли, что больше не живет никто: μήτε ἐπίξενον, μήτε Ἀλεξανδ(ρέα), μηδὲ ἀπελευθέρων, μήτε ῥωμαίων, μηδὲ Αἰγύπτιον ἔξω τῶν προγεγραμμένων (р. Оху. 255). В различных вариантах таких перечислений отпущенники обязательно присутствуют среди называемых декларантом социальных категорий (см. PSI, 53; р. Оху. 480 и др.).

Имущественное и социальное положение вольноотпущенников и род их занятий весьма разнообразны ¹⁴⁷: они встречаются и среди местной администрации, откупщиков, ростовщиков и торговцев, и среди ремесленников и земледельцев. Так, в одном из документов II в., адресованном стратегу Гераклидова мериды, отпущенники упоминаются в связи с доставкой грузов в Александрию (р. Grenf. 46 = W. Chr., 431, 139 г.). Клавдий, отпущенник Кастора, являвшегося μισθοῦτης ἐρημοφυλακίας, собирал таможенный сбор за проезд из Сокнопайу-Несос в Просопитский и Летопольский номы (р. Lond. 318, 156/7 г.). Отпущенник Гелен, эпитерет κτήσις Гемелла, жалуется, что у него конфисковали имущество за задолженность фиску по κτήσις Μοσχιανή, эпитеретом которого он был раньше (р. Mich. 616, 182 г.). Среди ἐπιτηρήται τελωνικῶν комы Сокнопайу Несос в 192 г. числится Сотас, отпущенник Паксиса! (BGU, 10). Гермес-Евдаймон, отпущенник Аврелия Гермия, выполнял обязанности эпитерета откупа на налог (?) τελωνικόν в 236/7 г. (BGU, 1062 = W. Chr., 276).

Должностью эпитерета (управляющего, надзирателя), по-видимому, требовала какого-то имущественного ценза, и отпущенники-эпитереты были зажиточными людьми: как указывается в р. Mich. 616, у эпитерета Гелена было конфисковано имущество на сумму 3 таланта 1253 драхмы. В р. Leit. 2 (SB = 10193) среди кандидатов для

¹⁴⁶ Преимущественно упоминаются отпущенники клерухов и их дети, отпущенные по завещаниям. См. р. Petrie, III, 2 (=I, 15); III, 11 и др.

¹⁴⁷ Bieżuńska-Matowist I. Les affranchis dans les papyrus de l'époque ptolémaïque et romaine.— In: Atti dell' XI Congresso Internazionale di papyrologia. Milano, 1966, p. 433—443.]

выполнения литургии *συμβροχικός* назван отпущенник, владеющий имуществом около I таланта. Очевидно, сравнительно зажиточными были и отпущенники, ссужавшие деньги под проценты и под залог имущества.

В одном из папирусов II в. (PSI, 473) сохранился, например, документ о денежных расчетах двух отпущенниц. Сарапиада, отпущенница Дидимы, дочери Адраста, из Оксиринха, при посредстве (под опекой) своего мужа и соотпущенника Дидима дала в 167 г. ссуду в 1200 драхм под проценты и под залог участка земли в 4 аруры Тенферситис, отпущеннице Гартония, сына... ариона, из того же города. В 168 г. Тенферситис уплатила проценты, а окончательно рассчиталась с кредиторами только в 173 г. В другом случае (р. Оху. 485 = Mit. Chr., 246, 178 г.) Серен, отпущенник Аполониана, сына Сарапиона, из Оксиринха, дал в долг Сарапиаде, дочери Подона, из Псобтиса (метрополия Малого Оазиса), 900 драхм под проценты и залог рабыни. Через год по истечении срока погашения долга он уведомляет стратега, что рабыня переходит в его собственность, и просит довести это до сведения должницы. Вероятно, богатые вольноотпущенники были и среди торговцев и скупщиков. К ним можно, например, отнести Пантагатоса, отпущенника Лисандра, сына Гориона, чье обязательство о доставке свиней (21 шт.) в Александрию из Фарбаитского нома сохранилось в BGU, 649 (= W. Chr., 428, 187/88 г.).

Из ремесленных профессий среди отпущенников чаще всего встречаются ткачи. Сохранились, например, налоговые квитанции в уплате *τερδιαχόν* (налога на ткачей) Тоонисом, отпущенником Птолемея, в 17—19 гг. (р. Оху. 309) и Гераклом-Птолларием, отпущенником Кастора, сына Лисимаха, в 134/135 г. (PSI, 1139, col. I). Упоминаются ткачи-отпущенники и в документах, связанных с переписью и регистрацией населения (см. р. Оху. 984). В одном из фаюмских папирусов (BGU, 1564, 138 г.), где речь идет об изготовлении одежды для армии, названы три представителя коллегии ткачей в коме Филадельфия, из них два отпущенника: Герон, отпущенник Публия Мевия, и Диоскор, отпущенник бога Сараписа. Сохранился договор об аренде какого-то железного инструмента (то ли для сукноваления, то ли для изготовления одежды), принадлежащего Гаю Вентурию Гемеллу, Эпагатхом, отпущенником Птолемея, сына Птолемея (р. Оху. 1035, 143 г.). Диоскор, отпущенник Сарапиона, сына Сарапиона, из Оксиринха просит зарегистрировать его как специалиста по ирригационным сооружениям (*τῷ τῶν ἐργατῶν ποταμοῦ τέχνῃ* — р. Оху. 1263 от 128/9 г.).

Сравнительно большое число папирусов содержит сведения об отпущенниках, живших в коме или имевших какие-то связи с земледелием. В ряде очень разных по своему характеру документов сохранились сведения об отпущенниках или отпущенницах, имевших земельные участки. Так, согласно р. Оху. 504 (начало II в.), Афродитус-Демарута, отпущенница и приемная дочь Эпикрата, сына Эпикрата, из Оксиринха, продает участок в $6\frac{2}{3}$ аруры *γῆ*

ἡτοιμῆς с согласия своей приемной матери Таисутос-Таёсис, жены Эпикрата. Тенферситис, отпущенница Гартония из Оксиринха, заложила в 167 г. принадлежащий ей участок земли в 4 аруры, получив в долг 1200 драхм (PSI, 473); Александра, отпущенница Исхориона, сына Исхориона, из Арсиноитского нома, тоже заложила принадлежащие ей 3 аруры γῆ ἡτοιμῆς возле комы Алабантиды (BGU, 723, 180—192 гг.). Сарапиада, отпущенница Гая Лонгина Кастора, должна была получить по его завещанию 5 арур пахотной земли, 1¹/₄ аруры κοιλῶδες (в ложине) возле комы Караниды в Арсиноитском номе и какое-то количество пальм. Возможно, какую-то землю получили и две другие его отпущенницы — Клеопатра и Маркелла, основные наследницы его имущества (BGU, 326 = Mit. Chr., 316). Пнеферот, отпущенник Фимуита, из комы Телбонтон Сифта в Просопитском номе, имел в этой коме дом и пустырь (φιλοῦς τόπους), как он записал в апографе 173/4 г. (p. Bruxell., inv. E 7616 = p. Lugd. Bat. V). Отпущенница Аскатарион (имя патрона не сохранилось) в 198 г. купила участок земли в Арсиноитском номе у Соверии, дочери Орсенона, а в 205 г. перепродала ее Юлию Марку Птолемею (Mit. Chr., 200, 294 г.).

Из приведенных документов можно сделать вывод, что в большинстве случаев отпущенники (и даже преимущественно отпущенницы) получали землю в наследство или в качестве отпускного пекулия (?) от своих патронов, причем размеры участков были очень невелики. Эту землю они не всегда удерживали в своем владении; еще реже встречаются случаи приобретения новых участков. Тем не менее сохранился ряд свидетельств о том, что отпущенники вели хозяйство на своих или арендованных землях, платили налоги, выполняли ирригационную повинность.

Например, Сарапион, отпущенник Крониона, из Тебтюниса, около 145 г. платит ποταμοφυλακία и δασμοφυλακία (p. Tebt. 355). Ситологи из комы Керкеесис Арсиноитского нома в 148 г. выдали расписку Термутарион, отпущеннице Сотериха, в получении от нее 17/24 артабы пшеницы из урожая этого года в качестве поставок для армии (p. Tebt. 369). В списке налогоплательщиков из комы Сокнопау Несос того же нома назван Евпор, отпущенник Булусия (Волузия?), уплачивающий налог с масличных культур (BGU, 657, II в.). Из той же комы сохранилась расписка о выполнении ирригационных литургических работ Апинхием, сыном Стотоетиса, за Полиса, отпущенника Тасетус (BGU, 723, 156/160 г.). В документе об уплате налогов ναύβιον, μερισμός земледельцами Гермопольского нома один взнос сделан через отпущенника Дидима (p. Lips. 96, II—III вв.). В острака из Караниды III в. сохранилась пометка о выполнении ирригационных работ Евтихом, отпущенником Лонга (p. Mich. VIII, ostr. 1044, о статусе Евтиха см. ostr. 844). Об отпущенниках в связи с ирригационными работами говорится также в SB 5124, стк. 92; SB 9546; PSI 1529 и др.

В ряде документов упоминаются отпущенники-арендаторы земли или других сельскохозяйственных объектов. Например, Офелат-

Коратос, отпущенник Атии, дочери Дионисия, подает в 130 г. заявку стратегу Оксиринхского нома об аренде 3 арур непроизводящей земли сроком на 5 лет с уплатой за аренду всего участка по 4 драхмы в год (р. Оху. 1279). Нейламмон, сын Нила, отпущенник Лурия, вместе с двумя другими жителями Арсиноитского нома арендуют 23 гусыни на 1 год (PSI, 961, 176 г.). Среди ктенотрофов в коме Керкеесис в 155 г. числился Абаскант, отпущенник Герма, а в коме Себеннит — Дидим, сын Диоса, отпущенника Дидима, сына Ария (SB, 7515).

Помимо документов, в которых достаточно отчетливо проявляется связь отпущенников с сельским хозяйством, в папирусах I—III вв. неоднократно упоминаются отпущенники, проживавшие в комах, профессия или занятия которых не указаны. Так, сохранились сведения о Наркиссе, отпущеннике сыновей Марона из комы Тебтюнис, который купил половину οἰκιδίου τιτέου в этой коме (PSI, 915, I в.) и был членом коллегии (σύνδοκος) Гарпократа (р. Mich. V, 246 — середина I в.)¹⁴⁸. Вероятно, тот же Наркисс упоминается в папирусе из Тебтюниса, датированном 99 г. (SB, 7559), в котором идет речь о разделе $\frac{1}{4}$ дома, принадлежавшего когда-то Наркиссу, а затем Евтиху, сыну Гераклида. Эту четверть дома Евтих завещал своей отпущеннице Таис, а Таис делит ее между своими дочерьми Примигеной, отпущенницей Птолларииона, сына Евтиха, и Афродитой, отпущенницей другого сына — Евтиха-Лонгина. В коме Филадельфии в списке налогоплательщиков λαογραφία или συντάξιμον числится вольноотпущенник Мюрисмос (р. Philad. 18, II в.). Сохранилось несколько брачных контрактов отпущенников, живших в комах: Люсаса, отпущенника Гераклеи, дочери Лисимаха, из Тебтюниса (р. Lips. 27 = Mit. Chr., 293, 123 г.), Гермеса, отпущенника Скилака, сына Скилака, из комы Алабантиды (BGU, 1045 = Mit. Chr., 282, 154 г.) и др.

Из Оксиринхского нома дошло соглашение об аренде части дома Аммонием, отпущенником Сарапиона-Теогена, в коме Сефо у Хайремона-Аммония, сына Теона (р. Оху. 1128, 173 г.). В описи храмового имущества в одном из деревенских храмов Кинопольского нома числится бронзовый алтарь, пожертвованный Смарагдом, отпущенником Аполлония, сына Сарапиона, очевидно, как-то связанным с этой комой (р. Оху. 1449, 213—217 гг.).

В документах переписи населения встречаются упоминания об отпущенниках, проживавших в коме или у своих патронов — например в Тебтюнисе (PSI, 1147), в Просопитском номе (р. Lugd.-Bat. V, 173/4 г.) — или в качестве квартиросъемщиц (BGU, 26, Каранида, 175 г.); чем они занимались, на какие средства существовали, остается неизвестным.

¹⁴⁸ Членство в коллегии Гарпократа позволяет предполагать, что Наркисс мог быть по профессии врачом или цирюльником. В р. Mich. 326 (48 г.) из Тебтюниса упоминаются два раба по имени Наркисс, принадлежавшие Гераклиду младшему, сыну Марона, а после его смерти — его детям: Наркисс-цирюльник — дочери Гераклея, Наркисс-погонщик ослов — сыну Марону.

Из городов — метрополий номов также дошло значительное число упоминаний об отпущенниках и отпущенницах без указания их профессии или рода занятий. О некоторых известно лишь, что они «квартиросъемщики» (р. RyI. 285) или владельцы части дома (BGU, 493—494). Некоторые, вероятно, отпущенные, по завещанию, продолжали жить в доме своих бывших господ или их наследников (р. Оху. 255; PSI, 1034; 1227).

В документах о погашении долга сообщается, например, что Архий, отпущенник Амоита, сына Зоила, из Оксиринха, в 138 г. брал в долг на 50 месяцев 700 драхм, остаток долга 168 драхм погасил в 141/2 г. (р. Оху. 98). Деметрий, отпущенник Тетевты, дочери Диогена, от имени жены Тнеферсоиты, дочери Хармиусия, выплачивает остаток долга в 866 драхм наследнице Герода, у которого Тнеферсоита занимала более 2000 драхм (PSI, 878, II в.). По-видимому, это люди ниже среднего достатка, но каковы источники их существования, трудно определить.

Многократно упоминаются отпущенницы-жены или матери жителей метрополий. Из двух апографов Мистоса, сына Филона (BGU, 55), можно узнать, что первой его женой была Афродита, отпущенница Гераклида и Сабина, а второй — Зосима, отпущенница Аммонари, дочери Мариона. По отдельным документам проводившейся в 188/89 г. переписи в Арсинополе зарегистрированы как отпущенницы жены погонщика ослов Пасигена, сына Теона (р. Tebt. 322), и земледельца Диоскора, внука Гераклида (BGU, 117), мать Дейоса, сына Герона (BGU, 138). В одном из документов об эпикрисис в 138 г. (SB, 5217) названы Преймилла, отпущенница, а затем жена Гая Юлия Диогена и ее дети Гай Юлий Спурий, сын Диогена, и дочь Юлия от незаконного брака. Из декларации Аврелия Термудариион следует, что ее мать Аврелия Алинес была отпущенницей Птолемея, булевта Антинополя (р. Reipach 49 = W. Chr., 207, 215/16 г.).

В завещании Пекусиса, сына Герма, из Оксиринха (р. Оху. 105, 117—137 гг.), оставившего дом, аулес и каморку своей дочери Аммонуте, оговаривается, что всем имуществом имеет право пользоваться его жена, мать Аммонуты Птолемея, отпущенница Деметрия, сына Гермиппа. Очевидно, правовой статус Птолемея не позволял сделать завещание в ее пользу. Отпущенницы-жены упоминаются также в PSI, 1104; р. Оху. 305; 898; р. Tebt. 322; SB, 5167; 7393 и других папирусах.

В большинстве дошедших до нас папирусов речь идет о смешанных браках — отпущенников и свободных женщин, чаще отпущенниц и свободных мужчин; браки между отпущенниками встречаются сравнительно редко. Заключение смешанных браков обуславливалось разными причинами. Иногда это было лишь оформлением брачных отношений, существовавших до отпуска на свободу жены-рабыни или мужа-раба: так можно трактовать BGU, 1045, где брачный контракт между 47-летним Гермесом, отпущенником Скилака, и 45-летней Исидорой, дочерью Сатира, имел целью узаконить *ἄγραφος γάμος*. Побудительной причиной для женитьбы на отпущен-

ницах нередко служило приданое или наследство, полученное отпущенницей от патрона: земельные участки, доли домовладения, деньги, ценности. Так, согласно контракту о приданом (PSI, 1117), Родина, отпущенница Зевсиса, сына Зевсиса, дает в приданое своей дочери и соотпущеннице Тенапинхис золотые вещи, одежду и в качестве *прошфора* купленный ею в Тебтюнисе дом и $1/4$ дома, полученного по завещанию от их патрона Зевсиса. О наследстве, полученном молодыми отпущенницами от патронов, говорится в BGU, 326; PSI, 1040 и др.

Как уже отмечалось, отпущенники и отпущенницы по своему имущественному положению в основном примыкали к средним слоям населения комы или метрополии. Мы встречаем их среди земле- и домовладельцев, а также среди опекунов (р. Оху. 716; SB, 7634), кредиторов (PSI, 473; р. Mich. 606), посредников в разного рода деловых операциях (р. Оху. 1020; 1474; 2349), среди привилегированных категорий налогоплательщиков (SB, 5217; 7393; W. Chr., 207). Все это предполагает определенную материальную обеспеченность, а в соответствии со сложившимися при римлянах нормами социальных отношений более или менее обеспеченные лица обзаводились собственными рабами.

Дошедшие до нас документы о рабовладении среди отпущенников датированы в основном серединой II — началом III в., лишь отдельные документы выходят за эти рамки. Самый ранний из них происходит из Александрии (BGU, 1112, 4 г.): в нем сообщается о том, что Гай Юлий Феликс, отпущенник Марка Юлия Феликса, сдал свою рабыню в наем в качестве кормилицы и получил соответствующую плату. Этот отпущенник принадлежал к кругу римских частных и императорских отпущенников, появившихся в Египте в первые десятилетия римского господства. Более поздние папирусы относятся уже к отпущенникам местного населения. Это главным образом документы о приобретении рабов. Так, в SB, 7533 из Фаюма сообщается, что в 160/61 г. Агатодаймон, отпущенник Гераклида и Сарапиона-Дориона, купил доморожденного раба Дидима (25 лет) за 1300 серебряных драхм, но цена была выплачена медью: 10 талантов 3000 драхм. В другом документе (р. Оху. 485, 178 г.) говорится о приобретении раба другим путем: Серен, отпущенник Аполлонияна, сына Сарапиона, из Оксиринха, предоставил ссуду в 900 драхм (плюс проценты из расчета 1 драхма на мину в месяц, т. е. 108 драхм в год) Сарапиаде, дочери Подона, из Псобтиса, под залог принадлежащей ей рабыни. В результате неуплаты долга в установленный срок право собственности на рабыню перешло к Серену. PSI, 1228 (Микро Оазис, 188 г.) сообщает о том, что Татрес, отпущенница Афродиты (которая в свою очередь была отпущенницей Псенамунис), сначала заложила, а затем продала принадлежавшую ей $1/2$ долю владения девочкой-рабыней, находившейся еще у кормилицы. В р. Оху. 1706 (207 г.) речь идет о покупке отпущенницей Сарапиадой двух рабынь у наследников Тавсорипии, тоже отпущенницы (документ фрагментирован).

Как использовались рабы в хозяйстве отпущенников, проследить не удастся, но можно с полной определенностью сказать, что для отпущенников и отпущенниц, как и для свободнорожденных, владение рабами было одним из признаков благосостояния и источником дохода.

В заключение следует отметить, что папирусы, касающиеся отпущенников, содержат двойственную информацию. С одной стороны, сфера деятельности отпущенников должна отражать и, очевидно, отражает их профессиональную специализацию до освобождения и, следовательно, сферу использования рабского труда. В этом отношении показательно сравнительно большое количество свидетельств о связи отпущенников с сельскохозяйственным производством, а также данные об отпущенниках ремесленных профессий и большое число упоминаний об отпущенниках-женах, происходивших преимущественно из рабынь-служанок. С другой стороны, на положение и занятия отпущенников несомненно влияли социальные положение и деятельность их патронов — бывших хозяев. И естественно предположить, что отпущенники чиновников, торговцев, ремесленников в ряде случаев перенимали профессию своих бывших хозяев.

V. ИМПЕРАТОРСКИЕ РАБЫ И ВОЛЬНООТПУЩЕННИКИ

С первых же лет римского господства в Египте среди папирусов появляются документы, связанные с именами рабов и отпущенников императора. Это прежде всего группа документов частноправового характера из Александрии¹⁴⁹, датированных временем Августа и происходящих из канцелярии Протарха, занимавшего пост *ὁ ἐπὶ χριτῆριου* (BGU, 1059) и ведавшего регистрацией и аprobацией всякого рода соглашений и сделок. Императорские рабы и отпущенники упоминаются также в папирусах административного характера и в частных деловых документах, датированных I и II вв. н. э. К этому же времени относится большинство найденных в Египте и за его пределами надписей императорских отпущенников (и рабов), занимавших различные административные должности в Египте. Заметно реже встречаются такого рода папирусы и надписи, датированные III в., что, вероятно, связано в известной мере с уменьшением сохранившихся от этой эпохи письменных памятников.

Если же исходить из общего числа папирусов, касающихся рабовладельческих отношений, то количество документов об императорских рабах и отпущенниках окажется очень незначительным. Но едва ли из этого следует делать вывод о столь же незначительной роли их в социальной и экономической жизни Египта.

При изучении этого вопроса следует иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, Египет в I—II вв. был важнейшей импера-

¹⁴⁹ BGU, 1110; 1112; 1118; 1129; 1130; 1152; 1166; 1170; 1171; 1177.

торской провинцией, обеспечивавшей и снабжение Рима хлебом и устойчивые доходы императорской казны. Во-вторых, система египетского административного и финансового управления, унаследованная римлянами от эллинистической эпохи, была очень сложна и при Птолемах служила источником наживы для обширного штата царских чиновников. Естественно предположить, что Август и его преемники, чтобы обеспечить доходы императорской казны, должны были направить туда для контроля за местной администрацией или для замены ее значительное число служащих, достаточно надежных и целиком зависящих от императора, т. е. в первую очередь отпущенников и рабов.

Автор обстоятельного исследования, посвященного изучению политической и социальной роли императорских рабов и отпущенников в эпоху ранней Римской империи, Ж. Бульвер, считает, что при всей специфике египетской администрации в Египте, как и в других императорских провинциях, в канцеляриях высших чиновников всаднического ранга, ведавших патримониальными и государственными доходами, штат прокураторов (ἐπίτροπος), адьюторов (βοηθός), табуляриев, либраниев, диспенсаторов (οἰκονόμος) и прочих служащих состоял из императорских отпущенников и рабов¹⁵⁰. Но приведенные им документы относятся преимущественно ко времени после Флавиев и в основном к канцеляриям, находившимся в Александрии. Это связано с тем, что выявить императорских рабов и отпущенников среди должностных лиц, упоминаемых в папирусах, необычайно трудно. Обычно в египетских документах административного характера указывается лишь имя (или одно из имен) и должность того лица, кому адресован или кем заверен документ (а иногда только имя или только должность).

Например, названная выше группа папирусов из Александрии адресуется или *Προτάρχῳ τῷ ἐπὶ χρητῆριου*, или просто *Προτάρχῳ*; оксиринхский папирус 97 г. н. э. (Mit. Chr., 314) адресован Деметрию, Аполлонию и Диогену, библиофилакам, а декларация Гариеса, сына Петесириса, о приплоде ягнят, полученном в 12 г. правления Нерона (р. Оху. 246), засвидетельствована Аполлоном, ὁ παρὰ στρατηγῶν, Горионом, ὁ παρὰ βασιλικῆς γραμματείας и Зеноном, ὁ παρὰ τῶν τὸν νομὸν γραφόντων. Каково социальное положение этих лиц, остается неясным. С одинаковой вероятностью можно предполагать, что они были императорскими рабами, или отпущенниками, либо свободными местными жителями. Поэтому тем большего внимания заслуживают те документы, где социальный статус членов императорской фамилии указан достаточно определенно. Весьма любопытно, что наиболее ранние из этих дошедших до нас папирусов свидетельствуют об очень оживленной деловой активности императорских рабов и отпущенников уже в первые три десятилетия римского господства в Египте. Члены императорской

¹⁵⁰ Boulvert G. Esclaves et affranchis imperiaux sous le Haut-Empire romain. Rôle politique et administratif. Napoli, 1970, p. 115—120, 224—227, 231.

«фамилии» сдают в аренду, приобретают и продают землю, занимают и дают в долг деньги, отдают на вскармливание детей-рабов, сдают в наем своих рабынь в качестве кормилиц, берут в залог рабов. Контрагентами их выступают свободные местные жители, александрийцы или египтяне.

Так, по договору (BGU, 1118), датированному 8 годом правления Августа в Египте (т. е. 23/22 г. до н. э.), Эзоп, сын (или викарий?) Эрота, раба Цезаря, сдает в аренду Трифону и его жене Арсиное заболоченный участок земли, расположенный где-то возле Канопского рукава Нила. Из документа следует, что участок засажен садовыми и огородными культурами и что Трифон с женой арендуют его уже третий год. По-видимому, для проведения каких-то работ Эзоп и Эрот дважды выдавали арендаторам ссуды в 2441 и 2500 драхм через трапезы Кастора и Дионисия. Арендаторы обязаны выплачивать ренту с сада лучшими плодами и овощами и погасить ссуду. Документ плохо сохранился, почти половина каждой строки с правой стороны текста утрачена, многое остается неясным. Не ясно, например, социальное положение одного из авторов этого документа. Контракт направлен в канцелярию от имени Αἰσίπου τοῦ Ἑρώτα Καίσαρος. В дальнейшем Эрот упоминается еще раз с определением Καίσαρος, к имени Эзопа это определение не присоединяется. Означает ли это, что Эзоп не был рабом императора? Если это так, то он, очевидно, был или рабом Эрота, т. е. викарием, или сыном Эрота от свободной женщины, так как в последнем случае по египетским законам он мог считаться свободнорожденным¹⁵¹.

Неясно также, кому принадлежит участок земли, сдаваемый в аренду. В трактовке издателей владельцем земли был Эрот, так как они предполагают, что в 4-й строке следует читать Ἑρως τένα[ρος ἀρουρῶν...], а Эзоп выступал, очевидно, как доверенное лицо Эрота. По характеру документа и месту его регистрации также можно заключить, что речь идет о сдаче в аренду частного землевладения. Суммы, ссужаемые Эротом и Эзопом (или тем же Эротом через Эзопа?) арендаторам, говорят, во-первых, о том, что размер участка и масштабы проведенных на нем работ были, по-видимому, значительными, а во-вторых, о том, что Эрот был весьма зажиточным человеком. Возможно, с тем же Эротом, но уже в качестве отпущенника мы встречаемся в документе (BGU, 1125), датированном 17 годом правления Августа в Египте (т. е. в 13 г. до н. э.). Это договор между Гаем Юлием Эротом и другим отпущенником, Гаем Юлием (Феликсом или Филиосом, — когномен не сохранился), согласно которому последний отдает Эроту для обучения игре на музыкальных инструментах раба Наркисса. Как отмечают издатели, договор составлен в пользу Эрота, из его содержания неясно, кто будет обучать Наркисса, едва ли сам Эрот (возможно, Апол-

¹⁵¹ См. Taubenschlag R. The Law..., p. 72—73. О возможности браков императорских рабов со свободными женщинами в Александрии см. BGU, 1166 и 1175.

лоний, сын Аполлония, чье имя вписано мелким шрифтом в первоначальный набросок этого документа?). Расчет по договору производится через ту же разменную трапезу Кастора, что и в предыдущем документе; эта деталь служит некоторым подтверждением идентичности Эрота, раба императора, и отпущенника Гая Юлия Эрота.

В литературных источниках также есть упоминание об отпущеннике Августа Эроте. Плутарх в сохранившихся фрагментах биографии Августа сообщает, что отпущенник Эрот занимал должность $\acute{o} \tau\acute{\alpha} \epsilon\nu \text{A}\iota\gamma\upsilon\tau\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon \delta\iota\omicron\iota\kappa\omega\nu$ ¹⁵², т. е. управляющего владениями Августа в Египте. Поэтому вполне вероятно, что во всех упомянутых случаях речь идет об одном и том же лице. И едва ли есть основание считать Гая Юлия Эрота в BGU, 1125 александрийцем, получившим римское гражданство от Августа¹⁵³, так как среди александрийской знати — а именно ей в первую очередь предоставлялись гражданские права — имя Эрот не встречается.

К тому же времени, что и договор об аренде земли, принадлежавшей Эроту, относятся и первые ростовщические операции императорского раба Стефана. В 23 г. до н. э. он дал в долг Диодору, сыну Диодора, 300 драхм, в следующем году ему же — еще 200 драхм и взял в залог раба. Лишь в 10 г. до н. э. Диодор смог расплатиться со Стефаном и получить обратно заложенного раба (BGU, 1152). Тот же Стефан в 13 г. до н. э. дал в долг Героду, сыну Исидора, 1000 драхм, через два года он уступил это долговое обязательство другому ростовщику — Заману, а в 10 г. до н. э. вновь выкупил у Замана этот документ (BGU, 1171).

В ином положении находится раб Цезаря Гелен. В 13 г. до н. э. он и его жена Трифена, дочь Птолемея, одалживают у Гая Юлия Филиоса через разменную трапезу Кастора 100 драхм под проценты: по 2 драхмы каждый месяц, т. е. 24% годовых (BGU, 1166). Возможно, этот Гелен идентичен трапезиту Гелену, через разменную трапезу которого в 10 г. до н. э. Диодор, сын Диодора, выплатил долг Стефану (BGU, 1152). Если это так, то Гелен, очевидно, не владелец трапезы, а один из мелких чиновников императорской казны. В папирусе, датированном 5 г. до н. э. (BGU, 1175), мы встречаем того же Гелена, раба Цезаря, снова одалживающего под проценты (1 драхма на мину в месяц, т. е. 12% годовых) 100 драхм у какого-то Гая (номен и когномен не сохранились), но на этот раз документ составлен на имя уже другой жены — Змиры, дочери Асклепиада. Обе жены Гелена, по-видимому, не рабского статуса.

Еще один императорский раб — Панкрат — получает какую-то ссуду под 24% годовых в 13 г. до н. э.

Для характеристики социального и правового положения императорских рабов в Египте большой интерес представляют два документа о продаже земли в форме парохоресис, т. е. уступки права

¹⁵² См. *Boulvert G.* Op. cit., p. 51.

¹⁵³ См. *Taubenschlag R.* Opera minora, I, p. 187—188.

владения земель в погашение полученной ссуды. В одном из них (BGU, 1129 = Mit. Chr., 254), датированном 17 годом правления Августа в Египте (т. е. 13 г. до н. э.) некто Протарх, внук Зенея (вместо имени отца в папирусе прочерк), с согласия жены Опоры, дочери Протарха, имеющей статус горожанки (*ἀστῆ*), в компенсацию за полученную ссуду уступает Трифону, сыну Симона, рабу Цезаря, участок земли в 48^{11/16} арур из принадлежащих ему 200 арур *γῆ κατοικητικῇ* в Бусиритском номе. Общая стоимость земли 1400 драхм, часть суммы Протарх получил раньше, остальное — при совершении этой сделки. В конце соглашения имеется обычная для египетских документов формула гарантий владения: Трифон получает право владеть и распоряжаться (*κρατεῖν καὶ κυριεύειν*) землей, уступать (*παραχωρεῖν*) и сдавать в аренду (*ἐγμισθεῖν*), вести хозяйство (*οἰκονομεῖν*), платить налоги (*ἀποφέρεισθαι*) и делать с этим участком все, что захочет (*ἐπιτελεῖν ὅτι ἐὰν βούληται*). Соответственно Протарх отказывается от всех прав на этот участок и в случае нарушения данного соглашения обязан вернуть его цену в полуторном размере и уплатить штраф в 1000 драхм. Таким образом, раб Цезаря выступает в этой сделке как совершенно равноправный контрагент свободного местного жителя.

В другом документе (BGU, 1130, 4 г. до н. э.) покупателем выступает александриец Сарапион, сын Диодора, а продавцом — раб Цезаря Пилаймен, сын Акрата, тоже раба Цезаря (или викарий Акрата?). Пилаймен «уступает» Сарапиону 2 аруры земли в коме Гипсела Ликопольского нома в Фиваиде, застроенной жилищем и общественной баней, и передает ему права владеть и распоряжаться (*κρατεῖν καὶ κυριεύειν*) землей, а также права владеть домом (*ἐμβατεύειν*), надстраивать или ремонтировать его (*ἐποικοδομεῖν*), сдавать в аренду (*ἐγμισθεῖν*), уступать (*παραχωρεῖν*) другим, пользоваться (*χρῆσθαι*) и управлять (*διοικεῖν*) и совершать все, что хочет в отношении уступленного. Величина *παραχωρητικόν*, т. е. суммы или ссуды, полученной за уступленное имущество, не указана, но в конце документа предусматривается, что в случае нарушения сделки Пилаймен выплачивает парохоретикон в полуторном размере и возмещает ущерб и расходы в размере 1000 драхм.

Из этого документа, как и из предыдущего, следует, что рабы императора пользовались в Египте как будто бы неограниченными правами владения и распоряжения приобретенным ими имуществом, в том числе и землей. Но если в первом случае, где продавцом был свободный человек, покупателю достаточно его личных гарантий, то во втором документе, помимо продающего раба Цезаря Пилаймена, права покупателя гарантирует Гай Юлий Гермий, присутствующий и одобряющий эту сделку через своего представителя Гермия, сына Приска. Судя по имени, Гермий — отпущенник императора и, очевидно, начальник Пилаймена и Акрата. Таубеншлаг¹⁵⁴ высказывает предположение, что одобрение сделки Га-

¹⁵⁴ См. Taubenschlag R. The Law..., p. 89, п. 104.

ем Юлием Гермием свидетельствует об установлении императорской администрацией некоторых ограничений на такого рода сделки императорских рабов. Но не следует ли взглянуть на этот факт с другой стороны, а именно — увидеть в нем стремление покупателя оградить себя от возможного аннулирования сделки старшими чинами императорской «фамилии»? Произвол и злоупотребление властью были довольно частым явлением среди рабов и отпущенников императора¹⁵⁵, начиная уже со времени Августа.

Большинство императорских рабов, о которых сообщают документы из архива Протарха, люди более или менее зажиточные, имеющие землю и другое недвижимое имущество или денежные капиталы. Некоторые из них сами владеют рабами, как, например, Гарпократион, отдавший на вскармливании подкинутую (?) девочку-рабыню (BGU, 1110), либо пользуются трудом рабов, полученных в залог, подобно Стефану (BGU, 1152), державшему в залоге раба своего должника Диодора, сына Диодора, около 10 лет. Все они, очевидно, занимали какие-то должности или в центральной императорской администрации в Александрии, или в номах, в местных канцеляриях, ведавших государственными или патримониальными имуществом и доходами. Дополнительный штрих, характеризующий социальное положение императорских рабов, дает папирус от 6 г. до н. э. (BGU, 1137), содержащий постановление коллегии почтителей культа Августа. Во главе ее стоят раб Цезаря Прим — синагогевс и простат, раб Цезаря Юкунд — жрец, Александр (не раб) — гимнасиарх.

К сожалению, документы из архива Протарха не содержат определенных сведений о служебном положении императорских рабов. По ним можно заметить лишь некоторые изменения в их карьере. Например, можно предполагать, что уже упоминавшийся Пилаймен (BGU, 1130) раньше служил в Ликопольском номе и приобрел там на территории комы Гипсела кусок застроенной земли, а затем был переведен в Александрию и здесь нашел покупателя на это имущество, ставшее ему не нужным. Выше уже говорилось о карьере Эрота, раба, а затем отпущенника Августа.

Возможно, такой же путь от императорского раба до богатого и влиятельного отпущенника проделали неоднократно упоминающиеся в документах из архива Протарха Гай Юлий Феликс и Гай Юлий Филиос. На основании формы имен Таубеншлаг причислял их к римским гражданам: Гая Юлия Феликса он считает полноправным римлянином (Vollrömer)¹⁵⁶, а Гая Юлия Филиоса — романизированным греком, получившим гражданские права и родовое имя от императора Августа¹⁵⁷. Но содержание документов, касающихся этих лиц, круг их деятельности и деловых связей едва ли подтверждают мнение Таубеншлага.

¹⁵⁵ См. *Suet.*, Aug., 67.

¹⁵⁶ *Taubenschlag R. Opera minora*, I, p. 182.

¹⁵⁷ *Ibid.*, p. 187.

Гай Юлий Феликс в 13 г. до н. э. выступает в качестве опекуна Антонии Филоматии, отпущенницы Антония, в договоре о сдаче в аренду принадлежащего Филоматии дома в Дельте (BGU, 1116). Может быть, он же отдает в обучение игре на флейте своего раба Наркисса Гаю Юлию Эроту (BGU, 1125, 13 г. до н. э.), так как в черновом наброске этого документа хозяин раба именуется Γαῖος Ἰουλί-ο(ς) ..... ο(ς) и имя Φηλικο(ς) вполне вписывается в лауну. Позднее, в 4 г. до н. э., Гай Юлий Феликс появляется как патрон отпущенника Марка (?) Юлия Феликса, отдавшего свою рабыню в наем в качестве кормилицы (BGU, 1112). Из этих документов следует, что Гай Юлий Феликс — человек зажиточный, имеющий какое-то число рабов и даже отпущенника, тоже достаточно обеспеченного. Но его деловые связи ограничиваются кругом отпущенников, по-видимому, принадлежащих или имеющих некоторое отношение к императорской фамилии¹⁵⁸. Имя самого Гая Юлия Феликса также указывает на принадлежность к императорской фамилии, так как имя Феликс неоднократно встречается среди рабов Цезаря¹⁵⁹. Но можно предположить, что в Египет Гай Юлий Феликс прибыл уже в качестве отпущенника и занимал какую-то должность в имперской администрации.

Гай Юлий Филиос, напротив, выступает в папирусах прежде всего как ростовщик. В архиве Протарха за 15—13 гг. до н. э. сохранилось 7 долговых обязательств, связанных с именем Гая Юлия Филиоса. В 15 г. до н. э. он предоставляет ссуду в 180 драхм без процентов Нилу, его жене Зоиде и сыну Эйренаю на 6 месяцев на условии погашения (или отработки?) ими долга по одной драхме в день (BGU, 1156), фактически же Филиос, по-видимому, выплатил их долг 120 драхм и проценты Сарапиону, сыну Соса, и переписал долговое обязательство на 180 драхм. В следующем году Филиос дает в долг под 24% годовых какую-то сумму Панкрату, рабу Цезаря (BGU, 1177). В 13 г. до н. э. круг его денежных операций расширяется: он предоставляет ссуду в 100 драхм под те же проценты Гелену, рабу Цезаря, и его жене (BGU, 1166) и ссуду в 70 драхм Лукариону, сыну Аполлония, и Агафоклу, сыну Сарасина, причем вместо процентов обеспечением долга служит доход с эргастерия (BGU, 1151), затем ссуду в 300 драхм тому же Лукариону, его жене Теотариону и Птолемею, сыну Птолемея, и опять под доходы с эргастерия (BGU, 1053).

В том же году Филиос переписал долговое обязательство Марка Мунация Эпина(кта) и его жены Исидоры, дочери Арея, которые получили от него ранее ссуду в 400 и 150 драхм и частично ее погасили. Новое обязательство составлено на 328 драхм, и в залог Фи-

¹⁵⁸ О Гае Юлии Эроте см. выше, с. 195. Что касается Антонии Филоматии, то, по мнению издателей, ее хозяином был триумvir Марк Антоний. См. BGU, Bd. IV, S. 195.

¹⁵⁹ Например, в папирусе, датированном 10 г. до н. э. (BGU, 1170), упоминается раб Цезаря Феликс, предоставляющий ссуду в 48 драхм без процентов Сарапиону, сыну Пете...

лиос получил от должников раба Зосима (BGU, 1149). Таким образом, в число должников Гая Юлия Филиоса попадают императорские рабы, александрийские ремесленники и римский гражданин, возможно, легионер, женатый на жительнице Александрии. Складывается впечатление, что постепенно его ростовщические операции расширяются, однако размеры ссуд сравнительно невелики: 120, 100, 70, 300 и 400 драхм (ср. со ссудой в 2500 драхм, выданной Эротом в BGU, 1118). Поэтому можно думать, что или контрагенты Филиоса были небогатыми людьми или он сам не располагал крупными денежными средствами. Во всяком случае, нет оснований видеть в нем представителя александрийской аристократии, получившего римское гражданство от Августа, а едва ли Август предоставлял гражданские права людям небогатым и невлиятельным. Это позволяет предполагать, что Гай Юлий Филиос также был отпущенником Августа, греком по происхождению, занимавшим, вероятно, какую-то должность в имперской администрации, но, как уже говорилось, архив Протарха почти не дает сведений о служебной деятельности императорских рабов и отпущенников.

Несколько больше сведений такого рода содержат папирусы, происходящие из египетской хоры. Так, в двух фрагментах р. Lond. 256 (d, e) речь идет о функциях императорского раба Приска, от имени которого действует его викарий или сын Фауст. Оба фрагмента адресованы Акусилаю, ситологу Лисимахиды, комы Арсиноитского нома (Фаюм). В первом из них представители комы Кинополя — главный жрец, топарх и комограмматевс — просят Акусилая, которого они называют государственным ситологом из подчиненных Приску, рабу Цезаря (*δημόσιος σιτολόγος ὁ παρὰ Πρίσκου Καίσαρος*), выдать зерно перечисленным в этом документе земледельцам в соответствии с распоряжением базиликограмматевса и стратега, полученным через Фауста, сына Приска, раба Цезаря. Во втором фрагменте Фауст дает распоряжение Акусилаю выдать в присутствии топарха и комограмматевса зерно из урожая 10 г. н. э. в качестве ссуды (*εἰς δάνεια*) государственным земледельцам (*δημοσίοις γεωργοῖς*) для посева на царских, храмовых и прочих землях (*βασιλικήν καὶ ἱερὰν καὶ ἑτέραν γῆν*) в соответствии с присланной стратегом и базиликограмматевсом и скрепленной печатью разверсткой (в тексте *δίγμμασι*, т. е. образцами или планами), всего в количестве 583 артаб сирийской пшеницы. При этом Фауст обязывает Акусилая получить от земледельцев *τὴν καθήκουσαν χειρογραφίαν*, т. е. установленной формы расписку или обязательство оросить и засеять все земли в надлежащие сроки с тем, чтобы ни одна арура не осталась неорошенной и незасеянной, расходовать семена только на государственные земли, а не для личных нужд и вернуть семенную ссуду из урожая 11 года вместе с экфорионом.

Из этих документов следует, что Приск занимал важную должность в хозяйственной администрации нома. Хотя в письме к ситологу о выдаче семенной ссуды представители комы ссылаются на

распоряжение стратега мериди и базиликограмматевса, но фактически запасами зерна в тезаврах распоряжается императорский раб (или викарий) Фауст. Кроме того, Фауст несет какую-то ответственность и за доброкачественную обработку государственных земель: его подробная инструкция Акусилаю о содержании обязательств государственных земледельцев весьма напоминает соответствующие распоряжения экономов птолемеевского времени. Возможно, что Фауст занимал такую же должность — *οἰκονόμος*, т. е. аркария или вилика по латинской номенклатуре¹⁶⁰.

В третьем фрагменте этого же папируса (р. Lond. 256 а), адресованном ситологу Акусилаю, кибернет (командир или капитан) судна, доставляющего хлеб в Александрию, получая в 15 г. н. э. зерно от Акусилая, именует его *ὁ παρὰ Λουκίου Μαρίου ἀπελευθέρου χρίτου Σεβαστοῦ*. Это может говорить либо о том, что сменился непосредственный начальник Акусилая, либо о том, что ситолог мог одновременно подчиняться и местному вилику или аркарию, и чиновнику, ведавшему доставкой зерна в государственные склады (тезавры) Александрии. Но в обоих случаях местная традиционная администрация оказывается в подчинении или под контролем имперской, сформированной из лиц, принадлежащих к «фамилии Цезаря», так как отпущенник Луций Марий, как бы ни толковать слово, стоящее перед *Σεβαστοῦ*¹⁶¹, несомненно, имел какое-то отношение к императорской фамилии.

Наметившуюся при Августе частнопредпринимательскую и административную активность императорских рабов и отпущенников в Египте можно проследить и в последующие годы правления династии Юлиев — Клавдиев, но, к сожалению, свидетельства очень беглые или даже косвенные. Так в тебтунисском графейоне зарегистрирована какая-то сделка Венуста, викария императорского раба Примигена (р. Mich. 123, R., II, стк. 12—17).

Любопытный документ сохранился в оксиринхских папирусах (р. Оху. 244 от 23 г. н. э.): Керинт, раб Антонии, сообщает стратегу Оксиринхского нома Херее, что он намерен перегнать в Кинопольский ном принадлежащие ему и зарегистрированные в Оксиринхском номе (*ἃ ἔχω ἐν ἀπογραφῇ*, т. е. числящиеся за ним по переписи) стада из 320 овец и 160 коз (с их приплодом), и просит известить об этом стратега Кинопольского нома и произвести соответствующую перерегистрацию.

Рассматривая этот папирус, Р. Таубеншлаг отмечает необычную, с точки зрения римского законодательства, правовую дееспособность раба, принадлежащего частному лицу, и объясняет это влиянием местных правовых норм¹⁶². Но едва ли такое объяснение можно считать исчерпывающим. Подписывая документ, Керинт называет

¹⁶⁰ См. *Boulvert G.* Op. cit., p. 120.

¹⁶¹ Слово *χρίτου* плохо поддается истолкованию. Вилькен при переиздании фрагмента (*W. Chr.*, 443) отвергает это чтение, оставляет лишь... *του*.

¹⁶² *Taubenschlag R.* Opera minora, I, p. 240.

себя Antoniae Drusi servus, т. е. рабом Антонии, жены Друза ¹⁶³. Вероятно, Керинт принадлежал Антонии младшей, племяннице Августа (дочери Октавии и Марка Антония), жене, а ко времени составления документа уже вдове Друза, брата правившего в это время императора Тиберия. Пребывание Керинта в Оксиринхе можно объяснить наличием у Антонии в этом номе какого-то имущества, возможно, земельных владений (οὐσίαι) ¹⁶⁴. На привилегированное положение Керинта указывает тон его письма местным властям — независимый, требовательный. Керинт не просит разрешения перегнать скот, а лишь сообщает о своем намерении для того, чтобы стратег оформил необходимые документы, и Херея тут же на докладной Керинта делает соответствующую запись, адресованную Гермию, стратегу Кинопольского нома. Можно предположить, что правовая дееспособность Керинта порождена не только местными традициями, но и принадлежностью к рабской фамилии одного из членов императорской семьи, благодаря чему его статус в египетском обществе приближался к статусу императорских рабов.

Положение Египта как особой императорской провинции, управление которой находилось целиком в ведении самого императора и его приближенных, привело к появлению многочисленных частных земельных владений (οὐσίαι), полученных в качестве дара от императора или приобретенных иным путем родственниками и фаворитами цезарей. В папирусах засвидетельствованы, например, усии Германика, Антонии, Мецената, Сенеки ¹⁶⁵ и др., но не менее часто встречаются упоминания об усиях императорских отпущенников. Так, в одном из фаюмских папирусов (W. Chr., 176) говорится об аренде неким Гериевсом, сыном Сатабута, маслодельни, которая ранее входила в состав поместья Наркисса (ἐκ τῆς πρῆτερων Ναρκίσσου οὐσίαις), и Гериевс арендовал ее, начиная с 13 г. правления императора Клавдия. В момент составления этого документа маслодельня вновь перешла во владение императора, и для ее оприходования туда были направлены специальные представители патримониальной администрации — проεστώτες, на действия которых и жалуется Гериевс. Очевидно, прежним владельцем поместья был хорошо известный по литературным источникам отпущенник Клавдия Наркисс, стоявший во главе канцелярии ab epistulis, с которым Нерон и его мать Агриппина расправились сразу после смерти Клавдия (Тас., Апп., XIII, 1).

О бывшей усии Наркисса в Фаюме в мериде Фемиста упоминается также в р. Ryl. 171 (51—57 гр.).

В более позднем (121 г. н. э.) документе из Гермополя в Верхнем Египте (р. Lond., 1223 = W. Chr., 370) речь идет об аренде участка в 111 арур из поместья (τῆς οὐσίαις) Марка Антония Палланта. Ком-

¹⁶³ А не дочери, как можно предположить на основании греческого текста. См. *Tau'enschlag R. The Law...*, p. 89.

¹⁶⁴ См. *Rostowzew M. Studien zur Geschichte des römischen Kolonates*. Leipzig, 1910, S. 120 ff. Об усии Антонии, жены Друза, в Фаюме, см. р. Ryl., 171.

¹⁶⁵ См., р. Mich. IV, p. II, Indices, p. 253.

ментаторы этого папируса считают ¹⁶⁶, что поместье принадлежало одному из потомков Палланта, отпущенника упомянутой выше Антонии, матери императора Клавдия. Паллант при Клавдии и в первые годы правления Нерона руководил главным финансовым ведомством при императорах (*ab rationibus*) и был одним из богатейших людей своего времени ¹⁶⁷. По-видимому, тому же Палланту когда-то принадлежали три поместья в Фаюме, упоминающиеся в налоговых ведомостях 173—176 гг. из комы Караниды (р. Mich. IV, 223—225). В отношении одного из них указывается: Πάλλαντος (πρότερον) Γαλλίας Πόλλης (р. Mich. 224, 6188), т. е. усия Палланта, ранее принадлежавшая Галлию Поллу. Этот Галлий Полл, считают Ростовцев и Геремек ¹⁶⁸, был из семьи Галлиев, сторонников триумвира Марка Антония.

По свидетельству Светония, император Тиберий был в детстве усыновлен одним из Галлиев, но, вступив в наследство, отказался от имени, ибо «Галлии принадлежали к числу противников Августа» (Suet., Tib., 6, 3). И так как есть некоторые основания полагать, что Паллант уже при Тиберии был владельцем какого-то поместья в Египте ¹⁶⁹, которое он, возможно, получил от императора за услугу, оказанную им при раскрытии заговора Сеяна ¹⁷⁰, можно предположить, что и усия Галлия Полла также могла перейти к Палланту в качестве дарения. Но не исключено, что он приобрел эти земли, а также усию, прежде принадлежавшую Юкунду Хресиму (р. Mich., IV, 224, стк. 5195; 225, стк. 2817), путем покупки. Третье поместье, обозначенное просто οὐσία Πάλλαντος (р. Mich., IV, 224, стк. 4233), очевидно, получено в дар от кого-то из императоров.

В ежемесячном отчете ситологов Теадельфии (SB, 7193) от 164 г. упоминается еще одна усия Палланта, принадлежавшая ранее Галлию Поллу, на территории комы Евгемерии в мериде Фемиста, которая ко времени составления отчета, по-видимому, уже не принадлежала потомкам Палланта ¹⁷¹.

В налоговой ведомости из Караниды неоднократно упоминается οὐσία Δοριφοριανή (р. Mich. IV, 223, стк. 2727; 224, стк. 4213, 5913, 6079, 6439), по-видимому, также находившаяся возле комы Караниды в мериде Гераклида в Фаюме. А в приводившемся выше р. Ryl. 171 от 51—57 гг. идет речь об аренде Папом, сыном Трифона, двух участков земли в 7 и 20 арур возле комы Гераклеи в мериде Фемиста, входящих в состав усии Тиберия Клавдия Дорифора, принадле-

¹⁶⁶ См. Wilcken U. in: «Archiv für Papyrusforschung», IV, S. 549; *idem*. Grundzüge und Chrestomatie der Papyruskunde, Bd. I. Hft. 2. S. 435; Rostowzew M. Studien..., S. 123.

¹⁶⁷ См. Oost S. J. The Career of M. Antonius Pallas.—AJPh, LXXIX, 2, p. 126—129.

¹⁶⁸ См. Geremek H. Karanis—communauté rural de l'Egypte romaine au II—III-e siècle de notre ère. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1969, p. 30 со ссылкой на: SEHRE, p. 671.

¹⁶⁹ См. р. Ryl., v. II, p. 255. См. также: SEHRE, p. 574.

¹⁷⁰ Oost S. J. Op. cit., p. 115.

¹⁷¹ Hohlwein N. Euhéméria du Fayoum.—JJP, III, 1949, т. 86—87.

жавшей ранее Наркиссу. Очевидно, оба поместья принадлежали отпущеннику Нерона Дорифору. В одном из папирусов III в. (р. RyI. 99) есть упоминание о бывшей усии Дорифора в Гермопольском номе.

Если самые влиятельные рабы, а затем отпущенники императоров, занимая высшие придворные и административные должности, стремились приобрести поместья в Египте, то рабы и отпущенники рангом ниже добивались важных должностей в египетской администрации. Сохранилась, например, надпись отпущенника Тиберия Юлия Ксанфа (CIL, VI, 32775 = 33131), в которой сообщается, что он был вначале трактатором при императорах Тиберии и Клавдии, а затем субпрефектом флота Александрии. По словам Диона Кассия (LVIII, 19, 6), при Тиберии отпущенник Ибер некоторое время исполнял даже обязанности правителя Египта¹⁷².

Но помимо этих лиц, в большинстве своем весьма слабо связанных с Египтом, можно предполагать, что в этой провинции постепенно оседала какая-то часть фамилии Цезарей, формируя устойчивый контингент имперской администрации. Если вначале, т. е. при Августе, «рабы Цезаря», а тем более отпущенники императоров были каким-то инородным и даже привилегированным элементом в египетском обществе, то сравнительно быстро они начали смешиваться с местным населением. Согласно юридическим нормам, изложенным в «Гномон идиос логос», которые, как говорится во введении к этому документу, были установлены уже при Августе (BGU, 1210, стк. 1—5)¹⁷³, только викариям запрещается жениться на вольноотпущенниках, а значит, и на свободных женщинах (§ 110). Относительно рабов Цезаря — ординариев (и вообще рабов-ординариев?) такая оговорка отсутствует, поэтому есть основания предполагать, что это ограничение на них не распространялось¹⁷⁴. Подтверждением могут служить папирусы из архива Протарха, где упоминается раб Цезаря Гелен, дважды женившийся на свободных женщинах. Как уже говорилось, в 13 г. до н. э. он вместе с женой Трифайной, дочерью Птолемея, взял в долг 100 драхм у Гая Юлия Филиоса (BGU, 1166), а в долговом обязательстве от 5 г. до н. э. он уже назван мужем и попечителем Змирны, дочери Асклепиада (BGU, 1175).

Процесс ассимиляции мог ускориться благодаря тому, что в состав рабской фамилии Августа, вероятно, вошли и рабы, принадлежавшие царской династии Птолемеев. Нельзя ли, например, отнести к этой категории раба Цезаря Пилаймена, владевшего застроенным участком земли в Ликополе (BGU, 1130)?

Весьма характерно, что с середины I в. н. э. в папирусах почти совершенно исчезает эпитет *καίσαρος*, которым обозначались рабы

¹⁷² См. Boulvert G. Op. cit., p. 79; Weaver P. R. C. *Familia Caesaris. A Social Study of the Emperor's Freedmen and Slaves*. Cambridge, 1972, p. 281.

¹⁷³ О времени составления документа см. Ранович А. «Гномон идиолога», с. 65—76; Taubenschlag R. *The Law...*, p. 27—28.

¹⁷⁴ Taubenschlag R. *The Law...*, p. 92.

императора, хотя, по мнению исследователей, низшие должности в финансовой имперской администрации и при Флавиях, и при Антонинах по-прежнему занимали «рабы Цезаря»¹⁷⁵. Можно предполагать, что они не только исполняли служебные обязанности, но и участвовали в каких-то частноправовых сделках. Однако в огромном количестве папирусов конца I в. и II—III вв. среди контрагентов частноправовых сделок не встречаются лица с эпитетом *καίσαρος*.

Это можно объяснить, с одной стороны, тем, что римская администрация переняла некоторые традиционные эллинистические формулы канцелярских документов, в частности обычай указывать в наименованиях официальных лиц лишь личное имя и должность (см. выше, стр. 193). С другой стороны, очевидно, произошли какие-то изменения в социальном значении термина *καίσαρος*. Местные жители видели в «рабах Цезаря» прежде всего чиновников, представителей имперской власти, безотносительно к их статусу, а для самих императорских рабов упоминание об их принадлежности к фамилии Цезаря, вероятно, уже не имело прежнего положительного (престижного) значения. Поэтому практически о наличии рабов императора в составе египетской администрации свидетельствуют преимущественно упоминания о рабах—викариях, исполняющих обязанности государственных служащих.

Так, в 138 г. в Фаюме Теофил, викарий Луцифера, раба Цезаря (*Θεόφιλος Λουκίφερου Καίσαρος οὐχάρσιος*), получил какие-то взносы от комограмматевса и старейшин комы Сокнопайунесос (BGU, 102). Здесь названы и викарий, и его владелец (или начальник?), в других случаях упоминаются лишь викарии¹⁷⁶. Например, в помесячном отчете *πράκτορες ἀρχυρίων* из Оксиринхского нома (р. Оху. 1436), датированном 153—156 гг., упомянут викарий (без указания имени), участвовавший наряду с практорами в сборе налогов; папирус из Оксиринха от 205 г. н. э. (р. Оху. 735) адресован Комарину, викарию эконома Цезаря, ведавшему снабжением одного из воинских подразделений. Возможно, рабами были экономы императора (*Καίσαρος οἰκονόμος*) Секунд (р. Tebt., 296 = W. Chr., 79, 123 г.), Метиох (W. Chr., 81, 197 г.) и Сатурнин (BGU, 156, 201 г.), во всех трех случаях речь идет о патримониальных доходах.

Не менее трудно выявить в папирусах II—III вв. отпущенников императора: с конца I в. их имена теряются среди имен александрийцев (и египтян?), получивших гражданство и родовое имя от того или иного императора, а специальное указание на статус *Σεβαστοῦ ἀπελευθέρως*, как это было принято в надписях того времени, в папирусах встречается очень редко. Между тем их роль в египетской администрации при всей ее специфике, по мнению исследователей, оста-

¹⁷⁵ Weaver P. R. C. Op. cit., p. 201—202.

¹⁷⁶ П. Вивер пишет (op. cit., p. 202), что, по эпиграфическим данным, употребление термина «викарий» в фамилии Цезаря так тесно связано с ограниченной категорией финансовых чиновников, что он сам по себе может иметь административное значение и быть техническим термином для обозначения заместителя или помощника этих чиновников-рабов.

валась весьма значительной, особенно в среднем ее звене, хотя при Флавиях и Антонинах в Египте, как и в других провинциях, возросло число и значение чиновников всаднического ранга. Так, Бульвер считает¹⁷⁷, что отпущенниками были адъютанты прокураторов (в папирусах этому латинскому названию соответствует *βοηθός τοῦ ἐπιτρόπου*) в ведомстве *οὐσιακή*¹⁷⁸, диспенсаторы, ведавшие снабжением расквартированных в Египте войск¹⁷⁹, табулярии в канцелярии прокуратора, ведавшего сбором налога на наследство¹⁸⁰. Правильность последнего предположения подтверждает папирус из Оксиринах от 237 г. (р. Оху. 1114), где декларацию о передаче наследства заверяет табулярий Ививилин Aug(usti) lib(er)tus).

Некоторые сведения об императорских отпущенниках в системе управления Египтом дают надписи, найденные как в самом Египте, так и за его пределами. В эдикте префекта Гнея Вергилия Капитона от 48 г. н. э., найденном в Большом Оазисе (CIG, 4956 = SB, 8248), упоминается отпущенник (?) императора Басилид, возглавлявший логоистерий в Александрии (*ὁ ἐπὶ τοῦ λογιστηρίου*). Очевидно, одной из высших должностей в египетской администрации, доступных отпущенникам в конце I и во II в., была должность прокуратора (*ἐπιτροπός*) фиска Александрии¹⁸¹. В конце I в. н. э. эту должность занимал отпущенник императора Пеан (CIL, XIV, 2932 = Dessau, 1569), в начале II в. — Т. Флавий Дельфик, бывший до этого табулярием в ведомстве *a rationibus* и прокуратором налога на наследство (Dessau, 1518). Отпущенник Траяна М. Ульпий Прокул достиг лишь должности табулярия фиска Александрии (AE, 1901, 171). Другой отпущенник Траяна, М. Ульпий Хресим, был эпитропом (прокуратором) рудника (или карьера?) Mons Claudiana по добыче порфира (IGR 1255—1256 = SB, 8324). Отпущенник Адриана П. Элий Гилар занимал должность прокуратора патримониальных доходов (*ad rationis patrimonii* — CIL, XIV, 2504). Во время правления Марка Аврелия отпущенник императора Фортунат был архитабулярием Египта и прокуратором фиска Александрии (IGR, I, 1103 = Dessau, 8846), Феликс — прокуратором *οὐσιακά* — частных земель, перешедших во владение императора (CIL, III, 53)¹⁸², Филет — прокуратором александрийского маяка (CIL, VI, 8582), а отпущенник, имя которого не сохранилось, — эпитропом хартера, т. е. монополии по производству папируса в Александрии (SB, 5636 = Dessau, 9470).

¹⁷⁷ Boulvert G. Op. cit., p. 288—289, 295.

¹⁷⁸ См. BGU, 1047, начало II в.

¹⁷⁹ См. р. Clermont-Ganneau, 3, II в. н.э. (Bataille A. P. Clermont-Ganneau 3—5. — JJP, VI, 1952, p. 187—188).

¹⁸⁰ См. р. Ross.-Georg. 26, 160 г.; BGU, 326, 191 г.

¹⁸¹ О дискуссии по поводу назначения этого учреждения см. Boulvert G. Op. cit., p. 231.

¹⁸² Позднее эту же должность занимал отпущенник, имя которого не сохранилось (CIL, X, 6000).

Начиная с конца II в. сохранились лишь несколько надписей императорских отпущенников, занимавших второстепенные должности в египетской администрации: отпущенник императора Флор занимал должность табулярия фиска Александрии по недоимкам (CIL, VI, 8573), неизвестный (имя не сохранилось) отпущенник был помощником (adjutor) табулярия фиска Александрии (CIL, VI, 5744), некий Серен — адьютором прокуратора Птолемея (IGR, I, 1310).

Таким образом, и в эпиграфических памятниках наблюдается та же тенденция: к началу III в. свидетельства об императорских отпущенниках становятся все более редкими, служебный ранг упоминаемых в надписях лиц понижается. И это, очевидно, объясняется не столько случайностью находок, сколько ходом исторического развития.

Социальная роль императорских рабов и отпущенников за три столетия римского господства в Египте не могла не измениться. В первые десятилетия после присоединения Египта к Риму фамилия Цезарей рассматривала эту страну прежде всего как источник обогащения и искала здесь возможность для продвижения по служебной лестнице. В своем предпринимательстве, спекуляциях и ростовщичестве рабы и отпущенники были настолько активны, что возникла необходимость ограничить некоторые их операции. В «Гномон идиос логос» предписывается: «Цезарианам не дозволяется приобретать имущество с аукциона» (§ 109), «викариям не дозволено приобретать недвижимость» (§ 110). К ним же в значительной мере относились § 70, в котором запрещалось должностным лицам совершать в номе, где они служат, сделки относительно земель, поступающих на аукцион и *ὑπόλογος*, а также § 105, запрещавший ростовщические операции, превышающие 12% годовых (т. е. 1 драхму на 1 мину в месяц)¹⁸³, и § 106, запрещавший менять деньги по курсу, выше установленного.

Но, приобретая земли или ремесленные мастерские, императорские рабы и отпущенники едва ли вносили существенные изменения в ранее существовавшие методы организации производства. Те немногие документы, которые содержат какие-то сведения об этом (BGU, 1118; W. Chr., 176; p. Ryl. 171), позволяют предполагать, что наиболее частой формой эксплуатации принадлежавших им земельных участков и мастерских была сдача в аренду местным жителям. И тем не менее рабы и отпущенники Цезарей сыграли значительную роль в романизации Египта и развитии рабовладельческих отношений.

Та часть императорской фамилии, которая оседала в Египте, вступая в браки внутри фамилии и с местными жителями, постепенно заполняла штат имперской администрации, вытесняя местных чиновников, и образовывала ядро романизированных слоев населения. Они привносили в жизнь египетского общества нормы морали и ча-

¹⁸³ В долговых обязательствах 14—13 гг. до н. э. (BGU, 1166 и 1177) предусматривается 2 драхмы на мину, т. е. 24% годовых, в BGU, 1175 (5 г. до н. э.) уже только 12%.

отношений, свойственные римлянам. Так, отношения, существовавшие внутри «фамилии Цезаря», возможно, способствовали развитию отпущенничества, появлению такой социальной категории, как викарии, распространению разного рода коллегий.

Но специфика социальных отношений, существовавших в Египте, также накладывала свой отпечаток на «фамилию Цезарей». Из рассмотренных выше документов создается впечатление, что значение «рабов Цезаря» в административной системе Египта падает уже в начале II в. н. э., они все более вытесняются отпущенниками. А к концу III в. и отпущенники уже играют скромную роль в аппарате. А так как процесс вытеснения шел сверху, т. е. и те и другие сначала перестают появляться на более высоких должностях, то, очевидно, рабы-чиновники выслуживались и выкупались, переходя на положение отпущенников, а отпущеннические должности постепенно переходили к их потомкам — римским гражданам.

* * *

Подводя итоги, вернемся к затронутому ранее вопросу о характере рабовладения в римском Египте и его роли в социально-экономической жизни.

Содержавшиеся в папирусах многочисленные упоминания о рабах неоднократно подвергались статистическому анализу в работах зарубежных ученых, при этом в основном сопоставлялось число свободных и число рабов в той или иной социальной группе, в отдельном поселении¹⁸⁴ либо в каком-то определенном типе документов (например апографе)¹⁸⁵. Такие сопоставления обычно дают весьма низкий процент рабов среди прочих категорий населения¹⁸⁶, и отсюда делаются широкие выводы о незначительной роли рабства в социально-экономической жизни Египта.

Такой подход к изучению рабства, как нам кажется, навязан методикой изучения социального состава капиталистического общества, где процентное соотношение рабочих и прочих категорий населения может служить показателем индустриализации, а следовательно, и степени развития общества. Но в условиях римского Египта, где господствовало мелкое индивидуальное производство и в сельском хозяйстве, и в ремесле (за исключением, может быть, Александрии), где обработка своего (или арендованного)

¹⁸⁴ См. например, *Geremek H.* Op. cit., p. 39—40.

¹⁸⁵ См. *Hombert M. et Préaux C.* Op. cit., 1952, p. 170—171. Анализируя документы, связанные с переписью населения в римском Египте, они подсчитали по данным апографе, что рабы составляли в среднем 11,3% всего населения (из 751 указанных в апографе лиц 85 были рабами), отдельно в городах — 13,7%, в комах — около 10%.

¹⁸⁶ Например, по мнению Уэстермана, рабы составляли от 1—2% до 7% населения в комах Фаюма (*SSGRA*, p. 120, п. 3), а в целом по Египту не более 10% по отношению ко всему свободному населению, включая александрийцев и римлян (*ibid.*, p. 88).

участка земли трудом своей семьи считалась нормой социально-экономической жизни комы, в этих условиях к изучению вопроса о численности рабов и значении рабского труда следует подходить с несколько иных позиций. Очевидно, для более правильного представления о роли рабства в Египте едва ли необходимо выяснение общего соотношения рабов и свободных в коме или в городе, важнее сопоставить число хозяйств, использующих труд рабов, с общим количеством хозяйств в той или иной коме (если это позволяют документы).

Рассматривая данные апографе о численности рабов, Омбер и Прео отмечают, что из 98 семей, состав которых можно установить достаточно четко, только 21 семья владела рабами, т. е. 20,1% ¹⁸⁷. Много это или мало? Чтобы как-то оценить эту цифру, вспомним о подходе В. И. Ленина к цифровому материалу при исследовании земско-статистических данных о разложении крестьянства и развитии капиталистических отношений в русской деревне в конце XIX в. В. И. Ленин пишет: «Численно крестьянская буржуазия составляет небольшое меньшинство всего крестьянства — вероятно, не более одной пятой доли дворов (что соответствует приблизительно трем десятым населения), причем это отношение сильно колеблется в разных местностях. Но по своему значению во всей совокупности крестьянского хозяйства — в общей сумме принадлежащих крестьянству средств производства, в общем количестве производимых крестьянством сельскохозяйственных продуктов — крестьянская буржуазия является безусловно преобладающей. Она — господин современной деревни» ¹⁸⁸.

Процентное соотношение дворов «крестьянской буржуазии», т. е. зажиточных крестьян, применявших в своих хозяйствах наемный труд, и общего числа крестьянских дворов в русской деревне было примерно таким же, каким в подсчетах Омбера и Прео оказывается соотношение семей, использовавших рабский труд, и общего числа семей. Но из случайного совпадения цифр еще не следует, что рабовладельческие семьи в Египте играли сходную роль в социально-экономической жизни страны.

Как видим, Ленин подчеркивает, что экономическая роль «крестьянской буржуазии» определялась не ее численностью, а количеством сосредоточенных в ее руках средств производства и производимых сельскохозяйственных продуктов. Очевидно, и для определения экономической роли рабовладельческих хозяйств необходимо в той мере, в какой позволяют источники, попытаться выяснить их долю в общей сумме средств производства и в общем количестве производимых продуктов, хотя бы в рамках той или иной комы (что требует специального исследования).

При определении роли рабства, вероятно, следует учитывать и хозяйства мелких рабовладельцев, где хозяева трудились вместе

¹⁸⁷ *Homber M. et Préaux C.* Op. cit., p. 170.

¹⁸⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 144—145.

со своими рабами, так как в условиях сравнительно развитых товарно-денежных отношений, свойственных египетской экономике I—II вв., совместный труд хозяина и раба нельзя считать признаком патриархальности отношений¹⁸⁹. Приведенный выше материал папирусов вполне это подтверждает: сдача рабов в аренду, в залог, практика *ἀποφορά* — все это говорит об отношении к рабу прежде всего как к материальной ценности, дающей доход. Поэтому, как кажется, можно говорить о проникновении рабства в мелкое производство и рассматривать это явление как одну из форм развитого античного рабства. Папирусы позволяют проследить и своеобразную эволюцию мелкого рабовладения: общее понижение уровня жизни мелких землевладельцев и ремесленников к началу III в. имело следствием распространение долевого рабовладения, отпущенничества и, по-видимому, сокращение числа мелких рабовладельцев.

Обширный конкретный фактический материал, который дают папирусы (даже с учетом их локальной ограниченности), очень важен для понимания трансформации рабовладельческих отношений в Римской империи в целом на протяжении I—III вв., и в частности для понимания трактовки рабства в юридических источниках этой эпохи. Настоящая работа представляет собой лишь краткий очерк развития рабства в римском Египте, в ней затронуты лишь некоторые основные, с нашей точки зрения, вопросы. Между тем важность, обилие, многосторонность и конкретность информации, сообщаемой папирусами, заслуживают более обстоятельного монографического исследования.

---

¹⁸⁹ Cp. BiežuŅiska-Małowist L. L'esclavage dans l'Égypte gréco-romaine, p. 81.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 УЗЛГУ — Ученые записки Ленинградского гос. ун-та
 AJPh — American Journal of Philology
Le Bas — Foucart — Inscriptions grecques et latines, t. II, par Ph. Le Bas — P. Foucart (s. d.)
 BCH — Bulletin de correspondance hellénique
 BGU — Berliner Griechische Urkunden (Ägyptische Urkunden aus den staatlichen Museen zu Berlin). Berlin
Bruns ⁵ — Fontes iuris romani antiqui, ed. 5. Ed. C. G. Bruns. Friburgi in Bresgavia, 1887
 Chr. Eg. — Chronique d'Égypte. Bulletin périodique de la Fondation égyptologique reine Elisabeth. Bruxelles
 CIG — Corpus Inscriptionum Graecarum
 CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum
 Cl. Phil. — Classical Philology
 Delt. Arch. — Δελτίον Ἀρχαιολογικόν
 DEP — Diccionario epígrafico papirologico
 Dessau — Inscriptiones latinae selectae, ed. H. Dessau. Berolini
 Eph. Arch. — Ἐφημερίς Ἀρχαιολογική
 Fontes — Fontes iuris romani antejustiniani, pt. III. Ed. V. Arangio-Ruiz. Florentiae, 1943
 IG — Inscriptiones Graecae
 IGRR — Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes
 IOSPE — Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini
Judeich. Al. Hierap. — *Judeich* W. Alterthümer Hierapolis. Berlin, 1902
 JHS — Journal of Hellenistic Studies
 JJP — Journal of Juristic Papyrology
 JQR — The Jewish Quarterly Review
 KP — *Keil J., Premerstein A.* Berichte über eine, zweite, dritte Reise in Lydien.—«Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien», T. 53 (2), 1908; T. 54 (2), 1911; T. 57 (1), 1911
Liddell — Scott — Jones — A Greek-English Lexicon. Oxford, 1961

- MAI — Mittheilungen des archaeologischen Instituts. Athenische Abteilung
- MAMA — Monumenta Asiae Minoris Antiqua
- Michel — *Michel Ch.* Recueil d'inscriptions grecques, fasc. IV, part 1—3. Bruxelles, 1898—1900
- Mit. Chr. — *Mitteis L., Wilcken U.* Grundzüge und Chrestomatie der Papyruskunde. Leipzig — Berlin, 1912
- OGIS — Orientis Graeci inscriptiones selectae
- PSI — Pubblicazioni della Società Italiana per la ricerca dei Papiri greci e latini in Egitto. Papiri greci et latini. Firenze
- RE — Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft
- REA — Revue des études anciennes
- RIDA — Revue internationale des droits de l'antiquité. Bruxelles
- RIJurGr, II—III — Recueil des inscriptions juridiques grecques par R. Dareste, B. Haussoullier, Th. Reinach, 2-me série, fasc. II—III. Paris, 1904.
- RCB — *Ramsay W. M.* The Cities and Bishoprics of Phrygia, v. I—II. Oxford, 1895—1896
- SB — Sammelbuch Griechischer Urkunden aus Ägypten. Strassburg — Berlin — Heidelberg — Wiesbaden
- SEG — Supplementum epigraphicum graecum
- SEHRE — *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1962.
- Syll. — *Dittenberger W.* Sylloge inscriptionum graecarum
- W. Chr. — см. Mit. Chr.

ПРЕДМЕТНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ *

агораномы 74
арендаторы 188

«басилевс» деревни 100

викарии 178, 200, 203, 204, 206
владельцы мастерских 75
вилики см. управляющие
возчики 172
врачи 75, 77, 80, 100
«временные рабы» 115
вскормленники (alumni, τρέφειμον) 14,
16, 20, 31, 45, 48, 51, 86, 110

гимнаснархи 74
глава финансового ведомства при импе-
раторах 203
гонцы 125
городские стражники 65
горшечники 81
гребцы 80

диспенсаторы 71, 193, 205
домашние рабы 69, 87, 89, 91—94, 101
домовладельцы 191
доморожденные рабы (verna, οἰχογενεῖς)
16, 28—32, 34, 35, 45, 48—50, 62,
70, 84, 85, 87, 92, 104, 105, 131—
133, 137—139, 143, 144, 149, 156,
173, 175—177, 183, 191

жрецы 197

земледельцы 11, 121, 180, 186
золотых дел мастера 80

императорские вольноотпущенники 74,
75, 104—107, 136, 177, 191—193,
196—206
императорские рабы 70, 71, 102, 104,
136, 178, 179, 192—197, 199, 200,
203, 204, 206, 207

каamelотрофы 181
каменщики 100
капитаны кораблей 11
каретчики 74
кондитеры 13
кормилицы 133, 134, 140—145, 159,
166, 176, 191, 194, 198
ктенотрофы 189
кузнецы 80

лаой 60, 106
либрарии 193

мастера по изготовлению плащей 81
медники 80, 100
менялы (трапезиты) 80, 195
моряки 80
мраморщики 80
музыканты 159, 162

наложницы 142
наместники 106
начальник всадников 71

общественные (городские) рабы 64—
66, 71, 83
ойкеты 21, 84, 92, 104, 136, 168—172
ойкономы см. управляющие
ординарии 203
откупщики 186

парамонарии 45—48, 50—57, 118, 146,
168
паройки 64
пастухи 121
пекари 81, 172
писцы 159, 162
плетельщики корзин 79
повара 13, 65, 162
погонщики мулов, ослов, быков 65,
154, 162, 172
поденщики 157, 164, 165, 168

* В указатель включены названия профессий и должностей рабов и вольноотпущенников и термины, относящиеся к статусу неполноправных лиц.

подсобные рабочие 159
помощники прокураторов 193, 205, 206
помощники табуляриев 206
посредники в деловых операциях 191
правитель Египта 203
прокураторы (эпитропы) 74, 104, 193, 205

«промышленные» рабы 9
простаты 71, 180, 197
протокометы 97

работники на ирригационных соору-
жениях 163, 164, 187
рабы-ветераны 109, 110
рабы-военнопленные 136
рабы-иноземцы, инородцы 14, 16, 32,
119, 120, 122, 124, 125, 147
рабы на пекулии 9, 10, 68
рабы, сданные в аренду, наем 159,
180, 191
ремесленники 81, 180, 186
ростовщики 9, 11, 186
руководители канцелярий 201
руководитель логистория в Алексан-
дрии 205

садовники 79, 81, 165
сборщики налогов 44
сборщики таможенных платежей 186
сельскохозяйственные рабочие 167
синагогевсы 197
слуги, служанки 13, 65, 121, 149,
167, 192
сорабы (conservi, συνζούλοι) 113, 179,
181
специалисты по выращиванию моллюс-
ков 80
сторожа деревьев 172
строители 121
субпрефект флота Александрии 203

табеллярий 103
табулярии 104, 193, 205, 206
ткачи 80, 81, 157, 159, 162, 163, 175,
187
торговцы 9, 11, 79, 80, 186, 187
трактаторы 203

управляющие (вилики, ойкономы) 9,
11, 74, 102—104, 107, 179, 193, 200,
204

управляющие владениями императора
195

факелоносцы 81
филархи 74

храмовые рабы 41, 112

цирюльники 65, 154, 157, 162

чесальщики шерсти 162

шорники 81

эпитереты (надзиратели) 186

alumni см. вскормленники
ἀνδράποδα 11, 14, 16, 39, 84, 106, 151
ἀπελεύθεροι (ἐπελεύθεροι, liberti) 12, 13,
19, 20, 28, 62, 73, 74, 104, 175
αὐτεξούσιοι 44
γραμματεὺς δημόσιος 65
δοῦλοι 11—13, 15, 18, 19, 21, 43, 64,
67, 68, 70, 71, 74, 78, 83, 84, 94—96,
102, 106, 107, 111, 112, 136, 176
ἐξελεύθεροι 40
θρέμμα, θρεμμάτια 72, 84, 86, 92, 96
θρεπτοί — 16, 19, 20, 29, 31, 32, 35,
51, 69—74, 77, 79, 83—92, 94, 96,
107
θρέψαντες 31, 49, 70, 85, 91
κοράσια 28—30, 32, 34—38, 40, 48—50
ὀπλοφύλακες 65
οὐέρνα εἰρηγάρχης 104
οὐέρνα ἱππεύς 72
οὐέρνα κανκελλάριος 104
οὐέρνα ταβελλάριος 70
παιδάρια 28—30, 35, 37, 38, 49, 134,
136, 168, 169, 171, 178
παιδίσκαи 84, 89, 136, 153
παιδοφύλακες 65
servi 62
συνγαινίς 92
συνεποικιανοί 92
συνεξελεύθεροι 101
σύντροφοι 86, 91, 96
σώματα (δουλικὰ σώματα) 30, 32, 48,
51, 66, 67, 83, 84, 106, 151—153
σώματα ἀνδρεῖα 29, 38, 40
σώματα γυναικεῖα 29, 32, 38, 40
verna см. доморожденные рабы

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>Л. П. Маринович</i>	
Рабство в провинции Ахайе	7
I. Сведения о рабах в Элладе (в литературных и эпиграфических источниках)	7
II. Манумиссии как источник по истории рабства	22
1. Отпускные акты из Дельф	22
2. Манумиссии из других городов Фокиды	39
3. Надписи об отпуске из Западной Локриды	42
4. Мантинейские манумиссии	43
5. Парамонэ	44
<i>Е. С. Голубцова</i>	
Формы рабства и зависимости в Малой Азии	58
I. Рабство и зависимость в городах	62
II. Формы зависимости сельского населения	83
1. Рабство	83
2. Вольноотпущенничество	96
<i>И. Ш. Шифман</i>	
Рабство в Сирии и Палестине	108
I. Рабовладельческие отношения в Сирии	108
II. Рабовладельческие отношения в Палестине	118
<i>А. И. Павловская</i>	
Рабство в римском Египте	129
I. Источники рабства	136
II. Использование рабов	156
III. Социально-правовое положение рабов	173
IV. Отпуск рабов на свободу. Положение вольноотпущенников	182
V. Императорские рабы и вольноотпущенники	192
Список сокращений	210
Предметно-терминологический указатель	212

*Людмила Петровна Маринович,
Елена Сергеевна Голубцова,
Илья Шолеймович Шифман,
Александра Ивановна Павловская*

**Рабство в восточных провинциях
Римской империи
в I—III вв.**

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР

Редактор издательства *Ф. Н. Арский*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Технический редактор *Р. М. Денисова*
Корректор *О. В. Лаврова*

Сдано в набор 10/VIII 1976 г.
Подписано к печати 10/XII 1976 г.
Формат 60×90^{1/8}. Бумага типографская № 1.
Усл. печ. л. 13,5. Уч.-изд. л. 15,6. Тираж 4400.
Т-22403. Тип. зак. 1125. Цена 1 р. 22 к.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
13	5 сн.	14—107	104—107
43	19 сн.	мантинейнки	мантинейнкой
77	5 св.	вольноотпущенникам	вольноотпущенницам
90	17 св.	κατὰ	καταγράφω
100	18 сн.	1 I	I
100	14 сн.	Теофилу, <i>Buresch</i> , 38;	Теофилу. <i>Buresch</i> , 38:
138	22 св.	всегда	иногда
141	6 св.	детей рабов	детей-рабов

Зак. 1125. Л. Маринович и др.

